

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

№ 6 (67) ИЮНЬ 2016

РОССИЙСКОГО ПРАВА

Ежемесячный научный журнал.
Издается как СМИ с 2006 г.

Председатель редакционного совета журнала

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права, первый проректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ.
Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Заместитель председателя редакционного совета журнала

ПЕТРУЧАК Лариса Анатольевна доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права, проректор по учебной и воспитательной работе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ.
Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Главный редактор журнала

СИТНИК Александр Александрович доцент кафедры финансового права, кандидат юридических наук Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Ответственный секретарь

САЛИЯ Марианна Романовна эксперт Отдела организации научно-издательской политики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Члены редакционного совета журнала

БЕЛОВА (ГАНЕВА) Габриела кандидат юридических наук, доцент, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: 2700, Болгария, г. Благоевград, ул. Ивана Михайлова, д. 66.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финансового права, ученый секретарь Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ.
Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ.
Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

ГАЗЬЕ Анн доктор права, доцент Университета Paris Quest Nanterre La Défense (Франция).
Почтовый адрес: 92001, Франция, г. Нантер, авеню Републик, д. 200.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич доктор права, ассессор права, главный научный сотрудник кафедры уголовного и, в частности, экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета (Германия).
Почтовый адрес: 14482, Германия, г. Потсдам, ул. Августа Бебеля, д. 89.

ДУБРОВИНА Елена Павловна кандидат юридических наук, член Центризбиркома России, заслуженный юрист РФ.
Почтовый адрес: 109012, Россия, г. Москва, Б. Черкасский пер., д. 9.

ЕРШОВА Инна Владимировна доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник юстиции России.
Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Курской области.
Почтовый адрес: 305000, Россия, г. Курск, ул. Радищева, д. 33.

КАШКИН Сергей Юрьевич доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

- КОКОТОВ Александр Николаевич** доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Почтовый адрес: 190000, Россия, г. Санкт-Петербург, Сенатская пл., д. 1.
- КОРНЕВ Аркадий Владимирович** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- МАРИНО Иван** кандидат юридических наук, доцент Государственного университета «Ориентале» (Неаполь), руководитель Центра мониторинга политико-правовой системы России, Итальянского представительства Фонда конституционных реформ. Почтовый адрес: 80121, Италия, г. Неаполь, виа Карло Поэрио, д. 15.
- МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заместитель председателя Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии РФ. Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос** доктор права, магистр философии, профессор Афинского университета, вице-ректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (IASL), специальный эксперт в области спортивного права в Европейском Союзе, награжден премией «Право: Человек года» (2009) Американским биографическим институтом (ИНК). Почтовый адрес: 10677, Греция, г. Афины, ул. Веранжероу, д. 4.
- РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна** доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа, заслуженный юрист РФ, почетный работник судебной системы. Почтовый адрес: 620075, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 32/27.
- РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна** доктор юридических наук, профессор заведующий кафедрой судебных экспертиз, директор Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), президент Ассоциации образовательных учреждений «Судебная экспертиза», академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- ХВАН Леонид Борисович** кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Ташкентского государственного юридического института. Почтовый адрес: 100000, Республика Узбекистан, г. Ташкент, Главпочтамт, а/я № 4553.
- ЧАННОВ Сергей Евгеньевич** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина. Почтовый адрес: 410031, Россия, г. Саратов, ул. Соборная, д. 23/25.
- ЧЕРНЫШЕВА Ольга Сергеевна** кандидат юридических наук, начальник отдела Секретариата Европейского Суда по правам человека. Почтовый адрес: 67075, Франция, г. Страсбург, Cedex, ЕСПЧ.
- ЧУЧАЕВ Александр Иванович** доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования РФ. Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
- ШАЛУМОВ Михаил Славович** доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Управления — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, судья Верховного Суда РФ (в отставке), член-корреспондент Международной академии психологических наук. Почтовый адрес: 121260, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 15.
- ЯСКЕРНЯ Ежи** доктор юридических наук, профессор, директор Института права, экономики и управления Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша). Почтовый адрес: 25369, Польша, г. Кельц, ул. Зеромского, д. 5.

Редакционная коллегия журнала

**КАШАНИНА
Татьяна
Васильевна** профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук, профессор.
Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

**КЛЕПИЦКИЙ
Иван
Анатольевич** профессор кафедры уголовного права, доктор юридических наук, профессор.
Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

**МИХАЙЛОВ
Сергей
Михайлович** доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства, кандидат
юридических наук, доцент.
Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

**ОСАВЕЛЮК
Алексей
Михайлович** профессор кафедры конституционного права, доктор юридических наук, профессор.
Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

**ПОДУЗОВА
Екатерина
Борисовна** старший преподаватель кафедры гражданского права, кандидат юридических наук.
Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

**СЕРГЕЕВ
Александр
Леонидович** доцент кафедры конституционного права, кандидат юридических наук.
Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

**СОКОЛОВА
Наталья
Александровна** начальник Управления организации научной деятельности, доктор юридических наук,
доцент.
Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

**СТУДЕНИКИНА
Марина
Семеновна** профессор кафедры административного права и процесса, кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник.
Почтовый адрес: 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Chairperson of the Board of Editors

**GRACHEVA
Elena
Yurievna** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Financial Law, First Vice-Rector of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Specialist in Science and Technology of the Russian Federation.
Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

Vice-Chairperson of the Board of Editors

**PETRUCHAK
Larisa
Anatolievna** Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of State and Law, Vice-Rector on Educational Work of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.
Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

Chief editor of the magazine

**SITNIK
Alexandr
Alexandrovich** Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Financial Law of the Kutafin Moscow State Law University.
Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

Executive Editor

**SALIYA
Marianna
Romanovna** Expert of the Department of Scientific and Publishing Policy of the Department of Scientific Work of the Kutafin Moscow State Law University.
Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

Members of the Board of Editors

**BELOVA-GANEVA
Gabriela** PhD in Law, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law and History of the South Western University named after the Neophyte Rilsky (Bulgaria)
Mailing address: 2700, Bulgaria, Blagoevgrad, ul. Ivana Mikhailova, d. 66.

**BOLTINOVA
Olga
Viktorovna** Doctor of Law, Professor, Vice-Chairperson of the Department of the Financial Law, Academic Secretary of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.
Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovo-Kudrinskaya, d. 9.

**CHANNOV
Sergey
Evgenievich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Service and Labor Law of the Povolzhsky Institute of Government named after P.A. Stolypin.
Mailing address: 410031, Russia, Saratov, Sobornaya ul., d. 23/25.

**CERNISHOVA
Olga
Sergeevna** PhD in Law, Head of Division at the Registry of the European Court of Human Rights.
Mailing address: European Court of Human Rights, 67075 Strasbourg Cedex, France.

**CHUCHAEV
Aleksandr
Ivanovich** Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.
Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

**DUBROVINA
Elena
Pavlovna** PhD in Law, Member of the Election Committee of Russia, Merited Lawyer of the Russian Federation.
Mailing address: 109012, Russia, Moscow, B. Cherkasskiy per., d. 9.

**ERSHOVA
Inna
Vladimirovna** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of the Entrepreneurial Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Justice of Russia.
Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.

**GAZIER
Anne** Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Quest Nanterre La Défense (France).
Mailing address: Université Paris Ouest Nanterre La Défense, 200 avenue de la République, 92001, Quest Nanterre, La Défense, France.

**GOLOVNENKOV
Pavel
Valerievich** Doctor of Law, Law Assessor, Chief Legal Researcher of the Department of Criminal and Economic Criminal Law of the Law Faculty of the University of Potsdam (Germany).
Mailing address: Universität Potsdam, Juristische Fakultät, August-Bebel-Str. 89, 14482 Potsdam, Deutschland.

- JASKIERNIA Jerzy** Prof. dr hab. Jan Kochnowski University, Kielce, Poland, Department of Management and Administration Director, Institute of Economy and Administration, Chair, Administration and Legal Sciences Division.
Mailing address:: Str. Żeromskiego 5, Kielce, Poland, 25369.
- KASHKIN Sergey Yurievich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University.
Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.
- KHVAN Leonid Borisovich** PhD in Law, Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the Tashkent State Legal Institute.
Mailing address: 100 000, Republic of Uzbekistan, Tashkent, Glavpochtamt, a/ya 4553.
- KOKOTOV Aleksandr Nikolaevich** Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.
Mailing address: 190000, Russia, St. Petersburg, Senatskaya pl., d. 1.
- KORNEV Arkadiy Vladimirovich** Doctor of Law, Professor, Vice-Chairman of the Department of Theory of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University.
Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.
- MARINO Ivan** PhD in Law, Associate Professor of the University «L'Orientale», Head of the Monitoring Center for the Political and Legal System of Russia, and of the Italian Representative Office of the Constitutional Reforms Foundation.
Mailing address: via Carlo Poerio, 15, 80121, Napoli, Italia.
- MATSKEVICH Igor Mikhailovich** Doctor of Law, Professor of the Department of Forensic Studies and Criminal Executive Law of the Kutafin Moscow State Law University, President of the Union of Criminalists and Criminologists, Merited Scientist of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Vice-chairman of Advisory Council of the Highest Certifying Commission of the Russian Federation.
Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.
- PANAGIOTOPOULOS Dimitrios** Professor of University of Athens, Attorney-at-Law Vice-Rector, University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL), awarded «Person of the Year in Law» (2009) from the American Biographical Institute (INC).
Mailing address: 4 Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.
- RESHETNIKOVA Irina Valentinova** Doctor of Law, Professor, Chairperson of the Arbitration Court of the Urals District, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.
Mailing address: 620075, Russia, Ekaterinburg, prosp. Lenina, d. 32/27.
- ROSSINSKAYA Elena Rafailovna** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Judicial Expertise of the Kutafin Moscow State Law University, President of the Association of Educational Institutions «Judicial Expertise», Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Merited Scientist of the Russian Federation.
Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.
- SHALUMOV Michail Slavovich** Doctor of Law, Professor, Deputy Head of Directorate — Chief of Branch of the Systematization of Legislation and Analysis of the Judicial Practice at Criminal procedure of the Directorate of the Systematization of Legislation and Analysis of the Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus), Corresponding member of the International Academy of Psychological Sciences.
Mailing address: 121260, Russia, Moscow, ul. Povarskaya, d. 15.
- VOSKOBITOVA Lidia Alekseevna** Doctor of Law, Professor, the Head of the Department of Criminal Procedural Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation.
Mailing address: 132995, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9.
- ZAKHAROV Vladimir Viktorovich** Doctor of Law, Professor, Chairman of Arbitration Court of Kursk Region.
Mailing address: 305000, Russia, Kursk, ul. Radischeva, d. 33.

Editorial Board

- KASHANINA
Tatyana
Vasilyevna** Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University, Professor.
- KLEPITSKIY
Ivan
Anatolyevich** Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University, Professor.
- MIKHAILOV
Sergey
Mikhailovich** Associate Professor of the Department of Civil and Administrative Process of the Kutafin Moscow State Law University, PhD in Law, Associate Professor.
- OSAVELYUK
Aleksey
Mikhailovich** Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University.
- PODUZOVA
Ekaterina
Borisovna** PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University.
- SERGEEV
Aleksandr
Leonidovich** PhD in Law Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University.
- SOKOLOVA
Natalya
Aleksandrovna** Doctor of Law, Associate Professor of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University, Associate Professor.
- STUDENIKINA
Marina
Semenovna** Professor of the Department of Administrative Law and Process of the Kutafin Moscow State Law University, PhD in Law, Senior Researcher.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮБИЛЕЙ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- Россинский С. Б.** *Кафедра уголовно-процессуального права ВЮЗИ—МЮИ—МГЮА—Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА): традиции и современность* 11

ТЕМА НОМЕРА «III МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ»

- Арзуманова Л. Л.** *Круглый стол по теме «Перспективы развития бакалавриата как уровня высшего юридического образования» на базе Научно-образовательной сессии Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)* 19
- Бюрюкова М. А., Ершова И. В., Тарасенко О. А.** *Обзор научного симпозиума «Предпринимательство и право. Немецкий язык как язык бизнес-общения (Unternehmen und Recht. Deutsch als Fachsprache im Geschäftsverkehr)»* 26
- Осавелюк А. М.** *Кафедра конституционного и муниципального права на X Международной научно-практической конференции (Кутафинских чтениях) «Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем»* 30
- Ильинская О. И., Теймуров Э. С.-оглы** *Об итогах научно-практической конференции «Будущее международного права»* 34
- Акатнова М. И.** *Обзор работы Международной научно-практической конференции «Международно-правовые ориентиры содействия занятости, достойному труду и социальному обеспечению»* 40
- Подузова Е. Б.** *Круглый стол «Реформа гражданского права: проблемы теории, законодательства и судебной практики». Обзор выступлений* 44
- Поспелов О. В.** *Научно-практическая конференция «Будущее адвокатуры в России. К 150-летию со дня рождения профессора Е. В. Васьяковского»: подведение итогов* 48
- Сладкова А. В.** *Административное судопроизводство в России: обзор выступлений на Международной научно-практической конференции (кафедра административного права и процесса)* 51
- Караськина М. С.** *Обзор Международной научно-практической конференции «Административное судопроизводство в России: проблемы и перспективы»* 56
- Суспицына Т. П.** *Подведение итогов работы круглого стола «Борьба с преступностью в эпоху глобальных противоречий» в рамках III Московского юридического форума* 61
- Арзуманова Л. Л.** *Подведение итогов научно-практической конференции «Основные тенденции развития российского финансового права»* 65
- Никоненко А. В.** *«Банковская система и рынок банковских услуг в новых экономических условиях»: подведение итогов работы круглого стола в рамках III Московского юридического форума* 69
- Шпаковский Ю. Г.** *Подведение итогов работы Международной научно-практической конференции «Современные проблемы стратегического планирования в сфере охраны окружающей среды и рационального природопользования»* 73

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Исаев И. А.** *Падение суверенитетов: обратная перспектива. Часть 3* 77

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

- Темираев А. В.** *Принцип территориальной целостности и право народов на самоопределение как принципы российского федерализма* 88

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

- Безруков А. В.** Конституционно-правовые поощрение и принуждение как средства обеспечения правопорядка в России 94
- Никитина А. В.** Судебное установление фактов, имеющих значение для применения конституционно-правовой ответственности 104
- Кондрашев А. А.** Избирательно-правовая ответственность в российском конституционном праве 112

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Савченко Е. А.** Правовые аспекты использования радиочастотного спектра 124

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Пономаренко И. В.** Исторический аспект становления и развития бюджетного федерализма в Российской Федерации. 133

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- Гринь Е. С., Гринь О. С.** Договорные формы коммерциализации результатов научной деятельности. 141

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

- Агаларова М. А.** Правовые коммуникации в науке гражданского процесса (на примере дел с участием иностранных лиц) 150

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

- Бекишиева С. Р., Курбанова А. М.** Проблемы совершенствования законодательства РФ о социальном обеспечении семей с детьми 157

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Янина И. Ю.** О правомерности регламентирования посредственного причинения в рамках главы 7 «Соучастие в преступлении» Уголовного кодекса Российской Федерации 165

АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ

- Гаврилов С. Н.** К вопросу о формировании когнитивной базы адвокатской корпорации 174

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

- Зинин А. М.** Некоторые особенности исследования внешнего облика человека в судопроизводстве. 184
- Нелюбин К. А.** Диагностика и устранение ошибок как элемент программы раскрытия и расследования убийств 189

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Шахназаров Б. А.** Отдельные терминологические вопросы международно-правового регулирования средств индивидуализации. 195
- Шугуров М. В.** Международно-правовые стандарты правового статуса научных работников 201

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Исаенко В. Н.** О некоторых вопросах использования материалов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании 211

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

- Владимирова Е. В.** Технология юридического проектирования как вид интерактивного обучения студентов иностранному языку. 218

CONTENTS

ANNIVERSARY OF KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY (MSAL)

- Rossinskiy S. B.** *The Department of Criminal Procedure of the AUCIL—MLI—MSAL—the Kutafin Moscow State Law University (MSAL): Traditions and Modernity* 11

COVER ARTICLE «III MOSCOW LEGAL FORUM»

- Arzumanova L. L.** *An Essay on the Results of the Round Table Conference on "Prospects for the Development of the Bachelor's Degree Program as a Level of Higher Legal Education" Organized on the Basis of the Scientific and Educational Session of The Kutafin Moscow State University (MSAL)* 19
- Biryukova M. A., Ershova I. V., Tarasenko O. A.** *Review of the Scientific Symposium "Business and Law. The German Language as the Language of Business Communication (Unternehmen und Recht. Deutsch als Fachsprache im Geschäftsverkehr)»* 26
- Osaveluk A. M.** *The Department of Constitutional and Municipal Law at the X International Research and Practice Conference (Kutafinskie Readings) "The Development of Russian Law: New Contexts and Ways of Resolving Problems"* 30
- Iljinskaya O. I., Teymurov E. S.** *The Results of the Research and Practice Conference "The Future of International Law"* 34
- Akatnova M. I.** *Review of the Work of the International Research and Practice Conference "International Legal Guidance to Promote Employment, Decent Work and Social Security"* . . . 40
- Poduzova E. B.** *The Round Table Conference "Civil Law Reform: Problems of the Theory, Civil Law Legislation and Jurisprudence": Review of Reports* 44
- Pospelov O. V.** *Research and Practice Conference "The Future of Advocacy in Russia Dedicated to the 150th Anniversary of Prof. I.V. Vaskovskiy": Summing up of the Results* 48
- Sladkova A. V.** *Administrative Court Procedure in Russia: Overview of Reports at The International Scientific and Practical Conference (Department of Administrative Law and Procedure)* 51
- Karaskina M. S.** *Review of the International Research and Practice Conference "Administrative Procedure in Russia: Problems and Perspectives»* 56
- Suspitsyna T. P.** *Summing-Up the Results of the Round Table Conference "Fight Against Crime in the Era of Global Contradictions" Held Within the Framework of The III Moscow Legal Forum* 61
- Azumanova L. L.** *Summing-Up the Results of the Research and Practice Conference "Key Tendencies in the Development of Russian Financial Law"* 65
- Nikonenko A. V.** *Banking System and the Market of Banking Services in the New Economic Environment: Summing-Up the Results of The Round Table Conference Within the Framework of The III Moscow Legal Forum* 69
- Shpakowskiy Yu. G.** *Summing-Up the Results of the International Research and Practice Conference "Modern Problems of Strategic Planning in The Area of Environmental Protection and Natural Resources Management"* 73

PAGES OF HISTORY

- Isaev I. A.** *The Fall of Sovereignties: Reverse Perspective. Part 3* 77

THEORY AND PHILOSOPHY OF LAW

- Temiraev A. V.** *The Principle of Territorial Integrity and the Right of Peoples to Self-Determination as the Principles of Russian Federalism* 88

STATE AUTHORITY AND MUNICIPAL GOVERNMENT

- Bezrukov A. V.** *Constitutional Law Encouragement and Compulsion as the Means Of Upholding Law and Order in Russia* 94
- Nikitina A. V.** *Judicial Establishment of the Facts Necessary to Implement Constitutional Responsibility* 104
- Kondrashev A. A.** *Electoral Responsibility under Russian Constitutional Law* 112

STATE GOVERNMENT AND ADMINISTRATIVE PROCESS

- Savchenko E. A.** *Legal Aspects of the Use of Radio Spectrum* 124

FINANCIAL LAW

- Ponomarenko I. V.** *The Historical Aspect of Formation and Development of Budgetary Federalism in the Russian Federation* 133

CIVIL LAW

- Grin O. S., Grin E. S.** *Contractual Forms of Commercialization of The Results of Scientific* 141

CIVIL AND ADMINISTRATIVE LITIGATION

- Agalarova M. A.** *Legal Communication in the Civil Proceedings Doctrine (Based on the Cases Involving Foreign Persons)* 150

LABOUR RELATIONS AND SOCIAL SECURITY

- Bekishieva S. R., Kurbanova A. M.** *Problems of Improvement of The Russian Legislation on Social Security for Families With Children* 157

CRIMINAL LAW

- Yanina I. Yu.** *On the Legality of Regulation of the Direct Harm Under Chapter 7 "Complicity in Crime" of The Criminal Code of the Russian Federation* 165

ADVOCACY AND NOTARIATE

- Gavrilov S. N.** *On the Formation of the Cognitive Framework of a Legal Corporation* 174

CRIMINALISTICS AND CRIMINOLOGY. FORENSIC ENQUIRY

- Zinin A. M.** *Some Features of a Persons' Appearance Examination in Court Procedure* 184
- Nelyubin K. A.** *Diagnostics and Elimination of Errors as Part of Murders Detection and Investigation* 189

INTERNATIONAL LAW

- Shakhnazarov B. A.** *Some Terminological Issues on International Legal Regulation of the Means of Individualization* 195
- Shugurov M. V.** *International Legal Standards for Legal Status of Academic Staff* 201

LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

- Isaenko V. N.** *On some issues of the usage of investigative activities in criminal procedure establishment of evidence* 211

LEGAL EDUCATION

- Vladimirova E. V.** *A Legal Project Technology as an Interactive Form of Teaching a Foreign Language* 218

**ЮБИЛЕЙ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЮРИДИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА
(МГЮА)**

С. Б. Россинский*

**Кафедра уголовно-процессуального права
ВЮЗИ—МЮИ—МГЮА—Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА):
традиции и современность**

***Аннотация.** В настоящей статье рассматриваются основные вехи становления и развития кафедры уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) как одного из ведущих научно-педагогических коллективов в области уголовного судопроизводства на территории России и всего постсоветского пространства. Проводится анализ всех научных и иных направлений работы кафедры, рассматриваются основные монографические и учебно-методические публикации членов кафедры и т.д.*

Автор приходит к выводу, что существующая на кафедре уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) научно-педагогическая школа, основанная на лучших академических традициях и сочетании глубоких теоретических знаний с практическим опытом, обладает всем необходимым потенциалом для проведения фундаментальных научных исследований и подготовки высококвалифицированных юристов для современной России.

***Ключевые слова:** кафедра уголовно-процессуального права, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), МГЮА, уголовно-процессуальное право, Уголовно-процессуальный кодекс, доказывание по уголовному делу, принятие решений в уголовном процессе, суд присяжных, Михаил Александрович Чельцов, Полина Абрамовна Лупинская.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.011-018

Кафедра уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) свою самостоятельную историю начала в 1949 г. — после разделения общей кафедры, осуществлявшей учебно-методиче-

скую и научно-исследовательскую работу по многим дисциплинам: судостроительству, уголовному процессу, криминалистике, бухгалтерскому учету, судебной статистике и т.д. Основателем кафедры справедливо считается один

© Россинский С. Б., 2016

* *Россинский Сергей Борисович*, доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

sbrossinskij@msal.ru

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

из выдающихся отечественных ученых-процессуалистов профессор Михаил Александрович Чельцов (Чельцов-Бебутов), который, оставив в том же 1949 г. заведование, работал профессором кафедры вплоть до 1965 г.

Первоначально кафедра уголовно-процессуального права была малочисленной, не имела своего помещения, специализированных аудиторий для занятий со студентами, материально-технических ресурсов. В первое время заседания кафедры нередко проводились в одной из комнат коммунальной квартиры, где проживал профессор М. А. Чельцов.

Тем не менее, несмотря на все организационные трудности, с первых дней своего существования кафедра включилась в активную работу по подготовке высококвалифицированных юристов, потребность в которых остро ощущалась в послевоенный период развития нашего государства. Многие студенты проявляли большой интерес к уголовно-процессуальному праву, так как уже работали в милиции, прокуратуре, суде и ощущали острую потребность в повышении своих знаний, умений и профессиональных навыков. Другие приступили к учебе, демобилизовавшись из рядов Советской Армии после Великой Отечественной войны; им только предстояло овладеть новой специальностью юриста.

С 1949 по 1962 г. кафедрой руководила доцент Татьяна Варфоломеевна Малькевич, которая впоследствии передала эстафету заведования одному из самых ярких представителей отечественной уголовно-процессуальной науки второй половины XX века — Полине Абрамовне Лупинской.

С перерывом в несколько лет, в связи с переводом на должность старшего научного сотрудника для написания докторской диссертации (с 1968 по 1974 год кафедру возглавлял профессор М. П. Шаламов), профессор П. А. Лупинская почти полвека заведовала кафедрой уголовно-процессуального права ВЮЗИ—МЮИ—МГЮА вплоть до своей безвременной кончины в 2010 г.

В настоящее время кафедру возглавляет известный ученый-процессуалист, ученица и соратница П. А. Лупинской профессор Л. А. Воскобитова.

За несколько десятков лет кафедра уголовно-процессуального права превратилась в сплоченный коллектив единомышленников,

движимых общими идеями развития национального уголовно-процессуального законодательства в духе построения в Российской Федерации правового государства, заботы об интересах человека как смысле и целях уголовно-процессуальной деятельности. На кафедре создана мощная научная школа, направленная на исследование наиболее значимых проблем уголовно-процессуального права, правотворческой деятельности, следственной и судебной практики. Кафедра уголовно-процессуального права ВЮЗИ—МЮИ—МГЮА—Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) всегда являлась и в настоящее время остается одной из лучших кафедр уголовно-процессуальной направленности среди высших учебных заведений РФ и всего постсоветского пространства.

Высокий научный потенциал кафедры определялся тем, что в ее состав всегда входили широко известные, яркие представители юридической науки, как правило имеющие за плечами богатый опыт следственной, прокурорской, адвокатской или судебной деятельности. В разные годы на кафедре работали такие ученые, как профессора С. П. Митричев (впоследствии долгие годы заведовавший кафедрой криминалистики), С. С. Остроумов (крупнейший специалист в области судебной статистики и бухгалтерского учета), А. П. Гуськова (ранее много лет проработавшая в судебной системе, а затем основавшая оренбургскую школу процессуалистов), доценты И. В. Тыричев, В. А. Давыдов, М. С. Дьяченко, В. И. Швецов, Т. М. Махова и многие другие. С жизнью кафедры тесно связаны научные биографии профессоров С. А. Шейфера, Л. Б. Алексеевой, В. А. Лазаревой и других ученых, составляющих цвет современной уголовно-процессуальной науки и основавших свои собственные процессуальные школы в других вузах и научных учреждениях.

Сегодня на кафедре работают профессора Л. А. Воскобитова, Ю. К. Орлов, Л. М. Володина, Л. Н. Масленникова, доценты С. В. Матвеев, С. А. Насонов, Т. Ю. Вилкова, Н. М. Кипнис, А. И. Паничева, С. Б. Россинский, Е. А. Рубинштейн, Л. И. Нека, Т. С. Дворянкина, старшие преподаватели С. А. Роговая, М. И. Воронин и другие. В последнее время в коллектив кафедры гармонично влились новые сотрудники: И. И. Шереметьев, Т. Е. Сушина, Е. К. Антонович, имеющие за плечами богатый опыт следственной и судебной практики.

При этом руководство кафедры проводит политику преемственности научно-педагогических кадров. В настоящее время на кафедре работают молодые специалисты: А. М. Панюкин, М. А. Хохряков, К. А. Таболана и другие недавние выпускники Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), имеющие уникальную возможность формировать и оттачивать свои научно-педагогические навыки под руководством опытных наставников.

Члены кафедры постоянно принимали и продолжают принимать участие в законотворческой деятельности. Так, еще в конце 1950-х годов прошлого века Т. В. Малькевич и П. А. Лупинская были включены в состав рабочей группы, созданной при Верховном Совете СССР для подготовки Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1958 г., впоследствии положенных в основу УПК РСФСР 1960 г. К работе над этими законопроектами привлекались и другие члены кафедры; наиболее проблемные вопросы обсуждались на заседаниях кафедры с участием иных ученых и практических работников. П. А. Лупинская и Л. Н. Масленникова являлись членами рабочей группы, созданной Комитетом по законодательству Государственной Думы РФ по подготовке нового УПК РФ, а после его принятия — членами рабочей группы по мониторингу введения в действие данного законодательного акта. П. А. Лупинская принимала участие также в подготовке проекта модельного УПК для государств — участников СНГ. Ю. К. Орлов участвовал в подготовке проекта закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» и т.д.

Члены кафедры (Л. А. Воскобитова, Ю. К. Орлов, Л. Н. Масленникова, Т. Ю. Вилкова, А. И. Паничева, С. Б. Россинский, С. В. Матвеев, Е. А. Рубинштейн и др.) постоянно принимают участие в заседаниях рабочих групп, создаваемых в целях формирования проектов постановлений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам применения уголовно-процессуаль-

ного законодательства, готовят правовые заключения, используемые в юрисдикционной практике Конституционного Суда РФ, активно участвуют в научно-консультативных органах Верховного Суда РФ, Генеральной прокуратуры РФ, Федеральной палаты адвокатов. Многие сотрудники кафедры успешно совмещают научно-педагогическую работу с адвокатской практикой, проводят занятия, в частности дают мастер-классы, по повышению квалификации адвокатов и других практикующих юристов.

Кафедра уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) гордится своим творческим наследием. На кафедре было написано несколько фундаментальных учебников по уголовному процессу. Первым следует назвать авторский учебник М. А. Чельцова «Уголовный процесс», вышедший в свет в 1948 г.¹ и переизданный в 1951 и 1962 гг.; учебник был переведен на несколько иностранных языков. В 1982 г. коллективом кафедры был подготовлен учебник «Советский уголовный процесс» под редакцией Л. М. Карнеевой, П. А. Лупинской, И. В. Тыричева². В 1992 г. вышел в свет еще один учебник по уголовному процессу под редакцией П. А. Лупинской и И. В. Тыричева³.

В 1993 г. в связи с кардинальными изменениями уголовно-процессуальной политики РФ и реформой процессуального законодательства члены кафедры подготовили новый учебник «Уголовно-процессуальное право» под редакцией П. А. Лупинской, признанный юридическим сообществом в качестве классического учебного издания по уголовному процессу. Учебник претерпел множество переизданий, обусловленных принятием нового УПК РФ и частыми изменениями, вносимыми в уголовно-процессуальное законодательство. Последнее на сегодняшний день издание учебника (под редакцией П. А. Лупинской, Л. А. Воскобитовой) увидело свет в 2013 г.⁴ В 2006 г. учебник получил диплом участника программы «300 лучших учебников для высшей школы в честь 300-летия Санкт-Петербурга».

¹ Чельцов М. А. Уголовный процесс. М. : Изд-во Минюста СССР, 1948.

² Советский уголовный процесс : учебник / под ред. Л. М. Карнеевой, П. А. Лупинской, И. В. Тыричева. М. : Юрид. лит., 1982.

³ Уголовный процесс : учебник / под ред. П. А. Лупинской, И. В. Тыричева. М. : Манускрипт, 1992.

⁴ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. 3-е изд. М. : Норма, 2013.

В последнее время членами кафедры также подготовлены другие учебные издания, в частности авторский учебник П. А. Лупинской «Уголовно-процессуальное право» для средних специальных учебных заведений (2005)⁵, авторский курс лекций С. Б. Россинского «Уголовный процесс России» (2007 и 2008)⁶, авторский учебник С. Б. Россинского «Уголовный процесс» для юридических вузов и факультетов (2009)⁷, учебники «Уголовный процесс» под редакцией Л. А. Воскобитовой (2013)⁸ и «Судоустройство и правоохранительные органы» под редакцией Ю. К. Орлова (2015)⁹ для студентов, обучающихся по программам бакалавриата. Широко признаны у преподавателей и студентов различных вузов подготовленные на кафедре с использованием интерактивных форм обучения практикумы по курсам «Судоустройство и правоохранительные органы» и «Уголовно-процессуальное право».

В 2015 г. членами кафедры был подготовлен двухтомный комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации под редакцией Л. А. Воскобитовой, рассчитанный главным образом на практических работников: судей, прокуроров, следователей, адвокатов — и основанный на сочетании доктринального толкования процессуального закона с правовыми позициями

Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека¹⁰.

Научные интересы кафедры уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) всегда были направлены на исследование самых актуальных и значимых проблем процессуальной науки и правоприменительной практики. В 1948 г. профессор М. А. Чельцов опубликовал фундаментальную монографию «Положение личности в уголовном процессе: происхождение и развитие розыскного процесса во Франции»¹¹, а в 1957 г. — работу «Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах»¹². Эти книги с уверенностью можно назвать классикой уголовно-процессуальной науки; с ними обязан ознакомиться любой аспирант и исследователь, начинающий свои творческие изыскания в области уголовного судопроизводства. Среди современных работ членов кафедры, посвященных общим вопросам уголовно-процессуального права, следует назвать монографические исследования Л. А. Воскобитовой «Сущностные характеристики судебной власти» (2003)¹³, «Теория уголовного процесса: состязательность» (в соавторстве, 2013)¹⁴, «Апелляция, кассация, надзор:

⁵ Лупинская П. А. Уголовно-процессуальное право : учебник для сред. спец. учеб. заведений. М. : Юристъ, 2005.

⁶ Россинский С. Б. Уголовный процесс России : курс лекций. М. : Эксмо, 2007 ; Россинский С. Б. Уголовный процесс России : курс лекций. 2-е изд. М. : Эксмо, 2008.

⁷ Россинский С. Б. Уголовный процесс : учебник для юрид. вузов и факультетов. М. : Эксмо, 2009.

⁸ Уголовный процесс : учебник для бакалавров / отв. ред. Л. А. Воскобитова. М. : Проспект, 2013.

⁹ Судоустройство и правоохранительные органы : учебник для бакалавров / отв. ред. Ю. К. Орлов. 2-е изд. М. : Проспект, 2016.

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Главы 1—32.1 : постатейный науч.-практ. комментарий / отв. ред. Л. А. Воскобитова. М. : Редакция Российской газеты, 2015 ; Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Главы 33—56 : постатейный науч.-практ. комментарий / отв. ред. Л. А. Воскобитова. М. : Редакция Российской газеты, 2015.

¹¹ Чельцов М. А. Положение личности в уголовном процессе : Происхождение и развитие розыскного процесса во Франции. М. : Изд-во Минюста СССР, 1948.

¹² Чельцов М. А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. М. : Госюриздат, 1957.

¹³ Воскобитова Л. А. Сущностные характеристики судебной власти. Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2003.

¹⁴ Теория уголовного процесса : Состязательность / под ред. Н. А. Колоколова. М. : Юрлитинформ, 2013.

новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения» (в соавторстве, 2015)¹⁵, «Аппарат власти следственной» (в соавторстве, 2015)¹⁶, Л. Н. Масленниковой «Методология познания публичного и частного (диспозитивного) начал в уголовном судопроизводстве» (2000)¹⁷, Л. М. Володиной «Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика» (2006)¹⁸, Т. С. Дворянкиной «Уважение чести и достоинства личности как нравственная основа судебного разбирательства» (2007 г.)¹⁹ и Т. Ю. Вилковой «Принципы уголовного судопроизводства: правовые основы, содержание, гарантии» (2015 г.)²⁰.

Особый интерес для членов кафедры всегда представляли проблемы доказывания и принятия решений в уголовном судопроизводстве. Родоначальником и основателем этого кафедрального научного направления следует признать профессора П. А. Лупинскую. Опубликовав две небольшие монографические работы: «Доказывание в советском уголовном процессе» (1966)²¹ и «Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве» (1972)²²,

Полина Абрамовна продолжала заниматься данной научной проблематикой до конца своей жизни. В 1976 г. вышла ее книга «Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы»²³, определившая новое актуальное направление в науке уголовно-процессуального права. А итогом многолетних творческих изысканий профессора П. А. Лупинской в этой области явилась фундаментальная монография «Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика», изданная в 2006 г.²⁴ и переизданная в 2010 г.²⁵, незадолго до смерти автора.

Проблемы доказывания нашли отражение и в монографических исследованиях профессора Ю. К. Орлова: «Основы теории доказательств в уголовном процессе» (2000)²⁶, «Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве» (2005)²⁷, «Проблемы теории доказательств в уголовном процессе» (2009)²⁸, «Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве» (2015)²⁹, доцента Н. М. Кипниса «Допустимость доказательств

¹⁵ Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения / под ред. Н. А. Колоколова. М. : Юрлитинформ, 2015.

¹⁶ Аппарат власти следственной / под ред. Н. А. Колоколова. М. : Юрлитинформ, 2015.

¹⁷ Масленникова Л. Н. Методология познания публичного и частного (диспозитивного) начал в уголовном судопроизводстве. М. : Академия управления МВД России, 2000.

¹⁸ Володина Л. М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М. : Юрист, 2006.

¹⁹ Дворянкина Т. С. Уважение чести и достоинства личности как нравственная основа судебного разбирательства. М. : Спутник+, 2007.

²⁰ Вилкова Т. Ю. Принципы уголовного судопроизводства: правовые основы, содержание, гарантии. М. : Юрлитинформ, 2015.

²¹ Лупинская П. А. Доказывание в советском уголовном процессе : учеб. пособие. М. : ВЮЗИ, 1966.

²² Лупинская П. А. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве. М. : ВЮЗИ, 1972.

²³ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М. : Юрид. лит., 1976.

²⁴ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М. : Юрист, 2006.

²⁵ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. 2-е изд. М. : Норма, 2010.

²⁶ Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: науч.-практ. пособие. М. : Проспект, 2000.

²⁷ Орлов Ю. К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М. : ИПК РФЦСЭ, 2005.

²⁸ Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М. : Юрист, 2009.

²⁹ Орлов Ю. К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. М. : Проспект, 2015.

в уголовном судопроизводстве» (1995)³⁰, доцента С. А. Насонова «Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность (в соавторстве, 2000)³¹ и доцента С. Б. Россинского «Результаты невербальных следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу» (2015)³², «Механизм формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве» (2015)³³. В настоящее время членами кафедры подготовлена и передана в издательство коллективная монография «Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве», посвященная памяти профессора П. А. Лупинской.

Среди других научных направлений кафедры уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) следует выделить проблемы становления и развития суда присяжных в России. В этой связи необходимо назвать монографии С. А. Насонова «Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория, практика» (2001)³⁴, «Вердикт присяжных заседателей» (в соавторстве, 2003)³⁵, «Напутственное слово председательствующего в суде присяжных» (2006)³⁶ и работу Т. Ю. Марковой «Постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями» (2010)³⁷.

Члены кафедры активно публикуются в ведущих юридических журналах, участвуют в работе диссертационных советов, выступают в качестве официальных оппонентов по защитах кандидатских и докторских диссертаций, рецензируют поступающие на кафедру материалы, осуществляют иные формы научной деятельности.

Со времени создания в ВЮЗИ аспирантуры (1960 г.) на кафедре уголовно-процессуального права было подготовлено несколько десятков кандидатов и докторов юридических наук, которые ведут преподавательскую деятельность в Университете и его филиалах, работают в других вузах и научных учреждениях, занимаются законотворческой и правоприменительной деятельностью.

В последнее время силами кафедры было подготовлено и проведено несколько крупных научно-практических конференций, семинаров, круглых столов. Члены кафедры постоянно принимают участие в научных мероприятиях, проводимых на базе других вузов, органов законодательной, исполнительной и судебной власти, прокуратуры, адвокатских палат. Кафедра уголовно-процессуального права поддерживает самые тесные контакты со своими коллегами-процессуалистами, работающими в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, Академии управления МВД России, Московском университете МВД России имени В. Я. Кикотя, Санкт-Петербургском государственном университете, Российском государственном университете правосудия, Уральском государственном юридическом университете, Томском государственном университете, Сибирском федеральном университете, Южном федеральном университете, Кубанском государственном университете и в других юридических вузах и на факультетах.

В последнее время на кафедре разрабатываются и активно внедряются в учебный процесс различные формы интерактивного и клинического обучения студентов. Профессор Л. А. Вос-

³⁰ Кипнис Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М. : Юристъ, 1995.

³¹ Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / под ред. В. А. Власихина. М. : Юристъ, 2000.

³² Россинский С. Б. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу. М. : Юрлитинформ, 2015.

³³ Россинский С. Б. Механизм формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве. М. : Проспект, 2015.

³⁴ Насонов С. А. Судебное следствие в суде присяжных: теория, законодательство, практика. М. : Р. Валент, 2001.

³⁵ Насонов С. А., Ярош С. М. Вердикт присяжных заседателей. М. : Р. Валент, 2003.

³⁶ Насонов С. А. Напутственное слово председательствующего в суде присяжных. М. : Р. Валент, 2006.

³⁷ Маркова Т. Ю. Постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями. М. : Юрлитинформ, 2010.

кобитова, стоявшая у истоков интерактивного и клинического обучения в системе юридического образования, и другие члены кафедры постоянно участвуют в соответствующих семинарах и конференциях в вузах России и стран СНГ. В 2004 г. силами кафедры была организована межвузовская научно-практическая конференция для преподавателей, посвященная интерактивным формам обучения. По итогам конференции вышел сборник «Использование интерактивных методов в преподавании юридических дисциплин» под редакцией Л. А. Воскобитовой (2006).

На кафедре организована научно-исследовательская работа студентов. При активном участии профессора Л. А. Воскобитовой, доцентов Т. С. Дворянкиной, Т. Ю. Вилковой, С. А. Насонова, С. Б. Россинского, старших преподавателей С. А. Роговой и И. И. Шере-

метьева было проведено несколько научных студенческих конференций. При кафедре функционирует студенческий научный кружок (руководитель — старший преподаватель А. М. Панокин). Для обсуждения актуальных проблем теории и практики уголовного судопроизводства приглашаются известные юристы — ученые и практики.

Сочетание глубоких теоретических знаний, практического опыта и педагогического мастерства позволяет членам кафедры осуществлять все виды учебно-методической работы на самом высоком уровне и готовить высококвалифицированных специалистов для современной России, способных самостоятельно ставить и решать правовые задачи, заниматься научной, правотворческой, правоприменительной, правоохранительной или правозащитной деятельностью.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Воскобитова Л. А.* Сущностные характеристики судебной власти. — Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2003.
2. *Лупинская П. А.* Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве. — М. : ВЮЗИ, 1972.
3. *Лупинская П. А.* Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. — 2-е изд. — М. : Норма, 2010.
4. *Лупинская П. А.* Уголовно-процессуальное право : учебник для средних специальных учебных заведений. — М. : Юристъ, 2005.
5. *Орлов Ю. К.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. — М. : Юристъ, 2009.
6. *Орлов Ю. К.* Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. — М. : ИПК РФЦСЭ, 2005.
7. *Россинский С. Б.* Уголовный процесс : учебник для юридических вузов и факультетов. — М. : Эксмо, 2009.
8. Советский уголовный процесс : учебник / под ред. Л. М. Карнеевой, П. А. Лупинской, И. В. Тыричева. — М. : Юрид. лит., 1982.
9. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. — 3-е изд. — М. : Норма, 2013.
10. *Чельцов М. А.* Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. — М. : Госюриздат, 1957.
11. *Чельцов М. А.* Положение личности в уголовном процессе: Происхождение и развитие розыскного процесса во Франции. — М. : Издательство Министерства юстиции СССР, 1948.
12. *Чельцов М. А.* Советский уголовный процесс. — М. : Госюриздат, 1962.

Материал поступил в редакцию 17 марта 2016 г.

**THE DEPARTMENT OF CRIMINAL PROCEDURE
OF THE AUCIL—MLI—MSAL — THE KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY (MSAL): TRADITIONS AND MODERNITY**

ROSSINSKIY Sergey Borisovich — Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Ph.D., Associate Professor.
SBROSSINSKIJ@msal.ru
123995, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

***Review.** This article discusses the major milestones in the formation and development of the Department of Criminal Procedural at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL) as one of the leading scientific and pedagogical teams in the sphere of criminal proceedings in the territory of Russia and the former Soviet Union. The paper analyses all scientific and other focus areas of the Department, considers the main monographic and educational publications of the Department members, etc.*

To sum up, the author concludes that the school of science and pedagogy that has been developed at the Department of Criminal Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL) and that is founded on the brightest academic traditions and the combination of thorough theoretical knowledge and practical experience has the potential to carry out fundamental scientific research and training of highly qualified lawyers for modern Russia.

Keywords: Department of Criminal Procedure, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), MSAL, Criminal Procedure Law, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, proving in a criminal case, making decisions in criminal proceedings, jury, Mikhail Aleksandrovich Cheltsov, Polina Abramovna Lupinskaya

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Voskobitova L. A. Sushhnostnye harakteristiki sudebnoj vlasti. — Stavropol' : Stavropol'servisshkola, 2003.
2. Lupinskaja P. A. Zakonnost' i obosnovannost' reshenij v ugovnom sudoproizvodstve. — M. : VJuZI, 1972.
3. Lupinskaja P. A. Reshenija v ugovnom sudoproizvodstve: teorija, zakonodatel'stvo i praktika. — 2-e izd. — M. : Norma, 2010.
4. Lupinskaja P. A. Ugolovno-processual'noe pravo : uchebnik dlja srednih special'nyh uchebnyh zavedenij. — M. : Jurist, 2005.
5. Orlov Ju. K. Problemy teorii dokazatel'stv v ugovnom processe. — M. : Jurist#, 2009.
6. Orlov Ju. K. Sudebnaja jekspertiza kak sredstvo dokazyvanija v ugovnom sudoproizvodstve. — M. : IPK RFCSJe, 2005.
7. Rossinskij S. B. Ugolovnyj process : uchebnik dlja juridicheskikh vuzov i fakul'tetov. — M. : Jeksmo, 2009.
8. Sovetskij ugolovnyj process : uchebnik / pod red. L. M. Karneevoj, P. A. Lupinskoj, I. V. Tyricheva. — M. : Jurid. lit., 1982.
9. Ugolovno-processual'noe pravo Rossijskoj Federacii : uchebnik / otv. red. P. A. Lupinskaja, L. A. Voskobitova. — 3-e izd. — M. : Norma, 2013.
10. Chel'cov M. A. Kurs sovetskogo ugolovno-processual'nogo prava. Ocherki po istorii suda i ugolovno processa v rabovladel'cheskih, feodal'nyh i burzhuaznyh gosudarstvah. — M. : Gosjurizdat, 1957.
11. Chel'cov M. A. Polozhenie lichnosti v ugovnom processe: Proishozhdenie i razvitie rozysknogo processa vo Francii. — M. : Izdatel'stvo Ministerstva justicii SSSR, 1948.
12. Chel'cov M. A. Sovetskij ugolovnyj process. — M. : Gosjurizdat, 1962.

ТЕМА НОМЕРА «III МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ»

Л. Л. Арзуманова*

Круглый стол по теме «Перспективы развития бакалавриата как уровня высшего юридического образования» на базе Научно-образовательной сессии Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

***Аннотация.** В статье приводится обзор круглого стола по теме «Перспективы развития бакалавриата как уровня высшего юридического образования», проведенного в рамках III Московского юридического форума и X Международной научно-практической конференции (Кутафинских чтений). В статье отражены основные тезисы докладов, освещены основные проблемы, возникающие в связи с переходом к уровневому образованию.*

***Ключевые слова:** бакалавриат, магистратура, уровневое образование, болонская система, федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования, компетенции.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.019-025

С 6 по 9 апреля 2016 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) проходила Научно-образовательная сессия, которая включала проведение научно-методической конференции «Юридическое образование в России: история и современность (к 85-летию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА))», в рамках которой 6 апреля 2016 г. состоялась встреча профессорско-преподавательского состава правовых вузов страны с видными представителями юридического сообщества. Модератором научно-практической конференции,

давшей старт трехдневному научно-методическому марафону, стала проректор по учебной и воспитательной работе, д. ю. н., профессор Л. А. Петручак.

С приветственными словами к участникам научно-образовательной сессии обратились ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор В. В. Блажеев; председатель Московской городской думы, к. ю. н. А. В. Шапошников; заместитель министра образования и науки РФ Е. А. Толстикова и первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

© Арзуманова Л. Л., 2016

* Арзуманова Лана Львовна, директор Юридического заочного института, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент
llarzmanova@msal.ru
123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

д. ю. н., профессор Е. Ю. Грачева Выступающие говорили о практической значимости проводимой научно-методической конференции, о важности выводов и предложений, которые будут сформулированы по итогам конференции и круглых столов в резолюциях участников, поскольку для правоприменительной практики, которая складывается в сфере высшего образования, огромное значение имеет позиция каждого преподавателя, знающего, как никто другой, проблемы юридического преподавания и пути их разрешения. Мероприятие может способствовать процессу сближения теории и практики, даст возможность практикующим юристам высказать свою точку зрения об учебном процессе в юридических вузах, мерах его совершенствования. Здесь важно услышать потребности социального заказа потенциального работодателя выпускника юридического вуза. Именно благодаря активному участию преподавателей и юристов-практиков возможно построение практико-ориентированного высшего юридического образования.

Следует подчеркнуть, что научно-методическая конференция уже не первый раз проводится в стенах нашего Университета, однако она впервые приобрела столь масштабный характер и проходила параллельно с Кутафинскими чтениями. В этот раз юридическое научное сообщество имело возможность поучаствовать в научно-методической конференции и организованных в ее рамках круглых столах по разным уровням образования, а также услышать об основных научных трендах на X Международной научно-практической конференции (Кутафинских чтениях).

В первой части конференции были заслушаны выступления представителей разных научных школ, которые говорили об истории зарождения и развития юридического образования в стенах вузов, о тенденциях образовательного процесса в рамках Болонской системы, отдельно освещались вопросы образования в аспирантуре, модернизации юридического образования с учетом социального заказа, а также процедуры общественной аккредитации как нового направления в повышении качества юридического образования.

Круг вопросов был столь широким, что вторая часть конференции прошла в формате панельной дискуссии, на которую были приглашены спикеры — представители разных

университетов, в частности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Ростовского государственного университета правосудия (РГУП), Южного федерального университета (ЮФУ), Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Уральского государственного юридического университета (УрГЮУ), Сибирского федерального университета (СФУ), Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Такая форма конференции позволила выступающим высказать свою личную позицию и позиции вузов, которые они представляли, а главное, ответить на вопросы, которые сейчас так остро стоят перед руководителями вузов, факультетов и преподавателями кафедр. Этот формат общения, с одной стороны, дал участникам панельной дискуссии возможность выявить основные тенденции в развитии сферы юридического образования, а с другой — поставил не менее важные вопросы, которые обсуждались уже на круглых столах во второй половине работы Научно-практической сессии.

На площадке Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) были проведены круглые столы по разным направлениям юридического образования:

- «Перспективы развития бакалавриата как уровня высшего юридического образования»;
- «Магистратура: современное понимание и применение»;
- «Современная аспирантура: традиции и перспективы».

В настоящем обзоре остановимся подробнее на аспектах, активно обсуждавшихся на круглом столе «Перспективы развития бакалавриата как уровня высшего юридического образования».

Участниками впервые проводимого круглого стола стали представители Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и его филиалов, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), МГУ имени М.В. Ломоносова, Северо-Кавказского федерального университета, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Российского нового университета (РосНОУ), а также представители зарубежных вузов — Каспийского университета (Республика Казахстан, г. Алматы) и Арцахского государственного университета (г. Степанакерт).

Модераторами круглого стола стали руководители двух институтов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) — директор Юридического заочного института, д. ю. н. Л. Л. Арзуманова и директор Института права, к. и. н. Е. Л. Глотова.

С приветственным словом к участникам круглого стола выступила проректор по учебной и воспитательной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д. ю. н. Л. А. Петручак, которая пожелала плодотворной работы всем преподавателям. В своем выступлении на пленарном заседании Лариса Анатольевна охарактеризовала задачи, стоящие перед юридическим образованием, среди которых:

- формирование конкурентно-способной научно-образовательной среды;
- ликвидация юридической подготовки в технических отраслевых вузах;
- формирование профессиональных юридических школ в опорных и ведущих университетах;
- формирование модели юридической подготовки с выделением профилей бакалавриата практико-ориентированной направленности;
- разработка и реализация сетевых образовательных программ;
- расширение интерактивных методов обучения;
- усиление интернациональных аспектов;
- расширение использования информационных технологий;
- индивидуализация обучения и увеличение объема самостоятельной работы студентов;
- повышение роли преподавателей с высоким научно-педагогическим потенциалом, способных выстраивать междисциплинарные курсы и осуществлять продуктивную профессиональную коммуникацию в сфере юридического образования.

Поставленные задачи стали для организаторов круглого стола ориентирами в обсуждении проблем.

Всего в работе круглого стола приняло участие более 50 человек. Поскольку доклады участников носили многоаспектный характер, модераторы предложили сгруппировать вопросы, которые будут обсуждаться препода-

вателями вузов, по направлениям заявленных тем, что позволило услышать разные точки зрения на одну и ту же проблему, сразу же обсудить многоаспектно вопрос и предложить выводы для окончательной резолюции круглого стола.

Первыми стали обсуждаться федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования по юриспруденции. Выступили:

- директор Центра по обеспечению деятельности УМО по юридическому образованию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заместитель председателя Правления АЮРО, к. ю. н. Н. Н. Мазаева на тему «ФГОС ВО по юриспруденции: что было, что есть, каковы перспективы»;
- директор Центра стратегического развития Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к. ю. н. Е. Н. Дорошенко на тему «Обучение навыкам практической работы юриста в образовательной программе бакалавриата»;
- заместитель начальника учебно-методического управления Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к. и. н. Т. Ю. Гоголева с докладом «Кафедра в условиях многоуровневой системы высшего юридического образования и ее роль в реализации компетентностной модели подготовки бакалавров».

Участники активно отреагировали на вопрос о компетенциях, которые должны быть сформированы у выпускников-бакалавров согласно приказу Минобрнауки РФ от 4 мая 2010 г. № 464 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация «бакалавр»)»¹. В своем выступлении на тему «Реализация инновационных педагогических технологий на примере проекта Российского нового университета МИПИ «Правовые волонтеры»» декан юридического факультета РосНОУ, к. п. н. А. А. Тыртышный особо подчеркнул профессиональные компетенции, формируемые у бакалавров в педагогической деятельности:

- способность преподавать правовые дисциплины на необходимом теоретическом и методическом уровне (ПК-17);

¹ Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 28.06.2010. № 26.

- способность управлять самостоятельной работой обучающихся (ПК-18);
- способность эффективно осуществлять правовое воспитание (ПК-19).

Участники круглого стола отметили, что формирование этих компетенций в рамках освоения образовательной программы, в частности отдельно взятой дисциплины, практически невозможно, поскольку данные компетенции могут проявиться лишь в ходе практической деятельности бакалавра. В этой связи Алексей Александрович предложил опыт своего вуза, когда студенты старших курсов осуществляют правовое просвещение школьников: читают лекции, проводят практические занятия. В 2013 г. в РосНОУ стартовал пилотный проект правовой интерактивной игры «Правовые волонтеры», направленный на формирование у бакалавров практико-ориентированного сознания и закрепление компетенций. Были привлечены практикующие юристы, представители некоммерческих организаций и средств массовой информации. Были разработаны кейсы, которые формируют у школьников правосознательное поведение, правовую культуру и особенно — воспитательные компетенции у студентов и профессорско-преподавательского состава вуза. Участники круглого стола поддержали выступление А. А. Тыртышного. Было отмечено, что понятие «компетенция» (от лат. *competere* — «соответствовать, подходить») означает способность применять знания, умения, успешно действовать на основе практического опыта при решении задач общего рода, также в определенной широкой области. Профессиональная компетенция, в свою очередь, рассматривается как способность успешно действовать на основе практического опыта, умения и знаний при решении профессиональных задач².

По словам Н. П. Симаевой, формирование профессиональных компетенций следует рассматривать как процесс воспитания личности, которая, во-первых, осваивает систему необходимых знаний, навыков, умений, во-вторых, овладевает опытом будущей профессиональной деятельности, осознавая свое место в социуме, и, в-третьих, способна к самоопределению, саморазвитию и творческой деятельности.

Модераторы круглого стола поддержали дискуссию по формированию компетенций. В своих докладах Л. Л. Арзуманова («Процесс формирования профессиональных компетенций как показатель качества образовательного процесса в бакалавриате») и Е. Л. Глотова («Формирование общекультурных компетенций у студентов-бакалавров в процессе обучения») пояснили, что в самом начале появления ФГОС ВО Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) стал флагманом в разработке рабочих учебных планов и образовательных программ для бакалавров в сфере юридического образования. И конечно же, при составлении программ дисциплин преподавательский состав кафедр столкнулся с проблемой, какие именно компетенции следует отображать в рабочих учебных программах и каков способ проверки формирования этих компетенций?

Анализируя общекультурные и профессиональные компетенции на первоначальном этапе их появления, можно было говорить о том, что буквально каждая из них соответствует любой дисциплине образовательной программы и может быть сформирована у бакалавра при приеме текущей аттестации. Однако в последующем преподаватели стали более избирательно подходить к выбору компетенций при составлении программ, поскольку перед ними стояла задача отражения компетенции в непосредственной профессиональной деятельности юриста.

С основным докладом на тему «Социальные проекты в юридическом образовании как форма педагогических инноваций» выступила заместитель директора по связям с государственными и местными органами власти Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к. и. н. Л. И. Антонова. Она рассказала о взаимодействии института с представительными органами власти в процессе направления студентов на практику. Особо отмечалось, что в регионе есть опыт трудоустройства выпускников в места прохождения практики. Людмила Ивановна подчеркнула, что «студенты не находятся в безвоздушном пространстве». Более того, практическая работа студента проводится и в рамках созданного Совета молодых юристов, в котором проходят занятия на правовую тематику.

² URL: <https://ru.wikipedia.org>.

В рамках следующей темы обсуждения стал опыт кафедр по подготовке бакалавров. В этой части активными участниками обсуждения стали:

- профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к. ю. н. М. С. Пашова (тема доклада: «Внеаудиторная и воспитательная работа преподавателя»);
- старший преподаватель кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к. ю. н. Е. Б. Подузова (тема доклада: «Реализация активных и интерактивных форм проведения занятий на современном этапе развития юридического образования»);
- заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д. ю. н. Н. Л. Лютов (тема доклада: «Опыт проведения спецкурсов в группах бакалавриата»);
- руководитель налоговой практики в России Linklaters, доцент кафедры финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к. ю. н. В. А. Мачехин (тема доклада: «Современные методы в образовательном процессе (на примере преподавания дисциплин кафедры финансового права)»);
- заведующий кафедрой уголовно-процессуального права и криминалистики Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к. ю. н. Ю. Е. Петухов (тема доклада: «Использование траектории самостоятельного изучения уголовного процесса как элемент системы формирования компетенций»);
- доцент кафедры административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к. ю. н. М. П. Петров (тема доклада: «Комплекс дисциплин административно-правовой направленности в структуре многоуровневой подготовки кадров для системы публичного управления»).

Никита Леонидович Лютов осветил в своем докладе формы самостоятельной работы бакалавров. При этом участники дискуссии согласились с тем, что в сегодняшних реалиях самостоятельная работа студента уже не может сводиться к изучению им дисциплины по учебнику — это формат, который предполагает совместное участие в работе как преподавателя, так и студента, когда преподаватель использует

различные формы организации самостоятельной работы, включая общение в онлайн-режиме, путем направления на почту студентов заданий практической направленности, т.е., по сути, преподаватель опосредованно осуществляет контроль в ходе выполнения студентами самостоятельной работы. В этой связи роль самостоятельной работы повышается в зависимости от формы обучения, т.к. по очно-заочной и заочной форме она занимает основную часть времени учебного процесса бакалавра.

В то же время Виктор Александрович Мачехин, говоря о современных методиках преподавания у бакалавров, отметил, что примером применения инновационных способов может стать вовлечение студентов в работу научных кафедральных кружков, студенческих конференций, где студенты могут выступать и в качестве помощников в организации этого процесса — в формировании проблематики мероприятия, в сборе тезисов, в обсуждении докладов. Ярким примером работы научного кружка, который возглавляет В. А. Мачехин, стала тема «Как написать научную статью?». По итогам обсуждения студенты ушли с пониманием того, как начать написание научной статьи, как правильно отразить противоположные позиции, существующие в науке и правоприменительной практике, и т.п. Виктор Александрович рассказал также, что в проведение международной конференции по налоговой тематике вовлечены студенты разных вузов, и формат этого мероприятия растет из года в год, поэтому бакалавры, не первый год участвующие в конференции и имеющие навыки подготовки статей, помогают в проверке и отборе статей участников конференции; кроме того, по результатам выступлений комиссия выбирает лучшего спикера-студента и следующей площадкой этого мероприятия становится тот вуз, где учится этот студент.

Резюмируя данную часть выступлений, участники круглого стола сошлись во мнении, что методик преподавания бесчисленное количество, главными здесь являются желание самого преподавателя приобретать новые навыки интерактивного обучения бакалавров и, безусловно, обмен опытом между профессорско-преподавательскими составами вузов.

Выступающие также согласились с позицией Михаила Петровича Петрова, который говорил о применении на текущей аттестации бакалав-

ров не традиционной схемы опроса по билету, а решения казусов. Такой метод ориентирован на возможность бакалавров применить полученные знания на практике, а также на проверку формирования у них профессиональных компетенций по дисциплине.

Доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказского федерального университета», к. ю. н. И. Ш. Галстян в докладе «Роль коммуникативных навыков преподавателя права в повышении качества юридического образования» отметила важность понимания того, какого бакалавра мы готовим в рамках социального заказа — академического бакалавра или бакалавра-практика? Ответив на этот вопрос, образовательное юридическое сообщество сможет понять, что именно требуется для подготовки новых кадров России, какие методики преподавания необходимо применять, какие компетенции мы будем формировать у бакалавров в ходе образовательного процесса.

Не менее интересным стал доклад участника из Казахстана — ассоциированного профессора Каспийского университета (Республика Казахстан, г. Алматы), доктора Ph.D, к. ю. н. А. Т. Шаукенова. В начале своего выступления на тему «Некоторые проблемы юридического образования в Казахстане: история и современность» докладчик заметил, что Казахстан, как и Российская Федерация, перешел на систему уровневого образования. Али Темрленович пояснил, что процесс обучения стал дорогостоящим и государство не может в полной мере обеспечить доступ к получению образования за счет средств бюджета. В этой связи на курсах формируются группы по 10 человек.

Участники круглого стола тоже привели примеры формирования групп в рамках профильной направленности в российских вузах и говорили о том, что и в наших вузах на некоторых формах обучения, в зависимости от профиля подготовки, набирается в группу небольшое количество студентов, причем многие вузы идут по пути открытия профиля только при наличии не менее 10 бакалавров на него.

Доклад А. Т. Шаукенова был интересен еще и тем, что в нем речь шла о формировании традиций юридического образования, приводились примеры некоторых архивных документов, которые свидетельствовали о том, что не всегда даже судьи в Казахстане в 1920—1930-е гг. об-

ладали юридическими знаниями в требуемом объеме. Выступление Али Темрленовича позволяет говорить о схожести подходов в образовательном процессе бакалавров с теми особенностями, которые присущи системам образования России и Казахстана.

Участники круглого стола выразили единое мнение о необходимости использования в обучении в бакалавриате такого приема, как обмен бакалаврами для стажировки в других вузах, включая обучение в зарубежных вузах. Вероятно, такое обучение будет носить курсовой характер, будет непродолжительным, что позволит приобрести дополнительные знания, применить навыки и использовать новые возможности.

И, конечно же, отдельный блок вопросов был посвящен организации практик. Основным стал доклад начальника Управления практико-ориентированного обучения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к. ю. н. М. В. Самсоновой — «Пути совершенствования организации практики в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА)». Вновь созданное Управление призвано решить вопросы прохождения практики бакалавров как в традиционном ее понимании — путем направления в органы государственной власти, коммерческие и некоммерческие организации, так и в рамках работы в юридической клинике, оказывая *pro bono* поддержку. А поскольку Университет является экспериментальной площадкой для проведения мониторинга ЕГЭ, законодательных инициатив и других мероприятий, студенты имеют уникальную возможность прохождения практики без отрыва от учебного процесса, т.е. практики, встроенной в учебный процесс, в передовых направлениях.

Подводя итоги круглого стола «Перспективы развития бакалавриата как уровня высшего юридического образования», его участники отметили, что отведенного времени для обсуждения насущных вопросов им не хватило, и выразили надежду, что проведение круглого стола по бакалавриату станет доброй традицией и одновременно площадкой для обсуждения проблем преподавания, особенно с учетом ожидаемых нововведений в законодательном регулировании образовательной сферы.

По результатам круглого стола все доклады участников и итоговая резолюция будут опубликованы в сборнике.

В рамках настоящего обзора акцентируем

внимание лишь на отдельные положения резолюции круглого стола:

«Отмечая высокий уровень состоявшегося обсуждения, учитывая информацию, обозначенную в докладах и презентациях, участники круглого стола “Перспективы развития бакалавриата как уровня высшего юридического образования” согласовали общую научную и практико-ориентированную позицию в понимании дальнейшего развития бакалавриата как уровня высшего юридического образования и подчеркивают необходимость внесения предложений по наиболее эффективной реализации основных положений дискуссии по следующим направлениям:

- продолжить работу по актуализации содержания программ бакалавриата по направлению подготовки “Юриспруденция”;
- провести дополнительный анализ востребованности выпускников юристов-бакалавров с целью выработки предложений по совершенствованию содержания образовательных программ разных уровней высшего образования;
- уделить внимание изучению природы ком-

петентного подхода в бакалавриате и проверке формирования отдельных компетенций у бакалавров по итогам текущей аттестации;

- развивать взаимодействие образовательных организаций высшего образования и школ в рамках правового просвещения;
- сформировать подходы инновационных методик практико-ориентированного обучения в бакалавриате;
- активизировать пути взаимодействия вузов с потенциальными работодателями путем их вовлечения в учебный процесс при подготовке отдельных курсов по бакалавриату, формировании компетенций бакалавра, тем самым реализуя социальный заказ;
- организовать проведение текущей аттестации бакалавров в форме решения казусов;
- провести анализ возможности совершенствования подготовки бакалавров в направлении усиления практической направленности на основе организации сетевого взаимодействия образовательных организаций, реализующих программы высшего образования».

Материал поступил в редакцию 10 апреля 2016 г.

AN ESSAY ON THE RESULTS OF THE ROUND TABLE CONFERENCE ON "PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE BACHELOR'S DEGREE PROGRAM AS A LEVEL OF HIGHER LEGAL EDUCATION" ORGANIZED ON THE BASIS OF THE SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL SESSION OF THE KUTAFIN MOSCOW STATE UNIVERSITY (MSAL)

ARZUMANOVA Lana Lvovna — Director of the Law Correspondence Institute, Professor of the Department of Financial Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Ph.D., Associate Professor.
llarzumanova@msal.ru
123995, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Review. *The article provides an overview of the roundtable discussion on the theme "Prospects of development of undergraduate level as a higher legal education", held as part of III Moscow Legal Forum and the X International Scientific and Practical Conference "Kutafin Readings." The article reflects the main points of reports, highlights the main problems arising from the transition to the level education.*

Keywords: *undergraduate, graduate, level education, the Bologna system, federal state educational standards of higher education, competence.*

М. А. Бюрюкова*,
И. В. Ершова**,
О. А. Тарасенко***

Обзор научного симпозиума «Предпринимательство и право. Немецкий язык как язык бизнес-общения (Unternehmen und Recht. Deutsch als Fachsprache im Geschäftsverkehr)»

Аннотация. В статье дается обзор научного симпозиума «Предпринимательство и право. Немецкий язык как язык бизнес-общения (Unternehmen und Recht. Deutsch als Fachsprache im Geschäftsverkehr)», прошедшего в рамках III Московского юридического форума и X Международной научно-практической конференции (Кутафинских чтений). В статье приводится информация о докладчиках и темах их выступлений.

Ключевые слова: симпозиум, предпринимательское право, проблемы предпринимательского права, немецкое корпоративное право, санация должников, слияние, поглощение.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.026-029

7 апреля 2016 года состоялся первый международный научный симпозиум «Предпринимательство и право. Немецкий язык как язык бизнес-общения», организованный кафедрами иностранных языков и предприни-

мательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Открывали симпозиум и приветствовали его участники: первый проректор, профессор,

© Бюрюкова М. А., Ершова И. В., Тарасенко О. А., 2016

* Бюрюкова Марина Анатольевна, кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) kinyaz@msal.ru

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

** Ершова Инна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

krikp@msal.ru

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

*** Тарасенко Ольга Александровна, доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

olga201175@gmail.com

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

д. ю. н. **Е. Ю. Грачёва**, начальник Управления международного сотрудничества, д. ю. н. **О. А. Шевченко**, заведующий кафедрой иностранных языков, к. культурологии, доцент **М. А. Бирюкова**, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права, д. ю. н., профессор **И. В. Ершова**.

На симпозиуме выступили именитые научные деятели в сфере юриспруденции, а также студенты Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Сибирского федерального университета и Свободного университета Берлина. Почетным гостем мероприятия стал советник посла Германии **Ян Хендрик Допхайде**, который выразил надежду, что данный симпозиум станет традиционным ежегодным мероприятием, способствующим укреплению международных отношений между Россией и Германией. Организаторы мероприятия тоже выразили надежду на дальнейшее плодотворное сотрудничество и укрепление российско-немецких отношений в академической среде, а также на повышение интереса к изучению немецкого языка как языка делового общения и языка науки.

Участники конференции с интересом выслушали выступления основных докладчиков:

1. **БРАЙГ Буркхард**, доктор права, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, торгового и корпоративного права, а также восточноевропейского права (российского права) Свободного университета Берлина, — «Гендерные квоты в немецком корпоративном праве в соответствии с законодательными изменениями 2015 года (Geschlechterquote im deutschen Gesellschaftsrecht nach den Gesetzesänderungen von 2015)».

2. **ВАСИЛЕВСКАЯ Людмила Юрьевна**, профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д. ю. н. — «Реформирование Гражданского кодекса РФ о юридических лицах: проблемы и противоречия (Reform des russischen Zivilgesetzbuches der Russischen Föderation (ZGB RF) über Juristische Personen: Probleme und Widersprüche)».

3. **ШИШМАРЕВА Татьяна Петровна**, к. ю. н., доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), — «Санация неплатежеспособных должников в России и Германии (Sanierung den insolventen Schuldern in Russland und Deutschland)».

4. **ФАЙЗУЛЛИН Руслан Вагизович**, старший преподаватель кафедры гражданского права Сибирского федерального университета, — «Процедура несостоятельности наследственной массы в России и Германии (Nachlaßinsolvenzverfahren in Russland und Deutschland)».

5. **ДУДИНА Екатерина Александровна**, юрист международной юридической фирмы Байтен Буркхардт, — «Ответственность руководителя в российском и немецком праве (Managerhaftung im russischen und deutschen Recht)».

6. **ТАРАСЕНКО Ольга Александровна**, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина, д. ю. н. — «Новая концепция санирования банков в России (инструмент Bail-In) (Das neue Konzept zur Sanierung von Banken in Russland (Das Bail-in Instrument))».

7. **ГАЛКОВА Екатерина Викторовна**, преподаватель кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к. ю. н. — «Залог акций в сравнительно-правовой перспективе (Verpfändung von Aktien in rechtsvergleichender Perspektive)».

8. **БАЛАШОВА Галина Валентиновна**, доцент кафедры иностранных языков Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к. ф. н. — «Маркетинг и предпринимательство (Marketing und Unternehmen)».

9. **ЗАЙЦЕВА Ольга Валерьевна**, преподаватель кафедры иностранных языков Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), **Филиппова Александра Валерьевна**, преподаватель кафедры иностранных языков Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), — «Архитектоника речи русских и немецких предпринимателей в гендерном и социолингвистическом аспекте (Die Redebesonderheiten der russischen und deutschen Unternehmer im Gender- und Sozialaspekt)».

10. **ФЕТИСОВА Ксения Владимировна**, юрисконсульт ОАО «Московский кредитный банк», — «Заверения и гарантии в сделках слияния и поглощения в праве России и Германии (Gewährleistungen und Garantien bei M&A Geschäften nach russischen und deutschen Recht)».

11. **ЕРШОВА Инна Владимировна**, проф., заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени

О.Е. Кутафина (МГЮА), д. ю. н. — «Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности (Selbstregulierung von Unternehmen (SRO))».

12. **БЮРЮКОВА Марина Анатольевна**, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к. культурологии, — «Практико-ориентированный немецкий язык как дополнительная компетенция в обучении будущих юристов (Berufsbezogenes Deutsch als Zusatzkompetenz im Jurastudium und als sichere Aufstiegschance im Berufsleben)».

В информационном обзоре трудно отразить все, о чем говорили выступавшие, и реакцию участников симпозиума. Докладчики оперировали обширной информацией, аргументировали и убеждали участников симпозиума. Участники и гости мероприятия проявили живой интерес ко всем освещавшимся темам и получили ответы на поставленные ими в ходе дискуссии вопросы.

Отличительная особенность состоявшегося симпозиума — предоставление возможности **апробации научных исследований студентов и магистрантов** Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Принимая во внимание состав участников симпозиума, необходимость презентации исследований на немецком языке, симпозиум стал отличной площадкой для обсуждения результатов проводимых исследований.

На встрече выступили с сообщениями:

1) **АППАКОВА Диана Александровна**, студентка 1-го курса Института магистратуры Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), — «Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью (ООО): немецкое и российское право (Der Ausschluss des Gesellschafters aus GmbH: deutsches und russisches Recht)»;

2) **БЕНИНА Маргарита Андреевна**, студентка 4-го курса Международно-правового института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), — «Создание предприятия в России (Unternehmensgründung in Russland)»;

3) **ТРУБАЧЕВА Анна Андреевна**, студентка 4-го курса Международно-правового института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), — «Предпринимательская деятельность в сфере кондитерских изделий (Die Unternehmertätigkeit auf dem Gebiet der Konditorei)»;

4) **ЛАТКОВА Анастасия Сергеевна**, студентка 4-го курса Международно-правового института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), — «Роль малых предприятий с ограниченной ответственностью в Германии (Die Rolle der Mini-GmbH in Deutschland)»;

5) **МИЛЯКОВА Анастасия Сергеевна**, студентка 4-го курса Международно-правового института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), — «Процедура банкротства в Германии (Insolvenzverfahren in Deutschland)»;

6) **ПОЛЯНСКАЯ Валерия Васильевна**, студентка 4-го курса Института права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), — «Реклама и предпринимательство (Werbung und Unternehmen)»;

7) **КАМАЛАН Владислав Михайлович**, студент 4-го курса Института современного прикладного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), — «Предпринимательские сети (Unternehmensnetzwerke)».

В завершение симпозиума М. А. Бирюкова подвела итоги. Она отметила, что значение мероприятия состоит прежде всего в том, что оно закладывает основы для российско-немецких юридических дискуссий в сфере предпринимательства и права; позволяет внести вклад в передачу научных знаний между двумя государствами; способствует популяризации немецкого языка как языка делового общения и науки.

Материал поступил в редакцию 10 апреля 2016 г.

REVIEW OF THE SCIENTIFIC SYMPOSIUM "BUSINESS AND LAW. THE GERMAN LANGUAGE AS THE LANGUAGE OF BUSINESS COMMUNICATION (UNTERNEHMEN UND RECHT. DEUTSCH ALS FACHSPRACHE IM GESCHÄFTSVERKEHR)

BIRYUKOVA Marina Anatoljevna — Ph.D. in cultural studies, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages at the Kutafin State Law University (MSAL)
kinyaz@msal.ru
123995, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

ERSHOVA Inna Vladimirovna — Professor, Ph.D. in Law, Head of the Department of Business and Corporate Law at the Kutafin State Law University (MSAL)
KPIKP@msal.local
123995, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

TARASENKO Olga Aleksandrovna — Ph.D. in Law, Professor of the Department of Business and Corporate Law at the Kutafin State Law University (MSAL)
olga201175@gmail.com
123995, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Review. *The article provides an overview of the scientific symposium "Business and Law. German as a language of business communication. (Unternehmen und Recht. Deutsch als Fachsprache im Geschäftsverkehr)", held as part of III Moscow Legal Forum and the X International Scientific and Practical Conference "Kutafin Readings." This article provides information about the speakers and topics of their presentations.*

Keywords: *Symposium, business law, business law issues, the German corporate law, financial rehabilitation of debtors, merger, acquisition.*

А. М. Осавелюк*

Кафедра конституционного и муниципального права на X Международной научно-практической конференции (Кутафинских чтениях) «Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем»

***Аннотация.** Приводится обзор круглых столов «Научное знание, законодательство и практика в учебном и процессе по конституционному и муниципальному праву: проблемы интеграции», «Конституционализация отраслей российского права: понятие, способы, пределы» и «Конституционно-правовое обеспечение энергетического суверенитета», проведенных в рамках III Московского юридического форума и X Международной научно-практической конференции (Кутафинских чтений).*

***Ключевые слова:** конституционное право, проблемы конституционного права, проблемы преподавания конституционного права, муниципальное право, юридическое образование, круглый стол.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.030-033

7–8 апреля 2016 г. в рамках III Московского юридического форума прошла уже давно ставшая традиционной X Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) «Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем». Кафедра конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) организовала три круглых стола: «Научное знание, законодательство и практика в учебном и процессе по конституционному и муниципальному праву: проблемы интеграции», «Конституционализация отраслей российского права: понятие, способы, пределы» и «Конституционно-правовое обеспечение энергетического суверенитета».

Заявленная тематика круглых столов отражает не только индивидуальные научные интересы ведущих профессоров кафедры, но и основные направления специализации кафедры в подготовке будущих юристов. Не секрет, что конституционное и муниципальное право заключает в себе мировоззренческое отражение правовой культуры общества, господствующие в обществе и признаваемые на уровне государственно-правовой политики конституционные ценности, без учета которых невозможна подготовка высококлассных юристов.

Именно эти проблемы стали основой широкого научного обсуждения на круглом столе **«Научное знание, законодательство и практика в учебном и процессе по конституцион-**

© Осавелюк А. М., 2016

* *Осавелюк Алексей Михайлович*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
osaveluk@mail.ru
123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ному и муниципальному праву: проблемы интеграции». В его работе приняли участие более 50 преподавателей и практических работников. Среди них профессора и доценты, ректоры и проректоры, заведующие кафедрами из различных городов России — Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Екатеринбурга, Пятигорска, Калининграда, Владивостока. Активное участие в обсуждении указанных проблем приняли ученые и практики из Республики Беларусь.

Модераторами круглого стола выступили профессор кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) С. В. Нарутто и заведующий кафедрой конституционного и муниципального права МГУ имени М.В.Ломоносова профессор С. А. Авакьян.

С приветственным словом к участникам круглого стола обратилась заместитель министра образования и науки Российской Федерации Л. М. Огородова, подчеркнув значение законодательства о науке и роль юристов в его совершенствовании.

Наибольший интерес вызвало выступление профессора С. А. Авакьяна о проблемах преподавания и организации научной работы в магистратуре. Не менее интересным был сопровождаемый презентацией доклад заведующего кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) В. В. Комаровой о практико-ориентированных элементах в юридическом образовании. Особое внимание в своем докладе она уделила подготовке различных видов практик бакалавров, специалистов и магистрантов.

Об опыте и о проблемах преподавания конституционного права в Белорусском государственном университете рассказал заведующий кафедрой конституционного права БГУ профессор Г. А. Василевич. Вопросам воспитания студентов в духе уважения конституционных ценностей было посвящено выступление профессора С. Н. Бабурина. Заместитель заведующего кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Г. Д. Садовникова сделала акцент на традициях и новациях кафедры в применении интерактивных методов в преподавании дисциплин конституционно-правового цикла. Декан юридического факультета, де-

путат Саратовской областной Думы профессор Г. Н. Комкова рассказала о научно-исследовательской работе в Саратовском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского. Интерес участников круглого стола вызвало выступление профессора кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Е. С. Шугриной о моделях практико-ориентированного преподавания муниципального права.

Участники круглого стола также обменялись мнениями и обсудили предложения по совершенствованию юридического образования, в том числе:

- 1) о необходимости подготовки разноуровневых учебников для бакалавров и магистрантов (базовый и продвинутый);
- 2) о целесообразности расширения опыта проведения совместных научных и практических публичных мероприятий профессорско-преподавательского состава и практических работников, подготовки совместных сборников, практикумов и иных видов учебной и научной литературы;
- 3) о необходимости при направлении студентов на практику поручать им выявление наиболее проблемных и востребованных в практике органов власти тематик для научных исследований;
- 4) о необходимости ускорения разработки профессиональных стандартов юристов с учетом их разноуровневого образования, инициирования привлечения преподавателей вузов к этой работе.

Заседание круглого стола «**Конституционализация отраслей российского права: понятие, способы, пределы**» проходило под руководством профессоров Г. Д. Садовниковой (МГЮА) и Г. А. Василевича (БГУ). В его работе участвовало 60 человек: помимо профессорско-преподавательского состава кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), других ведущих российских вузов, приехали известные ученые из университетов Франции, Белоруссии, Абхазии и Приднестровья.

С приветственным словом к участникам круглого стола обратились заведующий кафедрой, профессор В. В. Комарова и заслуженный деятель науки РФ, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, д. ю. н., профессор Б. С. Эбзеев.

С основным докладом на тему: «*Конституционализация российского права: сущность, пределы*» выступил профессор кафедры **В. В. Невинский**.

Из зарубежных гостей с докладами выступили:

Бодуэн Мари-Элизабет, доктор наук, доцент, заместитель декана юридического факультета Университета Оверни (ФРАНЦИЯ). *Тема ее доклада «Пределы конституционализации права»;*

Беше-Головко Карин, доктор публичного права, доцент, президент Comitas Gentium Frans-Russie. *Тема ее доклада «Влияние теории и практики в законотворчестве»;*

Г. А. Василевич, профессор, заведующий кафедрой конституционного права БГУ. *Тема его доклада «Смертная казнь в Республике Беларусь: конституционно-правовой аспект».*

С докладами от других вузов выступили:

Ж. И. Овсепян, зав. кафедрой государственного (конституционного) права юридического факультета ЮФУ, профессор (*тема: «Интернет-пространство как новая сфера правового регулирования: конституционно-правовые, международно-правовые проблемы научных исследований, законодательства и правоприменительной практики»;*)

Е. В. Гриценко, профессор кафедры государственного и административного права Санкт-Петербургского государственного университета (*тема: «Защита субъективных публичных прав средствами конституционного и административного судопроизводства»;*)

И. А. Кравец, зав. кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права Новосибирского национального исследовательского государственного университета, профессор (*тема: «Конституционализация правопорядка и герменевтический круг конституции (вопросы соотношения и взаимного влияния)»;*)

Н. В. Варламова, старший научный сотрудник Института государства и права РАН (*тема: «Принципы права как основа его конституционализации».*)

Г. С. Брусалинская, доцент Тираспольского филиала Московского института предпринимательства и права выступила с докладом: «Конституционное строительство в Приднестровской Молдавской Республике с момента основания до наших дней».

К. В. Карпенко, доцент кафедры конституционного права МГИМО (У) выступил с докладом: «Взаимовлияние международного и конституционного права».

Каждый доклад вызывал обсуждение, оживленные дискуссии.

Круглый стол «**Конституционно-правовое обеспечение энергетического суверенитета**» прошел под руководством заведующего кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) д. ю. н., профессора **В. В. Комаровой**, д. ю. н., профессора кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), директора Института современного прикладного права **Н. Б. Пастуховой**, к. ю. н., доцента кафедры правового регулирования ТЭК Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО (У) МИД России **А. И. Грищенко**.

Заседание круглого стола было ознаменовано презентацией учебного пособия «Конституционно-правовые основы энергетического права», опубликованного под редакцией профессора В. В. Комаровой. Редактор учебного пособия и руководитель авторского коллектива кратко охарактеризовала содержание и основные цели данной работы, подчеркнула актуальность проблем, затронутых в исследовании, а также новую трактовку конституционно-правовых подходов к формирующимся отраслям права в России.

С приветственным словом к участникам и гостям круглого стола обратился рецензент представленного учебного пособия **В. Д. Мельгунов**, к. ю. н., профессор РГУ нефти и газа имени И. М. Губкина, директор Института горного и энергетического права РГУ нефти и газа имени И. М. Губкина.

В рамках круглого стола с докладами выступили ведущие ученые в различных отраслях права, руководители энергетических компаний, представители бизнес-сообщества, органов государственной власти, адвокаты, юристы-практики: **Ю. В. Перминов**, директор по нормативно-правовой работе ОАО «СО ЕЭС»; **И. В. Максимов**, адвокат АК «Юридический центр адвоката Максимова»; **А. Каграманов**, управляющий партнер Law Range Partners Group, к. ю. н.; **И. Н. Сидоров**, старший юрист Wragge Lawrence Graham & Co, к. ю. н.; **И. А. Грищенко**, помощник первого заместителя руководителя

фракции «Единая Россия» **Ю. А. Липатова**, советник государственной гражданской службы РФ 3-го класса; **А. Н. Варламова**, д. ю. н., профессор кафедры коммерческого права и основ правоведения юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **А. Ф. Шарифуллина**, и. о. заведующего кафедрой РГУ нефти и газа имени И. М. Губкина, к. ю. н.; **Ю. Г. Шпаковский**,

д. ю. н., профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); **А. Л. Сергеев**, к. ю. н., доцент кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); **А. М. Будаев**, к. ю. н., доцент кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Материал поступил в редакцию 10 апреля 2016 г.

**THE DEPARTMENT OF CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW AT THE X INTERNATIONAL RESEARCH AND PRACTICE CONFERENCE (KUTAFINSKIE READINGS)
"THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN LAW: NEW CONTEXTS AND WAYS OF RESOLVING PROBLEMS"**

OSAVELUK Aleksey Mikhailovich — Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
osaveluk@mail.ru
123995, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Review. *The article provides an overview of the round table discussion titled "Scientific knowledge, legislation and practice in the learning process on the constitutional and municipal law: problems of integration", "Constitutionalization of branches of the Russian law: concept, methods, limits" and "Constitutional and legal support for energy sovereignty", held as part of III Moscow Legal Forum and the X International Scientific and Practical Conference "Kutafin Readings." This article provides information about the speakers and topics of their presentations.*

Keywords: *constitutional law, constitutional law issues, problems of teaching constitutional law, municipal law, legal education, a round table discussion*

О. И. Ильинская*,
Э. С.-оглы Теймуров**

Об итогах научно-практической конференции «Будущее международного права»

Аннотация. В обзоре приведены основные положения докладов, представленных ведущими юристами-международниками 8 апреля 2016 г. на научно-практической конференции «Будущее международного права» в рамках III Московского юридического форума (Кутафинских чтений). Тезисно изложены суть и пути решения освещенных участниками проблем эффективности международного права, введения санкций, имплементации государствами международных обязательств, нормотворчества международных судов, развития теоретических изысканий в области права международных организаций, борьбы с кибератаками, использования термина «интеграционное право» и др.

Ключевые слова: международное право, проблемы международного права, будущее международного права, кризис международного права, интеграционное право, дискуссия.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.034-039

8 апреля 2016 года в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в рамках III Московского юридического форума состоялась научно-практическая конференция «Будущее международного права». В работе конференции приняли участие как известные российские юристы-международники, так и молодые исследователи, представляющие различные вузы и научные организации нашей страны.

Открывая работу конференции, с приветственным словом ко всем собравшимся обратился **К. А. Бекашев**. В своем выступлении Камиль Абдулович затронул активно дискутируемый вопрос о так называемом кризисе между-

народного права. По его глубокому убеждению, кризиса международного права нет, а имеет место элементарное игнорирование его рядом западных государств. «...Налицо кризис отношений между странами и кризис отношения государств к международному праву», — с этими словами Д. А. Медведева нельзя не согласиться. К. А. Бекашев также выступил резко против предложения об исключении ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Аналогичным образом критике была подвергнута монография «The future of international law» (Joel P. Trachtman)¹, в которой отмечается кризис в таких отраслях международного права, как международное право прав

¹ Trachtman J. P. The Future of International Law. Cambridge University Press, 2013. 318 p.

© Ильинская О. И., Теймуров Э. С.-оглы, 2016

* Ильинская Ольга Игоревна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) kmp@msal.ru

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

** Теймуров Эльвин Сахават-оглы, преподаватель кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

esteymurov@gmail.com

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

человека, международное право окружающей среды, международное инвестиционное право и др., и в качестве решения проблем предлагается создать глобальное правительство.

После завершения вступительной части слово было передано заведующему кафедрой международного права РУДН, профессору, д. ю. н. **А. Х. Абашидзе**, представившему доклад на тему «Международное право нуждается не в модификации, а в выполнении государствами взятых на себя обязательств». По мнению докладчика, полемика о кризисе международного права свидетельствует не о слабости, а, наоборот, о силе международного права. В то же время можно говорить о подрыве сложившегося миропорядка, о чем свидетельствует, в частности, борьба за природные ресурсы и рынки сбыта, за установление контроля над важнейшими транспортными артериями и т.д. Не может не вызывать тревогу и ставшая обычным инструментом геополитики практика вмешательства одних государств во внутренние дела других. Среди современных проблем А. Х. Абашидзе указал и такие, как невыполнение решений конференции по климату, невступление в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г., нежелание государств выполнять принятую ГА ООН в 1974 г. Декларацию об установлении нового международного экономического порядка, использование некоторыми государствами международных организаций в своих утилитарных целях. А значит, нужно говорить не о слабости международного права, а о тех тенденциях, с которыми мы сталкиваемся.

Доклад на тему «Право международных организаций: проблемы и перспективы развития» представил заведующий кафедрой международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета, профессор, д. ю. н. **А. И. Абдуллин**. С сожалением было отмечено, что сегодня не проводятся докторальные исследования фундаментальных вопросов права международных организаций. Между тем значительный ресурс для своего развития имеет теория функционализма (функционалистский подход). Именно этот подход, как полагает А. И. Абдуллин, был бы уместен при рассмотрении проблемы привилегий и иммунитетов должностных лиц международных организаций, проблемы международных организаций и третьих лиц, и многих других. Были

затронуты и весьма популярные ныне концепции интеграционного права и права региональных интеграционных образований. Докладчик с удовлетворением констатировал, что многими исследователями наконец сделан правильный вывод о принадлежности всех таких групп норм именно к международному праву.

Заведующий кафедрой международного права юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова к. ю. н. **А. С. Исполинов** выступил с докладом на тему «Причины и пределы нормотворчества международных судов». Было отмечено, что имеет место фактическое признание государствами права международных судов на создание прецедента, однако официального признания прецедента в качестве источника международного права ожидать нельзя. А. С. Исполинов убежден, что судебное нормотворчество неизбежно и в какой-то мере даже необходимо. Международные суды, по его мнению, это своего рода агенты государств, именно они устраняют пробелы в международных договорах. Примечательно, что многие договоры характеризуются «сознательной двусмысленностью» (например, Договор о ЕАЭС), а это изначально закладывает риск того, что международные суды будут принимать решения, которые государствами не ожидаются. Как государства в подобных случаях могут реагировать? Конечно, у них есть право обратиться к предварительным механизмам контроля, среди которых возможность изменения юрисдикции суда и его финансирования, отзыва судей и даже ликвидации суда. Другая возможность — совместное толкование государствами международных договоров, на которых основана юрисдикция соответствующих судов. И, наконец, не исключены меры одностороннего контроля за нежелательным нормотворчеством международных судов. Они сводятся к возможности национальных судов поставить под сомнение правомерность нормотворчества международных судов, не ставя при этом под сомнение само решение. Таким образом, именно государства остаются ведущими игроками на международной арене.

Главный научный сотрудник сектора прав человека ИГП РАН, д. ю. н. **В. А. Карташкин** посвятил свой доклад теме «Права человека и международное право в XXI веке». Докладчик полагает, что сегодня мы наблюдаем не кризис международного права, а нежелание государств

договариваться по весьма широкому кругу вопросов, в числе которых и права человека. По мнению ученого, международное право прав человека активно развивается: если раньше государства обязаны были уважать права человека, то в настоящее время на них также возлагаются обязательства по пресечению нарушений прав человека, а также привлечению виновных лиц к ответственности. В. А. Карташкин особо подчеркнул недопустимость последующих отказов от исполнения невыгодных положений договоров по правам человека. Заключая договоры, государства в определенной степени ограничивают свой суверенитет и обязаны выполнять принятые на себя обязательства. Согласно позиции ученого, назрела необходимость принятия единой Хартии прав человека, которая учитывала бы весь накопленный опыт.

Далее В. А. Карташкин рассмотрел вопрос о деятельности международных органов, контролирующей выполнение государствами их обязательств по договорам в области прав человека. Была отмечена тенденция расширения органами пределов своей деятельности.

Далее с докладом на тему «Будущее права народов на самоопределение» выступил Чрезвычайный и Полномочный Посол (в отставке), к. ю. н., почетный профессор кафедры международного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Э. Л. Кузьмин**. Докладчик подчеркнул, что в настоящее время остро стоит проблема соотношения принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности государств. В доктрине на этот счет выработаны два диаметрально противоположных подхода. Изучив практику реализации права на самоопределение, Э. Л. Кузьмин обратил внимание на тот факт, что в одних случаях данное право удавалось реализовать мирным путем (выход в 1946 г. Исландии из Датско-Исландской унии), тогда как в других потребовалась многолетняя кровопролитная борьба (Южный Судан и Эритрея). По мнению Э. Л. Кузьмина, при реализации права на самоопределение необходимо учитывать «психический склад народа». В качестве приемлемой процедуры реализации данного права можно использовать порядок, предложенный в решении по делу Квебека. Для устранения проблем в дальнейшем целесообразно разработать комплексный обобщающий практику документ относительно права на самоопределение.

Доклад на тему «Будущее международного права — будущее цивилизации верховенства права» представил Чрезвычайный и Полномочный Посол (в отставке), профессор кафедры международного права МГИМО (У) МИД России, к. ю. н. **Е. Р. Воронин**. По его мнению, сегодня предпринимается попытка демонтажа существующего миропорядка. Е. Р. Воронин предложил участникам конференции сконцентрировать усилия на решении проблем суверенитета и участия в интеграционных объединениях, имплементации принятых международно-правовых норм, правового нигилизма в международных отношениях, обхода норм *jus cogens*, искоренения складывающейся системы «могу — значит, прав». Как полагает ученый, назрела необходимость созыва новой дипломатической конференции с участием всех стран (Гааги-3).

Далее на тему «Взаимодействие права ЕАЭС и права ВТО» выступила доцент кафедры международного права ВАВТ, к. ю. н. **Д. С. Боклан**. По ее мнению, право Евразийского экономического союза является новым правовым феноменом, вопрос о взаимодействии которого с правом ВТО имеет существенное значение ввиду того, что 4 из 5 участников ЕАЭС одновременно являются членами ВТО. Анализ положений Договора о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы 2011 г. позволил Д. С. Боклан сделать вывод о приоритете норм права ВТО над правом ЕАЭС. При этом Суд ЕвразЭС в решении от 24.06.2013 по делу о стальных кованых валках для прокатных станов отметил, что при отсутствии противоречия между нормами права ВТО и права ЕАЭС они должны применяться соответственно как *lex generalis* и *lex specialis*. Вместе с тем практика ОРС ВТО свидетельствует о том, что последний не признает нормы права ЕАЭС в качестве норм международного договора, а рассматривает их как меры, принятые государствами.

Профессор кафедры международного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д. ю. н. **Л. П. Ануфриева** представила вниманию собравшихся доклад на тему «Международное право: некоторые “проблемы роста”». Она подвергла критическому осмыслению концепцию интеграционного права: во-первых, в данном случае невозможно определить объект регулирования (это связано с тем, что существующие

интеграционные объединения весьма разные, в каждом из них могут быть свои принципы), а во-вторых, упомянутый термин дает возможность генерировать и иную терминологию того же рода (например, интеграционное правосудие и т.п.). Было подчеркнуто, что следует вести речь о «праве интеграционных объединений», «праве международной экономической интеграции», но никак не об «интеграционном праве». Также Л. П. Ануфриева обратила внимание на тот факт, что отечественная наука международного права предпочитает идти по отраслевому пути, в то время как западная исходит из того, что проблемами будущего, требующими осмысления, являются глобализация, технологии, демократия. В связи с наличием столь разных подходов возникает закономерный вопрос: «Что в современных условиях должно заставить науку международного права подумать о будущем?» По мнению докладчицы, к числу таких проблем относятся: право и интеграция, фрагментация, решения международных органов.

Далее слово было предоставлено профессору кафедры международного права РУДН, д. ю. н. **О. М. Мещеряковой**, выступившей с докладом на тему «Глобализация и развитие международного права». Докладчица обратила внимание аудитории на тот факт, что сегодня в мировой политике все более заметными акторами становятся интеграционные сообщества и военно-политические блоки. Что касается проблемы интеграции, то, как и предыдущая докладчица, Ольга Михайловна подчеркнула, что речь идет именно об экономической интеграции, подтверждением чему является, в частности, статья 3 Договора о функционировании Европейского Союза. Важно учитывать, что в основе любого интеграционного сообщества лежит международно-правовая основа, вследствие чего всегда есть возможность закрепления особенностей правового положения в таком сообществе того или иного государства. Все это свидетельствует о невозможности рассматривать интеграционное право в качестве некоего автономного правопорядка. Следовательно, оно является собой часть международного права.

С докладом на тему «Право международной безопасности в XXI веке: новые вызовы и угрозы» выступил ведущий научный сотрудник ИГП РАН, д. ю. н. **И. З. Фархутдинов**, который, в отличие от большинства участников конфе-

ренции, высказал позицию о наличии кризиса международного права: «Если в мире есть экономический кризис, политический кризис, повсюду ведутся военные действия, то есть и кризис международного права». Ученый отметил необходимость активной разработки права международной безопасности, которое сейчас рассматривается слишком узко. Своего осмысления требуют, например, концепции упреждающего удара и опережающего удара. По мнению И. З. Фархутдинова, использование термина «государство» в названии запрещенной в России террористической организации «Исламское государство» способствует рекрутированию в ее ряды представителей молодого поколения, вводя их зачастую в заблуждение.

Тема «Журнал как источник эмигрантской международно-правовой мысли» стала предметом доклада профессора кафедры международного права юридического факультета имени М. М. Сперанского РАНХиГС при Президенте РФ, д. ю. н. **Г. С. Стародубцева**. Докладчик рассказал о журналах, в которых содержались материалы по международному праву, принадлежащие перу юристов-международников, эмигрировавших из России после Великой Октябрьской Социалистической Революции 1917 г. Так, первым журналом, где начали публиковаться материалы по международному праву, стал журнал «Грядущая Россия», издававшийся в Париже. Именно в нем опубликовал свою статью о Лиге Наций Б. Э. Нольде. Примечателен тот факт, что журналы тех лет имели весьма широкий диапазон: в них одновременно публиковались и повести, и стихотворения, и статьи по международному праву, и рецензии и т.д. Другие журналы — «Современные записки» (издавался в Париже вплоть до июня 1940 г.), «Новый мир» (издается в Нью-Йорке и в настоящее время), «Право и хозяйство» и др. Г. С. Стародубцева подчеркнула, что обращение к таким журналам в процессе научных исследований необходимо, поскольку позволяет привнести в них элемент фундаментальности.

Заместитель заведующего кафедрой международного права РУДН, доцент, к. ю. н. **А. М. Солнцев** представил доклад на тему «Борьба с изменением климата в эпоху антропоцена (международно-правовые аспекты)». Докладчик обратил внимание на необходимость усиления контроля за правильной имплементацией уже существующих международных договоров.

Именно эта задача представляется наиболее актуальной в настоящее время, а отнюдь не разработка все новых и новых договоров. Было отмечено, что 22 апреля 2016 г. в Нью-Йорке будет открыто для подписания новое соглашение, направленное на борьбу с изменением климата. Характеризуя его, А. М. Солнцев обозначил такую черту этого соглашения, как нацеленность на будущее.

Доклад на тему «Совет Безопасности ООН в глобальном миропорядке» представила доцент кафедры международного права МГУ имени М.В.Ломоносова, к. ю. н. **С. В. Глотова**. Она обратила внимание на тот факт, что расширение полномочий Совета Безопасности явилось следствием глобальных вызовов и угроз. Речь идет о полномочиях квазинормативного характера. Следует признать, что Совет Безопасности внес весомый вклад в развитие международного антитеррористического права, международного права прав человека, международного гуманитарного права, международного уголовного права, международно-правовое регулирование разоружения. Что касается самих нормативных резолюций, то С. В. Глотова объединила их в несколько групп: резолюции, на основании которых были учреждены территориальные администрации (в Косово, Боснии, Восточном Тиморе); относительно учреждения специальных фондов для возмещения ущерба жертвам вооруженных конфликтов; резолюции, предусматривающие создание судебных органов, — Международного трибунала по бывшей Югославии, Международного трибунала по Руанде, Специального трибунала по Ливану; а также резолюции, регулирующие вопросы выдачи, вводящие санкции в отношении конкретных лиц, регламентирующие поведение негосударственных акторов. Докладчица отметила, что все такие резолюции являются результатом политико-правовых договоренностей между государствами. При этом весьма трудно определить, что в них имеет политический, а что — правовой характер.

Следующей выступила доцент кафедры международного публичного и частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», к. ю. н. **В. Н. Русинова**. Она представила доклад, посвященный кибератакам и международно-правовым аспектам борьбы с ними. Согласно позиции ученого, принципы международного гуманитарного права вполне могут применяться к кибератакам, но остаются четыре пробела:

- 1) как квалифицировать кибератаку, если ее уровень и интенсивность не доходят до признания в качестве использования силы;
- 2) туманным является содержание понятия «угроза применения силы»;
- 3) каким образом решать проблему присвоения ответственности, как быть в ситуации, когда кибератаки осуществляются на сеть;
- 4) можно ли применять положения о невооруженных конфликтах к кибератакам, когда они совершаются небольшой группой лиц.

Доцент кафедры международного и европейского права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, к. ю. н. **М. В. Кешнер** обратилась к проблеме применения санкций в международном праве. Актором санкционной практики является Совет Безопасности ООН, который уже 26 раз вводил санкции, при этом сегодня действует режим 15 санкций. К существующим проблемам введения санкций относятся:

- а) отсутствие четких критериев их введения;
- б) трудности при определении точного круга лиц, подпадающих под санкции;
- в) предотвращение обхода санкций;
- г) возмещение ущерба третьим государствам от санкций.

В заключении, подводя итоги работы конференции, К. А. Бекашев поблагодарил собравшихся за актуальные и содержательные доклады, активное участие в дискуссии и сделанные предложения по устранению проблем международного права и направлениям дальнейшего его развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Trachtman J. P.* The Future of International Law. — Cambridge University Press, 2013. — 318 p.

Материал поступил в редакцию 10 апреля 2016 г.

THE RESULTS OF THE RESEARCH AND PRACTICE CONFERENCE "THE FUTURE OF INTERNATIONAL LAW"

ILJINSKAYA Olga Igorevna — Ph.D. in Law, Senior Lecturer of the Department of International Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
kmpr@msal.ru
123995, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

TEYMUROV Elvin Sakhavatoglu — Lecturer of the Department of International Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
esteymurov@gmail.com
123995, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Review. *The survey provides for the main statements of the reports made by leading international law lawyers on April 8, 2016 at the Research and Practice Conference "The Future of International Law" within the framework of III International Legal Forum (Kutafinskie Readings). The survey briefly outlines the essence and the ways of resolving problems of international law efficiency addressed by the participants, namely: imposition of sanctions, implementation of international obligations by the states, rule-making by international courts, theoretical developments in the sphere of international organizations, fight against cyber attacks, application of the term "integration law", etc.*

Keywords: *international law, problems of international law, future of international law, crisis of international law, integration law, debate*

М. И. Акатнова*

Обзор работы Международной научно-практической конференции «Международно-правовые ориентиры содействия занятости, достойному труду и социальному обеспечению»

***Аннотация.** В обзоре международной научно-практической конференции «Международно-правовые ориентиры содействия занятости, достойному труду и социальному обеспечению», проведенной в рамках III Московского юридического форума и X Международной научно-практической конференции (Кутафинских чтений), приводится информация об участниках конференции, а также кратко освещены основные проблемы, обсуждавшиеся на конференции.*

***Ключевые слова:** трудовое право, проблемы трудового права, конференция, социальное партнерство, достойные условия труда, защита трудовых прав.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.040-043

В рамках III Московского юридического форума 7—8 апреля 2016 г. прошла международная научно-практическая конференция «Международно-правовые ориентиры содействия занятости, достойному труду и социальному обеспечению».

В работе конференции приняли участие более 100 специалистов из более чем 25 научных и учебных центров России и зарубежных стран. В конференции участвовали представители Государственной Думы РФ, Конституционного Суда РФ, иные представители судебной власти, представители профсоюзных объединений, Ассоциации юристов России, руководители и редакторы специализированных научных и научно-практических изданий в сфере правоповедения, научные и практические работники и т.д.

С приветственным словом к участникам конференции обратились заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д. ю. н. **Н. Л. Лютов**, руководитель научно-образовательного Центра международного сотрудничества в сфере труда и социального обеспечения (ПроМОТ) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), руководитель секретариата Счетной Палаты РФ, к. э. н. **Ю. В. Воронин**.

Работа конференции проходила в режиме пленарных заседаний.

Тематика выступлений обусловлена Концепцией достойного труда, сформулированной и обоснованной Международной организацией труда (МОТ) в 1999 году. Она базируется на реализации четырех главных стратегических

© Акатнова М. И., 2016

* *Акатнова Мария Игоревна*, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ktpso@msal.ru

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

целей: достойная оплата труда, достойные условия труда, защита работников с соблюдением баланса интересов работающих и работодателей, а также совершенствование систем социальной защиты. Доклады были выстроены таким образом, чтобы дать представление о современном состоянии проблем реализации достойного труда и социального обеспечения и возможных путях их решения.

Свои доклады на конференции представили около 40 участников, чьи выступления были посвящены таким вопросам, как общие ориентиры содействия достойному труду; социальное партнерство; роль профсоюзов в реализации концепции достойного труда; реализация права на достойное вознаграждение за труд, гарантии и компенсации; проблемы дифференциации в правовом регулировании труда как неотъемлемой части программы достойного труда; защита прав работников; содействие занятости; международно-правовые ориентиры содействия достойному социальному обеспечению.

В дискуссии по вопросам определения общих ориентиров содействия достойному труду приняли участие профессор-консультант кафедры трудового права АТиСО, д. ю. н., профессор **И. О. Снигирева**; проректор Академии труда и социальных отношений, д. э. н., профессор **А. Л. Сафонов**; заведующий кафедрой трудового права МГУ имени М.В.Ломоносова, д. ю. н., профессор **А. М. Куренной**; профессор Санкт-Петербургского государственного университета, д. ю. н. **Н. И. Дивеева**; заведующий кафедрой трудового права Уральского государственного юридического университета, д. ю. н., профессор **С. Ю. Головина**; заведующий сектором трудового права и права социального обеспечения Института государства и права РАН, д. ю. н., профессор **Г. С. Скачкова**; заведующий кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, д. ю. н., профессор **В. И. Миронов**; главный научный сотрудник Научно-исследовательского института труда и социального страхования Минтруда России, д. э. н., профессор **В. Д. Роик** и другие.

Роли социального партнерства в реализации приоритетных задач программы достойного труда были посвящены выступления заведующего кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета, академика Евро-

пейской академии науки, литературы и искусства (Сорбонна, Париж), д. ю. н., профессора **Т. А. Сошниковой**; заместителя руководителя Центра трудовых отношений и социального партнерства Академии труда и социальных отношений **С. Н. Татарниковой**; заведующего кафедрой трудового и социального права Пермского филиала РАНХиГС при Президенте РФ, к. ю. н., доцента **С. М. Кудрина** и других. По итогам дискуссии по данному вопросу участники пришли к выводу, что международный и национальный опыт, накопленный социальными партнерами, должен служить ориентиром для реализации Концепции достойного труда в нашей стране.

На конференции указывалось, что одним из значимых элементов достойного труда является право работников на достойную заработную плату. Об этом говорили заведующий кафедрой трудового права Саратовской государственной юридической академии, к. ю. н., доцент **В. А. Абалдуев**; доцент кафедры трудового права юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, д. ю. н., доцент **Г. В. Хныкин** и другие. Участники конференции отметили, что в настоящее время российским законодательством не восприняты международные ориентиры установления справедливой и достойной заработной платы.

Было уделено внимание проблемам дифференциации в правовом регулировании труда как неотъемлемой части программы достойного труда. С докладами, посвященными вопросам создания достойных условий труда и социального обеспечения отдельным категориям работников, выступили ведущий советник Департамента государственной службы и кадров МВД России **В. А. Орлова**; старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета **Т. И. Белоколодова**; начальник отдела документационного обеспечения ООО «Газпром межрегионгаз Краснодар» **С. В. Дудченко** и другие.

Одним из принципов достойного труда в настоящее время является создание эффективной системы защиты трудовых прав. Своё видение решения проблем предотвращения и урегулирования трудовых споров представили профессор РАНХиГС при Президенте РФ, д. э. н., доцент **А. В. Соловьев**; преподаватель

кафедры гражданского права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, к. ю. н. **Н. А. Князева**; преподаватель кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета, к. ю. н. **Е. М. Батухтина**.

Одной из стратегических целей Международной организации труда является создание возможностей для достойной занятости и дохода. Этот вопрос также нашел отражение в выступлениях участников конференции, в частности ведущего научного сотрудника Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, к. ю. н. **Л. В. Серегин**; профессора кафедры трудового права УрГЮУ, д. ю. н., профессора **Н. М. Саликовой**; начальника кафедры гражданского и трудового права Воронежского института ФСИН России, к. и. н., доцента **Е. С. Шукаевой**; руководителя Центра прогнозирования кадровых потребностей Союза директоров ссузов России, к. ю. н. **С. Е. Титор**. В ходе дискуссии был сделан вывод о том, что содействие занятости остается первоочередной задачей Правительства РФ и социальных партнеров.

Социальное обеспечение является мощным инструментом, который гарантирует стандарты прожиточного минимума, помогает бороться с причинами и последствиями бедности и способствует справедливому перераспределению доходов граждан. В обсуждении международно-правовых ориентиров содействия достойному социальному обеспечению приняли участие заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д. ю. н., профессор **Э. Г. Тучкова**; директор Департамента актуарных расчетов Пенсионного фонда РФ, д. э. н.

А. К. Соловьев; Советник Конституционного Суда РФ, д. ю. н., профессор **М. Ю. Федорова**; советник Управления конституционных основ трудового законодательства и социальной защиты Конституционного Суда РФ, к. ю. н., доцент **Н. В. Антипова**; старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин СКФ Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар) **И. В. Карданова** и другие. Выступающие отметили, что международно-правовые стандарты социального обеспечения до сих пор в полной мере не нашли отражения в российском законодательстве, что, в свою очередь, не позволяет создать на их основе эффективную систему социального обеспечения и гарантировать гражданам достойное социальное обеспечение.

Научные сообщения участников конференции являются хорошей базой для дальнейших научных исследований. Были представлены заслуживающие внимания предложения и рекомендации по реализации международных норм, которые будут способствовать совершенствованию российской нормативной базы в области трудового права и права социального обеспечения.

Подводя итоги, руководитель организационного комитета конференции, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Н. Л. Лютов** сердечно поблагодарил всех участников за интересные выступления, плодотворную дискуссию и пригласил на Международную научно-практическую конференцию «Трудовое право, право социального обеспечения и рыночная экономика: проблемы взаимодействия» (Вторые Гусовские чтения), которая пройдет в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) 29 июня — 1 июля 2016 года.

Материал поступил в редакцию 10 апреля 2016 г.

REVIEW OF THE WORK OF THE INTERNATIONAL RESEARCH AND PRACTICE CONFERENCE "INTERNATIONAL LEGAL GUIDANCE TO PROMOTE EMPLOYMENT, DECENT WORK AND SOCIAL SECURITY"

AKATNOVA Mariya Igorevna — Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Labor Law and Social Security Law
ktpso@msal.ru
123995, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Review. *The article provides an overview of the international scientific and practical conference "International legal guidelines on assistance for employment, decent work and social security", held as part of III Moscow Legal Forum and the X International Scientific and Practical Conference "Kutafin Readings." The article provides information on the conference participants, as well as briefly highlights the main issues discussed at the conference.*

Keywords: *labor law, labor law issues, the conference, social partnership, decent working conditions, protection of labor rights.*

Е. Б. Подузова*

Круглый стол «Реформа гражданского права: проблемы теории, законодательства и судебной практики». Обзор выступлений

Аннотация. В статье представлены основные положения реформы гражданского права и законодательства Российской Федерации как центральной темы круглого стола «Реформа гражданского права: проблемы теории, законодательства и судебной практики», состоявшегося 8 апреля 2016 г. в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в рамках III Московского юридического форума.

С момента внесения изменений в обязательственное право России прошло несколько лет. За этот период была разработана цивилистическая доктрина и правоприменительная практика по ряду дискуссионных вопросов.

В статье рассмотрены основные аспекты выступлений, посвященных теоретическим и практическим проблемам гражданско-правовой реформы, в частности проблемам, связанным с принципами гражданского права, новым видом банковского счета — эскроу, предлагаемыми конструкциями в наследственном и вещном праве, признанием сделок недействительными, источниками гражданского права, способами защиты гражданских прав.

Ключевые слова: реформа гражданского права, судебная практика, обязательственное право, счет эскроу, вещное право, наследственное право, соседское право, право интеллектуальной собственности, недействительные сделки, источники гражданского права.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.044-047

В настоящее время активно ведется деятельность по реформированию гражданского права Российской Федерации. Основные направления совершенствования современного гражданского законодательства, заложенные в Концепции развития гражданского законо-

дательства РФ¹, получили развитие в Проекте федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации»², ставшем базой для ряда

¹ Концепция развития гражданского законодательства РФ. Одобрена решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г. // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

² Проект федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Разработан Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. Опубликован 7 февраля 2012 г. на сайте Российской газеты // СПС «КонсультантПлюс: Законопроекты».

© Подузова Е. Б., 2016

* Подузова Екатерина Борисовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) ekaterinak7785@yandex.ru
123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

федеральных законов о внесении изменений в отдельные главы Гражданского кодекса РФ, в частности для Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³, а также для Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»⁴.

С момента внесения концептуальных изменений в обязательственное право России прошло несколько лет. За этот период был выработан и обобщен определенный объем правоприменительной практики (например, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»), в научных трудах и публикациях представлены цивилистические проблемы реформирования современного гражданского законодательства.

На дискуссионных вопросах и проблемах реформы гражданского права и был сделан акцент всех выступлений и обсуждений круглого стола «Реформа гражданского права: проблемы теории, законодательства и судебной практики», состоявшегося 8 апреля 2016 года. Руководитель мероприятия — **В. Л. Слесарев**, заведующий кафедрой гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор. Заместители руководителя мероприятия: **Е. Е. Богданова**, профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, доцент; **Л. Ю. Василевская**, профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, профессор; **В. В. Долинская**, профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, профессор; **М. Н. Малеина**, профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, профессор; **Т. В. Сойфер**, профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, доцент. Модераторами круглого стола выступили доктор юридических наук, профессор **Е. Е. Богданова** и доктор юридических наук, профессор **В. В. Долинская**.

Заседание круглого стола открыл доктор юридических наук, профессор **В. Л. Слесарев**. В своем выступлении он обратил внимание присутствующих на основные этапы и аспекты процесса реформирования гражданского права, а также на значение и роль судебной практики для развития и совершенствования современного гражданского законодательства. **В. Л. Слесарев** высказал свое мнение относительно квалификации судебной практики в качестве источника гражданского права, а также отметил, что проблема данной квалификации имеет не только научное, но и учебно-методическое значение.

Свои мнения относительно теоретических и практических проблем реформы гражданского права высказали ведущие российские ученые-цивилисты. Хотелось бы обратить внимание на основные аспекты их выступлений.

Е. Е. Богданова, доктор юридических наук, профессор выступила с докладом «Категории возмездности и эквивалентности в гражданском праве РФ», в рамках выступления **Е. Е. Богданова** представила свой подход к проблемам возмездности и эквивалентности в свете гражданско-правовых принципов справедливости и добросовестности. Ею была дана трактовка положений ст. 423 ГК РФ в части определения основных признаков понятия «возмездность». По мнению автора научного сообщения, данное понятие необходимо определять в правовом, философском и практическом смысле. Автором с учетом материалов правоприменительной практики были представлены критерии возмездности договора, а также определение понятия «справедливая цена».

Доклад доктора юридических наук, профессора **Л. Ю. Василевской** был посвящен юридической природе и особенностям договора счета эскроу. Был представлен системный сравнительный анализ данного института в романо-германской и англосаксонской правовых системах. Для исследования российской конструкции счета эскроу автором был выбран динамический подход: эта конструкция была рассмотрена через призму определенных эта-

³ Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 51. Ст. 6699.

⁴ Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.

пов реформирования российского обязательственного права. Система договорных связей по счету эскроу была проанализирована с учетом неоднозначности положений п. 1 ст. 860.8 и ст. 860.9 ГК РФ. Также был сделан акцент на реальной модели договора счета эскроу, исследованы основные функции этой конструкции, включая использование ее в качестве обеспечительной меры. В завершение своего выступления Л. Ю. Василевская обратила внимание аудитории на нечеткость законодательных формулировок о счете эскроу, которая может породить определенные проблемы в правоприменительной практике.

О. Е. Блинков, доктор юридических наук, профессор, выступил с докладом на тему «Совместное завещание и наследственный договор в российском наследственном праве: быть или не быть?». Ученым был представлен собственный подход к решению теоретических и практических проблем реформирования наследственного права. О. Е. Блинков высказал свою точку зрения относительно предлагаемых к введению новых институтов наследственного права — совместного завещания и наследственного договора, проблем и перспектив их применения. По мнению автора выступления, совместное завещание является удобным и актуальным инструментом для определения юридической судьбы общего имущества супругов, а конструкция наследственного договора является достойной альтернативой договорам ренты.

Е. А. Моргунова, кандидат юридических наук, доцент, посвятила свой доклад правам автора. Были исследованы природа и свойства авторского права, установлено соотношение права автора и исключительного права. По мнению докладчика, имущественное право и личное неимущественное право обладают обособленной сущностью. Было указано на особую роль права автора в системе регулирования отношений, связанных с интеллектуальной собственностью. С точки зрения Е. А. Моргуновой, в историческом аспекте на первом месте должны стоять личные неимущественные права.

Е. В. Богданов, доктор юридических наук, профессор, выступил с докладом «Свобода и произвол как категории гражданского права». Автор выступления рассмотрел понятия «свобода» и «произвол» в гражданско-правовом

и философском смысле. По мнению Е. В. Богданова, произвол — фигура умолчания, но в то же время произвол — поведение субъекта права по его усмотрению в соответствии с основными принципами гражданского права. Понятия «свобода» и «произвол» были исследованы в соотношении с положениями ст. 10 и 323 ГК РФ, а также с основными началами гражданского права. Подводя итог своему выступлению, автор указал, что произвол субъекта права не должен подрывать свободу других лиц.

В. Д. Рузанова, кандидат юридических наук, доцент, посвятила свой доклад систематизации гражданского законодательства и представила свое мнение относительно критериев и структуры данной системы. Автором выступления были рассмотрены такие проблемы, как соотношение общих и специальных норм гражданского законодательства, юридическая сила и соотношение Гражданского кодекса РФ и иных федеральных законов. В. Д. Рузановой была представлена система, построенная на принципе горизонтальной иерархии источников гражданского права.

И. З. Аюшеева, кандидат юридических наук, доцент, выступила с докладом «Новеллы гражданского законодательства об исполнении денежного обязательства: проблемы толкования и применения». В своем выступлении она исследовала в сравнительном аспекте изменения гражданского законодательства относительно исполнения денежного обязательства, с учетом положений актуальной правоприменительной практики был проведен анализ положений новой статьи Гражданского кодекса РФ — 317.1. Была рассмотрена правовая природа процентов за пользование чужими денежными средствами. По мнению И. З. Аюшеевой, проценты за пользование чужими денежными средствами не могут быть квалифицированы в качестве меры гражданско-правовой ответственности.

И. А. Емелькина, доктор юридических наук, доцент, представила аудитории выступление на тему «Институт ограничения права собственности в интересах соседей “соседское право” в условиях реформы российского гражданского законодательства». В рамках выступления было исследовано соседское право через призму ограничения права собственности лица в интересах соседей. Были учтены основные

направления реформирования вещного права на современном этапе развития российского законодательства. По мнению автора доклада, соседские отношения необходимо рассматривать в условиях преобладания государственной собственности на землю, а для исследования соседского права необходимо учитывать концепции толерантности и компенсации.

Доклад **Т. Б. Замотаевой**, кандидата юридических наук, доцента, был посвящен систематизации и классификации договоров в гражданском праве. Были представлены различные классификации договора в современном гражданском праве. Автором было высказано собственное мнение о соотношении понятий «соглашение» и «договор». Были рассмотрены такие новые договорные конструкции, как опцион и опционный договор, исследована их правовая природа.

О. А. Поротикова, кандидат юридических наук, доцент, выступила с докладом на тему «Реформа норм Гражданского кодекса РФ о недействительности сделок: положительные и отрицательные нововведения». Ею были рассмотрены основные положения реформы института недействительных сделок, представлено собственное мнение о применимых спо-

собах защиты гражданских прав, рассмотрено соотношение виндикации и реституции. Автор доклада, основываясь на актуальной судебной практике, представила свою точку зрения на квалификацию сделки в качестве ничтожной или оспоримой применительно к положениям ст. 168 ГК РФ.

В качестве гостя круглого стола выступила преподаватель **Е. А. Усачева** с докладом, посвященным основным направлениям реформирования института алиментов в семейном праве.

В заключении, заведующий кафедрой гражданского права, **В. Л. Слесарев** подвел итоги представленных исследований теоретических и практических проблем реформирования гражданского права и законодательства, а также обратил внимание присутствующих на положительные аспекты актуальной правоприменительной практики Верховного Суда Российской Федерации и ее роли в устранении судебных ошибок на примере постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

Материал поступил в редакцию 10 апреля 2016 г.

THE ROUND TABLE CONFERENCE "CIVIL LAW REFORM: PROBLEMS OF THE THEORY, CIVIL LAW LEGISLATION AND JURISPRUDENCE": REVIEW OF REPORTS

PODUZOVA Ekaterina Borisovna — Ph.D., Senior Lecturer of the Department of Civil Law at the Kutafin State Law University (MSAL)
ekaterinak7785@yandex.ru
123995, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Review. *The article presents the main provisions of the reform of the civil law and the Russian Federation legislation as a central theme of the Round table discussion "The reform of the civil law: problems of theory, legislation and judicial practice", held on April 8, 2016 in the Kutafin Moscow State Law University (MSAL) as part of III Moscow Legal Forum.*

It has been several years since the changes of the liability law in Russia. Civil doctrine and practice in a number of controversial issues was developed during this period.

The article discusses the main aspects of the participants' reports at the Round table discussion devoted to theoretical and practical problems with regard to the civil law reform, in particular, the issues related to the principles of civil law, a new kind of bank account - an escrow account, the proposed construction in succession and property law, recognition of transactions void, sources of civil rights, protection of civil rights.

Keywords: *the reform of the civil law, litigation, liability law, an escrow account, property law, inheritance law, neighborhood law, intellectual property law, the transaction invalid, sources of civil law.*

Научно-практическая конференция «Будущее адвокатуры в России. К 150-летию со дня рождения профессора Е. В. Васьковского»: подведение итогов

Аннотация. В статье приводится обзор научно-практической конференции «Будущее адвокатуры в России. К 150-летию со дня рождения профессора Е. В. Васьковского», проведенной в рамках III Московского юридического форума и X Международной научно-практической конференции (Кутафинских чтений). В статье приводится информация об участниках конференции, а также кратко освещены основные проблемы, обсуждавшиеся на конференции.

Ключевые слова: адвокатура, проблемы адвокатуры, юбилей, конференция, Европейский Суд по правам человека, самоограничение адвоката, запрос адвоката.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.048-050

7 апреля 2015 г. в рамках X Международной научно-практической конференции (Кутафинских чтений) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось заседание секции адвокатуры в формате конференции на тему «Будущее адвокатуры в России. К 150-летию со дня рождения профессора Е. В. Васьковского».

С приветственным словом к участникам секции обратился президент Федеральной палаты адвокатов РФ, доктор юридических наук, профессор кафедры адвокатуры и нотариата Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Юрий Сергеевич Пилипенко**.

На заседании секции присутствовали 70 участников из 6 субъектов РФ (г. Москвы, Ставропольского края, Вологодской, Воронежской, Московской, Нижегородской областей). Среди участников были представители профессорско-преподавательского состава, аспиранты, магистранты и студенты Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Высшей школы экономики, Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Российской ака-

демии адвокатуры и нотариата, Финансового университета при Правительстве РФ, адвокаты, стажеры и помощники адвокатов.

Всего было заслушано и обсуждено 8 докладов и 3 выступления участников секции. Первым с докладом выступил президент Федеральной палаты адвокатов РФ **Ю. С. Пилипенко**. Его доклад был посвящен современному состоянию адвокатуры в России, которая в 2002 г. обрела организационное единство в связи с созданием Федеральной палаты адвокатов РФ (ФПА РФ) впервые за все время своего существования с 1866 г., что качественно отличает ее от присяжной и советской адвокатуры. Преемственность 150-летней истории отечественной адвокатуры отражена в значке адвоката, эскиз которого был утвержден в 2015 г. советом ФПА РФ и созданной в том же году комиссией ФПА РФ по этике и стандартам, призванной унифицировать правила профессии адвоката и дисциплинарную практику адвокатуры в России. Ю. С. Пилипенко сообщил об изменении правил сдачи квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката с 1 сентября 2016 г. и кратко изложил

© Поспелов О. В., 2016

* *Поспелов Олег Витальевич*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры адвокатуры и нотариата Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
pospel_ov@list.ru
123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

содержание законопроекта об адвокатском запросе и изменениях в организации адвокатуры, внесенного в Государственную Думу ФС РФ в феврале 2016 г. Правительством РФ.

С докладом «Значение творчества Е. В. Васьяковского для сравнительно-правового исследования истории адвокатуры России», открывающим дискуссию по теме конференции, выступил кандидат юридических наук, доцент кафедры адвокатуры и нотариата Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), адвокат **С. Ю. Макаров**. Он высказал свое мнение о сформулированных Е. В. Васьяковским в 1893 г. в фундаментальной монографии «Организация адвокатуры» пяти принципах адвокатуры, которые остаются индикаторами состояния и развития адвокатуры и в настоящее время как в зарубежных странах, так и в России. Наиболее четко это видно на примере изменений в несовместимости и совместимости правозаступничества (юридического бизнеса) с судебным представительством (адвокатурой), а также в определении гонорара адвоката по соглашению с доверителем.

Большой интерес вызвал доклад кандидата юридических наук, начальника отдела секретариата Европейского Суда по правам человека **О. С. Чернышевой** на тему «Практика Европейского Суда по правам человека: что нового в отношении Российской Федерации?». В докладе, насыщенном статистическими данными за 2015 и начало 2016 г. по жалобам, поступающим в Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) из России, были отмечены три проблемы, носящие системный характер, учитывать которые необходимо российским адвокатам при подготовке жалобы в ЕСПЧ:

- 1) критерии неприемлемости жалобы;
- 2) повторяющиеся факты, не требующие доказывания;
- 3) категории важных дел из России.

Тематика адвокатской этики — правил профессии адвоката — была затронута в двух докладах. Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной власти факультета права Высшей школы экономики, член Совета Адвокатской палаты г. Москвы **Л. Н. Бардин** выступил с докладом «К вопросу о самоограничениях адвоката». Кандидат юридических наук, член Квалификационной комиссии Адвокатской палаты Московской области **А. В. Никифоров** сделал доклад «Дисциплинарная практика Адвокатской палаты Московской области».

Л. Н. Бардин рассказал о своем участии в подготовке в Адвокатской палате г. Москвы проекта Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и развернувшейся в рабочей группе дискуссии, в результате которой были приняты решения: готовить правила, обязательные к исполнению всеми адвокатами, а не рекомендации для адвокатов; ввести ограничения для адвокатов, выходящие за пределы их профессионального поведения (по аналогии с соответствующими ограничениями для адвокатов в США, российских судей и нотариусов). А. В. Никифоров начал свой доклад с цитирования высказывания Е. В. Васьяковского о значении нравственных начал профессии адвоката, затем перешел к характеристике деятельности и правовых позиций дисциплинарных органов Адвокатской палаты Московской области и закончил следующим образом: «Изложенные постулаты дисциплинарной практики адвокатуры позволяют формулировать столь необходимые нравственные основы, которые дают адвокату оружие большой социально полезной силы, оберегают его от глубоких разочарований, подсказывают пути истинного морального удовлетворения от адвокатской деятельности».

Участники секции заслушали и обсудили три доклада по проблемам адвокатской деятельности.

Доктор юридических наук, проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, адвокат **А. В. Рагулин** от имени Научно-консультативного совета Гильдии российских адвокатов сделал доклад на тему «О проекте Федерального закона об адвокатском запросе», в котором подверг критике данный законопроект как в части изменений регламентации адвокатского запроса (увеличение срока для ответа на запрос; форма запроса утверждается не адвокатурой, а Минюстом России; малый размер штрафа за непредставление ответа на запрос), так и в части изменений в организации адвокатуры (право ФПА РФ отменять решения адвокатских палат субъектов Федерации; запрет на создание адвокатского кабинета для адвокатов, не имеющих пятилетнего адвокатского стажа), которые не обсуждались широко и гласно в адвокатском сообществе России.

Вице-президент Адвокатской палаты Московской области, член комиссии ФПА РФ по этике и стандартам **М. Н. Толчеев** выступил

с докладом «Деятельность адвоката на стадии пересмотра судебного решения». Докладчик проанализировал актуальную проблему деятельности адвокатов в гражданском процессе, которую сформулировал следующим образом: «Нас не слушают в апелляции, а наши жалобы в кассации не читают» (согласно судебной статистике, в апелляционной инстанции отменяется около 3 % решений). По его мнению, решить эту проблему можно с учетом правильного понимания правовых позиций ЕСПЧ, Конституционного и Верховного Судов РФ, которые, трактуя принцип правовой определенности, исходят из того, что институт устранения судебной ошибки суда первой инстанции не предполагает какого-либо усмотрения апелляционной, кассационной инстанции, так как устраняются, по общему правилу, ошибки судов в применении права, а не в оценке фактов.

С. В. Бородин, к. ю. н., вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов представил доклад «Допустимость участия адвоката в оперативно-розыскной деятельности», тематика которого стала предметом обсуждения в комиссии ФПА РФ по этике и стандартам, членом которой является докладчик. Основной тезис — необходимость выработки профессионального стандарта допустимости участия адвоката в оперативно-розыском мероприятии в качестве провокатора (при даче взятки, коммерческом подкупе) с учетом публичных целей и задач адвокатуры.

Доклад **Л. А. Скабелиной**, кандидата психологических наук, доцента, доцента кафедры адвокатуры и нотариата Университета имени

О.Е. Кутафина (МГЮА), на тему «Психологические мотивы повышения квалификации адвокатов», с интересом был заслушан. В докладе была показана возможность воздействия на адвоката с целью стимулирования повышения им своей квалификации посредством влияния на мотивы его поведения, которые необходимо предварительно выявить. Мотивы *повышения* квалификации адвокатов известны как в теории психологии адвокатской деятельности (внутренние и внешние; направленные на достижение успеха или приемлемого результата и на избегание неудач или наказания), так и на практике по результатам анкетирования адвокатов на курсах повышения их квалификации.

Среди трех выступлений участников секции были выступления аспирантов кафедры адвокатуры и нотариата нашего Университета, а именно: **Ю. И. Соловьевой** («Нарушения профессиональных прав адвокатов») и **А. В. Поповой** («Влияние реформ адвокатуры на развитие правозащитной деятельности»). Кандидат физико-математических наук, магистрант второго года обучения Российской академии адвокатуры и нотариата **П. П. Гусятников** выступил на тему «Проблемы обеспечения информационной безопасности деятельности адвоката».

Вела заседание конференции **С. И. Володина**, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, заместитель ведущего кафедрой адвокатуры и нотариата, директор Института адвокатуры Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Материал поступил в редакцию 10 апреля 2016 г.

RESEARCH AND PRACTICE CONFERENCE "THE FUTURE OF ADVOCACY IN RUSSIA DEDICATED TO THE 150TH ANNIVERSARY OF PROF. I.V. VASKOVSKIY": SUMMING UP OF THE RESULTS

POSPELOV Oleg Vitaljevich — Ph.D., Associate Professor of the Department of Advocacy and Notary at the Kutafin State Law University (MSAL)
pospel_ov@list.ru
123995, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Review. *The article provides an overview of the scientific-practical conference "The future of the legal profession in Russia. To the 150th anniversary of Professor E.V. Vaskovskiy", held as part of III Moscow Legal Forum and the X International Scientific and Practical Conference "Kutafin Readings." The article provides information on the conference participants, as well as briefly highlights the main issues discussed at the conference.*

Keywords: *the legal profession, the legal profession problems, anniversary, conference, the European Court of Human Rights, the self-limitation of a lawyer, the lawyer request.*

А. В. Сладкова*

Административное судопроизводство в России: обзор выступлений на Международной научно-практической конференции (кафедра административного права и процесса)

Аннотация. В статье приводится обзор Международной научно-практической конференции «Административное судопроизводство в России: проблемы и перспективы», проведенной в рамках III Московского юридического форума и X Международной научно-практической конференции (Кутафинских чтений), — информация об участниках конференции, тезисы их докладов, основные проблемы, связанные с формированием системы административного судопроизводства в России.

Ключевые слова: административное право, проблемы административного права, конференция, административное судопроизводство.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.051-055

8 апреля 2016 г. в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась Международная научно-практическая конференция «Административное судопроизводство в России: проблемы и перспективы» в рамках III Московского юридического форума, организованная кафедрой административного права и процесса совместно с кафедрой гражданского и административного судопроизводства.

С приветственным словом к участникам конференции обратились первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы ФС РФ по конституционному законодательству и государственному строительству **А. А. Агеев**; и. о. заведующего кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор **С. М. Зубарев**; заведующий

кафедрой гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор **Н. А. Громошина**.

Обсуждение заявленной темы конференции началось с доклада заместителя Председателя Верховного Суда РФ — председателя Судебной коллегии по административным делам **Т. А. Петровой** на тему: «К вопросу о предмете правового регулирования Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации». Докладчик отметила: «Принятие кодекса административного судопроизводства РФ не случайный и не произвольный шаг современного отечественного законодателя. Конечно, прежде всего это реализация положений Конституции и одновременно закономерный итог многолетней работы многих поколений отечественных юристов: и ученых,

© Сладкова А. В., 2016

* Сладкова Анастасия Вячеславовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
avsladkova@msal.ru
123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

и практиков». Т. А. Петрова отметила, что особенности правового регулирования, закрепленного в КАС, особенности и специфика новой процессуальной формы свидетельствуют об эффективности правовой защиты, а это является основной задачей административного судопроизводства.

Рассматривая проблему определения предмета правового регулирования КАС РФ, Т. А. Петрова отметила, что при обращении к статье 1 можно увидеть, что она основана на концепции защиты прав, свобод и охраняемых законом интересов личности, вытекающей из закрепленной статьей 46 Конституции общего права на обжалование любых действий и решений органов публичной власти. С другой стороны, выделяя правила для рассмотрения споров в сфере человека против власти, законодатель указывает на необходимость учета такого важного критерия, как правовая природа спорных правоотношений. Например, это касается дел, связанных с предъявлением административным истцом требования о проверке законности того или иного оспариваемого решения, требования о предоставлении жилого помещения, земельного участка, если такое предоставление является или может являться результатом осуществления его публичной функции, связанной в отношениях с данным административным лицом. При удовлетворении такого требования в результативной части указывается на незаконность оспариваемого решения и обязанность предоставить, например, земельный участок на праве собственности заявителю. Т. А. Петрова подчеркивает, что такое указание никаким образом не изменяет публично-правовую природу спора, поскольку никаких частноправовых отношений между властным субъектом и частным субъектом не возникает. Но, безусловно, сложность разграничения видов судопроизводства возникает тогда, когда административный истец, наряду с требованиями о признании незаконными действий, заявляет требования о возмещении вреда. Причиной таких затруднений следует признать недостаточную процессуально-правовую регламентацию института гражданского иска в административном судопроизводстве, института возмещения вреда.

Татьяна Анатольевна также остановилась на очень важной проблеме, связанной с обсуждением концепции единого гражданского процессуального кодекса РФ, предусматривающей

включение административного судопроизводства в качестве отдельного самостоятельного раздела. Т. А. Петрова однозначно указала, что «такое включение не соответствует этим стандартам, поскольку эти стандарты предписывают обеспечить надлежащие судебные процедуры разрешения административно-правовых споров, именно осуществив правовое регулирование специальным законом. Поэтому мы полагаем, что в этой ситуации совершенствоваться должен именно Кодекс административного судопроизводства».

Тему административного судопроизводства продолжил заведующий кафедрой административного и муниципального права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор **Ю. Н. Стариков** с темой доклада: «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации — надлежащая основа для развития административно-процессуальной формы и формирования нового административного процессуального права». Ю. Н. Стариков считает, что «пройдет еще немного времени и исчезнут споры о конкуренции двух процессуальных форм, а именно гражданско-процессуальной формы и административно-процессуальной формы, которая неизбежно родилась с принятием Кодекса административного судопроизводства». Докладчик подчеркнул, что Кодекс административного судопроизводства очень современный, очень важный процессуальный закон, он нужен обществу, ибо отвечает интересам общества, населения, граждан.

Юрий Николаевич в своем докладе указал на противоречие п. «о» ст. 71 и п. «к» ст. 72 Конституции РФ, отметив, что требуется внести соответствующие поправки, а именно исключить словосочетание «административно-процессуальное законодательство», так как по смыслу оно включено в термин «процессуальное производство» (п. «о» ст. 71 Конституции РФ). А помимо четырех форм судопроизводства, в ч. 2 ст. 118 Конституции РФ надо дописать: «производство об административных правонарушениях».

Профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор **А. Т. Боннер** посвятил свой доклад плюсам и минусам правовой регламентации Кодекса административного су-

допроизводства. Профессор положительно относится к тому, что наконец-то законодатель согласился с тем, что в производстве по делам, возникающим из публично-правовых отношений, есть иск, конфликтующие стороны. Правда, по мнению докладчика, использование терминов «административный иск», «административный истец», «административный ответчик» порой вызывает практические проблемы. Однако А. Т. Боннер говорит о том, что в КАС можно найти много удачных задумок. Например, в ст. 9 КАС РФ идет речь о том, что «суд при рассмотрении административного спора должен стремиться к вынесению не только законного, но и справедливого решения. Но правда, если мы попытаемся найти в ст. 9 КАС или в какой-то другой норме этого кодекса ответ на вопрос: “Что такое справедливое решение?”, мы, конечно же, ответ на этот вопрос не найдем.

Далее, число средств доказывания КАС дополняет очень существенно указанием на электронный документ. В других кодексах этого нет. Впрочем, сложно понять, что такое электронный документ, как им можно пользоваться. В КАС, как и в АПК и ГПК, сказано, что можно административные исковые заявления, другие документы посылать по электронной почте, извещать по электронной почте, но что делать суду, который получил по электронной почте документ? Ответа нет на этот вопрос.

Положительным моментом КАС являются позитивные прогрессивные решения. Суд апелляционной инстанции, отменяя незаконное или необоснованное решение в отдельных случаях (к сожалению, в отдельных), может направить дело на новое рассмотрение. Негативным моментом А. Т. Боннер назвал дублирование норм КАС РФ и ГПК РФ на 85 %, по сравнению с АПК РФ — на 75 %.

Заведующий кафедрой административного права Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент **М. А. Штатина**, выступая с докладом на тему «О предмете административного судопроизводства», подвергла сомнению необходимость существования широкого понятия «административная юстиция». Марина Анатольевна подчеркнула в своем выступлении положительную роль административной юстиции как современного института правового государства, причем именно такой, какой

административную юстицию понимают во всем мире, то есть когда у гражданина есть возможность оспаривать позицию власти, решения представителей власти и не считать, что власть всемогуща, всемогуща и только она знает истинные интересы конкретного человека. Человек имеет право свои интересы понимать, реализовывать, но может ли он сам их защитить? Доцент М. А. Штатина полагает, что в современных условиях человек, если он начинает спорить с представителями власти, то защитить самостоятельно свои интересы, один на один, практически не в состоянии. Для этого ему нужны отдельные самостоятельные институты, и очень хорошо, если это будут институты правовые, если таковых общество не создает, то вступают в силу неправовые механизмы и элементы.

Председатель Уставного Суда Свердловской области, кандидат юридических наук, профессор **В. Ю. Пантелеев** в своем докладе «Повышение эффективности защиты прав и свобод граждан — основная задача реформы судебной системы в Российской Федерации» отметил, что в настоящее время количество обращений граждан в порядке административного судопроизводства небольшое, но этот факт говорит о том, что процесс только-только начинается, потому что не только органы, но и сам гражданин должен созреть для того, чтобы обращаться в административные суды. Вадим Юрьевич полагает, что эта практика будет нарабатываться и, конечно, число обращений в административные коллегии будет возрастать, и действительно, очень важно показать активную роль административного судьи. Огромная роль в становлении административного судопроизводства состоит в том, чтобы подготовить особую категорию судей, специализирующихся в этом направлении.

Заведующий кафедрой гражданского процесса Сибирского федерального университета, доктор юридических наук, профессор **Т. В. Сахнова** в докладе на тему «Административное судопроизводство: проблемы квалификации» отметила, что КАС не создает никакой новой процессуальной формы — это доказывает и принципы, и антология создания, и многие другие вещи. Процедуры, перенесенные механически из ГПК РФ, из одного нормативного источника в другой, новую природу по определению обрести не могут только потому, что они

были перенесены в другую корзину. Татьяна Владимировна считает необходимым квалифицировать специальные процедуры в рамках единой цивилистической процессуальной формы.

В своем выступлении заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор **Н. А. Громошина** задалась вопросом: «Основные положения КАС РФ: шаг вперед или два шага назад?». Наталья Андреевна к пользе принятия процессуального закона, который определяет процедуру административного судопроизводства, относит утверждение о том, что Гражданский процессуальный кодекс, Арбитражный процессуальный кодекс, то есть цивилистические процедуры, не обеспечивают в той мере, в которой это хотелось бы, равенство в цивилистическом процессе, когда это касается рассмотрения споров между теми субъектами, которые в материальном правоотношении занимают неравноправное положение. Однако, отметила выступающая, в главе «Основные положения» КАС РФ — там, где содержатся базовые начала, на которых строится процесс, а именно в ст. 3 «Задачи административного судопроизводства», ст. 4. «Право на обращение в суд с административным иском», — имеются определенные противоречия и недостатки. В частности, это касается права на обращение в суд именно с административным иском, что по смыслу нормы противоречит положениям Конституции РФ, так как отрицает обращение в суд вышестоящих инстанций.

Подводя итог своему выступлению, Н. А. Громошина сформулировала три вывода:

- 1) Кодекс административного судопроизводства как результат творческого законодателя, мягко говоря, не лучший продукт;
- 2) Кодекс административного судопроизводства обеспечивает для гражданина доступность судебной защиты не в большей, в сравнении с ГПК РФ, а в меньшей степени, иными словами, движение на самом деле не вперед, а назад, и на два шага;
- 3) осуществляя реформы процессуального законодательства, законодатель идет неверным путем, не принимает во внимание конституционное положение о единстве судебной власти и единстве судебной системы.

Некоторые теоретические проблемы административного судопроизводства в контексте преподавания — тема выступления заведующего кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета, доктора юридических наук, профессора **В. В. Яркова**. Возглавляемая им кафедра решила ввести отдельный курс «Административное судопроизводство». Соответственно, встал вопрос о том, чтобы по советско-российской традиции дать теоретическую основу. В. В. Ярков особо подчеркнул, что за основу построения учебника, комментария к КАС РФ, они пришли к пониманию, что административный процесс — это судебное административное процессуальное право, являющееся подотраслью гражданского процессуального права.

Продолжая обсуждение места и сущности административного судопроизводства, **Т. Е. Абова**, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором гражданского права, гражданского и арбитражного процесса Института государства и права РАН, напомнила, что процессуальные формы были предметом обсуждения на конференции, которая проводилась в Ярославле еще в 1970-х годах. И тогда там велись большие дискуссии о возможности единства процессуальной формы, о том, чем отличается одна процессуальная форма от другой. Как отметила Т. Е. Абова, традиционно специалисты в области административного права распространяли понятие «административный процесс» на сферу управления, на процедуры исполнительного производства. Рассказывая об истории появления в тексте Конституции РФ термина «административное судопроизводство», Тамара Евгеньевна пояснила, что в 1993 году предполагалась работа по созданию административных судов, однако ее не последовало. Вместе с тем специалисты в области административного права, по ее словам, еще тогда говорили, что рассмотрение административных дел в суде по ГПК РФ относится к сфере правового регулирования административного права.

Анализируя результаты работы в группе по созданию «единого» Гражданского процессуального кодекса, Тамара Евгеньевна задалась вопросом, стоит ли из этого делать единый кодекс? «Время покажет, — отвечала Т. Е. Абова на свой вопрос. — Но что показала эта работа? Мы говорим, вот и сейчас вы говорите: дубли-

рующий кодекс, дублируются нормы из ГПК. Когда мы стали соединять ГПК и АПК, вылезала арбитражно-процессуальная специфика. Она есть, ее много, и сейчас у нас в этом едином кодексе сразу вы видите общие нормы, которые можно было объединить, а дальше идет для судов общей юрисдикции и для арбитражных судов... Поэтому будет или не будет — я вам не скажу, но то, что специфика существует и, конечно, она есть в КАС, хотя бы из-за этой активности судебной, потому что есть и судебная активность, и она главным образом рассчитана на слабую сторону. У нас же с вами есть слабые стороны и очень сильные стороны».

Работу конференции завершил **С. М. Зубарев**, доктор юридических наук, профессор, исполняющий обязанности заведующего кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). В докладе «О проблемах и перспективах судебного контроля за деятельностью государственных гражданских служащих» Сергей Михайлович отметил, что на сегодня мы еще не воспринимаем государственную службу как службу государству. Докладчик напомнил, что в первоначальном варианте проекта КАС, в пункте 6 части 2 статьи 1, была норма о том, что рассмотрение дел, связанных с государственной службой, является предметом именно КАС РФ. В настоящее время этой нормы нет,

а вместо нее появились избирательные права. «И это неправильно», — отметил С. М. Зубарев. По мнению выступающего, вопросы государственной службы, являющейся публичной службой, должны рассматриваться не только как внешняя сторона этих отношений, когда жалуются на государственного служащего, но и когда сам госслужащий жалуется на своего руководителя. Сергей Михайлович подчеркивал, что «это все-таки публично-правовые отношения. А так, как предлагают сейчас трудовые споры рассматривать, это влечет за собой неправильное использование материального права, потому что многие суды ссылаются сначала на Трудовой кодекс РФ, а потом уже на законодательство о гражданской и государственной службе. Мы с вами понимаем, что неправильное использование норм материального права влечет за собой неправомерное судебное решение».

Подводя итог выступлениям, следует отметить, что состоялась очень интересная дискуссия. Безусловным достоинством конференции является то, что прошло открытое обсуждение абсолютно противоречивых точек зрения и позиций относительно сущности административного процесса. В завершение конференции было подчеркнуто, что с принятием Кодекса административного судопроизводства начался новый виток развития процессуальных форм.

Материал поступил в редакцию 10 апреля 2016 г.

ADMINISTRATIVE COURT PROCEDURE IN RUSSIA: OVERVIEW OF REPORTS AT THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE (DEPARTMENT OF ADMINISTRATIVE LAW AND PROCEDURE)

SLADKOVA Anastasia Vyacheslavovna — PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of Administrative Law and Proceedings, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
AVSLADKOVA@msal.ru
125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Str., 9

Review. *The article provides an overview of the international scientific and practical conference "Administrative court procedure in Russia: Problems and Prospects", held as part of III Moscow Legal Forum and the X International scientific and practical conference "Kutafin Readings." This article provides information about the participants of the conference, theses of reports reflecting the main problems associated with the formation of the administrative court procedure in Russia.*

Keywords: *Administrative Law, the issues of Administrative Law, conference, administrative court procedure.*

М. С. Караськина*

Обзор Международной научно-практической конференции «Административное судопроизводство в России: проблемы и перспективы»

Аннотация. В статье дается обзор дискуссии об отраслевой принадлежности, плюсах и минусах, проблемах применения отдельных институтов Кодекса административного судопроизводства РФ, состоявшейся на Международной научно-практической конференции «Административное судопроизводство в России: проблемы и перспективы», прошедшей 8 апреля 2016 года в рамках III Московского юридического форума в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Ключевые слова: Кодекс административного судопроизводства РФ, доступность судебной защиты, административное исковое заявление, единый Кодекс гражданского судопроизводства, оспаривание нормативных правовых актов, предмет административного судопроизводства, представительство по административным делам.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.056-060

8 апреля 2016 года в рамках III Московского юридического форума в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась Международная научно-практическая конференция «Административное судопроизводство в России: проблемы и перспективы», организованная кафедрой гражданского и административного судопроизводства и кафедрой административного права и процесса Университета.

В конференции приняли участие профессорско-преподавательский состав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), ученые из образовательных и научных организаций Москвы, Санкт-Петербурга, Белгорода, Воронежа, Екатеринбурга, Краснодара, Нижнего Новгорода, Омска, Саратова, Симферополя и других городов, судьи, работники аппарата судов, адвокаты, юрисконсульты различных организаций.

Предметом научной дискуссии между представителями науки гражданского процессуального права и административного права явились предмет регулирования Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, наиболее важные положения Кодекса, а также административное судопроизводство зарубежных стран.

Т. А. Петрова, заместитель Председателя Верховного Суда РФ — председатель Судебной коллегии по административным делам, подчеркнула особое предназначение Кодекса административного судопроизводства РФ, а также обратила внимание на то, что его принятие прежде всего является итогом реализации положений ч. 2 ст. 118 Конституции РФ. Главной задачей совершенствования Кодекса, по мнению Т. А. Петровой, является надлежащая процессуальная регламентация института гражд-

© Караськина М. С., 2016

* Караськина Марина Сергеевна, аспирантка кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

karaskina@bk.ru

460052, г. Оренбург, ул. Липовая, д. 15/1, кв. 285

данского иска о возмещении вреда, который предоставит административному истцу право в рамках одного административного процесса добиться признания незаконным принятого в отношении него акта органа, организации или лица, наделенного государственно-властными или иными публичными полномочиями, и возмещения вреда либо компенсации морального вреда. Т. А. Петрова отметила, что включение в будущий единый Гражданский процессуальный кодекс РФ раздела, касающегося производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, противоречит международным стандартам.

В докладе заведующего кафедрой административного и муниципального права Воронежского государственного университета, доктора юридических наук, профессора **Ю. Н. Старилова** отстаивалась позиция о принадлежности норм КАС РФ к административно-процессуальной форме. Административное судопроизводство, имеющее иную (не частноправовую) основу, будет не нужно при отсутствии развитого административного права. Докладчик предложил дополнить Конституцию РФ указанием на административное деликтное судопроизводство как одну из форм осуществления правосудия.

А. Т. Боннер, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, в своем докладе подчеркнул, что законодатель согласился с давно высказанной в процессуальной литературе позицией о том, что по делам, возникающим из публичных правоотношений, есть спор о праве, есть иск. Среди позитивных положений Кодекса А. Т. Боннер выделил:

- закрепление в статье 9 принципа справедливости;
- дополнение средств доказывания электронными документами;
- установление возможности извещения посредством электронной почты;
- введение права суда апелляционной инстанции отменить решение суда и вернуть дело на новое рассмотрение в случаях, предусмотренных законом.

Законодательство не является объектом авторских прав, поэтому невозможно говорить о «законодательном плагиате», подчеркнул А. Т. Боннер, указав, что Кодекс административного судопроизводства РФ во многом ду-

блирует Гражданский процессуальный кодекс РФ. Принятие КАС РФ разбило стройную систему Гражданского процессуального кодекса РФ; дела, возникающие из публичных правоотношений, могли и далее рассматриваться по правилам ГПК РФ. В настоящее время возникли проблемы при рассмотрении споров о правомерности решений (действий) органов государственного управления, неразрывно связанных с гражданско-правовым спором. В этой связи А. Т. Боннер предложил внести изменения в Кодекс административного судопроизводства РФ или дать разъяснение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, закрепив правило, в соответствии с которым если дело рассматривается одним и тем же судом, следует предложить истцу уточнить в этой части заявление, а не отказывать в его принятии на основании пп. 1 ч. 1 ст. 128 КАС РФ или пп. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ.

В выступлении заведующего кафедрой административного права Российского государственного университета правосудия, кандидата юридических наук, доцента **М. А. Шатиной** главным вопросом являлся предмет административного судопроизводства. При определении публично-правовой природы спора следует ориентироваться на признак использования властных полномочий. По ее мнению, нужно воспринять практику других стран мира, закрепив в материально-правовых законах правила о рассмотрении одних споров в порядке гражданского судопроизводства, а других — в порядке административного судопроизводства.

В. Ю. Пантелеев, председатель Уставного Суда Свердловской области, кандидат юридических наук, профессор, поддержал позицию о том, что новый вид судопроизводства имеет целью обеспечить надежную защиту прав и свобод граждан. Ключевым аспектом в этом плане, по мнению В. Ю. Пантелеева, является активная роль суда в административном судопроизводстве, что отличает подходы КАС РФ и ГПК РФ.

Т. В. Сахнова, заведующий кафедрой гражданского процесса Сибирского федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заключила, что Кодекс административного судопроизводства РФ не создает никакой новой процессуальной формы, поскольку процедуры, перенесенные из одного нормативного

источника в другой, новой природы обрести не могут. Административное судопроизводство — специальная процедура в рамках единой цивилистической процедуры, особенно ввиду стремления к созданию единого процессуального пространства (единого Гражданского процессуального кодекса РФ).

Н. А. Громошина, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, проанализировала некоторые положения главы 1 Кодекса административного судопроизводства РФ, заключив, что Кодекс обеспечивает для гражданина доступность защиты не в большей, в сравнении с ГПК РФ, а в меньшей степени. Законодателем не принимается во внимание единство судебной власти и единство судебной системы. В настоящее время требуется четко разработать и закрепить единую основу судопроизводства в Федеральном конституционном законе «Об основах законодательства о судопроизводстве Российской Федерации».

Е. Б. Лупарев, заведующий кафедрой административного и финансового права Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, поддержал принадлежность норм КАС РФ к административным правовым нормам, к которым, по его мнению, относятся также нормы судебно-процессуальной части Кодекса РФ об административных правонарушениях, а также положения о порядке рассмотрения арбитражными судами дел об административных правонарушениях, содержащиеся в АПК РФ.

Г. Д. Улетова, профессор кафедры правового обеспечения рыночной экономики РАН-ХиГС при Президенте РФ, доктор юридических наук, профессор, поддержала мнение об отсутствии существенных различий между Кодексом административного судопроизводства РФ и Гражданским процессуальным кодексом РФ. Однако, по ее мнению, следует дождаться результатов применения КАС РФ и судить о них по следующим направлениям: сможет ли КАС РФ повысить уровень защиты нарушенных или оспариваемых прав, решить проблему унификации и гармонизации процессуального зако-

нодательства, снизить нагрузку на судей, устранить споры о подведомственности, а также сделает ли принятие нового Кодекса российскую правовую систему более конкурентоспособной в сравнении с судебными системами зарубежных стран? Если «административные» судьи станут «придатком» исполнительной системы, возможны серьезные последствия.

А. И. Стахов, профессор кафедры административного права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, подчеркнул обязательность связи административного дела и административного законодательства. Административные дела не должны быть отнесены к гражданскому законодательству ввиду их специфики (например, дела об административном принуждении, административном помещении).

В. В. Ярков, заведующий кафедрой гражданского процесса УрГЮУ, доктор юридических наук, профессор, указал, что ключевые положения административного судопроизводства основаны на правилах гражданского судопроизводства, многие институты процессуального права носят межотраслевой характер и имеют много общих характеристик в гражданском, арбитражном и в административном судебном процессах. В подготовленном возглавляемой им кафедрой учебнике¹ судебное административное процессуальное право рассматривается как подотрасль гражданского процессуального права.

А. И. Каплунов, профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, подчеркнул двойственную процессуальную юридическую природу административного судопроизводства: в его основе заложена состязательная процедура, обеспечивающая реализацию общественных отношений гражданско-правового типа и в конечном счете обеспечивающая защиту прав гражданина.

Е. И. Носырева, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, охарактеризовала соотношение принципов гражданского и административного судопроизводства, заключив,

¹ Административное судопроизводство : учебник / под ред. В. В. Яркова. М. : Статут, 2016. 560 с.

что их перечень, содержащийся в ст. 6 КАС РФ, не является исчерпывающим, а вновь закрепленный принцип справедливости раскрывается через принцип законности. В выступлении было отмечено, что нельзя заниматься административным судопроизводством в отрыве от гражданского процессуального права.

В. А. Подейко, начальник претензионного отдела правового управления МГУ имени М.В.Ломоносова, обозначил некоторые вопросы разграничения гражданского и административного судопроизводства в судах общей юрисдикции, исходя из германского опыта.

Заведующий сектором гражданского права, гражданского и арбитражного процесса ИГП РАН, доктор юридических наук, профессор **Т. Е. Абова** указала, что принятие Кодекса административного судопроизводства РФ является оправданным, т.к. его нормы рассчитаны на защиту слабой стороны. Однако Т. Е. Абова считает неверным включение в Кодекс дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

П. Е. Спиридонов, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, отстаивал принадлежность административного судопроизводства к административному процессу, в котором обжалование действий органа исполнительной власти (по КАС РФ) является стадией процесса.

М. З. Шварц, исполняющий обязанности заведующего кафедрой гражданского процесса Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, рассмотрел проблемы применения судом в ходе судебного разбирательства части 2 статьи 120 Конституции РФ в случае признания нормативного правового акта противоречащим действующему законодательству и отказа от его применения при разрешении любого дела, с учетом закрепленных в Кодексе административного судопроизводства РФ новых правил абстрактного нормоконтроля.

М. А. Фокина, профессор кафедры гражданского, арбитражного и административного процессуального права РГУП, доктор юридических наук, профессор, обратила внимание на существование специфических различий в механизме доказывания по Кодексу административного судопроизводства и Граждан-

скому процессуальному кодексу РФ, а также на другие особенности правового регулирования доказывания и доказательств в административном судопроизводстве.

В. Ф. Борисова, доцент кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент, акцентировала внимание участников конференции на нормах КАС РФ, ведущих к снижению гарантий судебной защиты: установление факта нарушения прав, свобод и законных интересов истца в качестве предпосылки права на предъявление административного искового заявления об оспаривании нормативного правового акта; закрепление правила о профессиональном представительстве при обращении с заявлением об оспаривании нормативного правового акта и др.

Е. С. Смагина, заведующий кафедрой гражданского процессуального и трудового права Южного федерального университета, кандидат юридических наук, доцент, в своем выступлении обратилась к проблемам защиты в административном судопроизводстве интересов публично-правовых образований, отметив в качестве недостатка статьи 5 КАС РФ, что согласно ее нормам публично-правовые образования не наделяются административной процессуальной правоспособностью.

И. Н. Лукьянова, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник ИГП РАН, выступила с критикой введения в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации профессионального представительства, так как данное правило создает препятствия для реализации права граждан на судебную защиту, например по делам об оспаривании кадастровой стоимости. И. Н. Лукьянова подчеркнула, что процессуальный порядок не должен быть сложным для реализации права на обращение в суд и оказываться недоступным для граждан.

С. М. Зубарев, исполняющий обязанности заведующего кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, указал, что из проекта Кодекса необоснованно исключена норма об обжаловании государственными служащими действий вышестоящего руководителя. Нормы материального права, на которые ссылается законо-

датель в статье 310 КАС РФ, — это нормы административного права.

В заключительном слове **С. М. Зубарев** подчеркнул, что конференция проводилась в том числе с целью услышать доводы друг друга, позволяющие двигаться вперед в научных

исследованиях и осуществлять качественную подготовку студентов.

Организаторы конференции поблагодарили участников и пригласили к новым публичным дискуссиям в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Материал поступил в редакцию 10 апреля 2016 г.

REVIEW OF THE INTERNATIONAL RESEARCH AND PRACTICE CONFERENCE "ADMINISTRATIVE PROCEDURE IN RUSSIA: PROBLEMS AND PERSPECTIVES»

KARASKINA Marina Sergeevna — post-graduate student of the Department of Civil and Administrative Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
karaskina@bk.ru
460052, Orenburg, ul. Lipovaya, d. 15/1, kv. 285

Review. *The article provides an overview of the discussion on the industry sector, the pros and cons, the problems of the use of certain concepts of the Administrative Procedure Rules of the RF on the basis of reports and discussions of the participants of the international scientific and practical conference "Administrative proceedings in Russia: Problems and Prospects", held on April 8, 2016 at the III Moscow Legal Forum at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

Keywords: *the Administrative Procedure Rules of the Russian Federation, the availability of judicial protection, administrative claim, the Uniform Code of Civil Procedure, challenging the normative legal acts, the subject of the administrative proceedings, representation in administrative cases.*

Т. П. Суспицына*

Подведение итогов работы круглого стола «Борьба с преступностью в эпоху глобальных противоречий» в рамках III Московского юридического форума

Аннотация. В статье дается обзор круглого стола «Борьба с преступностью в эпоху глобальных противоречий», проведенного в рамках III Московского юридического форума и X Международной научно-практической конференции (Кутафинских чтений).

Ключевые слова: уголовное право, проблемы уголовного права, круглый стол, борьба с преступностью.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.061-064

7 апреля 2016 г. в рамках III Московского юридического форума в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялся круглый стол на тему «Борьба с преступностью в эпоху глобальных противоречий». Руководство работой круглого стола осуществляли **А. И. Ра-рог**, заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), и **И. М. Мацкевич**, заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

С докладом на тему «Вопросы борьбы с преступностью в условиях обострения социально-экономической ситуации в Российской Федерации» выступил **Г. В. Дашков**, заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Докладчик обратил внимание на проблемы предупреждения преступности — игнорирование отдельными

субъектами основополагающих предписаний, касающихся борьбы с преступностью; несоответствие между фиксируемыми в последние годы показателями преступности и факторами, которые ее определяют. Профессор остановился на установлении причин современной преступности в целом и в сфере экономической деятельности в частности, а также на ее предупреждении. В числе вопросов, требующих оперативного разрешения, Г. В. Дашков указал на необходимость совершенствования организации и проведения научных исследований и разработок в области борьбы с преступностью в целом и формирования межведомственных научно-исследовательских научных коллективов под эгидой Координационного совещания руководителей правоохранительных органов РФ в частности.

В. Е. Эминов, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), выражая озабоченность проблемами борьбы с преступностью, указал на отсутствие

© Суспицына Т. П., 2016

* Суспицына Татьяна Петровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

kupr@msal.ru

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

в настоящее время должной системы предупреждения преступности. Эффективность профилактики, по его мнению, требует создания в Российской Федерации криминологической службы на федеральном уровне.

А. Н. Антипов, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний, подчеркнул, что эпоха глобальных противоречий в еще большей степени обнажила противоречия и предопределила необходимость динамичной корректировки нормативных правовых актов как регулятора общественных отношений. В сложившейся ситуации, отметил он, особое значение приобретает изучение реального состояния дел. Действующая система критериев и показателей, по его мнению, не отвечает в полной мере требованиям времени, что обусловлено множеством факторов, среди которых ведомственная закрытость министерств, ведомств, служб; возможность различной интерпретации различных показателей; слабая интегрированность различных министерств, ведомств, служб в общество, высокий уровень латентности преступлений, непродуманность и порой экономическая необоснованность конвергенционных процессов зарубежного и российского законодательства и др. Выступающий предложил качественно трансформировать систему показателей, в частности определить межведомственные показатели; проработать вопросы введения ответственности для должностных лиц в случаях нарушения ими прав и основных свобод человека и гражданина.

А. Я. Гришко, доктор юридических наук, профессор, Уполномоченный по правам человека в Рязанской области, в своем выступлении также остановился на проблемах предупреждения преступности, акцентируя внимание на сфере действия уголовно-исполнительной системы. Он обратил внимание на низкое качество проведения профилактических мероприятий при достаточно высоком удельном весе осужденных, состоящих на профилактическом учете и совершивших при этом новые преступления. Среди причин такого положения дел, по мнению А. Я. Гришко, отсутствие должной согласованности криминальных и социальных отраслей права в сфере предупреждения преступлений. В настоящее время нет исчерпывающего ответа на вопрос, кто должен занимать-

ся освобожденным от отбывания наказания: исправительная колония после освобождения теряет возможность воздействия на него; органы полиции только ставят его на профилактический учет, а кто реально проводит с ним профилактическую работу, трудоустраивает, решает его бытовые вопросы, неясно; есть проблемы с реализацией института административного надзора. Нужно, по мнению докладчика, совершенствовать межотраслевое взаимодействие.

Ю. А. Мерзлов, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Южно-Уральского государственного университета, отметил, что криминологическая ситуация на Южном Урале характеризуется высоким уровнем незаконной миграции, наркотизма, контрабанды. Предметами контрабанды в приграничных районах Южного Урала выступают огнестрельное оружие, боеприпасы, наркотические средства; продолжается перегон скота через границу, незаконный вывоз мясной продукции, леса, продуктов нефтепереработки, а в отдельных случаях — и драгоценных камней и металлов. Анализ официальной статистики свидетельствует о том, что меры по противодействию неэффективны, хотя высокий уровень привлекательности Челябинской области для криминалитета очевиден. В этой связи предлагается обратить внимание на реализацию экономических мер, связанных с использованием технических ресурсов, внедрением современных методов изобличения незаконных мигрантов; на повышение роли местных органов власти в приграничных населенных пунктах; на совершенствование миграционного законодательства с позиции безоговорочного визового режима въезда на территорию России и выезда за ее пределы.

Э. Л. Раднаева, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Бурятского государственного университета, посвятила свое выступление проблемам предупреждения преступности на территории Сибирского федерального округа. Она обозначила основные причины роста преступности мигрантов и против них, тесно связанной с незаконной миграцией. Сложная миграционная ситуация усугубилась, по мнению Э. Л. Раднаевой, после введения в ноябре 2015 г. безвизового режима между Россией и Монголией. Ею была отмечена доминиру-

ющая тенденция смещения организованной преступной деятельности из общеуголовной в экономическую сферу, консолидации этнических преступных групп с российскими региональными преступными группировками. Интернациональная кооперация преступности обусловила большое распространение в Сибирском федеральном округе таких специфических преступлений, как контрабанда наркотиков, боеприпасов и оружия, торговля малолетними детьми, вовлечение в проституцию женщин и детей после вывоза их за границу, распространение порнографии, кражи и незаконный вывоз за рубеж исторических и культурных ценностей, древесины, нефрита и других стратегических ресурсов. Докладчик выделила ряд актуальных (законодательных, экономико-правовых, организационно-правовых) мер предупреждения миграционной преступности.

Участники круглого стола, наряду с криминологическими вопросами, обсуждали также уголовно-правовые проблемы.

М. Б. Кострова, кандидат юридических наук, доцент, профессор Башкирского государственного университета, остановилась на роли Конституционного и Верховного Судов РФ в изменении подходов к борьбе с преступностью в эпоху глобальных противоречий. Было отмечено, в частности, что в России сейчас начинает складываться собственная модель взаимоотношений Конституционного и Верховного Судов РФ с ЕСПЧ, которая допускает возможность «неисполнения решений ЕСПЧ, принятых в отношении России, если они основаны на положениях международного договора РФ в истолковании ЕСПЧ, приводящем к их расхождению с Конституцией РФ». В качестве примера выступающая привела п. 13.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14, в котором предусмотрен фактически отход от прежней позиции, которую он ранее занимал по вопросу квалификации сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, осуществляемого в ходе ОРМ «проверочная закупка», основываюсь на целом ряде решений ЕСПЧ.

Л. В. Иногамова-Хегай, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), посвятила свое выступление вопросам уголовной ответственности коллективных образований (юридических лиц), перспективам

ее введения в Российской Федерации. По ее мнению, имеются достаточные основания для положительного решения вопроса, а наказание в отношении этих субъектов можно было бы предусмотреть в ст. 44 УК РФ, в новой ее части. В рамках дискуссии Л. В. Иногамова-Хегай высказала также критические замечания относительно законопроекта, находящегося в настоящее время в Государственной Думе, в котором предлагается ряд поправок в УК РФ (ввести ст. 76.2, признать утратившей силу ст. 157 и др.).

М. А. Саблина, аспирантка НИУ «Высшая школа экономики», указала на необходимость совершенствования норм, посвященных неудавшемуся или несостоявшемуся соучастию.

Ф. И. Долгих, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Московского финансово-промышленного университета «Синергия», посвятил свое выступление вопросам, связанным с уголовной ответственностью за подкуп избирателей. По его мнению, невозможно решить проблемы предотвращения подкупа избирателей только с помощью юридических средств; ожидать положительных изменений можно лишь тогда, когда подавляющее большинство избирателей будет осознавать действительную ценность своего голоса как инструмента, с помощью которого они могут воздействовать на политический курс, на характер власти в стране.

В. Г. Кокорев, аспирант Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, на основе сравнительного анализа норм, регламентирующих уголовную ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий по законодательству России и зарубежных стран, констатировал, что в настоящее время не выработано единой мировой практики по защите религиозных чувств и/или атеистических и иных убеждений граждан.

А. В. Бородин, аспирант Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, остановился на особенностях криминализации преступлений против культурных ценностей.

М. Г. Решняк, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института, остановилась на некоторых вопросах международного сотрудничества в сфере борьбы с киберпреступностью.

О. А. Савченко, аспирантка Всероссийского государственного университета юстиции, посвятила свое выступление проблемам обеспечения деятельности по расследованию хищений чужого имущества в сфере компьютерной информации.

М. Б. Колбая, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Сочинского государственного университета, рассказала участникам круглого стола о научной работе, которая проводится преподавателями кафедры уголовного права и процесса, об основных научных мероприятиях, направленных в том числе на исследование вопросов профилактики преступности.

А. А. Турышев, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права Омской академии МВД России, констатировал, что время для смены парадигмы настало, и предпосылками этого процесса являются несоответствие уголовно-правовой материи информационному обществу, а также политика вестернизации уголовного законодательства, приводящая к нарушению его стабильности. Новая парадигма предполагает, по его мнению, не идти вглубь и вширь в уголовно-правовых исследованиях, а уточнить уже существующие наработки (понятия, модели) и повысить их системность для того, чтобы «создать систему непротиворечивого уголовного права, нормализовать и технологизировать уже существующую уголовно-правовую материю, где Общая

часть — инструкция к применению, а Особенная часть — эффективный инструмент».

В работе круглого стола приняли участие и другие преподаватели Университета, гости из других вузов, научно-исследовательских учреждений, представляющих различные регионы России и зарубежья (Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Тамбовская, Воронежская области, Азербайджанская Республика и др.). Количество участников превысило 100 человек. Столь представительный форум свидетельствует о значимости как самого мероприятия, так и проблем, которые стали предметом обсуждения на нем. Не всем удалось выступить. Однако дискуссия по наиболее актуальным вопросам может быть продолжена.

На круглом столе состоялось также знаменательное событие — подписание соглашения о сотрудничестве между некоммерческим образовательным учреждением «Организация высшего образования “Российская академия адвокатуры и нотариата (РААН)”» в лице ее ректора Г. Б. Мирзоева и региональной общественной организацией «Союз криминалистов и криминалогов» (РОО «СКК») в лице ее руководителя И. М. Мацкевича. Подчеркивая значимость данного соглашения, Г. Б. Мирзоев обратил внимание на то, что это важное направление в реализации одной из задач в борьбе с организованной преступностью в целом и терроризмом в частности.

Материал поступил в редакцию 10 апреля 2016 г.

SUMMING-UP THE RESULTS OF THE ROUND TABLE CONFERENCE "FIGHT AGAINST CRIME IN THE ERA OF GLOBAL CONTRADICTIONS" HELD WITHIN THE FRAMEWORK OF THE III MOSCOW LEGAL FORUM

SUSPITSYNA Tatyana Petrovna — Ph.D., Associate Professor of the Department of Criminal Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
kupr@msal.ru
125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Str., 9

Review. *The article provides an overview of the round table discussion "Combating crime in the era of global conflict", held as part of III Moscow Legal Forum and the X International Scientific and Practical Conference "Kutafin Readings." The article provides information on the conference participants and summarizes the speakers' papers.*

Keywords: *Criminal Law, the issues of Criminal Law, round table discussion, combating crime.*

Л. Л. Арзуманова*

Подведение итогов научно-практической конференции «Основные тенденции развития российского финансового права»

Аннотация. В статье приводится обзор научно-практической конференции «Основные тенденции развития российского финансового права», состоявшейся 8 апреля 2016 г. в рамках III Московского юридического форума и X Международной научно-практической конференции (Кутафинских чтений). Отражены основные доклады участников конференции, которые касались разных направлений развития финансового права в современных условиях.

Ключевые слова: конференция, финансовое право, Международная ассоциация финансового права, бюджетное право, научно-практическая конференция.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.065-068

8 апреля 2016 г. в рамках III Московского юридического форума прошла научно-практическая конференция «Основные тенденции развития российского финансового права», в которой приняли участие ведущие представители науки финансового права. В начале работы конференции, на правах приглашающей стороны от имени кафедры финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), выступила **Е. Ю. Грачева**, которая поприветствовала участников и гостей конференции, отметила значимость мероприятия для Университета и кафедры финансового права, и обратила внимание, что в свете последних законодательных изменений в области финансового права всех ждут интересные выступления и предложения по регулированию отношений, формируемых в финансово-правовой сфере.

Первым с докладом выступил к. ю. н., **Р. Е. Артюхин**, руководитель Федерального

казначейства. Он затронул вопросы, связанные с полномочиями Федерального казначейства в свете Указа Президента Российской Федерации от 2 февраля 2016 г. № 41 «О некоторых вопросах государственного контроля и надзора в финансово-бюджетной сфере»¹. В частности, было отмечено, что в результате упразднения Федеральной службы финансово-бюджетного надзора в Федеральное казначейство перешло 2178 сотрудников Росфиннадзора. Р. Е. Артюхин представил новую модель контроля со стороны Федерального казначейства, которая должна включать следующие три формы контрольной деятельности:

- контроль, осуществляемый в виде ревизий и проверок;
- аудит;
- мониторинг.

Эта модель рассматривается Федеральным казначейством в качестве рабочей и она представлена в Министерство финансов РФ.

¹ СЗ РФ. 2016. № 6. Ст. 831.

© Арзуманова Л. Л., 2016

* Арзуманова Лана Львовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

llarzumanova@msal.ru

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Р. Е. Артюхин отметил также необходимость применения контрольной преюдиции, т.е. признания результатов проверок контрольных органов, проверяющих одного и того же субъекта (объект контроля, согласно БК РФ) по одному и тому же предмету. И, наконец, отмечалась возможность использования такого инструмента, как досудебное урегулирование споров, путем формирования коллегиального органа при Федеральном казначействе.

В докладе стат-секретаря — заместителя председателя Центрального банка Российской Федерации **А. П. Торшина** на тему «Задачи Центрального банка РФ в современных условиях развития финансовой системы РФ» было отмечено, что одним из основных направлений деятельности Банка России на сегодня является контроль за соответствием должностных лиц кредитных организаций требованиям, предъявляемым к деловой репутации. Докладчик говорил о необходимости повышения этих требований, в том числе путем проведения соответствующих научных исследований, которые могут показать, какие следует устанавливать требования в данной области регулирования.

В продолжение банковской тематики прозвучал доклад директора Юридического департамента Банка России, доцента кафедры финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к. ю. н. **А. Г. Гузнова**. В своем выступлении «Финансово-правовое регулирование, контроль и надзор на финансовом рынке: проблемы и перспективы развития» Алексей Геннадьевич затронул тему расширения полномочий Банка России по надзору на финансовых рынках. Так, в настоящее время Банк России осуществляет надзор за деятельностью примерно 730 кредитных организаций, 330 страховых организаций, порядка 100 негосударственных пенсионных фондов, более 3 600 микрофинансовых организаций, около 3 500 потребительских кооперативов и более 8 000 ломбардов. С этим количеством поднадзорных субъектов, по словам А. Г. Гузнова, можно справиться только в условиях проведения соответствующей работы с системой саморегулирования в этих областях.

Директор Института права БРИКС профессор, д. ю. н. **Д. В. Винницкий** затронул в своем выступлении вопросы изменения системы регулирования трансграничных налоговых отношений. По словам докладчика, механизм обмена налоговой информацией предполагает использование одного из двух подходов. Первый подход связан с централизацией, созданием единого информационного центра. Второй предполагает децентрализацию, обмен информацией в рамках функционирования интернет-системы, когда налоговая служба одного государства получает информацию от налоговой службы другого государства путем направления соответствующего обращения. Второй путь в меньшей степени поддается контролю и в рамках его реализации возможно раскрытие частной информации.

Следующим прозвучало выступление заместителя заведующего кафедрой финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д. ю. н., профессора **О. В. Болтиновой**, посвященное новой редакции Бюджетного кодекса РФ. Ольга Викторовна выразила удовлетворение тем фактом, что представители Минфина РФ прислушались к мнению научного сообщества в части изменений и дополнений, которые предлагались к главам и отдельным статьям Бюджетного кодекса РФ. Докладчик обратила внимание присутствующих на основные понятия (термины), которые зафиксированы в новой редакции БК РФ и отдельно остановилась на рассмотрении понятия «бюджет». Как отметила Ольга Викторовна, данное понятие прошло значительное эволюционное развитие с момента принятия Закона РСФСР от 10 октября 1991 г. «Об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса РСФСР»², в котором оно впервые появилось. Безусловно, на тот момент нормативное закрепление определения понятия «бюджет» было большой заслугой законодателя. Между тем в нем не отражалась возможность формирования собственных бюджетов муниципальными образованиями. В 2000 г. понятие «бюджет» было закреплено в Бюджетном кодексе РФ. В соответствии с действующей редакцией Кодекса под бюджетом следует понимать форму образования и расходования денежных средств, предназначенных

² Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 46. Ст. 1543. Документ утратил силу.

для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления. Говоря о терминах и понятиях новой редакции БК РФ, Ольга Викторовна отметила, что бюджет следует понимать как фонд денежных средств, который направлен на обеспечение деятельности публичной власти (публично-правового образования).

В продолжение темы новой редакции Бюджетного кодекса РФ заведующий отделом финансового, налогового и бюджетного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, доцент, к. ю. н. **Н. А. Поветкина** отметила, что в новой редакции БК РФ появляется глава, посвященная государственным и муниципальным ценным бумагам, а также вводится раздел, связанный с информационным обеспечением бюджетных правоотношений. Таким образом, можно говорить о том, что предмет правового регулирования расширяется.

Далее слово было предоставлено представителю Казахской Республики, директору НИИ финансового и налогового права, профессору ВШП «Эділет» Каспийского университета, д. ю. н. **Е. В. Порохову**, который продолжил тему бюджетного законодательства. Как отметил докладчик, несмотря на то, что в действующем Бюджетном кодексе Казахской Республики достаточно хорошо освещены вопросы, связанные с доходами бюджетов, правовое регулирование расходной части бюджета требует более детальной регламентации. Евгений Викторович отметил, что 20 лет назад в Казахстане за основу была принята чилийская система пенсионного обеспечения, предусматривающая финансирование со стороны государства только базовой части пенсии, а оставшаяся часть могла быть «заработана» работником самостоятельно. Эта сумма фиксировалась на индивидуальном пенсионном счете, однако после девальвации национальной валюты пенсионные накопления граждан сгорели.

Во второй части конференции выступил с докладом о перспективах развития финансового права заместитель заведующего кафедрой финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) профессор, д. ю. н. **Н. М. Артемов**, который обратил внимание на проблемы, с которыми сталкиваются аспиранты при выборе оппонентов для выхода на защиту в связи с тем, что по требованиям ВАК оппоненты должны иметь публикации по теме работы соискателя. Николай Михайлович поставил перед научной общественностью вопрос, как в таком случае проводить интересные исследования на стыке разных отраслей права, например финансового и гражданского, приобретающие в последнее время большую актуальность? С учетом установленных требований это становится затруднительно с точки зрения последующего рецензирования диссертации.

Заключительным на конференции стало выступление заведующего кафедрой финансового права МГУ имени М.В.Ломоносова, доцента, к. ю. н. **М. Ф. Ивлиевой**, которая говорила о необходимости возврата к институту защищенных статей расходов бюджета, введению в бюджетное законодательство норм, касающихся секвестра не только федерального бюджета, но и местных бюджетов.

В заключение можно резюмировать, что финансовое право становится одним из передовых направлений в юриспруденции, особенно с учетом новых экономических условий существования публично-правовых образования, бизнеса и частных субъектов.

Организаторы и участники научно-практической конференции отметили высокий уровень мероприятия, а также тот факт, что обсуждаемые вопросы носили не только теоретический, но и практический характер. Конференция предоставила научному сообществу возможность предложить свои пути решения отдельных проблемных ситуаций и поставить вопросы, требующие дальнейшей проработки.

Материал поступил в редакцию 10 апреля 2016 г.

**SUMMING-UP THE RESULTS OF THE RESEARCH AND PRACTICE CONFERENCE
"KEY TENDENCIES IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN FINANCIAL LAW"**

AZUMANOVA Lana Lvovna — Ph.D., Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of the Kutafin State Law University (MSAL)

llarzumanova@msal.ru

125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Str., 9

Review. *The article reviews the scientific practical conference named "The main trends in the development of the Russian Finance Law" held at the III Moscow Law Forum and the X International Scientific and Practical Conference "Kutafin Readings" on April 8, 2016. It reflects the basic reports of the participants of the conference, dealing with various areas of financial law in modern conditions.*

Keywords: *conference, Finance Law, International Association of the Finance Law, Budget Law, scientific and practical conference.*

А. В. Никоненко*

«Банковская система и рынок банковских услуг в новых экономических условиях»: подведение итогов работы круглого стола в рамках III Московского юридического форума

Аннотация. Обзор круглого стола «Банковская система и рынок банковских услуг в новых экономических условиях», проведенного в рамках III Московского юридического форума и X Международной научно-практической конференции (Кутафинских чтений), дает представление об участниках конференции, о темах их докладов, об основных проблемах, обсуждавшихся на круглом столе.

Ключевые слова: банковское право, проблемы банковского права, круглый стол, банковская система, рынок банковских услуг, банки, кредитные организации.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.069-072

В рамках III Московского юридического форума «Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем» 8 апреля 2016 года состоялся круглый стол «Банковская система и рынок банковских услуг в новых экономических условиях».

Организаторами круглого стола выступили кафедра предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, кафедра банковского права Московского государственного университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и кафедра банковского права и финансово-правовых дисциплин юридического факультета имени М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ.

В ходе заседания круглого стола были заслушаны доклады участников на трех различных секциях:

1) секция «Антикризисное регулирование банковской системы в новых экономических

условиях: направления правового регулирования»;

2) секция «Правовое регулирование банковских услуг в новых экономических условиях»;
3) секция «Производные финансовые инструменты в современной банковской практике».

С докладами выступили:

П. А. Медведев, советник президента Ассоциации российских банков, финансовый омбудсмен, к. ф.-м. н., д. э. н., профессор;

А. А. Борисенко, заместитель директора Юридического департамента Банка России;

С. В. Кузнецов, к. ю. н., директор правового департамента ГК «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)»;

О. Р. Зайцев, советник руководителя юридического департамента ГК «Агентство по страхованию вкладов».

В мероприятии приняли участие научные работники, преподаватели учебных заведений, а также известные практикующие юристы Российской Федерации.

© Никоненко А. В., 2016

* Никоненко Александр Викторович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры банковского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) kbp@msal.ru

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Присутствующих приветствовали:

Е. П. Губин, зав. кафедрой предпринимательского права юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, д. ю. н., профессор;

Е. Б. Лаутс, к. ю. н., доцент кафедры предпринимательского права юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова;

Л. Г. Ефимова, заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) д. ю. н., профессор;

Ш. Ш. Узденов, заведующий кафедрой банковского права и финансово-правовых дисциплин юридического факультета имени М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ, к. ю. н., доцент.

На заседании круглого стола с докладами выступили известные теоретики и практики в сфере банковского права, в числе которых: д. ф. н. А. М. Экмалян; д. ю. н., профессор Г. Ф. Ручкина; д. ю. н., профессор Л. Г. Ефимова; д. ю. н., профессор А. Я. Курбатов; к. ю. н., доцент А. В. Белицкая; к. ю. н. Ю. В. Лысова; к. ю. н. О. М. Иванов; к. ю. н. Е. В. Галкова; М. Л. Башкатов; к. ю. н. А. Ю. Буркова; Ю. И. Медведева; к. ю. н. А. Л. Комолов; к. э. н., доцент Т. Ю. Сафонова; Е. В. Хлыстова; к. ю. н. Е. М. Барейша.

В ходе круглого стола обсуждались проблемы теории безналичных расчетов в доктрине России, Германии, Франции и Швейцарии (сравнительно-правовой аспект), правовые проблемы управления регулятором рисков при осуществлении отдельных банковских операций, банковские комиссии по кредитным сделкам в свете судебной практики, правовое регулирование банковской деятельности в потребительском кредитовании, правовое обеспечение инфраструктурного взаимодействия между участниками расчетов в национальной платежной системе, рамочные соглашения в банковской практике, проблемы и перспективы развития правового регулирования полной стоимости потребительского кредита (займа).

Заседание круглого стола открыл **П. А. Медведев**, к. ф.-м. н., д. э. н., профессор, советник президента Ассоциации российских банков, финансовый омбудсмен с докладом «Закредитованность населения — угроза финансовой системе страны. Есть ли выход?». В докладе были рассмотрены основные причины появления объемной ссудной задолженности населения со значительным процентом невозвращенных кре-

дитов. П. А. Медведев сообщил, что основная просьба, с которой граждане-заемщики обращаются в службу финансового омбудсмена, — оказать содействие с реструктуризацией их долгов. Если кредиты были взяты у нескольких банков, выполнить просьбу гражданина затруднительно из-за высокой конкуренции банков на кредитном рынке. П. А. Медведев предложил искать выход в изменении законодательства.

Л. Г. Ефимова, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), сделала доклад на тему «Проблемы теории безналичных расчетов в доктрине России, Германии, Франции и Швейцарии (сравнительно-правовой аспект)». В докладе были рассмотрены спорные вопросы теории безналичных расчетов в сравнительно-правовом аспекте. В частности, рассматривался вопрос определения правовой природы расчетной банковской операции согласно доктрине России, Франции, Швейцарии и Германии. В частности, по мнению автора, расчетные операции являются договорами об оказании платежных услуг, что, во-первых, является продолжением сделочной теории расчетных сделок, разработанной автором ранее, а во-вторых, соответствует подходам, существующим в зарубежных правовых порядках.

В докладе **И. Е. Михеевой**, к. ю. н., заместителя заведующего кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), на тему «Банковские комиссии по кредитным сделкам в свете судебной практики» рассмотрена практическая проблема, с которой сталкиваются кредитные организации в условиях кризиса. В статье 29 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» предусмотрено право банков на удержание с клиентов комиссий. В то же время в действующем законодательстве Российской Федерации отсутствует легальное определение понятия «банковские комиссии», что приводит на практике к сложностям при оценке правомерности удержания с клиента платы, которая в кредитных договорах обозначается как комиссия. Банки нередко злоупотребляют своим правом кредитора и взыскивают с клиентов несколько комиссий за оказание одной банковской услуги — предоставления кредита. Вопрос о правомерности взыскания кредитными организациями с клиентов — субъектов предпринимательской деятельности различных

банковских комиссий по кредитным договорам неоднократно рассматривался высшими судебными инстанциями. Несмотря на противоречивость судебной практики, можно выделить следующие основные позиции судов относительно оценки правомерности удержания банковских комиссий по кредитным сделкам. Определяющим фактором является характер предоставляемой банком услуги, за которую удерживается комиссия (стандартная либо дополнительная (самостоятельная) услуга либо благо). Только при оказании банком клиенту дополнительной (самостоятельной) услуги либо блага, не связанных с оказанием основной услуги — предоставлением кредита, комиссия признается законной. Другим критерием, выделяемым судами, является периодичность уплачиваемой комиссии. Комиссии, начисляемые кредитной организацией периодически на остаток ссудной задолженности по основному долгу (кредиту), признаются процентами за пользование кредитом, что не позволяет заемщику истребовать уплаченную сумму у банка. Следует отметить, что в данном случае внесенная плата не будет комиссией, поскольку по своей природе является платой за пользование денежными средствами, т.е. процентами.

В докладе **Е. Г. Хоменко**, к. ю. н., доцента, доцента кафедры банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), на тему «Правовое обеспечение инфраструктурного взаимодействия между участниками расчетов в национальной платежной системе России» рассматриваются теоретические вопросы организации и деятельности национальной платежной системы. По мнению Е. Г. Хоменко, в национальной платежной системе ее инфраструктура выступает связующим звеном между организациями, предоставляющими платежные услуги, и конечными потребителями этих услуг. Организации, образующие данную группу элементов национальной платежной системы, непосредственно не оказывают платежные услуги, но без них было бы невозможно их осуществление. С точки зрения автора, национальная платежная система является трехуровневой, в которой первый (верхний) уровень занимает Банк России; второй уровень — субъекты, оказывающие платежные услуги (операторы по переводу денежных средств (включая операторов электронных денежных средств), банковские платежные агенты (субагенты),

платежные агенты, организации федеральной почтовой связи при оказании ими платежных услуг), а также платежные системы; третий уровень — элементы, объединяемые по признаку причастности к организации взаимодействия при осуществлении платежных услуг между всеми заинтересованными лицами, — инфраструктура национальной платежной системы.

Основанием инфраструктурного взаимодействия элементов национальной платежной системы являются договоры. Операционный центр осуществляет свою деятельность на основании договоров об оказании операционных услуг; платежный клиринговый центр — на основании договоров об оказании услуг платежного клиринга, расчетный центр — на основании договоров банковского счета. Взаимодействие в национальной платежной системе строится на основании договоров, заключаемых операторами услуг платежной инфраструктуры не только с участниками платежных систем, но и между собой.

По мнению Е. Г. Хоменко, можно выделить две формы инфраструктурного взаимодействия в национальной платежной системе.

- 1) информационное взаимодействие;
- 2) организационно-техническое взаимодействие.

Таким образом, инфраструктурное взаимодействие в национальной платежной системе создает возможность построения взаимосвязей между всеми элементами национальной платежной системы, а также между ними и конечными потребителями платежных услуг.

В ходе круглого стола были заслушаны и другие интересные доклады участников, которые сопровождались дискуссиями с участием представителей юридических служб банков.

Наибольший интерес у участников круглого стола вызвали следующие доклады:

- «Соотношение банковского и антикризисного регулирования рынка банковских услуг в новых экономических условиях» Е. Б. Лавутс, к. ю. н., доцента, доцента кафедры предпринимательского права юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова;
- «Банковские инструменты государственной инвестиционной политики: российский и зарубежный опыт» А. В. Белицкой, к. ю. н., доцента, доцента кафедры предпринимательского права юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова;

- «О гражданско-правовой ответственности за применение мер противодействия отмыванию преступных доходов» Ю. В. Лысовой, к. ю. н., старшего преподавателя кафедры банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА);
- «Проблемы регулирования кредитования: от потребителей до синдикатов» О. М. Иванова, к. ю. н., доцента, доцента кафедры банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА);
- «Принцип номинализма в сравнительной перспективе» М. Л. Башкатова, ведущего научного сотрудника Института права и развития ВШЭ-Сколково, ассистента кафедры гражданского права юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова;
- «Рамочные соглашения в банковской деятельности» А. Ю. Бурковой, к. ю. н., БНП ПА-РИБА Банк.
- «Практическое применение действующего законодательства в области кредитования» А. В. Никоненко, к. ю. н., старшего преподавателя кафедры банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА);
- «Производные финансовые инструменты: правовые аспекты регулирования срочных сделок на внебиржевых финансовых рынках» Ю. И. Медведевой, заместителя начальника управления — начальника отдела иностранных финансовых институтов Департамента финансовых институтов АО «Россельхозбанк»;
- «Реформа правового регулирования обеспечения исполнения обязательств из сделок с ПФИ» А. Л. Комолова, к. ю. н., руководителя направления Правового департамента ПАО Сбербанк;
- «Правовые риски на рынке производных финансовых инструментов» Т. Ю. Сафоновой, к. э. н., доцента, доцента кафедры фондовых рынков и финансового инжиниринга факультета финансов и банковского дела РАНХиГС при Президенте РФ, ст. менеджера КПМГ.

Материал поступил в редакцию 10 апреля 2016 г.

**BANKING SYSTEM AND THE MARKET OF BANKING SERVICES IN THE NEW ECONOMIC ENVIRONMENT:
SUMMING-UP THE RESULTS OF THE ROUND TABLE CONFERENCE WITHIN THE FRAMEWORK
OF THE III MOSCOW LEGAL FORUM**

NIKONENKO Aleksandr Viktorovich — Ph.D., Senior Lecturer of the Department of Banking Law
kbp@msal.ru
125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Str., 9

***Review.** The article provides an overview of the round table discussion "The banking system and the banking services market in the new economic environment", held as part of III Moscow Legal Forum and the X International Scientific and Practical Conference "Kutafin Readings." This article provides information on the conference participants, the topics of their reports, and briefly highlights the main issues discussed at the conference.*

***Keywords:** banking law, banking law issues, round table discussion, the banking system, the market of banking services, banks, credit organizations.*

Подведение итогов работы Международной научно-практической конференции «Современные проблемы стратегического планирования в сфере охраны окружающей среды и рационального природопользования»

Аннотация. В статье рассматриваются основные вопросы, поднятые участниками Международной научно-практической конференции «Современные проблемы стратегического планирования в сфере охраны окружающей среды и рационального природопользования». Авторы делают выводы об особой актуальности рассматриваемых проблем, озабоченности научной общественности совершенствованием механизма стратегического планирования в интересах охраны окружающей среды, обеспечением экологической безопасности, рационального природопользования на современном этапе развития нашего государства.

Ключевые слова: стратегическое планирование, национальная безопасность, охрана окружающей среды, экологическая безопасность.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.073-076

Тема Международной научно-практической конференции «Современные проблемы стратегического планирования в сфере охраны окружающей среды и рационального природопользования», которая прошла 8 апреля 2016 года в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в рамках III Московского юридического форума и X Международной научно-практической конференции (Кутафинских чтений), выбрана не случайно. На современном этапе общественного развития особое значение при реализации государственной экологической политики приобретает стратегическое планирование.

С принятием Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» ком-

плекс вопросов, связанных с государственной экологической политикой, нуждается в анализе и оценке в принципиально другой плоскости. При этом необходимо учитывать соотношение государственной экологической политики и государственного экологического управления — пересекающихся и взаимосвязанных, но не совпадающих понятий, которые вызывают многочисленные дискуссии среди ученых.

В работе конференции принимало участие около 60 человек — представители МГУ имени М.В.Ломоносова, Института государства и права РАН, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Саратовской государственной юридической академии, Государственного университета управления, Санкт-Петербургского

© Шпаковский Ю. Г., 2016

* Шпаковский Юрий Григорьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
yurii-rags@yandex.ru
123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

научно-исследовательского центра экологической безопасности РАН, Московского государственного университета путей сообщения, Двенадцатого арбитражного апелляционного суда, Финансового университета при Правительстве РФ, Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева, Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, Воронежского государственного университета, Российского государственного аграрного университета имени К. А. Тимирязева, Научно-исследовательского института Академии Генеральной прокуратуры РФ, Финансового университета при Правительстве РФ, Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Всероссийского государственного университета юстиции, Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук и др.

Координацию работы конференции осуществляли ведущие ученые в области экологического, природоресурсного, земельного и аграрного права:

Сергей Александрович Боголюбов, доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом аграрного, экологического и природоресурсного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ;

Наталья Григорьевна Жаворонкова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА);

Ирина Олеговна Краснова, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой экологического и земельного права Российского государственного университета правосудия;

Елена Анатольевна Галиновская, кандидат юридических наук, заведующий отделом Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

С генеральным докладом «Установление нового и восстановление прежнего элемента экономического механизма природопользования» выступил профессор **С. А. Боголюбов**, который поднял проблемы формирования

экологической политики государства, выделил основные направления ее реализации, в том числе экологизации законодательства, оздоровления природной основы жизни народов.

Среди выступающих были представители ближнего зарубежья: **А. Ш. Азимзод** (Республика Таджикистан), **Н. С. Ищенко** (Республика Беларусь), поднимая в своих докладах проблемы предоставления земельных участков для сельскохозяйственных нужд и строительства в Республике Таджикистан, стратегии и тактики обеспечения экологической безопасности в Республике Беларусь в современных условиях.

В. И. Евтушенко, заместитель руководителя Управления ФМС по Белгородской области в своем докладе затронул актуальные проблемы экологической миграции как нового направления правового регулирования экологической безопасности.

В работе конференции приняли участие представители Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Так, заведующий кафедрой предпринимательского и экологического права **С. В. Елькин** акцентировал внимание участников на земельно-правовых проблемах обеспечения ландшафтного подхода к устойчивому развитию территории Крыма.

В докладах других участников конференции (**проф. Н. Г. Жаворонковой**, **проф. Г. В. Выпхановой**) отмечалось, что проблема планирования экономического и социального развития страны относится к числу актуальных тем науки. Ей было посвящено огромное количество научной и методической литературы советского периода. Аналогичные вопросы рассматриваются научной общественностью и сейчас. В этом случае внедрение механизма стратегического планирования является серьезным аргументом в пользу целесообразности формирования механизма государственного планирования в основных сферах жизнедеятельности. В последнее время необходимость формирования системы государственного стратегического планирования значительно повысилась в силу того, что решения в оборонной, социальной, технологической и экономической сферах приобретают долгосрочный стратегический характер. Система государственного стратегического планирования и прогнозирования является инструментом формирования долгосрочных приоритетов деятельности государства, реализации глобальных и крупномасштабных задач,

обеспечения согласованности планов федеральной и региональной власти, органов местного самоуправления, увязки принимаемых в процессе государственного стратегического управления решений с бюджетными ограничениями на среднесрочный и долгосрочный периоды.

Участники конференции (**проф. Ю. Г. Шпаковский, доц. С. Н. Русин, доц. Т. В. Волкова, О. В. Меркушова**) подчеркнули, что Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683, в состав национальной безопасности включает, наравне с другими видами безопасности, экологическую безопасность. При этом стратегическими целями обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования являются: сохранение и восстановление природных систем, обеспечение качества окружающей среды, необходимого для жизни человека и устойчивого развития экономики; ликвидация экологического ущерба от хозяйственной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата. В нашей стране основными документами стратегического планирования являются Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, указы Президента РФ от 7 мая 2012 года № 596—606, и ежегодное Послание Президента РФ Федеральному Собранию. Согласно Стратегии национальной безопасности концептуальные положения в области обеспечения национальной безопасности базируются на фундаментальной взаимосвязи с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития. При этом важны подходы к формированию организационно-правовых основ обеспечения экологической безопасности, изложенные в проекте

Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г.

Акцентируя внимание на Стратегии экологической безопасности, выступающие подчеркивали, что переход на путь экологически устойчивого развития приведет к снижению как абсолютных, так и удельных показателей воздействия на окружающую среду. В стране еще в 2002 г. была принята Экологическая доктрина. Но законодательная база для эффективного управления в этой сфере так и не сформирована. Стратегия экологической безопасности должна придать всей работе в области охраны окружающей среды системную основу. Ответственный подход в сфере экологии государство при этом намерено поддерживать на принципах государственно-частного партнерства. К тому же в стране предполагается сформировать рынок экологически чистой продукции. Так что передовые в плане охраны окружающей среды предприятия смогут воспользоваться еще и маркетинговыми преимуществами.

Результаты работы конференции имеют большое значение для совершенствования экологического и природоресурсного законодательства. Так, в соответствии с Указом Президента РФ от 5 января 2016 года № 7 в целях привлечения внимания общества к вопросам экологического развития, сохранения биологического разнообразия и обеспечения экологической безопасности 2017 год в Российской Федерации объявлен Годом экологии. С этой целью Комитет Государственной Думы по природным ресурсам, природопользованию и экологии проводит мониторинг состояния экологического законодательства и осуществляет подготовку предложений по его совершенствованию. В настоящее время кафедрой экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) подготовлены соответствующие предложения по итогам конференции.

Материал поступил в редакцию 10 апреля 2016 г.

SUMMING-UP THE RESULTS OF THE INTERNATIONAL RESEARCH AND PRACTICE CONFERENCE "MODERN PROBLEMS OF STRATEGIC PLANNING IN THE AREA OF ENVIRONMENTAL PROTECTION AND NATURAL RESOURCES MANAGEMENT"

SHPAKOWSKIY Yuri Grigorievich — Doctor of Law, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
yurii-rags@yandex.ru
123995, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Review. *This article discusses the major issues raised by the participants of the International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Strategic Planning in the Field of Environmental Protection and Rational Exploitation of Natural Resources." The authors draw conclusions about the particular relevance of the issues and concerns about improving the strategic planning for the benefit of environmental protection, environmental security, environmental management at the present stage of development of our state.*

Keywords: *strategic planning, national security, environmental protection, environmental security.*

Падение суверенитетов: обратная перспектива

Часть 3

Окончание.

Начало см.: Актуальные проблемы российского права, 2016, № 4, 5.

Аннотация. В статье дается анализ проблемы, которая всегда оставалась актуальной в правовой науке, — проблема суверенитета. Это понятие сопоставляется с другой его ипостасью — суверенностью, и в процессе диалектического противопоставления делается попытка выявить их общие черты и коренные отличия. Суверен как субъект суверенитета может иметь как личностную, так и анонимную форму, как индивидуальное, так и коллективное воплощение.

В статье подчеркивается фиктивный характер суверенной субъективности, свойственной эпохе, когда суверенитет значительно меняет свое содержание и сущность, — эпохе модерна. Этот процесс трансформации был отмечен такими мыслителями, как Федор Достоевский, Владимир Соловьев, Фридрих Ницше и др. Ложный или мнимый суверен, даже обладающий господством и властью, лишен истинной легитимности, которую для него не могут воссоздать ни общественное мнение, ни прямое насилие. Здесь не помогают ни мимикрия, ни манипулирование. «Два тела» короля распадаются надвое и уже не соединяются никогда.

Мнимый суверен возглавляет мнимое, «фантомное» государство. Субстратом этой государственности становится не народ, а «массы» — как особые образования, соединенные вместе скрепами внешней власти, насилием и идеологией. Суверенность, ассоциированная со свободой существования, поглощается силой власти, с которой она оказывается несовместимой. Внешний закон играет значительно более важную роль, чем внутренняя истина, на которой по традиции зиждилась справедливость.

Сама справедливость заменяется своей собственной метафорой, которую являет закон. Обезличенная сила закона, которая выражалась в волевом решении, не только ограничивает пределы суверенитета, но и заменяет его собой. Суверенитет как статус излучает суверенность как движение и динамику. Мнимости, столь характерные для эпохи модерна, вполне позволяют создавать «неправые законы», забывающие и об истине, и о справедливости, сосредоточенные только на целесообразности и эффекте. Из области права исчезают метафизические и трансцендентные положения, прежде связывавшие его с иными высокими внеправовыми инстанциями. Нормативизм становится господствующей идеологией модерна и современности, придавая праву и суверенитету совершенно новый облик и порождая неожиданные последствия для жизни правового государства.

© Исаев И. А., 2016

* Исаев Игорь Андреевич, доктор юридических наук, профессор кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина
kafedra-igr@mail.ru
123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Ключевые слова: суверенитет, суверенность, авторитет, легитимность, законность, субъект, личность, государство, правовая форма, норма, справедливость, истина, легальность.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.077-087

7. Право не есть последняя истина

Если действительность была недоступна для рассудочного понятия, то проникнуть в нее оказалось способным только поэтическое слово, образ: понятие лишь упорядочивает наличное и открытое, образ же порождает новую духовную действительность. Понятие исключает тайну, образ является парадоксальным единством противоположностей в той мере, в какой он одновременно освещает и чтит тьму. Понятие означает экономию, образ — расточительство, понятие упрощает, образ чтит множественность, понятие всеобщее, образ индивидуален; здесь — упорядочение, экономия, расчлененность, универсальность, прогресс противопоставляются жизни, там — тайна, многообразию¹. («Ночь — это мать дня. Ночь — это время укрытия прошлого божественного и сокрытие грядущих богов. Поскольку ночь, в которой ночует такое укрытие — сокрытие, это не ничто, то в ней есть и своя ясность и спокойствие тихой подготовки некоего грядущего». У нее нет бодрости покоящейся игры, но все же есть покойное ожидание (Мартин Хайдеггер).

Но в мире лжепророков и ложных суверенов истина — только «движущаяся толпа метафор», иллюзия, о которой забыли, что она такова, метафора, которая поистрепалась. Стремление к истине — обязательство, которое нам ставит общество как залог своего существования, обязательство быть правдивым, т.е. употреблять обычные метафоры, лгать согласно принятой условности, лгать стадно в одном для всех обязательном стиле; благодаря неосознанности этого и еще благодатному забвению человек и приходит к чувству истины. Поэтому побуждение к образованию метафор — основное, почти инстинктивное побуждение человека. Вырываясь из своих обесплоченных созданий — понятий, он вы-

страивает новый «окоченелый» мир, человек ищет для своей деятельности какое-то новое царство и находит его в мифе². Райнхарт Козлек даже утверждает, что все современные «измы» образованы духовным напряжением между опытом (обобщенным в них наличным бытием) и ожиданием (проектом будущего). Сами эти понятия появляются прежде, чем соответствующие им реалии: метафора с ее «логикой фантазии» (Вико) становится удобным способом познания исторической реальности.

Истина везде, где мы с ней соприкасаемся, связана с властью: в объективном мире — благодаря действительности власти, в субъективности отдельного человека — благодаря его побудительной властной воле (Ницше). Однако «воля к логической истине» неизбежно предполагает некую фальсификацию события. Ницше отрицал, что существуют какие-либо априорные эмпирические или исторические истины: такие истины состояли бы только в соответствии наших мыслей с самими собой и всеобщими законами мысли, а материальная истина — в соответствии законов мысли — с помысленными предметами, с бытием. Борьба, утверждая волю имморализма против отрицающей волю морали, «превращается тогда в борьбу становления против бытия»³.

Великий инквизитор, как настоящий реалист оставляет позади себя традиционный дуализм добра и зла, но как человек, искренно верящий в утопию, сам он отчаянно держится за этот дуализм. Действительность делает его циником и прагматиком, но исходя из своих намерений, он благодушно чувствует себя воплощением добра. Эта перевернутая циническая оптика дает логически ясный образец для толкования одного весьма важного феномена: «Тот, кто желает властвовать, непременно использует истину, чтобы лгать». При попытке

¹ См.: Михайловский А. В. Поэт возвращения // Юнгер Ф. Ницше. М., 2001. С. 20—21.

² См.: Ницше. Об истине и лжи во вненравственном смысле // Философия в трагическую эпоху. М., 1994. С. 258—263.

³ Юнгер Ф. Ницше. С. 124—125.

же сделать истину государственной религией сама она почему-то неизбежно превращается в свою противоположность (как заметил Теодор Адорно, сами по себе «преодоления всегда значительно хуже того, что преодолевается»). Тогда зло становится только «так называемым злом», стоит лишь помыслить его как средство для достижения добра. А добро соответственно становится «так называемым добром». (Как Христос, который «несвоевременно» пришел мешать Великому инквизитору: за гранью добра и зла их метафизическое различие и во все исчезает.)

Такая метафизическая нейтральность означала собой приход эпохи модерна, в которой отсутствуют и трансцендентная модель, и четкое различие средств и целей. Теперь любые высказывания о целях выступают как «идеологии». Появляется такой загадочный и угрожающий феномен, как масса, своеобразный «духовный животный мир», темная область ложного и несвободного сознания. Но Великий инквизитор твердо убежден в том, что человек должен и, главное, хочет быть обманут: «Человек нуждается в порядке, порядок нуждается во власти, власть нуждается во лжи».

Занятие же «большой политикой» (но это уже совсем не то, о чем «говорил Заратустра») означает инструментальный тотальный манипулирования ценностями⁴. Добро и зло встречаются возле жертвенного алтаря — в войне и борьбе выясняется истина и устанавливаются права. Потери компенсируются приобретениями. «Министерства правды» занимаются распространением лжи. Жертвы же чаще всего приносятся за счет третьей стороны, не участвующей в борьбе. Пересмотр всех ценностей сопровождает войны и революции. Зло начинает казаться оправданным и бесконечным. По замечанию Жака Раньера, аксиологическая подмена конкретной жертвы символической инстанцией, противостоящей злу, или абсолютной жертвой, порождает и столь же абсолютное «внеюридическое право» жертвы бесконечного зла. И наследуемо это право защитником прав жертвы: и жертва с этой точки зрения является онтологическим основанием всякой культуры.

Отсюда проистекает и то самое оправдываемое божественное насилие в политическом, о котором говорил Вальтер Беньямин: «Справедливость есть принцип любого божественного целеполагания, власть же — принцип любого мифического правополагания... Мифическая манифестация непосредственного насилия в глубине проявляет себя идентично любому правовому насилию». Но если мифическое насилие — правоустанавливающее, то божественное — правоуничтожающее; если первое устанавливает границы применимости, второе — безгранично и нелегитимно; если первое является источником вины и позволяет ее искупить, то второе расположено вне пределов конкретной вины и принуждает платить сполна; если первое — грозяще и кроваво, то второе — разяще и бескровно. Здесь правовое сознание стыдливо замалчивает несправедливость и насилие, лежащее в ее основаниях, но порождает чувство вины, т.к. «правовое бессознательное» рождается из «грязного» насилия, и даже «демократическая форма права порождена предшествующим ей голым насилием над стихийно сложившимся порядком»⁵.

Схематизация правомерной и неправомерной власти, столь свойственная модерну, требует также новой нормативной формы, поскольку речь идет о приписываемом действии. Но эта форма опирается на контрафактические «иллюзорные» ожидания и поэтому воспринимает реальность еще очень неуверенно и неточно. Ведь неправомерная власть тоже является властью, хотя и совсем в ином смысле, нежели это имеет место в случае, когда ложь оказывается истиной. Она представляет собой вполне реальную власть, а не просто возможность, реализации которой могут ожидать... Формирование отношений между властью и правом отличает гораздо большие затруднения, чем формирование отношений между ложью и истиной. Распределение власти может в своей тенденции расстраивать правовой порядок, и эта тенденция (если она соотносена с действием) вынуждает принимать решения, т.е. согласовывать позиции права и власти. «В форме права политическая власть лишь как бы подвергается консервации и может про-

⁴ См.: *Слотердайк П.* Критика цинического разума. Екатеринбург, 2001 С. 217—223.

⁵ *Савчук В.* Время нигилизма // Судьба нигилизма. СПб., 2006. С. 206—207.

должительное время оставаться в распоряжении тех, кто политиками вовсе не является и собственной властью не обладает». Фатальное различие частного и публичного права размыло эту универсальную связь права и политики, хотя некогда именно частное право первоначально и было правом политическим. Политика и решение постоянно первенствовали в альянсе с правом и законом, и это давало надежду на то, что правильно понятая справедливость сможет выразиться в праве⁶.

Справедливость осуществляла номинацию, поименование своих производных, нормирование давало им соответствующие имена: «закон», «порядок». Но пространство «имен и закона» вторично. Посредством имени обозначается и отграничивается нечто уже существующее, однако начало и конец принадлежали «пустоте», и вся история с ее правом и законами происходит из этого истока. Богоустроенная «пустошь» скрывает в себе чистый закон, первомеру всякого человеческого устройства (Фридрих Юнгер). «Пустошь» и «лесные тропы» (пространство смыслообразования, описанное Эрнстом Юнгером) означают некую потаенность, не нуждающуюся в законе. Нормирование же как производство смыслов давало возможность суверену формировать мир вокруг себя: мнимый суверен, соответственно, творил мнимый мир, в котором интерпретации не преследуют истину. Вот тогда-то и рождается неправое право.

Но для лжесуверена такое понимание неприемлемо и бессмысленно. Великий инквизитор говорил о «тайне, авторитете и чуде» как о главных ценностях грядущего времени. «Смерть Бога» и уход веры не оставляют более высоких критериев и инстанций для формирования смыслов. Теперь категории «смысла» и «целостности» амбициозно претендуют на всезначимость. Но ведь цель сама по себе уже есть некий смысл, предположение, что нечто может быть достигнуто в результате некоего процесса, когда вдруг наступает осознание того, что становлением в общем-то ничего и не достигается — вот тогда-то и приходит нигилизм, разочарование в кажущейся цели становления. Нигилизм наступает, когда во всем совершающемся и подо всем совершающим-

ся навязчиво предполагается некая целостность — «организация». Возникновение нигилизма связано с противопоставлением двух миров — потустороннего, который выдуман как ценный и достойный уважения, и действительного, который и есть мы сами (Ницше).

Ницше называл себя первым настоящим нигилистом. Переоценка ценностей должна быть непременно тотальной, всеразрушающей и всеотрицающей. Либерализм, демократия, социализм — все политические формы должны уйти в прошлое, а приход «сверхчеловека» должен подготавливать будущее... В эпохи, когда только искусство дарует безотчетную общность и единодушие, несущие на себе «мистический отпечаток и дающие ему столь сильную власть, неизменно существует мощный иерархический элемент, который поддерживает и чаще всего подавляет общественное тело». Вводя авторитет, он обуздывает взрыв народной энергии, сублимируя ее в формах храмов и скульптур: если жизнь — это открытие, движение, завоевания, то стиль — иерархия, охранение, соподчинение.

Кажется, что именно барокко сумело передать модерну искусство имитации как пространственной, так и смысловой через эмблематику и метафору. История, в которой война и армия были придуманы для того, чтобы «стилизировать и заслонять насилие, а революция, чтобы вносить элемент игры в сущность политических правил, законы — чтобы смягчать, постоянно усмиряя инстинкты человека», и великий человек, «сверхчеловек» становился укротителем страстей толпы, которым он умело придавал форму своих собственных страстей, — такая история может повториться уже в новых формах. Вместе с законом, который он диктует, великий человек внедряет в мир эстетическое состояние мышления: «Вся история повествует... об ожесточенной борьбе индивида с общественным телом, которое стремится его поглотить или которое стремится разрушить он, об их чередующихся победах и временном равновесии»⁷.

Рационально добытая истина — не что иное, как только крайняя форма ограничения становления, и она становится результатом длящегося великого заблуждения, идущего еще от Платона и вплоть до Гегеля, — отождествления понятия

⁶ См.: Луман Н. Власть. М., 2001. С. 71—72, 146.

⁷ Фор Э. Дух форм. СПб., 2001. С. 96—98.

и бытия. Поэтому избежать этой ошибки позволяет подчеркивание перманентного превосходства различия над тождественностью, движения над покоем, случая над закономерностью, пафоса над логосом. Именно различия по настоящему подобны, аналогичны или тождественны друг другу: «Различие есть начало всего, но позади различия уже нет ничего». Поэтому нигилизм отрицает многообразие и становление, он брезгливо рассматривает его как нечто такое, что должно быть заглажено, искуплено, поглощено бытием, многообразие кажется ему несправедливым, подлежащим осуждению и поглощению единым (Жиль Делез). (Так обстоит дело и с наказанием: «Никакое деяние не может быть уничтожено... В том именно состоит вечное в "наказании существованием, что существование вечно должно быть опять деянием и виной": пока наконец воля не избавится от себя самой и не станет отрицанием воли», но это уже будет безумие, предупреждал Ницше).

Гельдерлин называл хаос и беспорядок настоящим «святыми». Мыслимый с точки зрения природы, хаос остается тем метафизическим развертием, из которого «открывается открытое», ничто действительное не предшествует этому развержению, но лишь постоянно входит в него: «А поскольку природа, будучи до всего, остается начальным, изначально непоколебимым, то она и есть незыблемый закон» (М. Хайдеггер). Но это закон, который узаконивает установление совсем не так, как делает это человеческий закон. И в особенности тот способ, которым «святое устанавливает свой устав», поскольку этот способ есть ниспосланное судьбой, с точки зрения человеческого закона, едва ли можно назвать законным⁸.

Ницше приписывает Гераклиту следующее выражение: «Весь мир для меня — зрелище правящей справедливости». Дочь Зевса Дике (Справедливость) наделяется мирообразующим, миронаправляющим достоинством и смыслом, и Гераклитово вечное брение являло собой вечную справедливость: «Спор самого множества есть уже чистая справедливость» или соединение живых, противоборствующих друг другу несправедливостей (Ницше).

Истинная суверенность власти рождалась

отнюдь не из выборности или борьбы партий: «Бог делает царей в буквальном смысле», он подготавливает царские роды, следит за их созреванием «среди облаков, скрывающих их происхождение». И только затем они покоряют себе народы, и это великое знамение их законности. Они возвышаются без насилия и без четкого намерения: Жозеф де Местр называл это чудесное спокойствие и органичность «законной узурпацией».

Законодательство же, на основе которого новая правящая элита осуществляет как свое представительство, так и принуждение, носит двусмысленный характер: оно отягощено всеми неопределенностями понятия справедливости и на основании этого факта и сформировалось мнение о том, что правитель стоит выше закона, т.к. он принимает решения в случаях, законом не предусмотренных. Но позиция «над законом» вовсе не означает отрицания самого закона. Более того, оно мыслится как способ сделать закон реально возможным. Закон должен быть дан в творческом действии и применении к конкретной ситуации путем волевого решения. Те, кто находится во власти, выражают силу и справедливость бытия всей группы, но в то же время и свою собственную силу и притязания на справедливость: существование без структуры силы означало бы существование без центра действия⁹. В законе суверена выражается и сознание своего высокого призвания: «Справедливость империй — это не только идеология или рационализация иррационального, ведь империя не только подчиняет, но еще и соединяет».

Морально исход в борьбе сил может быть только однозначно декретирован признанием одного из борющихся принципов верховной аксиомой моральной жизни. И тогда основанием права служит уже не его собственная правомерность, а фактическая сила образующих и поддерживающих его чувств. Исходя из этого, Ницше формулирует свою аксиому «большой политики»: нужно поддерживать и развивать все жизнеспособное и в интересах его преуспеяния ускорять гибель всего отжившего. «Берегитесь добрых и справедливых... Добрые — всегда начало конца».

⁸ См.: Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гельдерлина. СПб., 2003. С. 131, 219.

⁹ См.: Тиллих П. Любовь, сила и справедливость. СПб., 2015. С. 66—67, 71.

Примирение сил («возмещение политического ничтожества», как говорил Гегель) состоит в познании необходимости и в праве, которое «нравственность дает своей неорганической природе и подземным силам, уступая и жертвуя им часть самой себя. Ибо сила жертвы состоит в созерцании и объективации переплетения с неорганическим». Это настоящее представление трагедии в сфере нравственного, трагедии, которую абсолютное разыгрывает с самим собой, возносясь из праха в сферу прекрасного: «Трагедия состоит в том, что нравственная природа отделяет от себя, как свою судьбу, неорганическую природу и противопоставляет ее себе... примиряется с божественной сущностью как с единством обеих природ»¹⁰. Единение с «всеобщей волей» не может быть достигнуто и положено исключительно как внутреннее абсолютное величие, но как нечто, что должно быть создано с помощью внешнего отношения или принуждения. Необходима некая высшая положительная точка, с которой началось бы принуждение, трансцендентная точка. Это могло бы быть осуществлено только посредством распределения мощи целого между двумя сторонами, противостоящими друг другу, так чтобы «управляемое принуждалось управлением, а управление управляемым».

Только сверхмощный могуществен, ибо ему должно быть безразлично, является ли что-нибудь границей для другого, поэтому «слабый не есть граница» (кантовский императив здесь исчезает окончательно). Если действие и противодействие обладают равной силой, тогда сила превращается в равновесие и снимается всякая деятельность, волеизъявление и действие¹¹. И вовсе не справедливость здесь творит суд, и не суверенная милость диктует здесь приговор, но «только жизнь, как темная, влекущая, ненасытно и страстно сама себя несущая сила». Ее приговоры всегда немилостивы, всегда пристрастны, ибо они никогда не проистекают из чистого источника познания... Жизнь в своей самой несправедливой форме

и высшая справедливость каким-то таинственным образом оказываются в сущностном единстве¹². Перенос этической оценки на природу и право порождает иллюзию справедливости. Ведь нет доброй самой по себе природы, в которой изначально были бы заложены незыблемые принципы («естественного») права, равноценные для каждого человека.

«Субстанция демоса демонична», она нуждается в очищении для того, чтобы стать действительной силой традиционной политической системы и за пределами этого натуралистического субстрата превратиться в качественно дифференцированный и иерархический порядок (Юлиус Эвола, «Восстание против современного мира»). Предположение о том, что победа социального уничтожит разрывы и неравенство, оказывается нереализуемым. Справедливость же, которая ориентирована на равенство, категорическим образом ограничивает свободу, т.е. суверенность, а попытки достигнуть справедливости посредством нормирования ведут к самым непредсказуемым результатам. Равенство уничтожает свободу. (Рудольф Иеринг утверждал, что все нравственные нормы, по сути, настоящие социальные императивы, и если концепция позитивного закона столь неустойчива, относительна и изменчива, то тем более эта оценка верна по отношению к нравам и обычаям.)

Нравственность в значительной мере есть лишь эстетическая и «романтическая» категория: суверенное «я» не есть, как это предполагали Кант и Фихте, категория практического разума, это «я» — по-настоящему эстетическое, суверенно распоряжающееся вещами и людьми, не поддающееся мерке и контролю, «я», стоящее выше всякого закона и канона¹³. Представляется, что суверенное в состоянии само творить тот закон, который оно полагает как справедливый.

Такой легитимирующий миф создает большие возможности для последовательного применения власти. Однако уже связанная с этим

¹⁰ Гегель Г. В. Ф. О научных способах исследования естественного права // Политические произведения. М., 1978. С. 243.

¹¹ Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. С. 220—221.

¹² Бертрам Э. Ницше. Опыт мифологии. СПб., 2013. С. 132—133.

¹³ Баш В. Индивидуалистический анархист Макс Штарнер // Штарнер М. Единственный и его собственность. Харьков, 1994. С. 465.

ангажированность лишает властителя свободы, и он вынужден следовать логике предпринимаемых им действий: «Если что-либо, как бы властитель к этому ни относился, имеет силу закона, он должен проявлять осторожность в выражениях своих предпочтений». Нормативизм, морализм и фактическое применение власти взаимно усиливают друг друга, и в таких условиях только прагматическая политика приобретает функциональную первичность в рамках всей социальной системы. Норма и справедливость продолжают существовать в разных измерениях¹⁴.

8. Опасная справедливость

Модерн уничтожает все идеалистические различия между истинным и ложным, между добром и злом, чтобы установить закон эквивалентности и обмена, железный «буржуазный» закон своего господства. Однако сущность любого баланса сил заключена в том, чтобы скрывать себя как таковое, и он приобретает новую силу лишь потому, что скрывает себя как таковое: «Капитал аморальный и беспринципный может функционировать лишь под прикрытием моральной надстройки»¹⁵.

С нормативной точки зрения содержащееся в законе волевое решение рождается как бы из ничего: уже по своему понятию оно с необходимостью «диктуется». У Гоббса власть суверена, правда, все еще покоилась на более или менее молчаливо подразумеваемом, но оттого не менее действенном согласии с убеждениями граждан государства, с мнением, даже если эти убеждения и были порождены самим государством; мифологема гласила: «Суверенитет возникает в результате учреждения абсолютной власти народом».

Но в основе закона, по сути своей являющегося повелением, уже лежало то или иное решение относительно государственного интереса, хотя сам государственный интерес возник лишь оттого, что такое повеление вступало в силу¹⁶. Решение же как таковое понималось как действие, выступающее в форме преобразования самой действительности, как осуществ-

ление чего-либо. Суверенное решение возникло из «нормативного ничто и конкретного беспорядка»: суверен принимал решение не помимо и вопреки еще не существующего внутреннего порядка, но помимо любого порядка как такового, поскольку это решение предполагало наличие господствующего беспорядка. Конкретный же порядок менялся по ходу изменения в характере политических единств, «только по недоразумению обозначенных в теории как государства» (*Карл Шмитт*).

«Всеобщий характер закона и состоит как раз в том, что он не хочет знать ничего индивидуального и, подобно закону природы, действует без всяких исключений», — полагал Монтескье. Картезианское учение о том, что Бог обладает только «всеобщей волей», а все партикулярное ему чуждо, в переводе на политический язык означало, что государство должно выдвигать в качестве законов только всеобщие и абстрактные правила, а решение об отдельном конкретном случае должно принимать только путем подведения его под общий закон¹⁷. «Бог установил свой закон в природе, подобно тому как король устанавливает законы в своем королевстве» (Р. Декарт): при этом следовало бы также более четко различать саму норму права и норму осуществления этого права.

Системе мысленного, «фантомного» государства соответствует такое правовое устройство, которое «во всем том, что обычно определяет сущность государства, не имеет силы» (Гегель). Акт, исходящий от государственной власти, есть акт всеобщий, он привносит свободную и всеобщую определенность, и его осуществление является одновременно его применением: «Определенность, падающая на однородную поверхность, может быть непосредственно установлена только государственной властью». Но если то, к чему применен закон, являет многообразие, тогда закон уже не может содержать в себе правило своего применения — «для каждой части материала должно быть установлено особое применение и тогда между законом и его использованием вклинивается особый акт применения закона»,

¹⁴ Луман Н. Указ. соч. С. 76.

¹⁵ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М., 2015. С. 24.

¹⁶ Шмитт К. Диктатура. СПб., 2005. С. 41.

¹⁷ См.: Шмитт К. Указ. соч. С. 128.

поэтому, считал Гегель, имперский закон не может предначертать общий распорядок линий и разделов, политическая материя противостоит ему в своей специфичности (и принцип всеобщности и равенства должен был сначала «настолько подчинить себе все целое, чтобы заменить обособление сословий их последующим смешением»¹⁸).

Но не в самом действии, а в бытии лежит настоящий центр ценности, и Ницше представляет нам своеобразную комбинацию понятий: с одной стороны — объективная оценка, таксирование всех социальных форм по их «высоте», с другой — зависимость этических ценностей исключительно от самой личности, ее свойств, но не действий. В основу такой трактовки положено, возможно, высокое осуществление идеала мощи, пусть даже он и достигается ценой насилия и жертв, но только тогда он и становится объективной действительностью¹⁹.

Субъективное становится объективным, формируя единство по собственному усмотрению: «сверхчеловек», этот «лжесуверен» с его фантастическими свойствами, становится эталоном для социальности. Классы и сословия растворяются в едином «высококачественном» человечестве, нации — в глобальной и невидимой империи. Приходит новая эра.

Гёте говорил, что совестью наделен только отрешенно созерцающий. Ницше словами Заратустры заявлял: «Я не люблю вашу холодную справедливость, ведь у справедливости и объективности нет ничего общего». Справедливость есть сила и признак силы, деятельная добродетель, поэтому и творить суд может только превосходящая сила, слабость же должна быть терпимой, если она не хочет симулировать силу и превращать в комедию суд, творимый справедливостью. Лишь тот, кто создает будущее, имеет право судить прошлое. Поэтому следует научиться постигать «необходимую несправедливость, как нечто неотделимое от самой жизни, а саму жизнь — как обусловленную перспективным началом и его несправедливостью»: художник-законодатель у Ницше имеет

веру, которая сама по себе есть несправедливость и ограниченность по отношению к вере других людей. Справедливость здесь даже превращается в некое разрушительное начало, становится опасным влечением к хаосу²⁰.

А хаос — это такое состояние, в котором воля действует как бы до времени и пространства, до моментов жизни и смерти; она ограничивает себя таким образом, что все переходит из одного в другое без какого-либо определенного порядка, при этом она сама ничего не создает и не формирует, но из хаоса впервые вырывается сформированное становление, «зачинающее и структурирующее самое себя». Хаос присутствует всегда и постоянно, и поскольку чистая воля ничего не создает, то и учение о всеобщности воли также еще ничего не дает познанию, а учение о воле к власти нуждается в дополнительном учении о полномочиях самой этой воли к власти... «Ведь волей к власти можно и злоупотреблять»²¹.

У Ницше право как воля к «увекочиванию соответствующих отношений власти» неизбежно превращалась либо в бесконечное накопление законов и господство «желаний посредственности», либо смыслом права становилось обеспечение «иерархии создающих», господ. В первом случае законодатель — только безличный законотворческий механизм, во втором — настоящая личность, в каком-то смысле даже бо́льшая, чем закон²²: в первом случае идея явно отдавала духом древнего арианства, которое очень скоро породило Левиафана, «земного бога».

Принцип единовластия, утратившего всякую персонификацию и личностность, принял в Новейшее время безличную форму господства «никто», некоего гипотетического единства общественных интересов и мнений. Феномен господства этого «никто», правда, был уже известен из многолетней истории «социального» — бюрократии, которая окончательно приходит к господству на последней стадии развития абсолютной монархии и перехода

¹⁸ Гегель Г. В. Ф. Конституция Германии // Политические произведения. С. 106—107, 238.

¹⁹ См.: Зиммель Г. Фридрих Ницше // Избранное. Философия культуры. СПб., 2013. С. 402—403.

²⁰ См.: Бертрам Э. Указ. соч. С. 133—134.

²¹ Юнгер Ф. Ницше. С. 143—144.

²² Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. СПб., 2004. С. 364.

к просвещенному деспотизму. Однако «господство обезличенного “никто” настолько не означает отсутствия господства, что при известных обстоятельствах способно оказаться одной из самых мрачных и тиранических форм правления, — предупреждала Хана Арендт, — и тогда победа равенства в современном мире будет лишь политическим и юридическим признанием того факта, что социум окончательно овладел сферой публичной открытости, того места, которое когда-то было предназначено для политического проявления личности»²³. Но означает ли уход личности из сферы публичной в сферу частную расширение суверенности и ограничение суверенитета «ничто»?

Великий инквизитор у Достоевского хотел бы осуществить суверенные цели, «недостижимые для Христа», поэтому он силен, властолюбив и деспотичен. И соловьевский Антихрист пользуется всеми средствами временной власти, проявляя силу убеждения, широту ума, либерализм и прогрессивные взгляды²⁴.

На первом — маска монархиста, на втором — демократа, но только маска. Ложный суверен царствует над «фантомным» царством, в котором только зло и является по-настоящему реальным. Исчезновение суверенности как свободы неизбежно ведет к господству суверенитета как статуса, пустой формы, которую спешит заполнить чья-то нежданная сила. Вполне реальный инквизитор Шпренгер записал во введении к знаменитому кодексу: «В наше время, когда вечер мира клонится к полному закату, старое зло, не прекращающее ни на одну минуту, в силу неиссякаемого вреда своего падения, насылая на мир полную яда заразную чуму, особенно отвратительным образом проявляет себя, так как в своем великом гневе чувствует, что в его распоряжении осталось мало времени»²⁵ («Молот ведьм»). И является ли случайным тот исторический факт, что автор классически разработанной теории государственного суверенитета, Жан Боден, так долго трудился именно над своей «Демонологией»?

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агамбен Д. Средства без цели. — М., 2015.
2. Батлер Дж. Психика власти. — СПб., 2002.
3. Гвардини Р. Конец Нового времени // Феномен человека. — М., 1993.
4. Гегель Г. В. Ф. Конституция Германии // Политические произведения. — М., 1978.
5. Губрехт Х. У. В 1926 году : На острие времени. — М., 2005.
6. Гурвич Г. Социология права // Философия и социология права. — СПб., 2004.
7. Делез Ж. Ницше. — СПб., 1997.
8. Касториадис К. Воображаемое установление общества. — М., 2003.
9. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. — СПб., 2003.
10. Кожев А. Очерк феноменологии права // Атеизм. — М., 2007.
11. Кьеркегор С. Страх и трепет. — М., 1993.
12. Луман Н. Власть. — М., 2001.
13. Манн Т. Философия Ницше в свете нашего времени // Собрание сочинений. — М., 1961. — Т. 10.
14. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Сочинения. — М., 1990. — Т. 2.
15. Слотердайк П. Критика цинического разума. — Екатеринбург, 2001.
16. Флоренский П. Предполагаемое государственное устройство в будущем // Сочинения. — М., 1996. — Т. 2.
17. Франк С. Крушение кумиров // Сочинения. — М., 1990.
18. Шмитт К. Диктатура. — СПб., 2005.
19. Шмитт К. Политический романтизм. — М., 2015.

²³ Арендт Х. Vita Activa или о деятельной жизни. СПб., 2000. С. 54—55.

²⁴ См.: Безансон А. Извращение добра. М., 2002. С. 69.

²⁵ Цит. по: Левинский С. Роковая книга Средневековья // Шпренгер Я., Инститерис Г. Молот ведьм. Саранск, 1991. С. 63.

20. Штернер М. Единственный и его собственность. — Харьков, 1994.
21. Юнгер Ф. Ницше. — М., 2001.
22. Юнгер Э. Через линию // Судьба нигилизма. — СПб., 2006.
23. Ясперс К. Ницше. — СПб., 2004.

Материал поступил в редакцию 28 января 2016 г.

THE FALL OF SOVEREIGNTIES: REVERSE PERSPECTIVE. PART 3

ISAEV Igor Andreevich — Doctor of Law, Professor of the Department of History of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
kafedra-igp@mail.ru
123995, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Review. *The article analyses the problem that always remains relevant in the legal science, namely, the problem of sovereignty. The author compares this concept with its another hypostasis, i.e. independence of the state, and makes an attempt to identify their common features and fundamental differences by means of applying dialectical opposition. The sovereign, as a subject of sovereignty, can take both personal and anonymous form, be of individual and collective nature.*

The article emphasizes the fictitious nature of the sovereign subjectivity inherent to the era when sovereignty substantially changed its content and essence, i.e. to the Art Nouveau era. This transformation process was marked by such thinkers as Fyodor Dostoevsky, Vladimir Solovyov, Friedrich Nietzsche and others. A false or imaginary sovereign, even possessing authority and power, is deprived of his true legitimacy that cannot be restored by either public opinion or direct violence. Neither mimicry nor manipulation can help. "Two bodies" of the King break up in two and never unite again.

A fictitious sovereign becomes a head of a fictitious "phantom" state. A "substrate" of such statehood is not people, but "masses" as specific associations fastened together by staples of external power, violence and ideology. Sovereignty associated with the freedom of existence is absorbed by the force of the power with which it is incompatible. External law plays a much more important role than the inner truth that has always been the foundation of justice.

Justice itself is replaced with its own metaphor, i.e. the law. Depersonalized force of law that used to be expressed by means of making willful decisions not only limits sovereignty, but substitutes it. Sovereignty as the status radiates both movement and dynamics. Fictions that are typical for the Art Nouveau era pursue the policy of connivance for creating "unjust laws" neglecting both the truth and justice and focusing on the feasibility and effect only. The realm of law lacks metaphysical and transcendental foundations that earlier connected it with higher instances not associated with law. Normativism becomes the dominant ideology of modernism and modernity giving the law and sovereignty a completely new form and giving rise to unexpected consequences for the life of a rule of law State.

Keywords: *sovereignty, independence of the State, authority, legitimacy, legality, subject, personality, State, legal form, norm, justice, truth, legality.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Agamben D. Sredstva bez celi. — М., 2015.
2. Batler Dzh. Psihika vlasti. — СПб., 2002.
3. Gvardini R. Konec Novogo vremeni // Fenomen cheloveka. — М., 1993.
4. Gegel' V. F. Konstitucija Germanii // Politicheskie proizvedeniya. — М., 1978.
5. Gubreht H. U. V 1926 godu : Na ostrie vremeni. — М., 2005.
6. Gurchich G. Sociologiya prava // Filosofiya i sociologiya prava. — СПб., 2004.
7. Delez Zh. Nicshe. — СПб., 1997.
8. Kastoriadis K. Voobrazhaemoe ustanovlenie obshhestva. — М., 2003.
9. Kozhev A. Vvedenie v chtenie Gegelja. — СПб., 2003.

10. Kozhev A. Oчерk fenomenologii prava // Ateizm. — М., 2007.
11. K'еркегор S. Strah i trepet. — М., 1993.
12. Luman N. Vlast'. — М., 2001.
13. Mann T. Filosofija Nicshe v svete nashego vremeni // Sobranie sochinenij. — М., 1961. — Т. 10.
14. Nicshe F. Po tu storonu dobra i zla // Sochinenija. — М., 1990. — Т. 2.
15. Sloterdajk P. Kritika cinicheskogo razuma. — Ekaterinburg, 2001.
16. Florenskij P. Predpolagaemoe gosudarstvennoe ustrojstvo v budushhem // Sochinenija. — М., 1996. — Т. 2.
17. Frank S. Krushenie kumirov // Sochinenija. — М., 1990.
18. Shmitt K. Diktatura. — SPb., 2005.
19. Shmitt K. Politicheskij romantizm. — М., 2015.
20. Shternern M. Edinstvennyj i ego sobstvennost'. — Har'kov, 1994.
21. Junger F. — Nicshe. М., 2001.
22. Junger Je. Cherez liniju // Sud'ba nigilizma. — SPb., 2006.
23. Jaspers K. Nicshe. — SPb., 2004.

Принцип территориальной целостности и право народов на самоопределение как принципы российского федерализма

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы соотношения территориальной целостности государства и права народов на самоопределение как фундаментальных принципов российского федерализма, правовые формы реализации права народов на самоопределение в Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** народ, самоопределение, территориальная целостность, территориальная неприкосновенность.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.088-093

Принцип территориальной целостности и право народов на самоопределение являются важнейшими общепризнанными принципами международного права. Эти принципы в той или иной интерпретации закрепляются в конституциях большинства современных государств. В Конституции Российской Федерации данные принципы обозначены как принципы федеративного устройства Российской Федерации. Однако есть особенности в их конституционном закреплении.

Согласно ч. 3 ст. 5 Конституции РФ федеративное устройство России основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации.

В данном перечне принцип территориальной целостности не выделяется непосредственно. В этой части российской Конституции говорится о государственной целостности, что подразумевает в том числе и территориальную целостность. Однако, если обратить внимание на ст. 4 Конституции РФ, закрепляющую принцип государственного суверенитета, то в ней содержатся два ключевых положения, определяющих содержание именно принципа территориальной целостности Российской Федерации. Согласно ч. 1 ст. 1 суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию. В части 3 данной статьи пишется о том, что Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории.

Как видно из приведенных конституционных положений, принцип территориальной целостности, с одной стороны, рассматривается как составная часть принципов государствен-

© Темираев А. В., 2016

* Темираев Алан Викторович, федеральный судья Промышленного районного суда г. Владикавказа, Республика Северная Осетия-Алания, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Горского государственного аграрного университета, кандидат юрид. наук, доцент
gorskiy.ggau@mail.ru

362040, Республика Северная Осетия — Алания, г. Владикавказ, ул. Кирова, д. 37

ного суверенитета и государственной целостности. С другой стороны, территориальная целостность как защищаемый государством принцип рассматривается в неразрывной связке с неприкосновенностью территории России.

Конституция РФ дает структурную характеристику территории. Согласно ст. 67 Конституции РФ территория Российской Федерации включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними. Российская Федерация обладает суверенными правами и осуществляет юрисдикцию на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации в порядке, определяемом федеральным законом и нормами международного права.

Аналогично принципу территориальной целостности принцип самоопределения народов также формулируется в Конституции РФ не самостоятельно, а в связке с другим принципом — равноправия народов.

Как справедливо отмечает И. А. Умнова (Конюхова), для уяснения содержания конституционного принципа самоопределения народов необходима ясность по меньшей мере в следующих вопросах. Что вкладывает Конституция РФ в понятие «народы», которым гарантируется право на самоопределение? В каких формах допустимо самоопределение народа в рамках суверенного государства и в каких случаях реализация права на самоопределение влечет за собой возникновение именно федеративных отношений?¹

Мною разделяется точка зрения тех ученых, кто считает, что Конституция РФ, закрепляя право на самоопределение народов как принцип российского федерализма, подразумевает наднациональный или межнациональный подход к пониманию понятия «народы»². Народ как политико-территориальная общность, представляющий территорию — субъект Федерации, — это общность лиц разных национальностей, исторически объединенных

проживанием на одной территории, которая по политическим, демографическим, экономическим, социальным и иным параметрам несет или способна нести бремя статуса субъекта Федерации. Таким образом, основополагающим критерием идентификации народа как общности, способной быть субъектом права на самоопределение, является объединение единой территорией проживания. Дополнительные факторы — этническая, религиозная, культурная и т.п. общность — усиливают эту консолидированность, но не являются определяющими. Народ как общность может быть многонациональным, его представители могут исповедовать разную веру, придерживаться различных традиций и обрядов и т.д., что и характерно для Российской Федерации.

Правильное регулирование этнокультурного многообразия — существенный вопрос стабильности, мира и безопасности в России. Признание в республиках титульной нации не должно нести за собой последствия, связанные с предоставлением каких-то особых политических прав, реализация которых может создать угрозу государственности России, принципам государственной целостности и единства системы государственной власти.

Следует заметить, что идея наднациональности народов как носителей права на самоопределение постепенно проникает в конституционное законодательство республик — субъектов Российской Федерации.

Преамбулы (иногда первые статьи) конституций большинства республик закрепляют право их многонационального народа на самоопределение. Так, в преамбуле Конституции Республики Северная Осетия — Алания от 12 ноября 1994 г.³ сказано: «Многонациональный народ Республики Северная Осетия — Алания, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов... провозглашает и устанавливает настоящую Конституцию».

¹ См., в частности, об этом: Умнова (Конюхова) И. А. Современный российский федерализм и мировой опыт: итоги становления и перспективы развития. М., 2004.

² См., например: Умнова (Конюхова) И. А. Указ. соч. ; Болтенкова Л. Ф. Российская государственность: состояние и перспективы развития. М. : Республика, 1995. С. 62 ; Проблемы суверенитета в Российской Федерации. М., 1994.

³ Здесь и далее используется последняя редакция. Источник — СПС «КонсультантПлюс: Регионы».

В Конституции Кабардино-Балкарской Республики от 1 сентября 1997 г. закреплено, что полномочные представители исторически объединившегося в единое государство многонационального народа Республики, в том числе исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, принимают эту Конституцию. Аналогичный текст содержится в преамбуле Конституции Республики Дагестан от 10 июля 2003 г.: многонациональный народ Республики — составная часть многонационального народа Российской Федерации, исторически объединившегося в единое государство, исходя в том числе из принципов равноправия и самоопределения народов, принимает свою Конституцию. Повторила эту норму и преамбула Конституции Чеченской Республики от 23 марта 2003 г.

Некоторые субъекты РФ закрепляют этот принцип не в преамбуле, а в отдельной статье. Так, в ст. 1 Конституции Республики Ингушетия от 27 февраля 1994 г. закреплено, что Республика образована на основе реализации народом Ингушетии своего неотъемлемого права на национально-государственное самоопределение.

Показательно, что уставы краев, областей, городов федерального значения принцип права народов на самоопределение специально не фиксируют. Это объяснимо. Исторически сложилось, что право на самоопределение имело значение именно для республик — бывших автономий, образованных по национально-этническому принципу. Определяя субъектом самоопределения многонациональный народ, республики в первую очередь заботятся о правах титульной нации.

Другим актуальным вопросом, требующим научно-практического разъяснения, является понимание пределов права на самоопределение. Для федеративных государств право народов распоряжаться своей судьбой содержит в себе возможность свободно определять свой внутренний политический статус и, как правило, не допускает такую широкую свободу в определении внешнего политического статуса. Конституционное законодательство федеративных государств не предусматривает право народов на самоопределение в виде от-

деления и выхода из состава федерации. Случаи, когда страна решается на референдум по этому вопросу, составляют исключение из правил (например, референдум по выходу Квебека из состава Канадской Федерации).

В Российской Федерации с подписанием Федеративного договора 1992 г. и с принятием Конституции РФ 1993 г. политика государственной суверенизации и сепаратизма субъектов РФ в целом была сведена на нет. Вместе с тем сохраняются вопросы, связанные с четким определением форм, условий и процедур реализации права народов на самоопределение внутри федеративного государства.

Важный научно-практический вопрос, в который следует внести ясность, — правовые формы реализации права народов на самоопределение в Российской Федерации. Анализ современного российского законодательства свидетельствует о том, что с его помощью удалось лишь частично определиться в этом вопросе.

Конституция РФ непосредственно предусматривает только три конкретные правовые формы осуществления права народов на самоопределение в Российской Федерации:

- 1) образование субъекта Федерации;
- 2) изменение его статуса;
- 3) изменение границ, способное повлечь реструктуризацию самих субъектов РФ.

В настоящее время порядок образования субъекта РФ регулируется подробно Федеральным конституционным законом от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»⁴. Названный Закон устанавливает основные требования, условия и процедуру образования в составе Российской Федерации нового субъекта. Однако в своих общих положениях он не дает понятия «образование» как такового. Федеральный конституционный закон закрепляет лишь положение о том, что образование в составе Российской Федерации нового субъекта РФ, в отличие от принятия такого субъекта, предполагает процедуру, предусматривающую изменение состава субъектов Федерации, не связанную с принятием в Российскую Федерацию иностранного государства или его части (ч. 2 ст. 1).

⁴ СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4916.

Категорию «образование субъекта Федерации» можно рассматривать, во-первых, в статике — как понятие, подразумевающее фиксацию состоявшегося факта появления полноценной в политико-правовом смысле составной части федеративного государства, и, во-вторых, в динамике — как процесс формирования субъекта РФ.

Формой самоопределения можно считать и право субъектов давать согласие на изменение их границ во взаимоотношениях друг с другом. Согласно ч. 3 ст. 67 Конституции РФ границы между субъектами Российской Федерации могут быть изменены с их взаимного согласия. Логичной процедурой реализации этого права является региональный референдум и согласование этого вопроса с муниципальными образованиями, границы которых изменяются. Однако в региональной практике эти процедуры значительно различаются, что едва ли можно признать оправданным.

Хотя каждый субъект РФ является многонациональным, лишь компактное проживание определенных национальностей, народов и этнических общностей обуславливает необходимость их самоопределения в допустимых для них формах. Одной из форм, альтернативной образованию субъектов РФ, является национально-культурная автономия, а также формирование национальных административно-территориальных и муниципальных образований. По состоянию на 2002 год в России было создано около 300 национально-культурных автономий. Из них 14 федеральных, 17 региональных и около 200 местных⁵.

Кроме того, новейшая практика предусматривает возможность образования национальных административно-территориальных единиц (например, бывшие Коми-Пермяцкий, Таймырский (Долгано-Ненецкий), Эвенкийский и Корякский автономные округа преобразованы в автономии с таким статусом).

Деятельность национально-культурных автономий в России регулируется Федеральным законом от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» (ред. от 4 ноября 2014 г.). Актуальность данной формы самоопределения народов возросла в связи

с возросшими потоками мигрантов в Россию. В статье 1 ранее действовавшей редакции данного Федерального закона национально-культурная автономия определялась как форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение российских граждан, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры. Поправками 2014 г. понятие национально-культурной автономии расширилось в контексте появления у этой формы самоопределения новых задач. Это укрепление единства российской нации, гармонизация межэтнических отношений, содействие межрелигиозному диалогу, а также осуществление деятельности, направленной на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов.

Федеральный закон № 74-ФЗ определяет, что национально-культурная автономия является видом общественного объединения. Организационно-правовой формой национально-культурной автономии является общественная организация. В статье 4 Федерального закона № 74-ФЗ подчеркивается, что право на национально-культурную автономию не является правом на национально-территориальное самоопределение. Осуществление права на национально-культурную автономию не должно наносить ущерб интересам других этнических общностей.

Организационные основы национально-культурной автономии определяются спецификой расселения граждан Российской Федерации, относящих себя к определенным этническим общностям, и уставами национально-культурных автономий (ст. 5 Федерального закона № 74-ФЗ). Национально-культурная автономия может быть местной, региональной, федеральной.

Повышенное внимание России к национально-культурной автономии, в том числе в контексте вопросов территориального самоопределения, не случайно. Российская Федерация

⁵ См.: Сухова С. Лицо российской национальности. Интервью с министром РФ В. Зориным // Итоги. 12 ноября. 2002. С. 18.

является одним из крупнейших государств мира с полиэтническим составом населения, обладая при этом этнической (русской) и религиозной (православной) доминантами. В России проживают представители 193 народов (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.), обладающих отличительными особенностями материальной и духовной культуры. Культурное и языковое многообразие российских народов защищено государством. В России используется 277 языков и диалектов, в системе государственного образования используется 89 языков, из них 30 — в качестве языка обучения, 59 — в качестве предмета изучения (2010 г.)⁶.

Согласно Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666, политика российского государства, направленная на сохранение этнокультурной самобытности ее народов, сочетание общегосударственных интересов и интересов народов России, обеспечение конституционных прав и свобод граждан, основывается на принципах построения демократического федеративного государства (в том числе и принципе территориальной целостности России. — *Прим. А. Т.*), служит основой для координации деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов и органов местного самоуправления.

В соответствии с Федеральной целевой программой «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014—2020 годы)», утвержденной постановлением Правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718, решение этнокультурных проблем в условиях этнического многообразия России требует системного взаимодействия органов государственной власти и органов

местного самоуправления, общественных объединений и других субъектов этнокультурной деятельности. Этнокультурное многообразие России является важным элементом ее международного имиджа, неотъемлемой частью мирового духовного наследия.

Практическая сторона реализации мер в сфере государственной национальной политики требует повышения роли общественных институтов, в том числе национально-культурных и религиозных организаций. Необходимо активное вовлечение национально-культурных и религиозных организаций в реализацию Программы и региональных целевых программ, направленных на обеспечение системного участия институтов гражданского общества в социально ориентированной деятельности, включая вопросы укрепления гражданского и духовного единства российской нации, на противодействие экстремизму, воспитание патриотизма, сохранение духовных традиций народов России, интеграцию, адаптацию, социализацию и натурализацию мигрантов различной этнической и религиозной принадлежности и др.

Таким образом, право народов на самоопределение и принцип территориальной целостности являются фундаментальными принципами российского федерализма. Конституционное закрепление принципа самоопределения народов и конкретизация в действующем законодательстве не вступают в противоречие с принципом территориальной целостности, а лишь определяют пределы территориального самоопределения в границах федеративного устройства Российской Федерации. Правильное понимание данных принципов на практике, в том числе их соотношения, играет важную роль в обеспечении гражданского мира и безопасности как Российской Федерации в целом, так и субъектов РФ.

Материал поступил в редакцию 3 марта 2016 г.

⁶ См.: Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».

THE PRINCIPLE OF TERRITORIAL INTEGRITY AND THE RIGHT OF PEOPLES TO SELF-DETERMINATION AS THE PRINCIPLES OF RUSSIAN FEDERALISM

TEMIRAEV Alan Viktorovich — Federal Judge of the Promyshlenniy District Court of Vladikavkaz, the Republic of North Ossetia-Alania, Head of the Department of Criminal Process and Criminalistics at the Gorsky State Agrarian University, Ph.D., Associate Professor
gorskiy.ggau@mail.ru
362040, The Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, ul. Kirova d. 37

***Review.** The paper considers the problem of balance between the territorial integrity of States and the right of peoples to self-determination as fundamental principles of Russian federalism, and describes legal forms of implementation of the right of peoples to self-determination in the Russian Federation.*

***Keywords:** people, self-determination, territorial integrity, inviolability of territory.*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

А. В. Безруков*

Конституционно-правовые поощрение и принуждение как средства обеспечения правопорядка в России

Аннотация. В системной взаимосвязи рассмотрены конституционно-правовое поощрение и конституционно-правовое принуждение как средства (инструменты) эффективно-го обеспечения правопорядка в России. Раскрыта их юридическая природа, разновидности, выявлена система соответствующих мер. Особое внимание обращено на федеральное воздействие (федеральное вмешательство) в отношении органов государственной власти субъектов Российской Федерации как важнейший инструмент гарантирования и поддержания конституционного правопорядка в субъектах Российской Федерации. Автор формулирует вывод о том, что конституционно-правовое поощрение и конституционно-правовое принуждение являются важнейшими инструментами установления, поддержания и обеспечения конституционного правопорядка органами публичной власти в России; их синхронное рассмотрение показывает взаимообусловленный характер и высокую степень эффективности в числе средств обеспечения конституционного правопорядка.

Ключевые слова: Конституция, органы государственной власти, конституционно-правовое поощрение, конституционно-правовое принуждение, правопорядок, средства обеспечения правопорядка, федеральное воздействие, субъект Федерации.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.094-103

В ходе реализации своих полномочий субъекты обеспечения правопорядка в тех или иных случаях вынуждены применять к участникам правоотношений как меры правового стимулирования (поощрения, льготы, преференции) — для побуждения их к правомерному поведению, так и меры конституционно-правового принуждения — для обеспечения (восстановления) конституционного правопорядка.

В первом случае работает превентивная, профилактическая составляющая системы обе-

спечения правопорядка, которая ориентирует участников правоотношений на социально-полезное и правомерное поведение, способствует формированию и укреплению правопорядка. Во втором случае происходит принуждение (понуждение) субъектов правоотношений вести себя должным образом, оказание им организационно-управленческой помощи в целях обеспечения (восстановления) правопорядка.

Между тем в рассматриваемой паре категорий основное внимание российских право-

© Безруков А. В., 2016

* Безруков Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России

abezrukov@bk.ru

125130, Россия, г. Москва, ул. Клары Цеткин, 31

ведов привлекает принуждение (наказание), в то время как поощрение упускается из виду. П. А. Сорокин верно отмечал, что «в то время как наука о преступлении и наказании выросла до громадных размеров и получила характер гипертрофический, наука о подвигах и наградах, или, если угодно, наградное право, даже и не значится в числе научных дисциплин»¹. Поэтому вполне обоснована необходимость анализа государственно-правового поощрения, включая конституционно-правовое регулирование наград государства².

Проблематике правового стимулирования (поощрения) посвящено множество исследований как в сфере теории государства и права³, так и в отраслевых юридических науках⁴. Создание механизма стимулирования правомерного поведения средствами, исключаящими принуждение, расширяет возможности добросовестного исполнения правовых норм. Право признает человека высшей ценностью и ориентирует его на правомерное поведение, правовую активность, чему способствует правовое стимулирование⁵.

Таким образом, правовое поощрение, наряду с государственно-правовым принуждением, является необходимым и действенным средством для эффективного функционирования правовой системы и обеспечения конституционного правопорядка в целом.

Поощрение позитивно воздействует на правосознание индивида, влечет заинтересованность в получении определенных благ, стимулирует позитивными средствами к воздержанию от противоправного поведения⁶. Следовательно, институт правового поощрения призван сформировать позитивные правовые стимулы, направленные на обеспечение правомерного поведения и поддержание конституционного правопорядка участниками общественных отношений.

Важно разграничить правовое поощрение и правовое стимулирование. Более фундаментальной категорией выступают правовые стимулы, включающие различные субъективные права, поощрения, льготы, которые системно формируют мотивацию к правомерному поведению. Правовой стимул представляет собой правовое побуждение к законопослушному поведению, создаваемое для удовлетворения собственных интересов субъекта режима благоприятствования, основанное на свободе выбора, взаимной выгоде общества и личности, позитивно-созидательных началах⁷.

Правовой стимул есть установленный законодательством институт, способствующий возрастанию мотивации к правомерному поведению, его назначение — выработать мотивацию у субъектов общественных отношений вести себя правомерно. Однако и правовые огра-

¹ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. / общ. ред., сост. А. Ю. Соколова. М., 1992. С. 77—78.

² См.: Винокуров В. А. Конституционно-правовые основы регулирования наград в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 3—4.

³ См.: Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978 ; Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве (теоретико-информационный аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1995 ; Гущина Н. А. Поощрение в праве: теоретико-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004 ; Дуэль В. М. Государственные награды в российском праве: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005 ; Мирошник С. В. Правовые стимулы в российском законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1997 ; Налбандян А. С. Применение поощрительных норм российского права. Проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1994.

⁴ См.: Винокуров В. А. Указ. соч. ; Голик Ю. В. Позитивные стимулы в уголовном праве (понятие, содержание перспективы) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994 ; Трофимов Е. В. Наградное дело в Российской Федерации: административно-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013 ; Пономарев А. В. Правовые стимулы в налоговом праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012 ; Лайченкова Н. Н. Стимулы в налоговом праве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007.

⁵ Гущина Н. А. Указ. соч. С. 7—8.

⁶ Гущина Н. А. Указ. соч. С. 17—19.

⁷ См.: Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. С. 15—16 ; Малько А. В. Льготы и поощрения как важнейшие правовые средства регионального законодательства // Правоведение. 1999. № 1. С. 238.

ничения (принуждения, запреты, ответственность) побуждают человека воздерживаться от совершения правонарушений⁸. Следовательно, рассмотрение стимулов во взаимосвязи с ограничениями как сдерживанием противоправного поведения способствует полноценному их уяснению⁹. Причем парное рассмотрение принуждения с поощрением встречается и в отраслевых правовых исследованиях¹⁰.

Определяя правовое поощрение, можно говорить о том, что это форма правового стимулирования и мера юридического одобрения добровольно заслуженного поведения, в результате чего субъект вознаграждается, для него наступают благоприятные последствия. Разнообразные меры поощрения — важнейшие рычаги государственного контроля, достигающие цели права¹¹.

Если говорить о конституционно-правовом поощрении как разновидности правового поощрения, то в последнее время оно приобретает достаточные основания, появляются исследования, раскрывающие те или иные меры конституционно-правового поощрения¹².

Вместе с тем конституционно-правовое поощрение и его меры в науке изучены недостаточно. В основном правовые исследования либо концентрируются на теоретических аспектах поощрения, либо проводятся в сфере регулирования административного, налогового, уголовного права и других отраслей.

В системе мер конституционно-правового поощрения следует выделить:

- награждение государственной наградой (ордена и медали Российской Федерации, почетные звания Российской Федерации, звание Героя Российской Федерации, знаки отличия Российской Федерации и др.);
- присуждение государственной премии, что влечет необходимость осознания получателем значимости не только материального,

но и доверительного стимулирования государством его достижений с перспективой на их дальнейшее развитие и укрепление;

- предоставление Президентом РФ гражданства за особые заслуги перед Российской Федерацией, что предполагает не только правомерное, но и социально полезное поведение гражданина для Российского государства;
- осуществление помилования Президентом России, что предполагает осознание своей вины помилованным и оценку благоприятного для него властного акта (веления), тем самым ориентирующего его на правомерное и социально значимое поведение.

Представленный перечень вряд ли является исчерпывающим, но даже в предложенном виде он показывает, как становится заметна роль мер конституционно-правового поощрения в качестве эффективного инструмента поддержания и обеспечения конституционного правопорядка.

Таким образом, важнейшим средством стимулирования к правомерному поведению и поддержанию правопорядка являются меры конституционно-правового поощрения, которые ориентируют субъектов общественных отношений на должное соблюдение правовых норм и поддержание правопорядка.

Наряду с «пряником» (методом убеждения, поощрения), инструментом обеспечения правопорядка является метод «кнута» — конституционно-правовое принуждение, которое применяется тогда, когда поощрение и убеждение недостаточны.

Если говорить о правовом принуждении, его предмет носит более широкий характер, распространяется на многие отрасли российского права. Соответственно, можно вести речь о разновидностях мер правового принуждения, которые можно сгруппировать по

⁸ См.: *Мирошник С. В.* Указ. соч. С. 4—5.

⁹ См.: *Малько А. В.* Стимулы и ограничения в праве ; *Нырков В. В.* Поощрение и наказание как парные категории : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.

¹⁰ См., например: *Смоляков А. И.* Административно-правовое принуждение и поощрение в системе государственно-правовых методов обеспечения безопасности дорожного движения : дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2014.

¹¹ См.: *Малько А. В.* Поощрение как правовое средство // *Правоведение.* 1996. № 3. С. 28—29 ; *Гущина Н. А.* Указ. соч. С. 40—41.

¹² См.: *Винокуров В. А.* Указ. соч.

отраслевому признаку (конституционное, административное, уголовное, дисциплинарное принуждение и др.).

Конституционно-правовое принуждение как конституционно-правовое явление сформировалось в доктрине относительно недавно. Одним из первых его выделил А. Н. Кокотов, обратив внимание на то, что в конституционном праве встречаются не только меры ответственности, но и меры пресечения, защиты, восстановления прав¹³.

Рассматривая институт конституционно-правового принуждения, важно обратить внимание на то, что за последние годы активизировалось исследование государственно-правового (конституционно-правового) принуждения, причем зачастую авторы рассматривают его во взаимосвязи или в системе государственного принуждения или правового принуждения либо как средство обеспечения законности и правопорядка¹⁴.

Действительно, государственное принуждение — процесс, обеспечивающий социальный порядок. Правопорядок определяет природу государственного принуждения, которое является необходимым атрибутом механизма обеспечения правопорядка, его содержание — показатель цивилизованности¹⁵.

Следовательно, конституционно-правовое принуждение обоснованно рассматривается

как вид государственно-правового принуждения, состоящий в применении в особом процессуальном порядке установленных нормами конституционного права принудительных мер, преимущественно организационно-правового характера, к публично-властным субъектам при нарушении или угрозе нарушения принципов конституционного строя Российской Федерации в целях защиты и восстановления конституционного правопорядка и законности¹⁶.

Высказывается мнение, что конституционно-правовое принуждение неприменимо к высшим органам государственной власти, которые связаны собственной повелевающей волей и являются обязанными только перед государством. Действия высших органов государственной власти могут быть оспорены только в Конституционном Суде РФ и лишь при наличии спора о компетенции¹⁷. Не отрицая последнего тезиса и признавая исключительный характер таких явлений, тем не менее следует уточнить, что применение принуждения к высшим органам в определенных случаях возможно. Например, когда Президент РФ отменяет акты Правительства РФ (ч. 3 ст. 115 Конституции РФ) или отправляет его в отставку (ст. 117 Конституции РФ), отклоняет представленный ему на рассмотрение федеральный закон при несогласии с его содержанием и/или при усмотрении возможной его неконституционности (ч. 3

¹³ Кокотов А. Н. Конституционно-правовое принуждение // Российский юридический журнал. 2003. № 1. С. 17—20 ; Конституционное право России : учебник для бакалавров / отв. ред. А. Н. Кокотов, М. С. Саликов М., 2014. С. 33—37.

¹⁴ См.: Давыдова Н. Ю. Конституционно-правовое принуждение в механизме обеспечения законности деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011 ; Суркова И. С. Конституционно-правовое принуждение, применяемое к органам государственной власти субъектов Российской Федерации в системе федеративных отношений : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008 ; Макареико Н. В. Государственное принуждение как средство обеспечения общественного порядка : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1996 ; Жаренов И. П. Государственное принуждение в условиях демократического общества : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006 ; Серсенов К. М. Государственное принуждение и его реализация в деятельности органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996 ; Смирнов П. В. Меры конституционно-правового принуждения в избирательном праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Сургут, 2005 ; Третьяк И. А. Конституционно-правовое принуждение в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015.

¹⁵ Жаренов И. П. Указ. соч. С. 10.

¹⁶ Суркова И. С. Указ. соч. С. 7—8.

¹⁷ См. подробнее: Шарнина Л. А. Судебное оспаривание решений высших органов государственной власти, основанных на усмотрении // Судебная реформа в России: прошлое, настоящее, будущее : материалы VII Междунар. науч.-практ. конференции (Кутафинских чтений), секции конституц. и муницип. права. М., 2015. С. 317—318.

ст. 107 Конституции РФ) либо возвращает его в парламент, обнаружив нарушение процедуры его принятия. В таких случаях глава государства принуждает Правительство или парламент поступить определенным образом (устранить противоречия, пересмотреть свои позиции или преодолеть несогласие Президента РФ), что свидетельствует о многообразии мер такого принуждения.

Разнообразие мер конституционно-правового принуждения позволяет классифицировать его по следующим критериям:

- по субъектам применения принуждения — государственное, осуществляемое государственными органами; муниципальное, применяемое муниципальными органами власти, и общественно-правовое, реализуемое институтами гражданского общества;
- по основаниям применения — связанное с правонарушением, основанием которого является совершение правонарушения и не связанное с таковым (чрезвычайные обстоятельства, природные явления и пр.);
- по институтам конституционного права — принуждение в сфере правового статуса личности, федеративных отношений, государственно-правового механизма, в законодательном и избирательном процессах и т.д.

Вместе с тем основная часть применения мер конституционно-правового принуждения все же реализуется по отношению к органам государственной власти субъектов РФ. Поэтому имеет смысл сконцентрировать внимание на рассмотрении конституционно-правового принуждения в системе федеративных отношений. Соответственно, и меры такого принуждения применяются, как правило, федеральными органами власти к органам власти субъектов РФ за ненадлежащее осуществление ими своих полномочий или в случае невозможности самостоятельной реализации ими своих полномочий. Хотя, безусловно, меры анализируемого принуждения не ограничены рамками отношений Федерации с субъектами, они присутствуют, как упоминалось, и в отношениях Президента РФ с Правительством РФ (отставка Правительства РФ, отмена его актов),

в законодательном процессе (отклонение или возвращение закона Президентом РФ), в избирательном процессе (признание выборов недействительным или несостоявшимися, восстановление гражданина в статусе кандидата), в других конституционно-правовых отношениях (например, отмена решения о принятии лица в российское гражданство).

В доктрине выделяются следующие формы конституционного правового принуждения: конституционно-правовое предупреждение, конституционно-правовое пресечение, конституционно-правовое восстановление и конституционно-правовая ответственность¹⁸. Некоторые авторы дополняют этот перечень мерами конституционно-правового обеспечения¹⁹.

Первая форма представляет собой письменное официальное распоряжение, рекомендацию (предупреждение, предписание, протест, представление, предостережение) уполномоченных субъектов о необходимости прекращения противоправного деяния либо об отмене (аннулировании, приостановлении) противоречащего федеральному законодательству правового акта в установленный срок.

Вторая форма применяется с целью прекращения ненадлежащего осуществления публично-властных полномочий органами государственной власти субъектов Российской Федерации, не преследует карательной цели и не требует наличия вины субъекта (приостановление действия актов органов исполнительной власти субъектов РФ, отрешение от должности главы субъекта РФ в связи с утратой доверия Президентом РФ).

Третья форма применяется к органам власти субъектов Российской Федерации с целью восстановления должного осуществления государственных полномочий, восстановления правопорядка и обеспечения прав граждан, когда региональные органы власти отсутствуют или не способны эффективно выполнять свои полномочия (введение временной финансовой администрации в субъекте РФ, временное осуществление федеральными исполнительными органами отдельных полномочий исполнительных органов власти субъекта РФ,

¹⁸ Кокотов А. Н. Указ. соч. С. 17—21; Суркова И. С. Указ. соч. С. 10—12.

¹⁹ Третьяк И. А. Конституционно-правовое принуждение в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015. С. 6—7.

передача полномочий органов государственной власти субъекта РФ создаваемым специальным органам управления территорией, признание правового органа государственной власти субъекта РФ неконституционным, недействующим или недействительным).

Четвертая форма представляет собой применение в особом процессуальном порядке уполномоченным на то субъектом конституционных мер ответственности (санкций) в виде досрочного прекращения полномочий к органам и должностным лицам субъектов РФ, совершившим конституционное правонарушение (ропуск парламента субъекта РФ и отрешение от должности руководителя субъекта РФ)²⁰.

В федеративных государствах обычно предусматриваются конституционные основания для вмешательства федеральной власти в дела субъектов федерации в случаях неправомерных действий органов власти субъектов федерации, восстаний, массовых беспорядков. В США неоднократно федеральные власти вводили войска на территорию штатов для наведения конституционного порядка, в Индии в аналогичных целях в отдельных штатах вводилось прямое президентское правление. В литературе применительно к указанным случаям используются термины «федеральное вмешательство», «интервенция». Представляется более удачным термин «федеральное воздействие».

Под федеральным воздействием следует понимать правовой институт, содержащий в себе систему норм, закрепляющих основания, порядок и формы воздействия федеральных органов власти на органы власти субъектов Федерации в случае совершения ими конституционных правонарушений или при угрозе наступления последних в целях охраны интересов общества и Союзного государства²¹.

Остановимся подробнее на формах воздействия, имеющих правовые основания и практическое применение в России.

Федеральное воздействие состоит в принуждении субъектов Федерации к исполнению возложенных на них обязанностей или в применении к их органам или должностным лицам дополнительных лишений (ограничений) в законодательно установленном порядке. Как подчеркнул Президент РФ в одном из своих первых посланий Федеральному Собранию РФ, подобные институты есть во многих федеративных государствах, они применяются крайне редко, но само их наличие служит надежной гарантией четкого исполнения конституции и федеральных законов²².

Под правовым институтом федерального вмешательства в доктрине понимается институт конституционного права, представляющий собой совокупность норм, регулирующих отношения, складывающиеся в процессе взаимоотношений федеральных и региональных органов государственной власти, определяющих основания, способы и порядок применения специальных мер принуждения федеральными органами власти к органам государственной власти субъектов Федерации и по отношению к тем, к кому органы власти субъектов Федерации не применяют или не способны действенным образом применять соответствующие принудительные меры. При этом И. В. Гончаровым обстоятельно показана двойственная природа института федерального вмешательства, который одновременно выступает и мерой конституционного принуждения, и мерой конституционно-правовой ответственности²³.

Ряд положений Конституции РФ (ч. 4 ст. 78, ч. 2 ст. 80, ст. 85) позволяют федеральным органам, в первую очередь Президенту РФ как гаранту Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина, оказывать решительное влияние на субъекты Российской Федерации. В Конституции РФ закрепляется важнейшая роль Президента РФ по обеспечению согласованного действия органов государственной власти, что свидетельствует о его функции арбитра в разде-

²⁰ Суркова И. С. Указ. соч. С. 11—12.

²¹ См.: Кондрашев А. А. Конституционно-правовые способы федерального принуждения: проблемы теории и реализации в Конституции Российской Федерации // Государство и право. 2000. № 2. С. 12.

²² Какую Россию мы строим. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации от 8 июля 2000 г // Российская газета. 2000. 11 июля.

²³ Гончаров И. В. Федеральное вмешательство в дела субъектов Федерации как средство обеспечения конституционной безопасности: монография. М., 2003. С. 53.

лении государственной власти. Конституционные полномочия Президента РФ проявляются в его праве использовать согласительные процедуры при разрешении разногласий между федеральными и региональными органами, а при его недостижении — передавать разрешение спора на рассмотрение соответствующего суда.

В соответствии с ч. 2 ст. 85 Конституции РФ Президент России вправе приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов Федерации в случае их противоречия федеральной Конституции, федеральным законам и международным обязательствам РФ или в случае нарушения прав и свобод граждан. И Президент РФ фактически неоднократно использовал данное полномочие при превышении главами исполнительных органов субъектов Федерации своих конституционных полномочий, приостанавливал действие актов исполнительных органов власти субъектов России, предложив должностным лицам привести их в соответствие с федеральным законодательством²⁴.

Поэтому не вызывает сомнений обоснованность определения Президента РФ как основного субъекта применения мер федерального вмешательства²⁵.

В федеративном законодательстве России предусмотрен широкий круг способов федерального воздействия на субъекты РФ с целью обеспечения единства государственной власти и конституционного правопорядка. Среди них введение военного и чрезвычайного положения; применение разнообразных превентивных мер, мер пресечения, мер ответственности (приостановление и отмена актов, вынесение главой государства предупреждения и роспуск законодательного органа субъекта РФ, отрешение от должности главы субъекта РФ и др.). Так, Президент РФ вправе отстранить от должности

главу субъекта Российской Федерации при утрате им доверия Президента РФ и нередко этим правом пользуется²⁶.

Наряду с применением таких мер особым средством федерального воздействия является институт полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах.

Какие меры федерального воздействия предусмотрены в российском законодательстве?

Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в ст. 26.9 предусматривает случаи и основания временного осуществления федеральными органами власти отдельных полномочий органов власти субъектов РФ.

Такая мера может применяться, во-первых, в случае стихийного бедствия, катастрофы, иной чрезвычайной ситуации, когда органы власти субъекта РФ отсутствуют или не могут быть сформированы. Решение о возложении на федеральные органы региональных полномочий в данном случае принимает Президент РФ по согласованию с Советом Федерации в форме указа. В указе должен быть четко определен перечень передаваемых федеральным органам полномочий, названы федеральные органы и должностные лица, которым передаются полномочия, а также установлен срок, на который передаются полномочия. На федеральные органы в любом случае не могут быть возложены полномочия по принятию учредительных актов субъектов РФ, установлению системы их органов государственной власти, по изменению статуса субъектов РФ и изменению их границ.

Во-вторых, в случае бюджетной задолженности свыше 30 % собственных доходов бюджета субъекта РФ в последнем отчетном году.

²⁴ См., напр.: Указ Президента РФ от 1 сентября 2000 г. «О приостановлении действия Указа Президента Республики Ингушетия от 26.04.99 № 102 “О некоторых мерах по регулированию процесса миграции в Республике Ингушетия”» // Российская газета. 2000. 5 сентября.

²⁵ *Едалов Г. В.* Полномочия Президента Российской Федерации в сфере федерального вмешательства в дела субъектов Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 10, 37.

²⁶ См., напр.: Указ Президента РФ от 17 марта 2014 г. № 145 «О досрочном прекращении полномочий Губернатора Новосибирской области»; Указ Президента РФ от 9 сентября 2014 г. № 614 «О досрочном прекращении полномочий Губернатора Брянской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30 сентября 2015 г.).

В данном случае по ходатайству Правительства РФ судебным решением в субъекте РФ вводится временная финансовая администрация (она не может вводиться в течение одного года с начала срока полномочий законодательного (представительного) органа власти субъекта РФ).

В-третьих, в случае нарушения субъектом РФ, реализующим дотационные полномочия, Конституции РФ, федеральных актов, что подтверждено соответствующим судом. В данном случае временное осуществление федеральными органами исполнительной власти региональных полномочий производится по решению Правительства РФ.

Важной гарантией самостоятельности субъектов РФ в условиях применения мер федерального воздействия остается их возможность судебного обжалования решений федеральных органов.

Вместе с тем в ст. 26.3 указанного Закона № 184-ФЗ предусмотрен встречный процесс — возможность осуществления региональными органами государственной власти федеральных полномочий. С учетом этого меры конституционно-правового принуждения в сфере федеративных отношений группируются на два блока:

1. Меры конституционно-правового принуждения при реализации органами государственной власти субъектов РФ переданных федеральных полномочий, при осуществ-

лении которых поднимаются проблемы обеспечения единообразных требований по определению контроля и надзора за осуществлением органами власти субъектов РФ переданных полномочий, сбалансированного применения мер принуждения, должного и своевременного финансирования переданных полномочий.

2. Отрешение от должности высшего должностного лица субъекта РФ в связи с утратой доверия Президента России, о чем уже упоминалось, но нельзя не отметить, что с конкретизацией законодателем конструкции утраты доверия снято много вопросов к такой мере принуждения²⁷.

В любом случае применение федерального воздействия является исключительной мерой, проводимой первоначально в более мягких формах и после принятия всех возможных согласительных процедур в целях эффективного и своевременного обеспечения (восстановления) конституционного правопорядка.

Таким образом, конституционно-правовое поощрение и конституционно-правовое принуждение являются важнейшими инструментами установления, поддержания и обеспечения конституционного правопорядка в России, их парное рассмотрение показывает взаимобусловленный характер и высокую степень эффективности в качестве средств (инструментов) его обеспечения на всей территории Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права. — Саратов, 1978.
2. Басиев М. С. Институт чрезвычайного вмешательства как чрезвычайный механизм обеспечения конституционного правопорядка на территории федеративного государства: сравнительно-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007.
3. Винокуров В. А. Конституционно-правовые основы регулирования наград в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2011.
4. Гончаров И. В. Федеральное вмешательство в дела субъектов Федерации как средство обеспечения конституционной безопасности : монография. — М., 2003.
5. Гущина Н. А. Поощрение в праве: теоретико-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 2004.
6. Давыдова Н. Ю. Конституционно-правовое принуждение в механизме обеспечения законности деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011.

²⁷ См.: Володько И. А. Совершенствование отдельных мер конституционно-правового принуждения // Конституционное и муниципальное право 2015. № 9. С. 19—22.

7. Домрин А. Н. Федеральная интервенция: особенности правового регулирования в зарубежных странах // Журнал российского права. — 1998. — № 3.
8. Дуэль В. М. Государственные награды в российском праве: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005.
9. Едалов Г. В. Полномочия Президента России в сфере федерального вмешательства в дела субъектов РФ : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009.
10. Жаренов И. П. Государственное принуждение в условиях демократического общества : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006.
11. Кокотов А. Н. Конституционно-правовое принуждение // Российский юридический журнал. — 2003. — № 1.
12. Конституционное право России : учебник для бакалавров / отв. ред. А. Н. Кокотов, М. С. Саликов. — М., 2014.
13. Кондрашев А. А. Конституционно-правовые способы федерального принуждения: проблемы теории и реализации в Конституции Российской Федерации // Государство и право. — 2000. — № 2.
14. Малько А. В. Поощрение как правовое средство // Правоведение. — 1996. — № 3.
15. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве (теоретико-информационный аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 1995.
16. Мирошник С. В. Правовые стимулы в российском законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов н/Д, 1997.
17. Саликов М. С. Сравнительный федерализм США и России : монография. — Екатеринбург, 1998.
18. Суркова И. С. Конституционно-правовое принуждение, применяемое к органам государственной власти субъектов Российской Федерации в системе федеративных отношений : дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2008.
19. Смирнов П. В. Меры конституционно-правового принуждения в избирательном праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — Сургут, 2005.
20. Третьяк И. А. Конституционно-правовое принуждение в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2015.

Материал поступил в редакцию 20 октября 2016 г.

CONSTITUTIONAL LAW ENCOURAGEMENT AND COMPULSION AS THE MEANS OF UPHOLDING LAW AND ORDER IN RUSSIA

BEZRUKOV Andrey Viktorovich — Ph.D., Associate Professor, Doctor's Degree Candidate of the Department of State Law Disciplines of the Russian Interior Ministry Academy of Management
abezrukov@bk.ru
125130, Russia, Moscow, ul. Clary Zetkin, 31

Review. *The article considers constitutional law encouragement and compulsion as the means (tools) of effective upholding of law and order in Russia in their systematic interrelation. The author explains their legal nature and types, uncovers the system of relevant measures. Particular attention is drawn to the federal influence (federal intervention) with respect to the bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation as an essential tool to guarantee and maintain constitutional order in constituent entities of the Russian Federation. The author concludes that constitutional law encouragement and constitutional law compulsion are the main tools of establishing, maintaining and enforcing constitutional law and order by public authorities in Russia, their synchronous examination proves that they have interdependent nature and are highly efficient among the means of upholding constitutional law and order.*

Keywords: *Constitution, public authorities, constitutional law encouragement, constitutional law compulsion, rule of law, means of ensuring the rule of law, Federal influence, constituent entity of the Federation.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Baranov V. M.* Pooshhritel'nye normy sovetskogo socialisticheskogo prava. — Saratov, 1978.
2. *Basiev M. S.* Institut chrezvychajnogo vmeshatel'stva kak chrezvychajnyj mehanizm obespechenija konstitucionnogo pravoporyadka na territorii federativnogo gosudarstva: sravnitel'no-pravovoj analiz : dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2007.
3. *Vinokurov V. A.* Konstitucionno-pravovye osnovy regulirovanija nagrad v Rossijskoj Federacii : dis. ... d-ra jurid. nauk. — M., 2011.
4. *Goncharov I. V.* Federal'noe vmeshatel'stvo v dela sub#ektov Federacii kak sredstvo obespechenija konstitucionnoj bezopasnosti : monografija. — M., 2003.
5. *Gushhina N. A.* Pooshhrenie v prave: teoretiko-pravovoe issledovanie : dis. ... d-ra jurid. nauk. — SPb., 2004.
6. *Davydova N. Ju.* Konstitucionno-pravovoe prinuzhdenie v mehanizme obespechenija zakonnosti dejatel'nosti organov i dolzhnostnyh lic mestnogo samoupravlenija : dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2011.
7. *Domrin A. N.* Federal'naja intervencija: osobennosti pravovogo regulirovanija v zarubezhnyh stranah // Zhurnal rossijskogo prava. — 1998. — № 3.
8. *Dujel' V. M.* Gosudarstvennye nagrody v rossijskom prave: problemy teorii i praktiki : dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2005.
9. *Edalov G. V.* Polnomochija Prezidenta Rossii v sfere federal'nogo vmeshatel'stva v dela sub#ektov RF : dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2009.
10. *Zharenov I. P.* Gosudarstvennoe prinuzhdenie v uslovijah demokraticheskogo obshhestva : dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2006.
11. *Kokotov A. N.* Konstitucionno-pravovoe prinuzhdenie // Rossijskij juridicheskij zhurnal. — 2003. — № 1.
12. Конституционное право России : учебник для бакалавров / отв. ред. А. Н. Кокотов, М. С. Саликов. — М., 2014.
13. *Kondrashev A. A.* Konstitucionno-pravovye sposoby federal'nogo prinuzhdenija: problemy teorii i realizacii v Konstitucii Rossijskoj Federacii // Gosudarstvo i pravo. — 2000. — № 2.
14. *Mal'ko A. V.* Pooshhrenie kak pravovoe sredstvo // Pravovedenie. — 1996. — № 3.
15. *Mal'ko A. V.* Stimuly i ogranichenija v prave (teoretiko-informacionnyj aspekt) : dis. ... d-ra jurid. nauk. — Saratov, 1995.
16. *Miroshnik S. V.* Pravovye stimuly v rossijskom zakonodatel'stve : dis. ... kand. jurid. nauk. — Rostov n/D, 1997.
17. *Salikov M. S.* Sravnitel'nyj federalizm SShA i Rossii : monografija. — Ekaterinburg, 1998.
18. *Surkova I. S.* Konstitucionno-pravovoe prinuzhdenie, primenjaemoe k organam gosudarstvennoj vlasti subektov Rossijskoj Federacii v sisteme federativnyh otnoshenij : dis. ... kand. jurid. nauk. — Omsk, 2008.
19. *Smirnov P. V.* Mery konstitucionno-pravovogo prinuzhdenija v izbiratel'nom prave Rossijskoj Federacii : dis. ... kand. jurid. nauk. — Surgut, 2005.
20. *Tret'jak I. A.* Konstitucionno-pravovoe prinuzhdenie v Rossijskoj Federacii : dis. ... kand. jurid. nauk. — Omsk, 2015.

Судебное установление фактов, имеющих значение для применения конституционно-правовой ответственности

Аннотация. Автор обращает внимание на ряд проблем, связанных с судебным установлением фактов, имеющих значение для применения конституционно-правовой ответственности. Основная проблема связана с законодательной неопределенностью процедуры, в которой такие факты подлежат установлению. Анализ правоприменительной практики показал, что часть фактов, имеющих конституционно-правовое значение, устанавливается в порядке, предусмотренном главой 28 Гражданского процессуального кодекса РФ, что вызывает определенные трудности. В законодательстве:

- 1) не определены заявители по данной категории дел;
- 2) не всегда определена подсудность дел;
- 3) нельзя исключить споров при рассмотрении данной категории дел.

Для решения возникших в судебной практике проблем автор предлагает дополнить положения Кодекса административного судопроизводства РФ нормами, посвященными судебному установлению фактов, имеющих публично-правовое значение (в том числе имеющих значение для применения конституционно-правовой ответственности).

Ключевые слова: конституционно-правовая ответственность, конституционный деликт, судебное установление фактов, Кодекс административного судопроизводства РФ.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.104-111

Российское конституционное законодательство, регулирующие основания, порядок и процедуру привлечения органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц к конституционно-правовой ответственности, зачастую определяет в качестве основания такой ответственности

деяние (действие, бездействие), факт совершения которого должен быть установлен в судебном порядке.

Такие факты, имеющие значение для применения конституционно-правовой (а в некоторых случаях муниципально-правовой¹) ответственности, определены федеральными

¹ Не вступая в дискуссию об основаниях выделения такого вида ответственности, отметим лишь, что в современной научной литературе высказываются предложения о муниципально-правовой ответственности как разновидности конституционно-правовой ответственности или самостоятельного вида юридической ответственности. См. об этом: Соловьев С. Г. Муниципально-правовая ответственность местного представительного органа: содержание и актуальные проблемы // Государственная власть и местное самоуправление. 2004. № 2. С. 5; Шугрина Е. С. Гарантии права на осуществление местного самоуправления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 11, 12, 32, 33.

© Никитина А. В., 2016

* Никитина Анна Васильевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и финансового права юридического факультета Хабаровского государственного университета экономики и права

A_Nikitina@inbox.ru

680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 134

законами «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»² (далее — Федеральный закон № 131-ФЗ) и «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»³ (далее — Федеральный закон № 184-ФЗ).

Например, статья 73 Федерального закона № 131-ФЗ перечисляет следующие юридические факты, судебная констатация которых является основанием для роспуска представительного органа муниципального образования:

- 1) факт неисполнения в течение трех месяцев либо в течение иного срока судебного решения, которым установлено принятие представительным органом муниципального образования нормативного правового акта, противоречащего Конституции РФ, федеральным конституционным законам, федеральным законам, конституции (уставу), законам субъекта РФ, уставу муниципального образования (ч. 1 ст. 73);
- 2) факт непроведения избранным (или вновь избранным) в правомочном составе представительным органом муниципального образования правомочного заседания в течение трех месяцев подряд (части 2.1, 2.2 ст. 73).

В соответствии с ч. 2 ст. 24 того же Закона основания для отзыва депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления и процедура отзыва указанных лиц устанавливаются уставом муниципального образования. Основаниями для отзыва депутата, члена

выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления могут служить только его конкретные противоправные решения или действия (бездействие) в случае их подтверждения в судебном порядке⁴.

Пункт 4 ст. 9 Федерального закона № 184-ФЗ определяет в качестве основания для внесения предупреждения Президента РФ законодательному (представительному) органу государственной власти субъекта Российской Федерации, а также в последующем — для роспуска этого органа государственной власти Президентом РФ — установленный судом факт неисполнения в течение шести месяцев либо в течение иного срока судебного решения, в котором констатировано принятие региональным парламентом нормативного правового акта, противоречащего Конституции РФ, федеральным конституционным законам, федеральным законам, если неисполнением судебного решения были созданы препятствия для реализации полномочий органов публичной власти, нарушены права и свободы человека и гражданина, права и охраняемые законом интересы юридических лиц. Данный Закон также предусматривает и иные случаи привлечения к конституционно-правовой ответственности на основании судебного установления фактов, подтверждающих совершение того или иного конституционного правонарушения (например, п. 2.1 ст. 9, п. 2 ст. 19, п. 7.2. ст. 19 и пр.).

Анализ законодательства, определяющего случаи установления судом юридических фактов, имеющих значение для применения конституционно-правовой ответственности, вы-

² Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. Федерального закона от 28 ноября 2015 г. № 357-ФЗ) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 40. Ст. 3822.

³ Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (в ред. Федерального закона от 28 ноября 2015 г. № 354-ФЗ) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

⁴ Например, основаниями для отзыва депутата, мэра города Хабаровска являются следующие решения, действия (бездействие), подтвержденные в судебном порядке: 1) нарушение Конституции РФ, федерального и краевого законодательства, Устава и иных нормативных правовых актов органов местного самоуправления города Хабаровска; 2) неисполнение полномочий по замещаемой должности (отказ от ведения приема избирателей, рассмотрения их жалоб и предложений, уклонение депутата от участия в заседаниях Хабаровской городской Думы и ее комитетах и комиссиях и т.д.) (ч. 2 ст. 13-1 Устава городского округа «город Хабаровск» от 13 июля 2004 г. № 509 (в ред. решения Хабаровской городской Думы от 22 сентября 2015 г. № 167).

явил ряд проблем нормативно-правового регулирования и судебной правоприменительной практики.

Первая проблема связана с тем, что законодатель весьма непоследователен в решении вопроса о значении судебного установления соответствующих юридических фактов как основания конституционно-правовой ответственности. Например, как уже было показано выше, для роспуска представительного органа муниципального образования законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ необходимо судебное установление факта неисполнения местным парламентом судебного решения в течение определенного срока (ч. 1 ст. 73 Федерального закона № 131-ФЗ). В то же время для отрешения от должности главы муниципального образования или главы местной администрации высшим должностным лицом субъекта РФ в похожей ситуации установления судебного факта неисполнения судебного решения не требуется. В соответствии с ч. 1 ст. 74 Федерального закона № 131-ФЗ глава субъекта РФ отрешает от должности названных должностных лиц муниципального образования, если должностное лицо в течение двух месяцев не предпринимает мер по исполнению судебного решения, которым изданные им нормативные правовые акты признаны противоречащими актам более высокой юридической силы. По мысли законодателя, факт неисполнения данного судебного решения высшее должностное лицо субъекта РФ устанавливает самостоятельно, что наделяет его «квазисудебными» полномочиями.

Применительно к роспуску законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ за принятие им нормативного правового акта, противоречащего актам более высокой юридической силы, очевидная нелогичность отмечена А. А. Кондрашевым, который весьма справедливо утверждает: «Непонятно, почему для роспуска

законодательного органа по инициативе высшего должностного лица требуется одно судебное решение, а для роспуска по решению главы государства — два, причем необходимо установить наличие дополнительных обстоятельств, свидетельствующих о неисполнении решения суда (нарушение прав и свобод граждан, создание препятствий для реализации полномочий федеральных органов)»⁵.

Вторая проблема, вытекающая из первой и связанная с ней, обусловлена тем, что во многих случаях конституционно-правовая ответственность наступает за действия (бездействие), не подтвержденные в судебном порядке. Например, в соответствии с п. 2 ст. 19, п. 3.1 ст. 29.1 Федерального закона № 184-ФЗ законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта РФ вправе выразить недоверие высшему должностному лицу субъекта РФ, а Президент РФ вправе отрешить главу субъекта РФ от должности в случае ненадлежащего исполнения им своих обязанностей. При этом по закону данный факт не устанавливается судом. В связи с чем например А. С. Сучилин отмечает, что «Президент Российской Федерации по своей сути наделен судебными полномочиями при решении этого вопроса, что, в свою очередь, не исключает элементов волюнтаризма»⁶.

В качестве недостатка норм об удалении главы муниципального образования в отставку (ст. 74.1 Федерального закона № 131-ФЗ) Е. С. Шугрина обращает внимание среди прочего на то, что «не требуется подтверждения признаков правонарушения судебным решением. Иными словами, представительный орган муниципального образования сам решает вопрос о наличии или отсутствии признаков правонарушения, предусмотренных данной статьей. Такой подход законодателя входит в существенное противоречие с логикой остальных статей Федерального закона № 131-ФЗ, поскольку одной из особенностей данного закона является существенное усиление роли суда»⁷.

⁵ Кондрашев А. А. Конституционно-правовая ответственность в Российской Федерации: теория и практика. М. : Юрист, 2006. С. 240.

⁶ Сучилин А. С. Конституционная (уставная) ответственность органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Государственно-правовые вопросы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 79.

⁷ Шугрина Е. С. Почему механизм удаления глав муниципальных образований в отставку приводит к существенным нарушениям прав на местное самоуправление // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 5. С. 7—14.

По нашему мнению, судебное установление фактов, имеющее значение для целей применения конституционно-правовой ответственности, особенно актуально в случаях использования при формулировании основания ответственности оценочных понятий: «ненадлежащее исполнение обязанностей», «грубое нарушение норм Конституции РФ» и т.д.

Третья проблема имеет отношение к правовому регулированию процедуры судебного установления фактов. Часть таких фактов устанавливается в ходе оспаривания нормативных правовых актов, действий (бездействия), решений данных органов в порядке конституционного или административного судопроизводства. В иных случаях, как показывает сложившаяся судебная практика, установление таких фактов осуществляется в порядке, предусмотренном главой 28 «Установление фактов, имеющих юридическое значение» Гражданского процессуального кодекса РФ, нормы которой, по нашему мнению, не вполне пригодны для установления фактов, имеющих конституционно-правовое значение, поскольку не соответствуют природе данной категории дел.

Одной из задач гражданского судопроизводства является правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел (ст. 2 ГПК РФ), состав которых изменился в связи со вступлением в силу Кодекса административного судопроизводства РФ. Теперь к категории гражданских дел не относятся административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, возникающие из административных и иных публичных правоотношений. Спецификой процедуры судебного установления фактов, имеющих юридическое значение, в соответствии с ГПК РФ, является, во-первых, то, что суд устанавливает факты, от которых зависит возникновение, изменение, прекращение личных или имущественных прав граждан, организаций, и, во-вторых, суд устанавливает факты, имеющие юридическое значение, только при невозможности получения заявителем в ином порядке

надлежащих документов, удостоверяющих эти факты, или при невозможности восстановления утраченных документов (ст. 264—265 ГПК РФ). В связи с указанными особенностями у судов весьма обоснованно возникают сомнения в возможности установления фактов, имеющих публично-правовое значение, в порядке, предусмотренном нормами Гражданского процессуального кодекса РФ.

Так, например, определением судьи Центрального районного суда города Хабаровска от 14 сентября 2011 г. было отказано прокурору в принятии заявления об установлении факта неисполнения Хабаровской городской Думой вступившего в законную силу решения Центрального районного суда города Хабаровска в связи с тем, что данный факт не может быть установлен в порядке гражданского судопроизводства, поскольку не может повлиять на возникновение, изменение, прекращение личных или имущественных прав граждан, организаций. Данное определение было отменено Хабаровским краевым судом⁸.

Отказывая в похожей ситуации в принятии заявления об установлении факта неисполнения представительным органом муниципального образования судебного решения, Гвардейский районный суд Калининградской области исходил из того, что законом предусмотрена возможность установления фактов, имеющих юридическое значение, только при невозможности получения заявителем в ином порядке надлежащих документов, удостоверяющих эти факты, или при невозможности восстановления утраченных документов. Калининградский областной суд отменил указанное определение⁹.

В обоих случаях вышестоящие суды ссылались на открытый перечень юридических фактов, которые могут быть установлены судом в порядке, предусмотренном главой 28 ГПК РФ (п. 10 ч. 2 ст. 264 ГПК РФ), не учитывая того, что: 1) данные юридические факты явно отличаются от тех, что приведены в ч. 2 ст. 264 (судом подлежат установлению, например, факты родственных отношений, нахождения на

⁸ Кассационное определение Хабаровского краевого суда от 09.11.2011 по делу № 33-8028 // СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

⁹ Кассационное определение СК по гражданским делам Калининградского областного суда от 31.10.2007 № 33-3326/2007 // СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

иждивении, признания отцовства, владения и пользования недвижимым имуществом, несчастного случая и пр.);

- 2) данные юридические факты не влияют на возникновение, изменение, прекращение личных или имущественных прав граждан, организаций.

Между тем сто́ит признать, что Кодекс административного судопроизводства РФ, вступивший в силу с 1 сентября 2015 г., тоже не содержит специальных норм, предусматривающих процедуру установления подобных фактов. Таким образом, за неимением других, более подходящих норм, сегодня судьям по-прежнему приходится руководствоваться именно положениями главы 28 ГПК РФ, что вызывает немалые трудности их применения к публично-правовым отношениям.

Во-первых, сложность состоит в определении субъектов, обладающих правом подавать заявление об установлении фактов, имеющих значение для применения конституционно-правовой ответственности.

В соответствии с ч. 1 ст. 4 ГПК РФ суд возбуждает гражданское дело по заявлению лица, обратившегося за защитой своих прав, свобод и законных интересов. Очевидно, что данное положение не может быть применено к рассматриваемым нами случаям, поскольку, обращаясь в суд с требованием установления юридического факта, имеющего значение для конституционно-правовой ответственности, заявитель обращается не за защитой своих прав, свобод и законных интересов, а действует в целях защиты неопределенного круга лиц, интересов публичного образования.

В силу этого чаще всего в суд за установлением рассматриваемых нами фактов обращаются прокуроры, которые, в соответствии с ч. 1

ст. 45 ГПК РФ, вправе обращаться в суд с заявлением в защиту неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований. Однако в некоторых случаях в судебных решениях приходится особо обосновывать такое право прокурора, поскольку оно оспаривается одной из сторон по делу¹⁰.

По смыслу ч. 2 ст. 45 ГПК РФ иные случаи, когда дело может быть возбуждено по заявлению лица, действующего в защиту неопределенного круга лиц или в защиту интересов публичного образования, могут быть установлены федеральными законами. Однако из всех проанализированных автором случаев, требующих установления в судебном порядке фактов, имеющих значение для применения конституционно-правовой ответственности, перечень заявителей установлен только применительно к одному — к отзыву высшего должностного лица субъекта РФ (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) (п. 7.3 ст. 19 Федерального закона № 184-ФЗ).

В иных случаях законодатель не определяет заявителей по рассматриваемой нами категории дел. Анализ довольно противоречивой судебной практики показал, что суды рассматривали дела об установлении юридических фактов, имеющих значение, например, для роспуска представительного органа муниципального образования, по требованию главы муниципального образования¹¹ и депутатов представительного органа муниципального образования¹².

Требования граждан об установлении юридических фактов, имеющих значение для применения конституционно-правовой ответственности, в одних случаях удовлетворяются¹³,

¹⁰ См., напр.: апелляционное определение Верховного Суда Республики Дагестан от 30 октября 2014 г. по делу № 33-3463/2014.

¹¹ Апелляционное определение Рязанского областного суда от 18 апреля 2015 г. по делу № 33-282 // СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

¹² Апелляционное определение Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 24 декабря 2014 г. по делу № 33-4700/14 // СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика»; апелляционное определение Верховного Суда Республики Коми от 17 февраля 2014 г. по делу № 33-357/2014 // СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

¹³ Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 05.02.2014 по делу № 33-1288/2014 // СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика»; апелляционное определение Новосибирского областного суда от 16 октября 2014 г. по делу № 33-8909/2014 // СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

а в других подлежат отклонению¹⁴. Так, прекращая производство по делу об установлении факта неисполнения губернатором Брянской области судебного решения по заявлению гражданина Ю. Н. Миронова, Верховный Суд РФ в определении от 28 августа 2013 г. отметил: «Установление факта неисполнения судебного постановления о признании недействующим нормативного правового акта, изданного высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации, для заявителя правовых последствий не влечет»¹⁵.

Полагаем, что в тех случаях, когда нормы федеральных законов требуют судебного установления фактов совершения деяний, являющихся основанием применения конституционно-правовой ответственности, эти нормы должны содержать перечень лиц, которые вправе обращаться в суд за установлением таких фактов. Такой возможностью должны обладать прежде всего органы и должностные лица, наделенные правом налагать санкции конституционно-правовой ответственности.

Трудности применения положений главы 28 ГПК РФ обусловлены еще и тем, что в порядке особого производства не могут рассматриваться дела, если между сторонами имеется спор о праве (ч. 3 ст. 263 ГПК РФ). В судебной практике есть примеры оставления без рассмотрения заявлений об установлении фактов, имеющих значение для применения конституционно-правовой ответственности, из-за того, что заинтересованные лица (органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица), в отношении которых устанавливается такой факт, оспаривают его. Так, граждане Ф., П., С., Б., К. обратились в суд Емельяновского района Красноярского края с заявлением об установлении факта непроведения Советом депутатов п. Кедровый правомочного заседания в течение трех месяцев подряд. Оставляя данное заявление без движения, суд исходил из того, что исходя из заявленного требования между сторонами усматривается спор

о праве, который подлежит рассмотрению в порядке искового судопроизводства. В последующем заявление было возвращено заявителям. Апелляционным определением Красноярского краевого суда определение суда Емельяновского района Красноярского края от 2 сентября 2013 г. отменено¹⁶.

Стоит признать, что в делах об установлении фактов, имеющих значение для применения конституционно-правовой ответственности, спора о субъективном материальном (гражданском, трудовом и т.д.) праве не существует, но спор между сторонами имеет место. Существо этого спора предопределено разногласиями относительно факта совершения деяния, являющегося основанием конституционно-правовой ответственности.

Еще одна проблема связана с определением подсудности данной категории дел. Эта проблема обусловлена тем, что в соответствии со ст. 26 ГПК РФ верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области и суд автономного округа в качестве суда первой инстанции рассматривают только гражданские дела, связанные с государственной тайной. Другие дела могут быть отнесены к подсудности судов данного уровня федеральными законами. По общему правилу дела об установлении фактов рассматриваются районными судами.

Логично было бы предположить, что факты, имеющие значение для конституционно-правовой ответственности органов и должностных лиц государственной власти субъекта РФ, устанавливаются верховным судом республики, краевым, областным судом, судом города федерального значения, судом автономной области и судом автономного округа, а факты, имеющие значение для конституционно-правовой ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления, — соответствующим районным судом. Однако анализируемые нами федеральные законы № 131-ФЗ и 184-ФЗ только в одном случае указывают на суд, к под-

¹⁴ Определение Верховного Суда РФ от 28 августа 2013 г. № 83-АПГ13-6 // СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

¹⁵ Определение Верховного Суда РФ от 28.08.2013 № 83-АПГ13-6 // СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

¹⁶ Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 05.02.2014 по делу № 33-1288/2014 // СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

судности которого отнесено установление факта, имеющего конституционно-правовое значение. В соответствии с п. 7.3 ст. 19 Федерального закона № 184-ФЗ заявление об установлении факта совершения главой субъекта РФ деяния, являющегося основанием для его отзыва, рассматривает верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области и суд автономного округа.

Отсутствие норм о подсудности влечет за собой логичные, но парадоксальные с точки зрения аргументации судебные решения. Отменяя определение Самарского областного суда, которым было отказано прокурору в принятии заявления об установлении факта непринятия мер Самарской губернской Думой по исполнению решения Самарского областного суда в связи с неподсудностью дела данному суду (поскольку такая категория дел не отнесена к подсудности областного суда нормами ГПК РФ), Верховный Суд РФ предложил следующие аргументы: «Самарский областной суд, с одной стороны, это суд, вынесший решение, которое не исполняется, а с другой стороны, это суд уровня, соответствующего уровню Самарской губернской Думы», сославшись при этом на положения п. 4 ст. 9 Федерального закона № 184-ФЗ, которые не определяют подсудности данной категории дел¹⁷.

Поскольку рассматриваемая нами категория дел — это дела, вытекающие из публичных правоотношений, по нашему мнению, они должны рассматриваться в порядке административного судопроизводства.

В целях совершенствования процессуального законодательства об установлении юридических фактов, имеющих значение для конституционно-правовой ответственности, необходимо дополнить ч. 2 ст. 1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации отдельным пунктом, согласно которому дела об установлении юридических фактов, имеющих значение для конституционно-правовой ответственности, а также иных юридических фактов, имеющих публично-пра-

вовое значение, суды должны рассматривать в порядке, предусмотренном данным Кодексом.

Статью 20 «Административные дела, подсудные верховному суду республики, краевому, областному суду, суду города федерального значения, суду автономной области и суду автономного округа» КАС РФ необходимо дополнить пунктом, в соответствии с которым к подсудности судов данного уровня будет отнесено установление фактов, имеющих значение для конституционно-правовой ответственности должностных лиц и органов государственной власти субъекта Российской Федерации. Таким образом, к подсудности районных судов будут отнесены дела об установлении фактов, имеющих значение для конституционно-правовой ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления, а также иных юридических фактов, имеющих публично-правовое значение.

В структуре раздела IV «Особенности производства по отдельным категориям административных дел» КАС РФ необходимо предусмотреть главу «Производство по административным делам об установлении фактов, имеющих публично-правовое значение». Применительно к установлению фактов, имеющих значение для конституционно-правовой ответственности, в данной главе должны быть предусмотрены статьи, посвященные особенностям рассмотрения данной категории дел (лицам, имеющим право обращаться в суд с административным иском заявлением об установлении юридического факта; требованиям, предъявляемым к административному исковому заявлению об установлении факта, имеющего публично-правовое значение; срокам обращения и срокам рассмотрения дела; порядку обжалования решений суда и пр.).

Таким образом, внесение изменений в Кодекс административного судопроизводства РФ будет способствовать совершенствованию процессуальной формы установления фактов, имеющих значение для конституционно-правовой ответственности органов и должностных лиц публичной власти.

¹⁷ Определение Верховного Суда РФ от 16.08.2002 № 46-Г02-14 // СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кондрашев А. А. Конституционно-правовая ответственность в Российской Федерации: теория и практика. — М. : Юрист, 2006. — 345 с.
2. Соловьев С. Г. Муниципально-правовая ответственность местного представительного органа: содержание и актуальные проблемы // Государственная власть и местное самоуправление. — 2004. — № 2. С. 5—8.
3. Сучилин А. С. Конституционная (уставная) ответственность органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Государственно-правовые вопросы : дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2003. — 195 с.
4. Шугрина Е. С. Гарантии права на осуществление местного самоуправления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2008. — 57 с.
5. Шугрина Е. С. Почему механизм удаления глав муниципальных образований в отставку приводит к существенным нарушениям прав на местное самоуправление // Государственная власть и местное самоуправление. — 2011. — № 5. — С. 7—11.

Материал поступил в редакцию 25 декабря 2015 г.

JUDICIAL ESTABLISHMENT OF THE FACTS NECESSARY TO IMPLEMENT CONSTITUTIONAL RESPONSIBILITY

NIKITINA Anna Vasilevna — Ph.D., Associate Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Financial Law of the Faculty of Law at the Khabarovsk State University of Economics and Law
A_Nikitina@inbox.ru
680042, Russia, Khabarovsk. ul.Tikhookeanskaya, d. 134

Review. *The article draws attention to a number of problems associated with judicial establishment of facts relevant to the implementation of constitutional responsibility. The main problem is caused by legislative uncertainty of the procedure according to which such facts are subject to being established. The analysis of the law enforcement practice has shown that some facts of constitutional law significance are established in the order provided for by Chapter 28 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, which causes some problems. Under the law: 1) the applicants in such cases are not defined; 2) jurisdiction is not always clear; 3) when considering such a category of cases, disputes cannot be excluded. To resolve the problems that appeared in judicial practice the author suggests that the Code of Administrative Procedure could be supplemented by the provisions dedicated to the judicial establishment of facts that are significant for public law relations (including relations subject to responsibility under constitutional law).*

Keywords: *constitutional law responsibility; constitutional tort; judicial establishment of facts; Code of Administrative Procedure of the Russian Federation.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Kondrashev A. A. Konstitucionno-pravovaja otvetstvennost' v Rossijskoj Federacii: teorija i praktika. — М. : Jurist#, 2006. — 345 s.
2. Solov'ev S. G. Municipal'no-pravovaja otvetstvennost' mestnogo predstavitel'nogo organa: sodержanie i aktual'nye problemy // Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie. — 2004. — № 2. S. 5—8.
3. Suchilin A. S. Konstitucionnaja (ustavnaja) otvetstvennost' organov gosudarstvennoj vlasti sub#ektov Rossijskoj Federacii. Gosudarstvenno-pravovye voprosy : dis. ... kand. jurid. nauk. — Cheljabinsk, 2003. — 195 s.
4. Shugrina E. S. Garantii prava na osushhestvlenie mestnogo samoupravlenija : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. — М., 2008. — 57 s.
5. Shugrina E. S. Pochemu mehanizm udalenija glav municipal'nyh obrazovanij v otstavku privodit k sushhestvennym narushenijam prav na mestnoe samoupravlenie // Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie. — 2011. — № 5. — S. 7—11.

Избирательно-правовая ответственность в российском конституционном праве

Аннотация. Автором рассмотрена такая разновидность конституционно-правовой ответственности, как избирательно-правовая ответственность. В работе были последовательно изучены имеющиеся в доктрине наименования ответственности субъектов избирательных правоотношений и предложено определение этой ответственности — избирательно-правовая ответственность. Также проведена классификация субъектов избирательно-правовой ответственности: «активные» субъекты, которые организуют проведение избирательных действий или непосредственно участвуют в избирательной кампании (кандидаты, избирательные объединения, избирательные комиссии и др.), и «пассивные» субъекты, призванные к участию в одной из стадий процесса выборов (граждане, органы государственной власти, средства массовой информации). Проанализированы особенности вины в избирательных правоотношениях и предложено собственное определение вины: «непринятие всех необходимых мер по предотвращению нарушения, иное пассивное отношение к выполнению своих обязанностей субъектом правоотношений, повлекшие нарушение законодательства о выборах, при условии, что у правонарушителя была возможность выбора варианта правомерного поведения исходя из существующих обстоятельств». В статье приведена авторская классификация конституционно-правовых санкций избирательно-правовой ответственности.

Ключевые слова: избирательно-правовая ответственность, избирательное право, избирательные правоотношения, санкции в избирательном праве, вина в избирательном праве, конституционно-правовая ответственность, избирательный процесс, субъекты избирательного процесса.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.112-123

С каждым годом законодательство Российской Федерации пополняется новыми конституционно-правовыми санкциями, имеющими общую цель, — охранять избирательные права граждан от посягательств со стороны участников избирательного процесса, прежде всего кандидатов и избирательных комиссий. Такие санкции, как расформирование избирательных комиссий, удаление наблюдателей, отмена регистрации списка кандидатов,

не были известны советскому избирательному законодательству. При этом инструментарий юридической ответственности за правонарушения в сфере выборов постоянно дифференцируется и расширяется.

Понятие и определение ответственности в избирательном праве. При описании содержания понятия ответственности важно определить, как именовать юридическую ответственность в избирательных правоотношениях.

© Кондрашев А. А., 2016

* Кондрашев Андрей Александрович, доктор юридических наук, профессор, проректор по науке Красноярского государственного аграрного университета, заведующий кафедрой конституционного, административного и муниципального права Юридического института Сибирского федерального университета legis75@mail.ru
660049, Россия, г. Красноярск, пр. Мира, 90

Высказываются различные точки зрения относительно того, какое определение более предпочтительно.

Так, В. В. Игнатенко и С. Д. Князев говорят о существовании «ответственности по избирательному праву»¹. Аналогичной точки зрения придерживаются Ю. А. Дмитриев, В. Б. Израелян, С. Ю. Чудина, выделяя три вида ответственности за нарушение избирательного законодательства: ответственность по избирательному праву, административную ответственность и уголовную ответственность, а ответственность по избирательному праву относят к сегменту государственно-правовой ответственности². С точки зрения членов ЦИК РФ, высказанной в докладе «О развитии и совершенствовании законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах», следует остановиться на термине «государственно-правовая ответственность кандидатов, избирательных объединений, избирательных блоков»³.

Бывший председатель ЦИК РФ А. А. Вешняков использует термин «избирательная ответственность», указывая, что она «наряду с другими формами юридической ответственности, применяемыми к участникам избирательного процесса, обеспечивает соблюдение порядка и правил (процедуры) публичного демократического формирования (избрания состава) органов государственной власти и органов местного самоуправления и в этих условиях выступает разновидностью конституционно-правовой ответственности, применяемой непосредственно в области избирательных правоотношений

к определенным участникам избирательного процесса»⁴.

Г. Д. Садовникова использует оба термина: избирательно-правовая ответственность и ответственность по избирательному праву. В первом случае она это делает в заголовке своей статьи «Избирательно-правовая ответственность как вид конституционно-правовой ответственности»⁵. Однако в тексте статьи использует и дает определение не избирательно-правовой ответственности, а ответственности по избирательному праву. С ее точки зрения, это «применение к нарушителю в установленном законодательством о выборах порядке мер государственного принуждения, выражающихся в отрицательных последствиях личного, организационного или имущественного характера, связанных с участием в избирательном процессе».

В литературе используется еще один термин — «ответственность за нарушение избирательных прав граждан». Данное словосочетание В. Н. Волченко использует наряду с конституционной ответственностью⁶. Причем соотношение данных терминов следующее: ответственность за нарушение избирательных прав является одним из видов конституционной ответственности, по мнению указанного автора.

М. С. Матейкович предлагает определить ответственность в избирательном праве как конституционную ответственность субъектов (участников) избирательного процесса⁷.

Д. С. Рымарев предпочитает использовать такое наименование, как «конституционно-

¹ Матейкович М. С. Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации. М., 2003. С. 553 ; Дмитриев Ю. А., Израелян В. Б., Чудина С. Ю. Избирательное право и процесс в Российской Федерации. Иркутск, 2001. 512 с.

² Дмитриев Ю. А., Израелян В. Б., Чудина С. Ю. Указ. соч. С. 441.

³ Доклад Центральной Избирательной Комиссии от 06.10.2000 // Вестник Центризбиркома РФ. 2000. № 21. С. 74.

⁴ Вешняков А. А. Конституционно-правовая ответственность в российском избирательном праве // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран. М., 2001. С. 63—64.

⁵ Садовникова Г. Д. Избирательно-правовая ответственность как вид конституционно-правовой ответственности // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран. М., 2001. С. 317.

⁶ Волченко В. Н. Соотношение конституционной ответственности и ответственности за нарушение избирательных прав граждан // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран. М., 2001. С. 313.

⁷ Матейкович М. С. Проблемы конституционной ответственности субъектов избирательного процесса в Российской Федерации // Государство и право. 2001. № 10. С. 28—29.

правовая ответственность участников выборов, являющаяся разновидностью конституционно-правовой ответственности»⁸.

По мнению Т. Г. Левченко, «использование термина “избирательная ответственность” представляется не совсем корректным. Для признания того или иного вида ответственности самостоятельным необходимо наличие ряда признаков: специфических оснований, санкций, субъектов и источников ответственности. Так называемая избирательная ответственность такими признаками не обладает, поэтому можно говорить лишь о конституционно-правовой ответственности в избирательном праве. Свои особенности присущи конституционно-правовой ответственности именно в этой подотрасли, однако их недостаточно для того, чтобы объявить этот вид ответственности самостоятельным. Нельзя говорить об избирательной ответственности и как о разновидности конституционно-правовой ответственности. Бесспорно, существует деление конституционно-правовой ответственности по субъектам: например, ответственность правительства, парламента или по сфере применения: ответственность в отношениях гражданства. Однако это нельзя называть разновидностью конституционно-правовой ответственности, ведь выделение той или иной разновидности явления основано на существенном отличии пусть и второстепенных признаков. В случае конституционно-правовой ответственности в избирательном праве этого не наблюдается»⁹.

Учитывая, что ответственность субъектов избирательных правоотношений представляет собой сегмент (часть) общего понятия ответственности в конституционном праве, более правильно говорить об их конституционно-правовой ответственности. Иные дефиниции обедняют содержание понятия, так как можно предположить, что имеются в виду санкции, заложенные непосредственно в тексте Конституции, или какое-то особое, определяющее значение государства как субъекта правоприменения. В нашем случае адекватное по-

нимание существа санкций, определенных соответствующими нормами, и характера правовых последствий отражает использование понятий «конституционно-правовая ответственность субъектов избирательного процесса (избирательных правоотношений)» или «избирательно-правовая ответственность» как разновидностей конституционно-правовой ответственности. При этом, как будет доказано в работе, избирательно-правовая ответственность имеет свои особенности, отличительные признаки, поэтому суждение о том, что отсутствуют основания для ее выделения как разновидности конституционно-правовой ответственности, представляется недостаточно обоснованным.

Субъекты избирательных правоотношений. Как известно, участники избирательного процесса (члены избирательных комиссий, избирательная комиссия, кандидаты в депутаты, политические партии и избирательные блоки, средства массовой информации, должностные лица государственных органов, избиратели) за нарушения правовых норм, регламентирующих процесс реализации гражданами своих избирательных прав, несут различные виды ответственности: уголовную, административную, дисциплинарную, конституционно-правовую.

В целом всех участвующих в избирательных кампаниях субъектов можно разделить на две группы: «активные» субъекты, которые организуют проведение избирательных действий или непосредственно участвуют в избирательной кампании (кандидаты, избирательные объединения, избирательные комиссии, их члены и наблюдатели), и «пассивные» субъекты, призванные к участию в одной из стадий процесса выборов (граждане) или обеспечивающие реализацию «активными» субъектами своих прав (органы государственной власти и местного самоуправления, их должностные лица, средства массовой информации). Эта в значительной мере условная классификация позволяет разграничить наступление различных видов юридической ответственности за допущенные в

⁸ Рымарев Д. С. Необходимость учета вины лица при применении отказа в регистрации или отмены регистрации кандидата (списка кандидатов) с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Академический юридический журнал. 2014. № 4 (58). С. 27.

⁹ Левченко Т. Г. Терминология и особенности конституционно-правовой ответственности в избирательном праве России // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 3. С. 28.

ходе выборов нарушения со стороны указанных групп субъектов избирательных правоотношений. Так, граждане, должностные лица органов государственной власти и местного самоуправления, средства массовой информации несут административную (ст. 5.1—5.25 КоАП РФ) и уголовную (ст. 141 и 142 УК РФ) ответственность.

Закономерен вопрос: почему «пассивные» субъекты не несут ответственности по избирательному законодательству? Ответ, на наш взгляд, очевиден: субъекты, обеспечивающие участие в избирательном процессе «активных» субъектов, или непосредственно голосующие избиратели не имеют возможности своими противоправными действиями серьезно нарушить ход выборов или изменить результаты волеизъявления народа. Эти субъекты в рамках избирательной кампании выполняют вспомогательные функции (освещение выборов в средствах массовой информации, агитация, составление списков, выделение помещений и мест для агитации). Другие субъекты избирательного процесса — члены избирательных комиссий, комиссии в целом, кандидаты, избирательные блоки, партии, наблюдатели — несут ответственность по нормам избирательного законодательства, что, правда, не исключает применения мер ответственности, предусмотренных в иных отраслях законодательства.

Особенности избирательно-правовой ответственности. В науке некоторые авторы попытались выделить особые признаки избирательно-правовой ответственности. Так, как это сделал известный исследователь ответственности в избирательных правоотношениях М. С. Матейкович. Автор выделил пять особенностей, присущих конституционно-правовой ответственности в избирательном праве: ярко выраженный политический характер; индивидуальный и коллективный характер данной ответственности; нарушение избирательных прав граждан как основание конституционно-правовой ответственности; возможность наступления при отсутствии вины нарушителя избирательных прав; отсутствие регламентации в федеральном законе процессуального порядка применения к участникам избирательного процесса некоторых мер конституционно-правовой ответственности¹⁰.

Можно согласиться лишь с некоторыми особенностями избирательно-правовой ответственности, предложенными М. С. Матейковичем, в частности с отсутствием регламентации процессуального порядка применения в федеральном законодательстве, индивидуальным и коллективным характером этой ответственности. Все иные основания вряд ли возможно считать отличающимися избирательно-правовую ответственность от иных разновидностей конституционно-правовой ответственности. Исходя из круга регулируемых отношений основанием любой конституционной ответственности служит нарушение предписаний конституционно-правовых норм. Политический характер, если под ним понимать принятие решений высшими органами государственной власти, присущ всем конституционным санкциям. Отсутствие вины нельзя считать особенностью избирательно-правовой ответственности, так как вина является необходимым условием реализации любого вида юридической ответственности.

К числу специфичных черт, присущих избирательно-правовой ответственности в отношениях, связанных с реализацией принципа народовластия, можно отнести следующие:

1. В отличие от иных мер конституционно-правовой ответственности, реализуемых в таких областях, как институт федеративного устройства, гражданство, правовой статус беженцев и вынужденных переселенцев, в избирательных правоотношениях велик удельный вес санкций, реализуемых во внесудебном порядке, на основе решений избирательных комиссий.
2. Самые значимые по своим правовым последствиям избирательные санкции — отмена итогов голосования, признание результатов выборов недействительными — не имеют конкретного адресата ответственности (субъекта обременений), который несет четко оформленные негативные последствия. Эти санкции направлены на устранение из правового поля неблагоприятных последствий нарушения избирательного законодательства.
3. Санкции в избирательном праве имеют кратковременный характер, то есть меры принуждения по избирательному законода-

¹⁰ Матейкович М. С. Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации. С. 135—140.

тельству применяются лишь в период проведения конкретной избирательной кампании, за некоторыми исключениями (например, расформирование избирательной комиссии за неисполнение решения вышестоящей избирательной комиссии).

4. Если попытаться сравнить применение мер ответственности в рассматриваемой сфере и в иных отраслях конституционного законодательства, то можно констатировать, что применение избирательных санкций опосредовано использованием значительного числа оценочных, субъективных критериев привлечения к ответственности. Такие критерии применения принудительных мер, как достоверность определения результатов выборов, действительная воля избирателей, нехарактерны ни для одной из отраслей законодательства и в значительной мере субъективны, что обуславливает возможность возникновения юридических коллизий¹¹.
5. Конституционно-правовая ответственность в отношениях, связанных с реализацией избирательных прав, характеризуется значительным числом разнообразных по своей правовой природе субъектов. К ним относятся как государственные органы и должностные лица (избирательные комиссии, их члены), так и большое число особых субъектов — граждан, наделенных специальным статусом в избирательных правоотношениях: это кандидаты, зарегистрированные кандидаты, наблюдатели, члены комиссий с правом совещательного голоса, а также избирательные объединения — политические партии. Нельзя обойти вниманием и вопрос о возможности существования в избирательных

правоотношениях так называемых имущественных санкций. В. А. Виноградов в числе «конституционно-правовых санкций, имеющих финансовый (имущественный) характер», называет утрату кандидатом, избирательным объединением или блоком, не набравшим установленного законом числа голосов, права на возврат избирательного залога, а также обязанность вернуть полученные от избирательных комиссий бюджетные средства¹².

Представляется, что вышеуказанная позиция основана на упрощенном понимании ответственности как санкций, предусмотренных в конституционном праве. Между тем обязанность возврата указанных средств носит характер гражданско-правового обязательства (возмездного займа государства политическому объединению). Более того, возврат средств зависит не от виновного нарушения избирательным объединением диспозиции нормы, а от действий, не связанных с собственно отклоняющимся поведением.

Специфика вины в избирательных правоотношениях. Применительно к ответственности субъектов избирательного процесса в науке высказывались мнения об отсутствии вины при применении санкций в избирательном праве¹³. Так, Т. А. Рабко утверждает, что в случае подкупа избирателей доверенным лицом кандидата нельзя говорить о вине самого кандидата¹⁴. Ю. А. Собачевская также считает, что в данных ситуациях конституционно-правовая ответственность может наступать без какого-либо правонарушения со стороны кандидата, поскольку он может быть не осведомлен о противоправной деятельности назначенных им доверенных лиц¹⁵.

¹¹ Рабко Т. А. Процедура и основания для признания результатов выборов недействительными нуждаются в детальной регламентации // Право и политика. 2000. № 12. С. 52.

¹² Виноградов В. А. Конституционная ответственность: вопросы теории и законодательное регулирование. М., 2000. С. 98—99.

Следует отметить, что в настоящее время такая санкция в избирательном законодательстве России уже не существует, что, однако, не означает необходимости научной дискуссии о правовой природе ее реализации.

¹³ Матейкович М. С. Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации. С. 30 ; Стружак Е. П. Правовой статус кандидатов в выборные органы, на выборные муниципальные и государственные должности Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2003. С. 178—179.

¹⁴ Рабко Т. А. Указ. соч. С. 52.

¹⁵ Собачевская Ю. А. Типы и особенности конституционно-правовой ответственности за нарушения избирательного законодательства // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 1.

В качестве примера М. С. Матейкович приводит случай с расформированием избирательной комиссии, когда членство в ней прекращают и лица, находившиеся в меньшинстве при голосовании за решение, которое привело к нарушениям избирательных прав граждан. Второй пример, приводимый этим автором, связан с обнаружением в переносном ящике большего числа бюллетеней, чем выдано избирателям, голосовавшим вне специального помещения, когда все бюллетени признаются недействительными. Тем самым аннулируются результаты волеизъявления всех граждан, которые по уважительным причинам не смогли самостоятельно прибыть в помещение для голосования¹⁶.

Другой подход представлен позицией Н. В. Горькова, который полагает, что вина в совершении избирательного правонарушения состоит в возможности кандидата соблюдать нормы избирательного законодательства, но непринятии зависящих от него мер по его соблюдению¹⁷. А. Г. Сидякин обоснованно отмечает, что судебная практика по делам о защите избирательных прав чаще всего не делает различий между индивидуальными и коллективными субъектами при установлении вины, фактически склоняясь к определению, данному в КоАП РФ применительно к юридическим лицам, в отношении всех субъектов. «Вина кандидатов... обычно понимается как совершение или допущение нарушения избирательного законодательства при возможности его соблюдения, непринятие всех возможных мер для предотвращения его нарушения, а невиновность — как непричастность, значительно реже — как совершение правонарушения, несмотря на все принятые меры для соблюдения законодательства либо вследствие виновных действий других лиц»¹⁸.

Особую позицию в отношении вины в избирательном праве высказала Е. И. Старовойтова, по мнению которой понятие виновности складывается из двух групп обстоятельств:

- 1) причастность лица к совершению преступного деяния, т.е. самоличность совершения его данным лицом;
- 2) наличие вины — психического отношения к своему противоправному поведению и его последствиям, имеющего форму умысла или неосторожности¹⁹. С нашей точки зрения, элемент «причастности» достаточно самоочевиден и охватывается той же противоправностью, и нет оснований включать его в понятие виновности соответствующего лица.

Нельзя согласиться с Д. С. Рымаревым, что понятие вины для физических лиц едино во всех отраслях российского права и представляет собой психическое отношение лица к содеянному им²⁰. Действительно, нормативно принцип психологической вины закреплен в уголовном и административном праве, но, например, в гражданском праве этот принцип не является абсолютным, так как в предпринимательских отношениях фактически господствует презумпция вины, а любое лицо (и физическое, и юридическое) «признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства» (ч. 2 ст. 401 ГК РФ).

На наш взгляд, исключение из принципа вины при применении соответствующих мер конституционно-правовой ответственности недопустимо. Как указал Конституционный Суд РФ в постановлении от 25 января 2001 года № 1-П по делу о проверке конституционности п. 2 ст. 1070 ГК РФ, наличие вины — общий и общепризнанный принцип юридической от-

¹⁶ Матейкович М. С. Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации. С. 30.

¹⁷ Горьков Н. В. Избирательное правонарушение как основание конституционно-правовой ответственности в избирательном законодательстве // Юридические науки. 2007. № 3 (25). С. 34.

¹⁸ Сидякин А. Г. Принцип виновной ответственности и фактор вины в избирательном процессе // Журнал российского права. 2005. № 1. С. 5.

¹⁹ Старовойтова Е. И. Правовые презумпции в избирательном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2012. С. 21.

²⁰ Рымарев Д. С. Конституционно-правовая ответственность кандидата за действия доверенных лиц, уполномоченных представителей по финансовым вопросам // Академический юридический журнал. 2013. № 4 (54). С. 53.

ветственности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т.е. закреплено непосредственно²¹.

С нашей точки зрения, аргументы в пользу отказа от вины не могут быть приняты во внимание по следующим основаниям. Факт подкупа избирателей доверенным лицом кандидата может свидетельствовать о вине кандидата, который самостоятельно назначает доверенных лиц и отвечает за их юридически значимое поведение в ходе избирательной кампании. Именно кандидат, возможно в силу своего легкомысленного отношения, не предпринял мер по контролю за деятельностью доверенных лиц, который он обязан производить в течение всей избирательной кампании²². Кроме того, нужно учитывать, что в ряде случаев, когда кандидату сложно проконтролировать деятельность доверенных лиц или уполномоченных представителей, можно говорить и об элементах «объективного вменения», что вовсе не означает отсутствия вины кандидата. «Объективная трактовка» вины, применяемая к юридическим лицам или государственным органам, в избирательных правоотношениях вполне может применяться и к кандидатам²³. Вполне вероятно, что можно говорить о специфической смешанной (сочетающей элементы психологического отношения к содеянному и реальной возможности избежать правонарушения, выбрав потенциально соответствующий закону вариант поведения) вине кандидатов: с одной стороны, речь может идти как о «легкомысленном отношении кандидата» к контролю за доверенными лицами, так и о том случае, «когда доверенным лицом (уполномоченным представителем кандидата по финансовым вопросам) совершается подкуп избирателей, проводится агитация с нарушением требований избирательного законодательства без ведома или согласия кандидата».

Вряд ли возможно говорить о вине кандидата в целом в рамках психологической трактовки²⁴.

В этой части действующее избирательное законодательство допускает объективное вменение, и закон связывает наличие вины кандидата просто с тем, что он не предпринял всех (а в реальности — всех вероятных и потенциально возможных!) мер, чтобы избежать правонарушения. При этом кандидат будет признан невиновным, если нарушение норм избирательного права вызвано чрезвычайными, объективно непредотвратимыми обстоятельствами и другими непредвиденными, непреодолимыми препятствиями, находящимися вне его контроля, при том что действовал он с той степенью заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась в целях надлежащего исполнения лежащих на нем обязанностей, и что с его стороны к этому были приняты все меры.

Существует мнение, что для «освобождения от ответственности по избирательному праву в связи с невиновностью необходимо доказать, что лицу не было и, исходя из обстановки, не могло быть известно о реальной (но не потенциальной) угрозе правонарушения и что допущенное нарушение закона в сложившихся условиях нельзя было ни предвидеть, ни предотвратить обычными способами»²⁵. Действительно, для выявления вины физического лица в рамках избирательного права подобная конструкция в целом приемлема (но не всегда применяется согласно нормам избирательного законодательства), но для вины коллективного субъекта такая модель представляется ошибочной. Для роспуска, например, избирательной комиссии неважно выявление позиции тех лиц, которые остались в меньшинстве при голосовании за незаконное решение; ответственность комиссии может быть исключена только при условии, что она действовала по указанию вышестоящей комиссии или в таких

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 № 1-П // СЗ РФ. 2001. № 7. Ст. 700.

²² Стружак Е. П. Указ. соч. С. 123—124.

²³ Виноградов В. А. Конституционно-правовая ответственность: системное исследование. М., 2005. С. 71—72 ; Загайнов С. В. Избирательный процесс в современной России: конституционно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Майкоп, 2006. С. 63.

²⁴ Рымарев Д. С. Конституционно-правовая ответственность кандидата ... С. 53.

²⁵ Плахотнюк В. А. Вина гражданина как субъективное условие его привлечения к ответственности по избирательному праву // Академический юридический журнал. 2003. № 1. С. 20 .

обстоятельствах, которые исключали принятие иного решения (например, когда орган принимает решение под давлением толпы или вооруженных людей, как это происходило на выборах в Республике Абхазия в 2004 году).

Как можно определить вину участников избирательного процесса, коими в ряде случаев выступают физические лица? По нашему мнению, виной в избирательном праве, как и в конституционном праве, следует считать не принятие всех необходимых мер по предотвращению нарушения, иное пассивное отношение к выполнению своих обязанностей субъектом правоотношений, повлекшие нарушение законодательства о выборах, при условии, что в данных обстоятельствах у правонарушителя была возможность выбора варианта правомерного поведения.

Виды мер ответственности в избирательном праве и классификация санкций. Следует отметить, что в науке нет единства мнений относительно тех санкций, которые составляют содержание этой разновидности юридической ответственности.

Так, например, П. А. Астафичев выделяет следующие формы конституционно-правовой ответственности, ограничивающие избирательные права граждан:

- 1) отказ гражданину в его регистрации в качестве кандидата;
- 2) отмена решения о регистрации кандидата;
- 3) признание итогов голосования или результатов выборов недействительными;
- 4) отмена решения избирательной комиссии об итогах голосования или о результатах выборов;
- 5) расформирование избирательной комиссии;
- 6) отстранение члена участковой избирательной комиссии от работы в ее составе;
- 7) удаление из помещения для голосования наблюдателей, доверенных лиц, журналистов и иных лиц, наблюдающих за работой избирательных комиссий²⁶.

По мнению М. С. Матейковича, к числу мер конституционно-правовой ответственности субъектов избирательного процесса могут быть отнесены:

- 1) досрочное прекращение полномочий члена избирательной комиссии в связи с признанием его систематически не выполняющим свои обязанности;
- 2) расформирование избирательной комиссии;
- 3) отстранение члена участковой избирательной комиссии от участия в ее работе;
- 4) отмена решения избирательной комиссии, в том числе об итогах голосования, результатах выборов;
- 5) признание незаконными решений и действий (бездействий) органа государственной власти, органа местного самоуправления, общественного объединения или должностного лица, нарушившего избирательное законодательство, на основании ст. 239 КАС РФ;
- 6) удаление наблюдателей, иных лиц из помещения избирательной комиссии;
- 7) отказ избирательному объединению в приеме документов и выдаче заверенных копий списков кандидатов в депутаты Государственной Думы;
- 8) отказ в регистрации инициативной группы и ее уполномоченных представителей, уполномоченных представителей избирательного объединения, выдвинувших кандидата на должность Президента РФ;
- 9) отказ в регистрации кандидата;
- 10) отмена регистрации кандидата (списка кандидатов)²⁷.

С нашей точки зрения, представленные выше мнения ученых о мерах ответственности в избирательных правоотношениях неполны и в какой-то степени некорректно сформулированы. Например, неясно, какая мера ответственности в избирательных правоотношениях определена в законодательных актах как досрочное прекращение полномочий, по какой причине необходимо выделять отказ в регистрации гражданину, не указывая на отказ в регистрации списка кандидатов, представленного избирательным объединением. Остается загадкой, почему в число мер ответственности не попала такая конституционно-правовая санкция, как предупреждение.

²⁶ Астафичев П. А. Конституционно-правовая ответственность субъектов избирательных правоотношений // Право и власть. 2001. № 1. С. 57—58.

²⁷ Матейкович М. С. Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации. С. 143—144.

По нашему мнению, к мерам ответственности по избирательному законодательству нужно отнести следующие санкции:

- 1) предупреждение кандидату (избирательному объединению) (п. 5.1 ст. 20 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»²⁸, п. 4 ст. 12 Федерального закона «О выборах Президента Российской Федерации»²⁹);
- 2) отказ в регистрации кандидата (списка кандидатов) (п. 23 ст. 38 Закона «Об основных гарантиях избирательных прав...»);
- 3) отмена регистрации кандидата (списка кандидатов) (п. 5 ст. 76 Закона «Об основных гарантиях избирательных прав...»);
- 4) признание итогов голосования и результатов выборов недействительными решением избирательной комиссии (п. 9 ст. 70 Закона «Об основных гарантиях избирательных прав...»), отмена решения об итогах голосования и о результатах выборов судом (п. 2 ст. 77 Закона «Об основных гарантиях избирательных прав...»);
- 5) расформирование избирательной комиссии (ст. 31 Закона «Об основных гарантиях избирательных прав...»);
- 6) отстранение члена участковой избирательной комиссии от участия в ее работе, удаление наблюдателя или иных лиц (п. 12 ст. 64 Закона «Об основных гарантиях избирательных прав...»);
- 7) прекращение полномочий члена избирательной комиссии с правом решающего голоса в случае признания решением суда, вступившим в законную силу, на основании заявления соответствующей комиссии систематически не выполняющим свои обязанности (пп. «д» п. 8 ст. 29 Закона «Об основных гарантиях избирательных прав...») или вступления в силу приговора или решения суда;
- 8) отказ в регистрации инициативной группы по проведению референдума, отказ в

назначении референдума (статья 36, 38 Закона «Об основных гарантиях избирательных прав...», статья 15 Федерального конституционного закона «О референдуме в Российской Федерации»³⁰);

- 9) прекращение деятельности инициативной группы по проведению референдума (ст. 89 Федерального конституционного закона «О референдуме в Российской Федерации»);
- 10) отмена решения комиссии референдума об итогах голосования, признание итогов голосования недействительными вышестоящей комиссией или судом (статья 88 Федерального конституционного закона «О референдуме в Российской Федерации»).

Если говорить о классификации избирательных санкций, то наибольшее практическое значение имеет схема, в основе которой лежит природа юридического действия:

- а) отказ в наделении соответствующим специальным статусом (отказ в регистрации, отказ в заверении списков);
- б) нуллификация совокупности юридических действий (признание выборов недействительными и отмена результатов выборов);
- в) прекращение существования (ропуск, расформирование) властного органа (расформирование избирательной комиссии);
- г) утрата юридической силы правового акта (отмена актов избирательных комиссий);
- д) лишение специального статуса (отмена регистрации кандидата, списка кандидатов);
- е) лишение права принятия значимых решений в избирательном процессе (удаление наблюдателя, отстранение члена участковой комиссии).

Другим основанием классификации может выступать стадийность использования тех или иных мер ответственности в ходе избирательной кампании:

- 1) применение санкций на стадии выдвижения и регистрации (отказ в регистрации);

²⁸ Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

²⁹ Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. №2. Ст. 171.

³⁰ Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2710.

- 2) применение санкций после регистрации и до даты голосования (отмена регистрации); — санкции, применяемые избирательными комиссиями;
- 3) применение санкций после голосования (признание выборов недействительными); — санкции, применяемые судами.
- 4) применяемые независимо от стадии (расформирование комиссии)³¹.
Приведенная классификация не может быть названа окончательной и полной, так как имеет общетеоретический характер. Возможны и иные основания разграничения санкций в избирательных отношениях.
- Более простой классификацией выступает деление по субъектам применения санкций:

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Астафичев П. А. Конституционно-правовая ответственность субъектов избирательных правоотношений // *Право и власть*. — 2001. — № 1. — С. 57—58.
2. Вешняков А. А. Конституционно-правовая ответственность в российском избирательном праве // *Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран*. — М. : Изд-во МГУ, 2001. — С. 63—64.
3. Виноградов В. А. Конституционная ответственность: вопросы теории и законодательное регулирование. — М. : Академпресс, 2000. — 287 с.
4. Волченко В. Н. Соотношение конституционной ответственности и ответственности за нарушение избирательных прав граждан // *Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран*. — М. : Изд-во МГУ, 2001. — С. 313—317.
5. Горьков Н. В. Система мер конституционно-правовой ответственности в избирательном праве // *Юридические науки*. — 2007. — № 3 (25). — С. 35—45.
6. Горьков Н. В. Избирательное правонарушение как основание конституционно-правовой ответственности в избирательном законодательстве // *Юридические науки*. — 2007. — № 3 (25). — С. 24—34.
7. Загайнов С. В. Избирательный процесс в современной России: конституционно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. — Майкоп, 2006. — 195 с.
8. Иваненко А. В. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации : учебник для вузов / отв. ред. А.В. Иваненко. — М. : Норма, 1999. — 553 с.
9. Князев С. Д. Очерки теории российского избирательного права : монография. — Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 1999. — 414 с.
10. Левченко Т. Г. Терминология и особенности конституционно-правовой ответственности в избирательном праве России // *Конституционное и муниципальное право*. — 2008. — № 3. — С. 27—31.
11. Матейкович М. С. Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации : монография. — М. : Издательство МГУ, 2003. — 304 с.
12. Матейкович М. С. Проблемы конституционной ответственности субъектов избирательного процесса в Российской Федерации // *Государство и право*. — 2001. — № 10. — С. 28—35.
13. Плахотнюк В. А. Вина гражданина как субъективное условие его привлечения к ответственности по избирательному праву // *Академический юридический журнал*. — 2003. — № 1. — С. 19—22.
14. Рабко Т. А. Процедура и основания для признания результатов выборов недействительными нуждаются в детальной регламентации // *Право и политика*. — 2000. — № 12. — С. 50—54.
15. Рымарев Д. С. Конституционно-правовая ответственность кандидата за действия доверенных лиц, уполномоченных представителей по финансовым вопросам // *Академический юридический журнал*. — 2013. — № 4 (54). — С. 51—55.
16. Рымарев Д. С. Необходимость учета вины лица при применении отказа в регистрации или отмены регистрации кандидата (списка кандидатов) с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // *Академический юридический журнал*. 2014. — № 4 (58). — С. 27.

³¹ Горьков Н. В. Система мер конституционно-правовой ответственности в избирательном праве // *Юридические науки*. 2007. № 3 (25). С. 39.

17. Садовникова Г. Д. Избирательно-правовая ответственность как вид конституционно-правовой ответственности // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран. — М. : Изд-во МГУ, 2001. — С. 317—321.
18. Сидякин А. Г. Принцип виновной ответственности и фактор вины в избирательном процессе. // Журнал российского права. — 2005. — № 1. — С. 3—14.
19. Собачевская Ю. А. Типы и особенности конституционно-правовой ответственности за нарушения избирательного законодательства // Государственная власть и местное самоуправление. — 2011. — № 1.
20. Старовойтова Е. И. Правовые презумпции в избирательном праве : дис. ... канд. юрид. наук. — Владивосток, 2012. — 108 с.
21. Стружак Е. П. Правовой статус кандидатов в выборные органы, на выборные муниципальные и государственные должности Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — Тюмень, 2003.— 230 с.
22. Штурнева М. В. Подкуп избирателей как основание конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации : науч.-практ. пособие. — Иркутск, 2008. — 145 с.

Материал поступил в редакцию 25 января 2016 г.

ELECTORAL RESPONSIBILITY UNDER RUSSIAN CONSTITUTIONAL LAW

KONDRASHEV Andrey Aleksandrovich — Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Research at the Krasnoyarsk State Agrarian University, Head of the Department of Constitutional, Administrative and Municipal at the Law Institute of the Siberian Federal University
legis75@mail.ru
660049, Russia, Krasnoyarsk, pr. Mira, 90

Review. *In the paper the author considers such a category of constitutional responsibility as electoral responsibility. The paper sequentially examines categories of responsibility of subjects of voting rights available in the doctrine, and provides for the definition of such responsibility, i.e. electoral responsibility. The author also classifies the subjects of electoral responsibility into "active" subjects who organize electoral acts or who are directly involved in an election campaign (candidates, electoral associations, electoral commissions, etc.), and "passive" subjects who are called for participation at one of the stages of the electoral process (citizens, public authorities, media). The article analyzes approaches existing in the science with regard to the features of fault in electoral matters, and the author proposed his own definition of fault: "failure to take all necessary measures to prevent violations, any other passive attitude of a person towards fulfillment of his or her duties resulting in violations of election legislation, provided that the wrong-doer had an opportunity to opt for lawful behavior under existing circumstances." The article contains the author's classification of constitutional law sanctions imposed in accordance with electoral responsibility.*

Keywords: *electoral responsibility, electoral law, electoral legal relations, sanctions in electoral law, fault under electoral law, constitutional responsibility, the electoral process, subjects of the electoral process.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Astafichev P. A. Konstitucionno-pravovaja otvetstvennost' sub#ektov izbiratel'nyh pravootnoshenij // Pravo i vlast'. — 2001. — № 1. — S. 57—58.
2. Veshnjakov A. A. Konstitucionno-pravovaja otvetstvennost' v rossijskom izbiratel'nom prave // Konstitucionno-pravovaja otvetstvennost': problemy Rossii, opyt zarubezhnyh stran. — M. : Izd-vo MGU, 2001. — S. 63—64.
3. Vinogradov V. A. Konstitucionnaja otvetstvennost': voprosy teorii i zakonodatel'noe regulirovanie. — M. : Akadempress, 2000. — 287 s.
4. Volchenko V. N. Sootnoshenie konstitucionnoj otvetstvennosti i otvetstvennosti za narushenie izbiratel'nyh prav grazhdan // Konstitucionno-pravovaja otvetstvennost': problemy Rossii, opyt zarubezhnyh stran. — M. : Izd-vo MGU, 2001. — S. 313—317.

5. Gor'kov N. V. Sistema mer konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti v izbiratel'nom prave // Juridicheskie nauki. — 2007. — № 3 (25). — S. 35—45.
6. Gor'kov N. V. Izbiratel'noe pravonarushenie kak osnovanie konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti v izbiratel'nom zakonodatel'stve // Juridicheskie nauki. — 2007. — № 3 (25). — S. 24—34.
7. Zagajnov S. V. Izbiratel'nyj process v sovremennoj Rossii: konstitucionno-pravovoj aspekt : dis. ... kand. jurid. nauk. — Majkop, 2006. — 195 s.
8. Ivanenko A. V. Izbiratel'noe pravo i izbiratel'nyj process v Rossijskoj Federacii : uchebnik dlja vuzov / otv. red. A.V. Ivanenko. — M. : Norma, 1999. — 553 s.
9. Knjazev S. D. Oчерки теории российского избирательного права : монография.— Владивосток : Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 1999. — 414 s.
10. Levchenko T. G. Terminologija i osobennosti konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti v izbiratel'nom prave Rossii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. — 2008. — № 3. — S. 27—31.
11. Matejkovich M. S. Zashhita izbiratel'nyh prav grazhdan v Rossijskoj Federacii : монография. — M. : Izdatel'stvo MGU, 2003. — 304 s.
12. Matejkovich M. S. Problemy konstitucionnoj otvetstvennosti sub#ektov izbiratel'nogo processa v Rossijskoj Federacii // Gosudarstvo i pravo. — 2001. — № 10. — S. 28—35.
13. Plahotnjuk V. A. Vina grazhdanina kak sub#ektivnoe uslovie ego privlechenija k otvetstvennosti po izbiratel'nomu pravu // Akademicheskij juridicheskij zhurnal. —2003. — № 1. — S. 19—22.
14. Rabko T. A. Procedura i osnovanija dlja priznanija rezul'tatov vyborov nedejstvitelnymi nuздajutsja v detal'noj reglamentacii // Pravo i politika. —2000. — № 12. — S. 50—54.
15. Rymarev D. S. Konstitucionno-pravovaja otvetstvennost' kandidata za dejstvija doverennyh lic, upolnomochennyh predstavitelej po finansovym voprosam // Akademicheskij juridicheskij zhurnal. — 2013. — № 4 (54). — S. 51—55.
16. Rymarev D. S. Neobhodimost' ucheta viny lica pri primenenii otkaza v registracii ili otmeny registracii kandidata (spiska kandidatov) s uchetom pravovyh pozicij Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii // Akademicheskij juridicheskij zhurnal. 2014. — № 4 (58). — S. 27.
17. Sadovnikova G. D. Izbiratel'no-pravovaja otvetstvennost' kak vid konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti // Konstitucionno-pravovaja otvetstvennost': problemy Rossii, opyt zarubezhnyh stran. — M. : Izd-vo MGU, 2001. — S. 317—321.
18. Sidjakin A. G. Princip vinovnoj otvetstvennosti i faktor viny v izbiratel'nom processe. // Zhurnal russijskogo prava. — 2005. — № 1. — S. 3—14.
19. Sobachevskaja Ju. A. Tipy i osobennosti konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti za narushenija izbiratel'nogo zakonodatel'stva // Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie. — 2011. — № 1.
20. Starovojtova E. I. Pravovye prezumpcii v izbiratel'nom prave : dis. ... kand. jurid. nauk. — Vladivostok, 2012. — 108 s.
21. Struzhak E. P. Pravovoj status kandidatov v vybornye organy, na vybornye municipal'nye i gosudarstvennye dolzhnosti Rossijskoj Federacii : dis. ... kand. jurid. nauk. — Tjumen', 2003.— 230 s.
22. Shturneva M. V. Podkup izbiratelej kak osnovanie konstitucionno-pravovoj otvetstvennosti v Rossijskoj Federacii : nauch.-prakt. posobie. — Irkutsk, 2008. — 145 s.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Е. А. Савченко*

Правовые аспекты использования радиочастотного спектра

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению правовых аспектов использования радиочастотного спектра. В частности, рассматриваются источники правового регулирования использования радиочастотного спектра, анализируется понятие «конверсия радиочастотного спектра», рассматриваются основные проблемы, возникающие в процессе государственного регулирования использования радиочастотного спектра.

Ключевые слова: радиочастотный спектр, регламент радиосвязи, конверсия, частотный ресурс, Государственная комиссия по радиочастотам.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.124-132

Одним из видов государственного регулирования в сфере связи является регулирование использования радиочастотного спектра, которое, как это следует из пункта 1 статьи 22 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» (далее — Закон о связи), является исключительным правом Российской Федерации.

Высокая значимость данного сектора государственного регулирования подчеркивается тем, что в его основе лежат нормы не только российского права, но и международных договоров Российской Федерации, в том числе:

1. Конвенции Международного союза электросвязи (вместе с Определением некоторых терминов, используемых в настоящей Конвенции и в административных регламентах Между-

народного союза электросвязи), которая заключена в Женеве 22 декабря 1992 г.¹

Данная Конвенция закрепляет понятие электросвязи, осуществляемой посредством радиоволн, понимая под последними электромагнитные волны, которые распространяются в свободном пространстве без искусственной направляющей среды. Конвенция разделяет радиоволны на две группы:

- с частотами ниже 3 000 ГГц;
- с частотами выше 3 000 ГГц, на которые Конвенция распространяется только в части требований, установленных пунктами 149—154.

Следует отметить, что данная Конвенция является не первым международно-правовым актом, определяющим правовое регулирование радиоволн. Ее предшественниками являлись:

¹ СЗ РФ. 1996. № 48. Ст. 5370.

© Савченко Е. А., 2016

* Савченко Елена Алексеевна, соискатель отдела административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ
elen_savchenko@bk.ru
117218, Россия, Москва, Большая Черемушкинская, 34

- Международная конвенция электросвязи (Мадрид, 1932 г.)²;
- Международная конвенция электросвязи (Атлантик-Сити, 1947 г.)³;
- Международная конвенция электросвязи (Буэнос-Айрес, 1952 г.)⁴;
- Международная конвенция электросвязи (Монтре, 1965 г.)⁵;
- Международная конвенция электросвязи (Найроби, 1982 г.)⁶.

Учитывая, что предметы регулирования всех указанных конвенций совпадали, принятие каждой из них сопровождалось одновременной отменой ранее принятого международного акта.

Так, статья 58 Устава Международного союза электросвязи, который принят одновременно с Конвенцией Международного союза электросвязи в Женеве 22 декабря 1992 г., предусматривает, что Устав и Конвенция отменяют и заменяют в отношениях между договаривающимися сторонами Международную конвенцию электросвязи (Найроби, 1982 г.)⁷.

2. Регламент радиосвязи вместе с Резолюцией № 2 относительно справедливого использования на равных правах всеми странами геостационарной орбиты и полос частот для служб космической радиосвязи и Резолюцией № 507 относительно заключения соглашений и составления соответствующих планов для радиовещательной спутниковой службы, которые приняты в Женеве 6 декабря 1979 г.⁸

Применение указанного Регламента и сопутствующих ему документов в настоящее время предусмотрено Конвенцией Международного союза электросвязи 1992 г.

В разделе I Регламента закреплены определения отдельных применяемых в данной сфере терминов. Так, под электросвязью Регламент понимает любую передачу, излучение или прием знаков, сигналов, письменного текста, изображений и звуков или сообщений всякого рода по проводной, радио, оптической или другим электромагнитным системам, а под радиосвязью традиционно для международных актов — электросвязь, осуществляемую посредством радиоволн.

При этом Регламент выделяет два вида радиосвязи:

- а) наземная — любая применяемая на планете Земля радиосвязь, за исключением космической радиосвязи или радиоастрономии;
- б) космическая — любая радиосвязь, при которой используется одна или несколько космических станций, или один или несколько отражающих спутников, или другие космические объекты.

Регламент закрепляет понятие радиоастрономии, то есть астрономии, основанной на приеме радиоволн космического происхождения.

К международным актам, регулирующим порядок использования радиосвязи в части своих норм можно отнести Конвенцию о Международной организации морской спутниковой

² Правопреемство государств в отношении многосторонних договоров. Исследования, подготовленные Секретариатом Комиссии международного права Генеральной Ассамблеи ООН. 1970. С. 1—49.

³ Международная конвенция электросвязи, Атлантик-Сити, 1947 г. Заключительный протокол к Конвенции. Дополнительные протоколы к Конвенции. Резолюции, рекомендации и пожелания. М., 1949. 91 с.

⁴ Международная конвенция электросвязи, Буэнос-Айрес, 1952 г. Заключительный протокол к Конвенции. Дополнительные протоколы к Конвенции. Резолюции, рекомендации и пожелания. М., 1954. 157 с.

⁵ Международная конвенция электросвязи (Монтре, 1965 г.). Заключительный протокол к Конвенции. Дополнительные протоколы к Конвенции. Резолюции, рекомендации и пожелания. М., 1969. 172 с.

⁶ URL: http://www.imodocs.com/txt/data_www/texts/m_k_ehlektrsvjazi82.php3.

⁷ Устав Международного союза электросвязи (принят в г. Женеве 22.12.1992 г.) (с изм. от 06.11.1998 г.) // СЗ РФ. 1996. № 48. Ст. 5370.

⁸ Регламент радиосвязи (Вместе с Резолюцией № 2 относительно справедливого использования на равных правах всеми странами геостационарной орбиты и полос частот для служб космической радиосвязи, Резолюцией № 507 относительно заключения соглашений и составления соответствующих планов для радиовещательной спутниковой службы) (принят в г. Женеве 06.12.1979) // Борьба СССР за мирное использование космоса. М., 1985. Т. 2. С. 176—184.

связи (ИНМАРСАТ), которая заключена в Лондоне 3 сентября 1976 г.⁹ Статья 28 этого документа предусматривает уведомление Международного союза электросвязи об используемых частотах с предоставлением предусмотренных Регламентом радиосвязи сведений.

Под использованием радиочастотного спектра действующее законодательство Российской Федерации понимает совокупность мероприятий, которые направлены на установление и обеспечение соблюдения порядка использования радиочастотного спектра.

Как уже отмечалось выше, данное право в силу части 1 статьи 22 Закона о связи относится к исключительной компетенции самого российского государства, что исключает участие других субъектов законотворческой деятельности в правовом регулировании данного сектора, осуществляемой в том числе и в порядке делегирования полномочий, что подтверждается неоднократными разъяснениями Конституционного Суда РФ о том, что предмет делегирования ни при каких обстоятельствах не может выступать нормотворчество, осуществляемое по вопросам, регулирование которых Конституция РФ относит к исключительной прерогативе федерального законодателя¹⁰.

Из данной нормы также следует, что регулирование использования радиочастотного спектра осуществляется посредством целого комплекса мероприятий, среди которых отдельно выделяются следующие:

- экономические, то есть те, которые предполагают использование экономических методов, приемов и разработок;
- организационные — основанные на применении методов управления;
- технические, связанные с повышением уровня технического развития и материальной обеспеченности применяемых средств радиосвязи, а также их совершенствование.

Все указанные выше мероприятия должны быть связаны с конверсией радиочастотного спектра, то есть с совокупностью действий, направленных на расширение использования радиочастотного спектра.

Следует отметить, что определение конверсии радиочастотного спектра в РФ на протяжении длительного периода времени давалось крайне обще — как «совокупность действий, направленных на расширение использования радиочастотного спектра радиоэлектронными средствами гражданского назначения». При этом перечень таких действий в законе не определялся, хотя Закон о связи провозглашал конверсию в качестве принципа регулирования радиочастотного спектра, осуществляемого посредством указанных в Законе о связи мероприятий уполномоченными органами¹¹.

В этой связи в научной юридической литературе высказывались различные точки зрения относительно содержания данного понятия.

Так, В. А. Коваль и В. О. Тихвинский называли конверсией радиочастотного спектра «сложный

⁹ Конвенция о Международной организации морской спутниковой связи (ИНМАРСАТ) (вместе с Прочедурой разрешения споров, предусмотренных статьей 31 Конвенции и статьей XVI Эксплуатационного соглашения) (заключена в г. Лондоне 03.09.1976) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXV. М., 1981. С. 305—324.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 6 апреля 2004 г. № 7-П по делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 87 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации и постановления Правительства Российской Федерации «О деятельности негосударственных организаций по лоцманской проводке судов» // СЗ РФ. 2004. № 15. Ст. 1519 ; постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 г. № 8-П по делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов о федеральном бюджете на 2003 год, на 2004 год и на 2005 год и постановления Правительства Российской Федерации «О порядке исполнения Министерством финансов Российской Федерации судебных актов по искам к казне Российской Федерации на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти либо должностных лиц органов государственной власти» // СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3199 (постановление).

¹¹ Цветков С. А., Черток Д. В., Якименко В. С., Яньшин С. Н. Конверсия радиочастотного спектра в России: мифы и реалии // Электросвязь. 2012. № 9. С. 8.

многофакторный процесс, который осуществляет регулятор в области связи (Министерство связи и массовых коммуникаций России) в ходе реализации комплекса работ по управлению радиочастотным спектром на национальном уровне»¹².

В. Э. Веерпалу определял конверсию радиочастотного спектра как «совокупность действий по реализации правовых, экономических и технических мер с целью высвобождения радиочастотного спектра, занятого РЭС правительственного назначения, для развития рынка инфокоммуникаций и экономики России»¹³.

Для уточнения понятия о конверсии Федеральным законом от 21.07.2014 № 228-ФЗ в Закон о связи внесены изменения, а понятие конверсии определено как экономические, организационные и технические мероприятия, направленные на расширение использования радиочастотного спектра радиоэлектронными средствами гражданского назначения¹⁴.

Как неоднократно отмечалось в судебной практике, обеспечение конверсии радиочастотного спектра достигается в том числе путем установления платы за использование радиочастотного спектра¹⁵.

Высвобождение частотного ресурса, занятого действующим радиооборудованием как военного, так и гражданского назначения, в другие полосы частот и перевод такого оборудования

в другие полосы частотности, безусловно, представляет собой процесс перераспределения. В этой связи обоснованным представляется вывод В. Э. Веерпалу о том, что конверсия радиочастотного спектра представляет собой частный случай его перераспределения¹⁶.

Однако в нормативных правовых актах органов государственной власти Российской Федерации эти понятия рассматриваются как равнозначные, ставя в один ряд высвобождение (в том числе и конверсию радиочастотного спектра), рефарминг, перераспределение радиочастот или радиочастотных каналов между пользователями и иные необходимые действия с целью высвобождения радиочастотного спектра¹⁷.

Можно отметить, что существование конверсии обусловлено делением радиоэлектронных средств связи по назначению на гражданские, правительственные и используемые совместно. По этому показателю Российская Федерация в сравнении со странами Европы и Америки имеет разительное отличие, которое проявляется в крайне малом использовании радиочастотного ресурса гражданскими средствами и превалировании средств, используемых для правительственных и военных нужд, в то время как в странах Европы и Америки средства радиосвязи государственного и оборонного значения используются в равном или меньшем объеме¹⁸.

¹² Коваль В. А., Тихвинский В. О. Комплексная взаимоувязанная модель оценки эффективности конверсии радиочастотного спектра // *Электросвязь*. 2013. № 3. С. 1.

¹³ Веерпалу В. Э. Методы проведения перераспределения и конверсии радиочастотного спектра // *Т-Сотт. Транспорт и коммуникации*. 2012. № 6. С. 12.

¹⁴ Федеральный закон от 21.07.2014 № 228-ФЗ «О внесении изменений в статью 2 Федерального закона «О связи» // *СЗ РФ*. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4229.

¹⁵ Определение Верховного Суда РФ от 19.06.2012 № АПЛ12-300 «Об оставлении без изменения решения Верховного Суда РФ от 19.03.2012 г. № АКПИ12-99, которым отказано в удовлетворении заявления о признании недействующими пункта 3 постановления Правительства РФ от 16.03.2011 г. № 171 и пунктов 3 (абзацы первый, второй), 5, 6 Правил установления размеров разовой платы и ежегодной платы за использование в Российской Федерации радиочастотного спектра и взимания такой платы, утв. Постановлением Правительства РФ от 16.03.2011 г. № 171» // *Бюллетень ВС РФ*. 2012. № 11 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.10.2014 № Ф05-10323/14 по делу № А40-188205/13-56-414 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Веерпалу В. Э. Указ. соч. С. 12.

¹⁷ Решение ГКРЧ при Минкомсвязи России от 08.09.2011 № 11-12-02 (ред. от 03.09.2013) «Об использовании радиочастотного спектра радиоэлектронными средствами стандарта LTE и последующих его модификаций» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Быховский М. А., Харитонов Н. И., Девяткин Е. Е. Цели и задачи современного этапа конверсии радиочастотного спектра в Российской Федерации // *Электросвязь*. 2006. № 1. С.18.

Регулирование использования радиочастотного спектра в Российской Федерации осуществляет Государственная комиссия по радиочастотам (далее — Комиссия), которая обладает статусом межведомственного коллегиального органа по радиочастотам при федеральном органе исполнительной власти в области связи (Министерстве связи и массовых коммуникаций РФ), за которым закреплено полномочие в области регулирования радиочастотного спектра.

Комиссия осуществляет свою деятельность в соответствии с Положением о Государственной комиссии по радиочастотам, которое утверждено постановлением Правительства РФ от 02.07.2004 № 336¹⁹ (далее — Положение о ГКРЧ). Состав Комиссии утвержден распоряжением Правительства РФ от 02.07.2004 № 901-р²⁰.

Следует отметить, что в силу статьи 22 Закона о связи и Положения о ГКРЧ регулирование использования радиочастотного спектра является исключительной компетенцией Комиссии. В этой связи при принятии решений о выделении спорных полос радиочастот Комиссия выступает в качестве государственного органа, реализующего публичные полномочия, предоставленные ему действующим законодательством о связи, что подтверждается сложившейся судебной практикой²¹.

При этом решения ГКРЧ не являются нормативными правовыми актами, а потому не подлежат обязательному официальному опубликованию в соответствии с Указом Президента РФ от 23.05.1996 № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых

актов федеральных органов исполнительной власти»²². Данный довод также подтверждается сложившейся судебной практикой²³.

В силу п. 15 Положения о ГКРЧ решения Комиссии обязательны для всех органов исполнительной власти и российских и иностранных юридических и физических лиц, на что неоднократно указывалось в судебных актах, к примеру, в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.02.2015 № 09АП-2312/2015 по делу № А40-157669/14²⁴.

Решением Комиссии, принятым в пределах предоставленных ей полномочий, выделяется конкретная полоса радиочастот в зависимости от типа, модели, наименования и страны производителя радиоэлектронного средства. Такое решение является разрешением, выдаваемым в письменной форме, на использование конкретной полосы радиочастот, в том числе для ввоза на территорию РФ радиоэлектронных средств.

Например, решением ГКРЧ при Мининформсвязи России от 31.01.2005 № 05-04-01-001²⁵ выделены полосы радиочастот для ввозимых из-за границы на территорию Российской Федерации радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств. Данным решением утвержден перечень радиоэлектронных средств гражданского применения и высокочастотных устройств, которые могут использоваться в Российской Федерации исключительно на основании разрешения на использование радиочастот или радиочастотных каналов, выданного в соответствии с решением Комиссии, и при условии регистрации в установленном действующим законодательством порядке.

Отрицательное заключение члена Комиссии является основанием для отказа в выдаче соответствующего разрешения. При этом такое

¹⁹ Постановление Правительства РФ от 02.07.2004 № 336 (ред. от 16.12.2014) «Об утверждении Положения о Государственной комиссии по радиочастотам» // СЗ РФ. 2004. № 28. Ст. 2905.

²⁰ Распоряжение Правительства РФ от 02.07.2004 № 901-р (ред. от 11.05.2015) «О составе Государственной комиссии по радиочастотам» // СЗ РФ. 2004. № 28. Ст. 2922.

²¹ Постановление ФАС Московского округа от 28.02.2014 № Ф05-1409/2014 по делу № А40-52084/13-134-497 // СПС «КонсультантПлюс».

²² Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.05.2010 № 17АП-4636/2010-АК по делу № А50-1749/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

²³ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.05.2010 № 17АП-4636/2010-АК по делу № А50-1749/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ СвязьИнформ. 2005. № 4—7.

заклучение может быть выдано, например, при отсутствии в заявке назначения радиоэлектронного средства, конкретного района его применения, места установки и района использования с точностью до единицы административного деления Российской Федерации и других данных, ввиду отсутствия которых невозможна необходимая оценка совокупности технических параметров, касающихся работы радиоэлектронного средства²⁶.

Решение о выделении полосы радиочастот соответствующему субъекту выдается на определенный срок, что соответствует Конституции РФ, Конвенции Международного союза электросвязи (Регламент радиосвязи, принят в Женеве 06.12.1979), статьям 22—24 Закона о связи, Положению о ГРЧ и Таблице распределения полос частот между радиослужбами Российской Федерации, утвержденной постановлением Правительства РФ от 15.07.2006 № 439-23. Законодательством Российской Федерации и международно-правовыми актами бессрочное выделение полос радиочастот пользователям радиочастотного спектра не предусмотрено.

Следует отметить, что разрешительный порядок доступа пользователей к радиочастотному спектру является одним из принципов использования радиочастотного спектра в Российской Федерации, который закреплен в части 4 статьи 22 Закона о связи.

Понятие «использование радиочастотного спектра» закреплено в пункте 4 статьи 2 Закона о связи и означает обладание разрешением на пользование и (или) фактическое пользование полосой радиочастот, радиочастотным каналом или радиочастотой для достижения не запрещенных действующим законодательством Российской Федерации целей, в том числе оказания услуг электросвязи. Из буквального толкования данной нормы следует, что возможность использования полосы радиочастот законодатель связывает с получением соответствующего разрешения, то есть официального документа, выданного уполномоченным органом на определенный срок и дающего право на использование радиочастот в конкретном диапазоне. Такое разрешение выдает Комиссия посредством рас-

пределения существующих полос радиочастот в соответствии с утвержденной таблицей.

Кроме того, пункт 4 статьи 2 Закона о связи указывает на фактическое пользование радиочастотным спектром, которое может иметь место в двух разных смыслах:

- во-первых, фактическое пользование может сопровождать выданное уполномоченным органом разрешение, которое дает право на использование конкретной полосы радиочастот, и в этом случае будет представлять собой фактическую реализацию предоставленного права путем обязательного использования радиочастотного спектра;
- во-вторых, фактическое пользование может иметь место и без соответствующего разрешения, ввиду чего возникает вопрос о том, распространяется ли данное определение на случаи незаконного использования радиочастотного спектра.

К примеру, нарушение правил регистрации радиоэлектронных средств и (или) высокочастотных устройств, заключающееся в использовании на определенной частоте незарегистрированного радиоэлектронного средства, образует состав административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена частью 1 статьи 13.4 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Установление правил регистрации средств связи, иных радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств, являющихся источниками электромагнитного излучения, предусмотрено пунктом 5 статьи 22 Закона о связи, в силу которой использование таких средств и устройств без регистрации недопустимо.

Соответствующий порядок регистрации и перечень подлежащих ей радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств утверждены постановлением Правительства РФ от 12.10.2004 № 539 «О порядке регистрации радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств»²⁷ (далее — Порядок регистрации).

Целью такой регистрации является учет источников электромагнитного излучения, оказывающих влияние на обеспечение надлежащего использования радиочастот.

²⁶ Определение ВАС РФ от 05.04.2013 № ВАС-3252/13 по делу № А40-11406/12-119-115 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ СЗ РФ. 2004. № 42. Ст. 4137.

В соответствии с пунктом 3 Порядка регистрации предусмотренная им регистрация радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств осуществляется Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

При принятии положительного решения о регистрации средства или устройства заявителю выдается свидетельство о регистрации, которое оформляется, согласно пункту 14 Порядка регистрации, отдельно на каждое радиоэлектронное средство и (или) высокочастотное устройство, является именным документом и дает его владельцу право на использование указанного в нем средства и (или) устройства.

Согласно прямому указанию в Законе о связи (абзац 3 части 5 статьи 22) отдельные радиоэлектронные средства индивидуального использования в целях приема сигналов теле- и (или) радиоканалов, радиопейджеров, бытовых электронных изделий и средств персональной радионавигации, которые не содержат в себе радиоизлучающих устройств, регистрации не подлежат и могут использоваться на территории Российской Федерации с учетом установленных для них ограничений.

Кроме того, согласно пункту 6 постановления Правительства РФ от 17.07.1996 № 832 «Об утверждении особых условий приобретения радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств»²⁸ радиоэлектронные средства и высокочастотные устройства на территории Российской Федерации могут быть реализованы только тем покупателям, которые получили и имеют разрешение на их приобретение, в течение указанного в нем срока действия.

Перечень радиоустройств, для приобретения которых не требуется разрешение органов государственного надзора за связью в Российской Федерации, утвержден пунктом 4 поста-

новления Правительства Российской Федерации от 17.07.1996 № 832.

Таким образом, в настоящее время действующее законодательство разграничивает основания для использования радиочастотного спектра, относя к ним следующее:

- 1) в отношении радиоэлектронных средств и (или) высокочастотных устройств, подлежащих регистрации в уполномоченном органе, такими основаниями является факт регистрации самого средства или устройства, а также разрешение на их использование, выданное Комиссией;
- 2) в отношении радиоэлектронных средств и (или) высокочастотных устройств, в отношении которых абзацем 2 пункта 16 Порядка регистрации не предусмотрено получение разрешения на использование, — факт регистрации самого средства или устройства.

К таким радиоэлектронным средствам и (или) высокочастотным устройствам относятся судовые радиостанции, используемые на морских судах, судах внутреннего плавания, судах смешанного (река-море) плавания и бортовые радиостанции, используемые на гражданских воздушных судах.

Порядок выдачи разрешений на бортовые радиостанции, используемые на гражданских воздушных судах, предусмотрен приказом Минтранса РФ от 21.12.2010 № 290²⁹.

Кроме того, в настоящее время в Российской Федерации утверждены и действуют два административных регламента Федерального агентства воздушного транспорта по предоставлению государственной услуги по выдаче разрешений на указанные радиоэлектронные средства и (или) высокочастотные устройства:

— для используемых на гражданских воздушных судах (бортовые радиостанции) — приказ Минтранса России от 26.07.2012 № 275³⁰;

²⁸ СЗ РФ. 1996. № 31. Ст. 3724.

²⁹ Приказ Минтранса РФ от 21.12.2010 № 290 «Об утверждении Порядка выдачи разрешений на бортовые радиостанции, используемые на гражданских воздушных судах» (зарегистрирован в Минюсте РФ 31.01.2011 № 19639) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2011. № 8.

³⁰ Приказ Минтранса России от 26.07.2012 № 275 (ред. от 23.07.2014) «Об утверждении Административного регламента Федерального агентства воздушного транспорта предоставления государственной услуги по выдаче разрешений на бортовые радиостанции, используемые на гражданских воздушных судах» (зарегистрирован в Минюсте России 16.08.2012 № 25202) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2013. № 9.

— для используемых на морских судах, судах внутреннего плавания и судах смешанного (река-море) плавания (судовые радиостанции) — приказ Минтранса России от 16.09.2014 № 292³¹;

3) в отношении радиоэлектронных средств и низкочастотных устройств, не подлежащих регистрации, таким основанием является фактическое пользование данным устройством.

Необходимо отметить, что деление устройств по указанным выше критериям и определение законных оснований для их использования на практике иногда вызывают трудности. Так, постановлением ФАС Центрального округа от 22.01.2014 по делу № А64-1333/201332 признано недействительным предписание уполномоченного органа об устранении заявителем нарушения, выразившегося в использовании беспроводного доступа на радиочастотах без разрешения на их использование. В обоснование принятого решения суд указал, что пункт 5 статьи 22 ФЗ Закона о связи запрещает использование без регистрации только тех устройств, регистрация которых предусмотрена соответствующими нормативными правовыми актами. Если используемое устройство не входит в соответствующий Перечень радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств, подлежащих регистрации, который утвержден постановлением Правительства РФ от 12.10.2004 № 539, и является устройством малого радиуса действия, не подлежащим ввиду присущих ему технических характеристик регистрации, оно

может использоваться без соответствующего свидетельства и (или) разрешения.

Размеры разовой и ежегодной платы, а также порядок их взимания, распределения и использования определяются Правительством РФ исходя из принципа дифференциации используемых диапазонов радиочастот, количества радиочастот и применяемых для их использования технологий (часть 4 статьи 23 Закона о связи).

В настоящее время размеры разовой платы и ежегодной платы за использование в Российской Федерации радиочастотного спектра, а также правила их установления и взимания утверждены постановлением Правительства РФ от 16.03.2011 № 171³³.

Невнесение указанной платы является основанием для прекращения действия разрешения на использование радиочастотного спектра³⁴, а также для предъявления со стороны уполномоченного органа требования о прекращении использования радиочастот или радиочастотных каналов и демонтаже радиочастотного оборудования³⁵.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что регулирование порядка использования радиочастотного спектра в Российской Федерации в настоящее время можно признать сложившимся и отвечающим основным требованиям и стандартам, установленным международно-правовыми актами, участником которых является Российская Федерация.

Однако анализ норм действующего законодательства и правоприменительной практики

³¹ Приказ Минкомсвязи России от 16.09.2014 № 292 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций государственной услуги по выдаче разрешений на судовые радиостанции, используемые на морских судах, судах внутреннего плавания и судах смешанного (река-море) плавания» (зарегистрирован в Минюсте России 22.01.2015 № 35637) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.01.2015).

³² СПС «КонсультантПлюс».

³³ Постановление Правительства РФ от 16.03.2011 № 171 (ред. от 13.11.2013) «Об установлении размеров разовой платы и ежегодной платы за использование в Российской Федерации радиочастотного спектра и взимания такой платы» (вместе с Правилами установления размеров разовой платы и ежегодной платы за использование в Российской Федерации радиочастотного спектра и взимания такой платы) // СЗ РФ. 2011. № 12. Ст. 1648.

³⁴ Определение Верховного Суда РФ от 27.03.2015 № 307-ЭС15-1243 по делу № А56-72559/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵ Определение ВАС РФ от 29.07.2014 № ВАС-10213/14 по делу № А40-167022/2013-98-1452 // СПС «КонсультантПлюс».

показывает, что требуется проведение работы по усовершенствованию и выработке норм и нормативов в следующей части:

- 1) конкретизация отдельных норм законодательства о связи, в том числе по перечню мероприятий, связанных с конверсией радиочастотного спектра;
- 2) установление четкого перечня характеристик для радиоэлектронных средств и низкочастотных устройств, не подлежащих регистрации;
- 3) выработка конкретных сроков и оснований для пересмотра таблицы распределения полос радиочастот между радиослужбами РФ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Борьба СССР за мирное использование космоса, 1957—1985. Документы и материалы : в 2 т. Т. 1 / редкол.: О. Г. Газенко, Ю. М. Колосов, Г. М. Корниенко, В. Г. Макаров, А. С. Пирадов, Р. З. Сагдеев, П. П. Севостьянов. — М. : Политиздат, 1985. — 479 с.
2. Быховский М. А., Харитонов Н. И., Девяткин Е. Е. Цели и задачи современного этапа конверсии радиочастотного спектра в Российской Федерации // Электросвязь. — 2006. — № 1. — С. 17—22.
3. Веерпалу В. Э. Методы проведения перераспределения и конверсии радиочастотного спектра // Т-Comm. Транспорт и коммуникации. — 2012. — № 6. — С. 12—16.
4. Коваль В. А., Тихвинский В. О. Комплексная взаимоувязанная модель оценки эффективности конверсии радиочастотного спектра // Электросвязь. — 2013. — № 3. — С. 1—4.
5. Цветков С. А., Черток Д. В., Якименко В. С., Яньшин С. Н. Конверсия радиочастотного спектра в России: мифы и реалии // Электросвязь. — 2012. — № 9. — С. 8—12.

Материал поступил в редакцию 18 сентября 2015 г.

LEGAL ASPECTS OF THE USE OF RADIO SPECTRUM

SAVCHENKO Elena Alekseevna — post-graduate student of the Department of Administrative Law and Procedure of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
elen_savchenko@bk.ru
117218, Russia, Moscow, ul. Bolshaya Cheriomushkinskaya, 34

Review. The paper is devoted to considering the legal issues of using the radio spectrum. The paper, inter alia, deals with the sources of legal regulation of using the radio spectrum, analyses the concept of "conversion of the radio frequency spectrum", and considers the main problems that arise during the process of governmental regulation of using the radio spectrum.

Keywords: radio spectrum, radio communication regulations, conversion, frequency resource, Russian State Commission for Radio Frequencies.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bor'ba SSSR za mirnoe ispol'zovanie kosmosa, 1957—1985. Dokumenty i materialy : v 2 t. T. 1 / redkol.: O. G. Gazenko, Ju. M. Kolosov, G. M. Kornienko, V. G. Makarov, A. S. Piradov, R. Z. Sagdееv, P. P. Sevost'janov. — М. : Politizdat, 1985. — 479 с.
2. Bыхovskij M. A., Haritonov N. I., Devjatkin E. E. Celi i zadachi sovremennogo jetapa konversii radiochastotnogo spektra v Rossijskoj Federacii // Jelektrosvjaz'. — 2006. — № 1. — S. 17—22.
3. Veerpalu V. Je. Metody provedenija pereraspredelenija i konversii radiochastotnogo spektra // T-Comm. Transport i kommunikacii. — 2012. — № 6. — S. 12—16.
4. Koval' V. A., Tihvinskij V. O. Kompleksnaja vzaimouvjazannaja model' ocenki jeffektivnosti konversii radiochastotnogo spektra // Jelektrosvjaz'. — 2013. — № 3. — S. 1—4.
5. Cvetkov S. A., Chertok D. V., Jakimenko V. S., Jan'shin S. N. Konversija radiochastotnogo spektra v Rossii: mify i realii // Jelektrosvjaz'. — 2012. — № 9. — S. 8—12.

Исторический аспект становления и развития бюджетного федерализма в Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена становлению и развитию бюджетного федерализма в РФ и охватывает период с 1991 года по настоящее время. За это время пройден путь от децентрализации бюджетных отношений между РФ и ее субъектами (1991—1993 гг.) к централизации полномочий по финансовым и налоговым вопросам на федеральном уровне (2013 — наст. время). В результате исследования выделены семь основных этапов развития бюджетного федерализма. В рамках каждого этапа рассмотрены основные нормативные правовые акты, регулирующие межбюджетные отношения, и выявлены их положительные и отрицательные аспекты. Основной задачей бюджетного федерализма является поиск оптимального сочетания интересов всех бюджетов бюджетной системы РФ. Последовательно рассмотрев этапы становления бюджетного федерализма в РФ, автор обосновывает необходимость дальнейшего реформирования с целью достижения баланса в области межбюджетных отношений, так как в настоящий момент имеет место избыточная централизация бюджетных полномочий у РФ.

Ключевые слова: бюджет, бюджетное законодательство, бюджетные отношения, бюджетные полномочия, бюджетное послание, бюджетная система, бюджетный федерализм, децентрализация, межбюджетные отношения, органы власти, полномочия

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.133-140

На протяжении последних 25 лет происходит процесс становления и развития бюджетного федерализма в Российской Федерации. За это время пройден путь от децентрализации бюджетных отношений между РФ и ее субъектами (1991—1993 гг.) к централизации полномочий по финансовым и налоговым вопросам на федеральном уровне (с 2013 г. по настоящее время). На сегодня политика государства направлена на расширение самостоятельности и ответственности органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления. Основной зада-

чей бюджетного федерализма является поиск оптимального сочетания интересов всех бюджетов бюджетной системы РФ. Для того чтобы понять особенности российской бюджетной системы и найти наилучший баланс между ее уровнями, необходимо последовательно рассмотреть этапы становления бюджетного федерализма в РФ.

Первым этапом становления бюджетной системы РФ принято считать период с 1991 по 1993 год. На этом этапе был принят ряд основополагающих нормативных правовых актов, касающихся бюджетного устройства РФ.

© Пономаренко И. В., 2016

* Пономаренко Ирина Владимировна, преподаватель юридических дисциплин Института непрерывного образования Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Ronomarenko.iv@yandex.ru
117535, Россия, г. Москва, ул. Газопровод, д. 15, кв. 206

Закон РСФСР «Об основах бюджетной организации и бюджетного процесса в РСФСР» от 10 октября 1991 года¹ раскрывал понятия бюджета, бюджетного устройства, бюджетной системы, бюджетного процесса. Кроме того, с помощью закрепления за региональными и местными бюджетами источников собственных доходов и прав в области принятия решений по расходам собственных доходов обеспечивалась финансовая независимость региональных и местных бюджетов.

В Законе РФ от 15.04.1993 № 4807-1 «Об основах бюджетных прав и прав по формированию и использованию внебюджетных фондов представительных и исполнительных органов государственной власти республик в составе Российской Федерации, автономной области, автономных округов, краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга, органов местного самоуправления»² закреплялись такие понятия, как консолидированный бюджет, дотация, субвенция, и рассматривались отдельным разделом общие принципы составления, рассмотрения проектов бюджетов и утверждения бюджетов.

12 декабря 1993 года вступила в силу Конституция РФ³, согласно которой РФ является федеративным государством, которое состоит из 89 регионов⁴. Конституция определила равные позиции и взаимоотношения между субъектами Федерации и федеральными органами государственной власти.

В научной литературе данный этап становления бюджетного федерализма получил следующие названия:

1) переговорный федерализм, так как основным методом регулирования межбюджет-

ных отношений являлись неупорядоченные переговоры между экономически ослабленным центром и относительно сильными регионами⁵;

2) стихийная децентрализация, так как межбюджетные отношения строились стихийно, под воздействием политических и субъективных факторов и выходили за рамки законодательного регулирования. На уровне субъектов РФ отсутствовали законодательно утвержденные правила об отношениях между региональными и местными бюджетами и воспроизводились принципы реализации межбюджетных отношений, применяемые на федеральном уровне⁶. Также передача части расходных полномочий с федерального уровня на субфедеральный носила характер стихийной децентрализации бюджетных ресурсов, предпринятой с целью достижения большей сбалансированности федерального бюджета и для прекращения финансирования дотаций и расходов субфедерального уровня⁷.

На наш взгляд, оба этих названия подчеркивают главное — отсутствие на тот момент законодательной базы, регламентирующей отношения между РФ и ее субъектами. Субъекты Федерации наделяли себя (с согласия и при участии федеральных органов) полномочиями, льготами и привилегиями посредством заключения договоров с РФ, а также заключения с Правительством РФ, федеральными министерствами и ведомствами отдельных, противоречащих Конституции РФ, соглашений по бюджетным, финансовым, налоговым и другим вопросам, что добавляло напряженность в федеративные отношения.

¹ Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 46. Ст. 1543.

² Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 18. Ст. 635.

³ Российская газета. 25.12.1993.

⁴ По состоянию на 2015 год в соответствии со ст. 65 Конституции РФ в состав РФ входит 85 субъектов РФ, из них: 22 республики; 9 краев; 46 областей; 3 города федерального значения; 5 автономных округов.

⁵ *Ефимова Л. А., Макарова С. Д., Малкина М. Ю.* Теоретические, методологические и практические аспекты бюджетного федерализма в системе взаимоотношений : Федеральный центр — субъект Федерации — муниципальное образование : монография. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 2004. С. 94.

⁶ *Молчанова М. Ю.* Генезис межбюджетных отношений в регионах России // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. 2013. № 2. С. 34.

⁷ *Балтина А. М., Волохина В. А.* Межбюджетные отношения в регионе: модели организации и регулирования : монография. Оренбург : ОГУ, 2004. С. 47.

Второй этап (с 1994 по 1998 г.) — экспериментальный бюджетный федерализм⁸. Этот этап характеризовался тем, что региональные органы власти и управления получили право устанавливать ставку налога на прибыль предприятий и организаций, поступающего в их бюджеты; были сделаны шаги по установлению единых пропорций разделения основных федеральных налогов между уровнями бюджетной системы (введены единые нормативы отчислений от федеральных налогов для всех регионов); внедрены нормативно-расчетные методы распределения федеральной помощи (трансфертов) регионам на основе объективных критериев и формул; создан фонд финансовой поддержки субъектов Федерации⁹.

Конституция 1993 года и усиление позиций федеральных органов власти сделали возможным проведение в 1994 году реформы межбюджетных отношений, основной целью которой была формализация вопросов распределения доходов между федеральным и региональными бюджетами и предоставления финансовой помощи бюджетам нижестоящего уровня¹⁰.

На протяжении всего этого этапа и вплоть до 2001 года действовала практика заключения договоров субъектов Российской Федерации с федеральным центром. Это привело к тому, что многие регионы имели более привилегированное положение по сравнению с другими, и, как отмечается в монографии А. М. Балтиной, В. А. Волохиной, это все «...в определенной степени способствовало разрушению единого экономико-правового пространства страны»¹¹.

Начало реформам в области межбюджетных отношений было положено в 1997 году,

с принятием ФЗ «О финансовых основах местного самоуправления в Российской Федерации»¹² и созданием в рамках Комиссии по экономической реформе при Правительстве РФ рабочей группы по реформе межбюджетных отношений. Актуальность изменения системы предоставления финансовой помощи бюджетам нижестоящего уровня, распределения доходных источников и расходных обязательств показала кампания по выдаче региональным бюджетам федеральных бюджетных ссуд на выплату заработной платы работникам бюджетной сферы. Ситуация, когда федеральные органы власти вынуждены прибегать к экстренному дополнительному финансированию региональных расходных потребностей, привела к осознанию федеральными властями необходимости создания нового, формализованного и прозрачного, порядка распределения федеральных трансфертов, которые, как предполагалось, должны были стать единственным каналом предоставления нецелевой федеральной финансовой помощи регионам¹³.

Третий этап (с 1999 г. по 2001 г.) — реформа межбюджетных отношений. Данный этап, по мнению Д. В. Рыжкова, можно считать этапом построения федерализма¹⁴. Основными нормативными правовыми актами данного периода являются:

1. Концепция реформирования межбюджетных отношений в Российской Федерации в 1999—2001 гг.¹⁵, которая была направлена на разграничение расходных полномочий и ответственности между органами власти и управления разных уровней; разграничение доходных источников между уровнями бюджетной системы Российской Федерации. В этой Концепции были закреплены

⁸ Бетин О. И., Коновалова Т. В., Волкова Л. Г. Развитие межбюджетных отношений в условиях бюджетного федерализма. Мичуринск : Изд-во ФГОУ ВПО МичГАУ, 2004. С. 38.

⁹ Указ. соч. С. 38.

¹⁰ Указ. соч. С. 93.

¹¹ Балтина А. М., Волохина В. А. Указ. соч. С. 48.

¹² Федеральный закон от 25.09.1997 № 126-ФЗ (ред. от 28.12.2004) «О финансовых основах местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4464 (утратил силу с 1 января 2009 года в связи с принятием Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ).

¹³ Бюджетный федерализм в России: проблемы, теория, опыт / под ред. Н. Главацкой. М., 2001. С. 18.

¹⁴ Рыжков Д. В. Механизм развития системы бюджетного федерализма в Российской Федерации : дис. ... канд. экон. наук. М., 2011. С. 44.

¹⁵ Постановление Правительства РФ от 30.07.1998 № 862 // СЗ РФ. 1998. № 32. Ст. 3905.

также основные принципы бюджетного федерализма, выделенные еще в 1995 году А. М. Лавровым¹⁶.

2. Бюджетный Кодекс Российской Федерации, который был введен в действие с 1 января 2000 года¹⁷.

Принятие БК РФ стало важным событием в жизни страны, это связано с повышением уровня регулирования наиболее важных бюджетных правоотношений от ведомственного до законодательного; закреплением правового регулирования бюджетных отношений в РФ; заменой множества нормативно-правовых документов одним кодифицированным актом; закреплением 10 основных принципов бюджетной системы¹⁸.

Как и любой принятый впервые основополагающий нормативный правовой акт, БК РФ имел ряд недостатков. Ю. А. Крохина выделяет следующие существенные недостатки БК РФ:

- 1) отсутствие понятия бюджетного федерализма, его содержания и принципов;
- 2) несоответствие друг другу объема категорий «бюджетная система» и «бюджетное устройство»;
- 3) наличие чрезвычайно путаной системы принципов межбюджетных отношений;
- 4) закрепление возможности централизации бюджетных средств;
- 5) отнесение к бюджетной системе такого самостоятельного звена финансовой системы, как внебюджетные фонды¹⁹.

На наш взгляд, несмотря на то, что с момента введения в действие БК РФ прошло около 15 лет, указанные недостатки по-прежнему актуальны. Например, в БК РФ до сих пор отсутствует понятие бюджетного федерализма, его содержание и принципы.

Четвертый этап (с 2001 по 2005 г.) — в основе этого этапа лежал принцип разграничения полномочий между разными уровнями власти.

Постановление Правительства РФ от 15.08.2001 № 584 «О Программе развития бюджетного федерализма в Российской Федерации на период до 2005 года»²⁰ является ключевым нормативным правовым актом данного этапа. Основная цель Программы — создание системы бюджетного устройства, позволяющая проводить на региональном и местном уровнях самостоятельную налогово-бюджетную политику в рамках законодательно установленного разграничения полномочий и ответственности между уровнями власти разных уровней. Для реализации данной Программы была создана комиссия во главе с Д. Н. Козаком, результатом работы которой стали федеральные законы о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государства и органами местного самоуправления (Федеральный закон от 04.07.2003 № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”»²¹ и Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»²²), были внесены изменения в БК РФ²³.

Пятый этап (с 2006 по 2008г.) посвящен повышению эффективности деятельности органов государственной власти РФ, субъектов РФ и органов местного самоуправления по реализации их полномочий, а также качества управления государственными и муниципальными финансами на всех уровнях бюджетной системы, что и было закреплено в Концепции

¹⁶ Лавров А. М. Бюджетный федерализм и финансовая стабилизация // Вопросы экономики. 1995. № 8. С. 21.

¹⁷ СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

¹⁸ По состоянию на 2015 г. БК РФ выделяет 13 принципов бюджетной системы РФ.

¹⁹ Крохина Ю. А. Бюджетное право и российский федерализм / под ред. проф. Н. И. Химичевой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2002. С. 154.

²⁰ СЗ РФ. 2001. № 34. Ст. 3503.

²¹ СЗ РФ. 2003. № 27 (ч. 2). Ст. 2709.

²² СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

²³ Федеральный закон от 20.08.2004 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования межбюджетных отношений» // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3535.

повышения эффективности межбюджетных отношений и качества управления государственными и муниципальными финансами в 2006—2008 годах и плане мероприятий по ее реализации²⁴.

Этот период характеризовался следующими особенностями:

- высокий уровень централизации налоговобюджетных полномочий;
- бюджеты субъектов РФ и местные бюджеты перегружены обязательствами, возложенными на них федеральным законодательством без предоставления источников финансирования;
- отсутствие систем мониторинга состояния и качества управления государственными и муниципальными финансами;
- неопределенность бюджетного статуса муниципальных образований.

По мнению на тот момент министра финансов А. Л. Кудрина, бюджет 2006 г. носил экспериментальный характер, это было связано с тем, что впервые 30 % запланированных расходов были расписаны по ведомственным целевым программам²⁵. В этот период были внесены изменения в БК РФ²⁶, связанные с переходом к среднесрочному бюджетному планированию и к системе бюджетирования, ориентированного на результат.

Шестой этап (с 2009 по 2012 г.) — в основе лежат межбюджетные отношения и организация бюджетного процесса в субъектах Российской

Федерации и муниципальных образованиях, что и отражено в Концепции межбюджетных отношений и организации бюджетного процесса в субъектах РФ и муниципальных образованиях до 2013 г.²⁷ Особенностью этого этапа явилось то, что его реализация начиналась в условиях экономического кризиса и главной задачей стала, соответственно, разработка и реализация мер, направленных на смягчение последствий кризиса в регионах.

Стоит согласиться с мнением В. А. Широбоковой²⁸, что одним из важных моментов данной Концепции было предложение разработать стандарты и нормативы минимальных финансовых затрат на предоставление государственных и муниципальных услуг. Эти стандарты и нормативы должны определять минимальный гарантированный объем и качество таких услуг и использоваться при оценке сбалансированности соответствующих бюджетов. Но несмотря на то, что это одна из ключевых проблем всего механизма межбюджетного регулирования, из текста Концепции в План мероприятий по ее реализации это предложение не вошло.

21 мая 2010 г. в интервью министр финансов А. Л. Кудрин отметил, что федеральный бюджет РФ на 2012 г. будет составлен по новым программным принципам, а бюджет на 2011 г. станет переходным²⁹. Новые программные принципы были закреплены в Программе Правительства РФ по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 года³⁰.

²⁴ Распоряжение Правительства РФ от 03.04.2006 № 467-р «О Концепции повышения эффективности межбюджетных отношений и качества управления государственными и муниципальными финансами в 2006—2008 годах и плане мероприятий по ее реализации» // СЗ РФ. 2006. № 15. Ст. 1640.

²⁵ Официальный сайт Государственного научно-исследовательского института системного анализа Счетной палаты Российской Федерации. URL: <http://www.niisp.ru/News/Interview/art24/art21>.

²⁶ Федеральный закон от 26.04.2007 № 63-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 18. Ст. 2117.

²⁷ Распоряжение Правительства РФ от 8 августа 2009 г. № 1123-р «О Концепции межбюджетных отношений и организации бюджетного процесса в субъектах РФ и муниципальных образованиях до 2013 г.» // СЗ РФ. 2009. № 33. Ст. 4129.

²⁸ Широбокова В. А. Эволюция межбюджетных отношений в современной России // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 3 (1). С. 299.

²⁹ URL: <http://www.garant.ru/news/244793/>.

³⁰ Распоряжение Правительства РФ от 30.06.2010 № 1101-р «Об утверждении Программы Правительства РФ по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 года» // СЗ РФ. 2010. № 28. Ст. 3720.

В рамках этой Программы основным инструментом повышения эффективности бюджетных расходов становились государственные программы, заменившие федеральные целевые программы.

Если сравнивать показатели предыдущего (пятого) этапа развития бюджетного федерализма по количеству регионов-доноров в стране с показателями шестого этапа, то можно увидеть, что количество регионов-доноров уменьшилось почти в 2 раза, что свидетельствует о дисбалансе между доходами субъектов Федерации и их расходными полномочиями. Также он показывает неэффективность бюджетной политики данного периода.

Основной целью **седьмого этапа** (с 2013 г. по настоящее время) является повышение эффективности государственного управления и качества работы государственного сектора.

28 июня 2012 года Президент РФ обратился с бюджетным посланием к Федеральному собранию «О бюджетной политике в 2013—2015 годах»³¹ (далее — Бюджетное послание 2012 г.), где отмечено, что межбюджетные отношения не в полной мере настроены на стимулирование органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления к созданию условий для предпринимательской и инвестиционной деятельности, которые объективно являются необходимой основой для увеличения доходов бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов. Высока зависимость бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов от финансовой помощи, поступающей из других бюджетов бюджетной системы РФ.

Для решения этой проблемы, отметил Президент РФ, необходимо разработать бюджетную стратегию РФ на период до 2030 г., в рамках которой необходимо конкретизировать долгосрочные базовые требования к формированию и исполнению финансовых обязательств государства, а также к налоговой системе, поэтапному совершенствованию межбюджетных отношений и повышению эффективности бюджетных расходов.

Отдельной целью в Бюджетном послании 2012 года указывалась реализация нового этапа развития межбюджетных отношений. Ключевой задачей называлось расширение самостоятельности и ответственности регионов, в частности закрепление в федеральном законодательстве права субъектов РФ определять категории граждан, которым необходима поддержка, исходя из принципа нуждаемости.

В бюджетном послании Президента РФ Федеральному собранию от 13.06.2013 «О бюджетной политике в 2014—2016 годах»³² отмечается, что задача перехода к долгосрочному бюджетному планированию так и не была решена, не утверждена долгосрочная бюджетная стратегия; возросла нагрузка на региональные и местные бюджеты; наметилась тенденция негативных изменений структуры бюджетных расходов регионов — падение объемов и доли расходов инвестиционного характера.

В марте 2015 г. в презентации заместителя министра финансов А. М. Лаврова «О ходе подготовки новой редакции Бюджетного кодекса Российской Федерации»³³ говорится об изменении общей модели БК РФ: упраздняются 5 частей, основа сохраняется (9 разделов), количество глав увеличивается с 30 до 34, а статей — с 307 до 312. В рамках совершенствования межбюджетных отношений предлагается:

1. Уточнение форм межбюджетных трансфертов:
 - введение новой формы дотации: дотации на сбалансированность;
 - введение «горизонтальных» бюджетных субсидий;
 - законодательное регулирование формирования единой субвенции.
2. Новация в сфере межбюджетного регулирования:
 - распределение межбюджетных трансфертов (кроме конкурсных субсидий) только законами (решениями) о бюджете;
 - внесение изменений в проект распределения без корректировки методики распределения не допускается (сейчас для дотаций

³¹ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/15786> (дата обращения: 10.09.2015).

³² Солидарность. 2013. № 23.

³³ Презентация заместителя министра финансов А. М. Лаврова «О ходе подготовки новой редакции Бюджетного кодекса Российской Федерации» // Электронный журнал «Госменеджмент». URL: http://www.gosman.ru/content/Лавров%2026_02_2015.ppt (дата обращения: 10.09.2015).

- предлагается распространить на субвенции и субсидии);
- установление особенности использования субвенции на обслуживающие расходы (почтовая связь, банковские услуги и обеспечение деятельности ОИВ субъектов РФ);
 - расчет субвенций местным бюджетам исходя из установленных нормативов.
3. Право субъектов РФ и ОМСУ передать нижестоящим бюджетам поступления от неналоговых доходов:
- плата за негативное воздействие на окружающую среду;
 - штрафы за отдельные административные правонарушения;
 - сборы за пользование объектами водных биологических ресурсов (на региональном уровне);
 - платы за аренду земельного участка, государственная собственность на который не разграничена (на местном уровне).

Таким образом, на сегодняшний день продолжается реформирование бюджетной системы в целом и межбюджетных отношений в частности. За последние 25 лет бюджетный федерализм прошел уже 7 этапов становления и развития, и вскоре, после введения в действие новой редакции Бюджетного кодекса Российской Федерации в 2016—2017 году, начнется новый, восьмой этап. На наш взгляд, в настоящий момент имеет место избыточная централизация бюджетных полномочий у РФ, в связи с чем для достижения баланса в области межбюджетных отношений необходимо позволить органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления проводить самостоятельную бюджетную и налоговую политику в рамках законодательно установленного разграничения полномочий и ответственности между уровнями публичной власти исходя из их интересов и возможностей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бюджетный федерализм в России: проблемы, теория, опыт / под ред. Н. Главацкой. — М., 2001.
2. Балтина А. М., Волохина В. А. Межбюджетные отношения в регионе: модели организации и регулирования : монография. — Оренбург : ОГУ, 2004.
3. Бетин О. И., Коновалова Т. В., Волкова Л. Г. Развитие межбюджетных отношений в условиях бюджетного федерализма. — Мичуринск : Изд-во МичГАУ, 2004.
4. Ефимова Л. А., Макарова С. Д., Малкина М. Ю. Теоретические, методологические и практические аспекты бюджетного федерализма в системе взаимоотношений : Федеральный центр — субъект Федерации — муниципальное образование : монография. — Н. Новгород : Издательство Нижегородского университета, 2004.
5. Крохина Ю. А. Бюджетное право и российский федерализм / под ред. проф. Н. И. Химичевой. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2002.
6. Лавров А. М. Бюджетный федерализм и финансовая стабилизация // Вопросы экономики. — 1995. — № 8.
7. Молчанова М. Ю. Генезис межбюджетных отношений в регионах России // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. — 2013. — № 2.
8. Рыжков Д. В. Механизм развития системы бюджетного федерализма в Российской Федерации : дис. ... канд. экон. наук. — М., 2011.
9. Широбокова В. А. Эволюция межбюджетных отношений в современной России // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — 2013. — № 3 (1).

Материал поступил в редакцию 9 октября 2015 г.

THE HISTORICAL ASPECT OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF BUDGETARY FEDERALISM IN THE RUSSIAN FEDERATION

PONOMARENKO Irina Vladimirovna — Lecturer of legal disciplines of the Institute of Continuing Education at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Ponomarenko.iv@yandex.ru
117535, Russia, Moscow, ul. Gasprovod, d. 15, kv. 206

Review. *The paper is dedicated to the establishment and development of budgetary federalism in the RF and covers the period from 1991 to the present day. During this period we have passed a long way from decentralization of budgetary relations between the RF and its constituent entities (1991-1993) to centralization of powers with regard to budget and fiscal issues at the federal level (2013 - to the present day). As the result of the research, the author highlights seven major stages of the federal fiscal federalism development. Within the limits of every stage the author considers the main regulatory provisions governing inter-budgetary relations and identifies their advantages and disadvantages. The main task of budgetary federalism is to find the most efficient combination of interests of all budgets of the budget system of the Russian Federation. Having considered the stages of establishment and development budgetary federalism sequentially, the author justifies the necessity of further reform with the view to reach the balance in the area of inter-budgetary relations, because currently we witness excessive centralization of budgetary powers in hands of the RF.*

Keywords: *budget, budget legislation, budgetary relations, budgetary powers, budget message, budgetary system, fiscal federalism, decentralization, inter-budgetary relations, governmental authorities, powers*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bjudzhetnyj federalizm v Rossii: problemy, teorija, opyt / pod red. N. Glavackoj. — M., 2001.
2. *Baltina A. M., Volohina V. A.* Mezhhjudzhetnye otnoshenija v regione: modeli organizacii i regulirovanija : monografija. — Orenburg : OGU, 2004.
3. *Betin O. I., Konovalova T. V., Volkova L. G.* Razvitie mezhhjudzhetnyh otnoshenij v uslovijah bjudzhetnogo federalizma. — Michurinsk : Izd-vo MichGAU, 2004.
4. *Efimova L. A., Makarova S. D., Malkina M. Ju.* Teoreticheskie, metodologicheskie i prakticheskie aspekty bjudzhetnogo federalizma v sisteme vzaimootnoshenij : Federal'nyj centr — sub#ekt Federacii — municipal'noe obrazovanie : monografija. — N. Novgorod : Izdatel'stvo Nizhegorodskogo universiteta, 2004.
5. *Krohina Ju. A.* Bjudzhetnoe pravo i rossijskij federalizm / pod red. prof. N. I. Himichevoj. — 2-e izd. pererab. i dop. — M. : Norma, 2002.
6. *Lavrov A. M.* Bjudzhetnyj federalizm i finansovaja stabilizacija // Voprosy jekonomiki. — 1995. — № 8.
7. *Molchanova M. Ju.* Genезis mezhhjudzhetnyh otnoshenij v regionah Rossii // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova. — 2013. — № 2.
8. *Ryzhkov D. V.* Mehanizm razvitija sistemy bjudzhetnogo federalizma v Rossijskoj Federacii : dis. ... kand. jekon. nauk. — M., 2011.
9. *Shirobokova V. A.* Jevoljucija mezhhjudzhetnyh otnoshenij v sovremennoj Rossii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo. — 2013. — № 3 (1).

Договорные формы коммерциализации результатов научной деятельности¹

Аннотация. Статья посвящена анализу договорных форм коммерциализации результатов научной деятельности. Рассматриваются правовые механизмы распоряжения правами на результаты научной деятельности, анализируются положения действующего законодательства в исследуемой сфере. В работе представлены основные правовые формы использования объектов интеллектуальных прав в свете развития инновационной экономики и реализации положений Стратегии инновационного развития РФ до 2020 г. и проекта Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 г. Рассматриваются договор об отчуждении исключительных прав, лицензионный договор, договор на выполнение научно-исследовательской работы, залог исключительных прав, договоры заказа и др. Указанные формы распоряжения правами на результаты научной деятельности могут быть использованы авторами и правообладателями в целях коммерциализации созданных ими продуктов научного творчества. В статье сделан вывод о необходимости более активного вовлечения исключительных прав на такие результаты в хозяйственный оборот, как важнейшего условия инновационного развития экономики государства.

Ключевые слова: результаты научной деятельности, коммерциализация результатов научной деятельности, инновационное развитие, изобретения, полезные модели, промышленный образец, залог исключительных прав.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.141-149

В настоящее время правовое регулирование отношений по коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности является актуальным и востребованным направлением у представителей бизнеса. В современном инновационный век развития результаты твор-

¹ Данная статья подготовлена в рамках НИР: проект № 29.199.2016/НМ «Разработка научно обоснованных и формализованных предложений по приведению проекта федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации» в соответствие с разрабатываемой Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочный период».

© Гринь Е. С., Гринь О. С., 2016

* Гринь Елена Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой интеллектуальных прав по научной работе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

esgrin@msal.ru

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

** Гринь Олег Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

osgrin@msal.ru

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ческого труда составляют неотъемлемую и существенную часть современного бизнеса и экономики, основанной на информации, знаниях и человеческом капитале.

Для реализации задач, поставленных государством перед отечественной экономикой в свете развития инновационной сферы, необходимо формирование единого правового регулятора, обеспечивающего понимание результатов интеллектуальной собственности для бизнеса как актива. За рубежом объекты патентных прав, бренды компаний рассматриваются в качестве таких активов и составляют основу их стратегии продвижения на рынке, в то время как на отечественном рынке наблюдается несколько иная ситуация.

Как отмечает Председатель Суда по интеллектуальным правам Л. А. Новоселова, представление отечественного бизнеса об активах подразумевает недвижимость, нефть, газ (не рассматривая патенты в этом перечне), однако западные коллеги иначе подходят к решению данного вопроса и грамотно коммерциализируют результаты интеллектуальной деятельности².

Создание единого правового поля в рассматриваемой сфере необходимо также для налаживания взаимоотношений между авторами, правообладателями и инвесторами, желающими принять участие в коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности. Так, одной из задач Стратегии инновационного развития РФ до 2020 года является создание условий для развития экономики в России³.

Как отмечается в указанной Стратегии, много работы необходимо еще сделать для координации взаимодействия науки и бизнеса, повышения уровня коммерциализации научных разработок государственных академий наук и вузов в России до уровня развитых стран, являющихся членами Организации экономического сотрудничества и развития. Далее говорится, что госу-

дарственные средства, выделяемые на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, в большинстве секторов экономики расходуются недостаточно эффективно.

В проекте Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 г. в рамках задачи по совершенствованию государственной научно-технологической статистики с учетом единства комплексного института науки, технологий и инноваций, позволяющей перестроить систему управления данным институтом, отмечается, что результаты конкретных научных исследований и технологических разработок могут и должны иметь рыночную стоимость, а потому нуждаются в надлежащем правовом оформлении их в виде объектов интеллектуальной собственности⁴.

В настоящее время большая работа в этом направлении проводится Роспатентом совместно с Министерством экономического развития Российской Федерации.

Одним из ключевых вопросов является развитие информатизации Роспатента. По словам заместителя директора Департамента социального развития и инноваций Минэкономразвития России С. Лещенко, за 2015 год Роспатентом была сформирована современная нормативная система регулирования предоставления государственных услуг этим ведомством, отвечающая передовому мировому опыту. И такое развитие информатизации, возможность оказания в электронном виде услуг в полном объеме существенно снизят издержки системы регистрации интеллектуальной собственности⁵.

По мнению руководителя Роспатента Г. Ивлиева, важный вопрос для бизнеса и государства составляет коммерциализация интеллектуальной собственности. Поскольку государство готово выделять денежные средства на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (которые завершатся получением па-

² См.: сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент). URL: http://www.rupto.ru/press/news_archive/inform2016/EXPOPRIORITY2016.

³ Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 года» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: портал Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. URL: http://sntr-rf.ru/upload/iblock/456/СНТР%2005.05.2016_редакция%2021.pdf (дата обращения: 14.05.2016).

⁵ См.: сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности. URL: http://www.rupto.ru/press/news_archive/inform2016/leschenko (дата обращения: 14.05.2016).

тента), нужно стимулировать изобретательскую активность, создать действующий механизм ее поощрения со стороны государства⁶.

В связи с этим необходимо проанализировать различные правовые формы коммерциализации результатов научной деятельности, важнейшее место среди которых занимают различные договорные конструкции по распоряжению исключительными права на указанные объекты.

Прежде всего необходимо отметить, что результаты научной деятельности могут иметь разные режимы правовой охраны в рамках законодательства о правах на результаты интеллектуальной деятельности.

К таким результатам можно отнести *произведения науки* (ст. 1225 ГК РФ)⁷. Российское законодательство, не закрепляя понятия произведения науки, содержит дефиницию научного и (или) научно-технического результата как продукта научной и (или) научно-технической деятельности, содержащего новые знания или решения и зафиксированного на любом информационном носителе⁸.

В законе раскрывается такое понятие, как научно-техническая деятельность, под которой понимается деятельность, направленная на получение, применение новых знаний для решения технологических, инженерных, экономических, социальных, гуманитарных и иных проблем, обеспечения функционирования науки, техники и производства как единой системы.

Итогом данных видов деятельности являются научный и (или) научно-технический результат (продукт научной и (или) научно-технической деятельности, содержащий новые знания или решения и зафиксированный на любом информационном носителе), а также научная и (или) научно-техническая продукция (на-

учный и (или) научно-технический результат, в том числе результат интеллектуальной деятельности, предназначенный для реализации).

А. П. Сергеев указывает, что «произведениями науки можно считать любые произведения, основное содержание которых состоит в выработке и систематизации объективных знаний о действительности, включая произведения научной литературы»⁹. Д. Липцик пишет, что «научным трудом для сферы авторского права следует признавать всякое авторское произведение, выполненное в соответствии с требованиями научной методики»¹⁰.

К числу произведений науки относятся географические, геологические и другие карты, планы, эскизы и пластические произведения, относящиеся к географии, топографии и к другим наукам.

Вместе с тем Верховный Суд РФ отметил, что процесс создания геодезической и картографической продукции, материалов и данных может как носить технический, производственный характер, так и быть процессом научной деятельности, то есть носить творческий характер¹¹. В первом случае такой объект не будет охраняться авторским правом.

Кроме того, к произведениям науки относятся научные статьи, монографии, диссертации и др.

Помимо произведений науки, к числу результатов научной деятельности могут быть отнесены объекты патентных прав — *изобретения, полезные модели, промышленные образцы*. Правовая охрана указанным объектам предоставляется в том случае, когда они отвечают установленным законодательством критериям (условиям патентоспособности) (ст. 1349—1352 ГК РФ). При этом исключительное право на данные объекты признается

⁶ См.: сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности. http://www.rupto.ru/press/news_archive/inform2016/EXPOPRIORITY2016 (дата обращения: 14.05.2016).

⁷ См. также об этом: Гринь Е. С. К вопросу об основных категориях стандартизации процедур распределения интеллектуальных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2014. № 5.

⁸ Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике». Ст. 2 // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137 (далее — Закон о науке и государственной научно-технической политике).

⁹ Гражданское право : учебник / отв. ред. А. П. Сергеев. М. : РГ-Пресс, 2012. Т. 3. С. 53.

¹⁰ Липцик Д. Авторское право и смежные права. М. : Ладомир, Изд-во ЮНЕСКО, 2002. С. 76.

¹¹ См.: определение Верховного Суда РФ от 8 апреля 2015 г. № 306-ЭС14-5432 по делу № А12-18806/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

и охраняется при условии их государственной регистрации, на основании которой Роспатент выдает патент на изобретение, полезную модель или промышленный образец¹².

К числу данных результатов могут быть отнесены и *селекционные достижения*, исключительные права на которые признаются и охраняются при условии государственной регистрации таких объектов в Государственном реестре охраняемых селекционных достижений, в соответствии с которой федеральный орган исполнительной власти по селекционным достижениям выдает заявителю патент (ст. 1412, 1414 ГК РФ).

Кроме того, результатом научно-технического творчества может стать создание такого объекта, как *топология интегральной микросхемы* (ст. 1448 ГК РФ), право на которую охраняется независимо от регистрации. Вместе с тем правообладатель может по своему желанию зарегистрировать топологию в Роспатенте (ст. 1452 ГК РФ).

Рассматривая вопрос о коммерциализации данных объектов, следует отметить, что в Законе о науке и государственной научно-технической политике содержится также понятие коммерциализации научных и (или) научно-технических результатов, под которой понимается деятельность по вовлечению в экономический оборот научных и (или) научно-технических результатов. Вовлечение в экономический оборот рассматриваемых объектов возможно в рамках различных договорных конструкций.

В целом договорные обязательства в сфере интеллектуальных прав подразделяют на две группы: обязательства *по созданию* новых объектов интеллектуальных прав и обязательства *по использованию* существующих охраноспособных результатов творческой деятельности¹³.

Поэтому результаты научной деятельности могут создаваться прежде всего в рамках договоров, где такое создание является предметом соответствующих соглашений. Речь идет

о договорах, оформляющих отношения по приобретению исключительных прав на создаваемые объекты. В рамках этой разновидности договоров возможно заключение договора *авторского заказа* между автором произведения и заказчиком (ст. 1288 ГК РФ). При этом важно отметить, что договором авторского заказа признается только такой договор, субъектами которого выступают именно автор (только гражданин, творческим трудом которого создан результат интеллектуальной деятельности) и заказчик. Таким образом, договор авторского заказа по механизму, закрепленному в ст. 1288 ГК РФ, не может быть заключен с иными лицами, кроме как с автором.

Ввиду того что в данном договоре содержатся условия относительно дальнейшего использования созданного произведения, он может предусматривать как *отчуждение* заказчику исключительного права на созданное автором произведение, так и предоставление *права использования* этого произведения в установленных договором пределах (п. 2 ст. 1288 ГК РФ). Соответственно, к такому договору применяются либо положения ГК РФ о договоре об отчуждении исключительного права (п. 3 ст. 1288), либо положения о лицензионном договоре (п. 4 ст. 1288).

Помимо договора авторского заказа к рассматриваемым объектам применимы правила о договоре заказа. Важным отличием этого договора от авторского заказа является то, что исполнителем по нему является не сам автор, а иное лицо (п. 5 ст. 1296 ГК РФ). Как правило, сторонами рассматриваемого договора выступают юридические лица¹⁴.

По общему правилу исключительное право на созданное произведение принадлежит заказчику, но при этом исполнитель вправе использовать такое произведение для собственных нужд на условиях безвозмездной простой (неисключительной) лицензии в течение всего срока действия исключительного права. Если

¹² См.: Новоселова Л. А. Об особенностях некоторых правопорождающих фактов в патентном праве // Журнал Суда по интеллектуальным правам. URL <http://ipcsmagazine.ru/patent-law/on-peculiarities-of-certain-facts-pravorozhdayuschih-in-patent-law> (дата обращения: 14.05.2016).

¹³ Об этом более подробно см.: Гринь Е. С. Модернизация положений о договорах в сфере интеллектуальных прав // Законодательство. 2015. № 2. С. 10—18.

¹⁴ См. об этом: Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2010. Т. 1. С. 547 (автор главы — Е. А. Суханов).

в договоре прямо предусмотрено, что исключительное право принадлежит исполнителю (подрядчику), то уже заказчик вправе использовать такое произведение в целях, для достижения которых был заключен соответствующий договор, на условиях безвозмездной простой (неисключительной) лицензии в течение всего срока действия исключительного права (п. 2, 3 ст. 1296 ГК РФ).

Поскольку исполнителем в рассматриваемых отношениях в большинстве случаев является организация (юридическое лицо), результаты творческой деятельности, как правило, создают ее работники, которые, наряду с личными неимущественными правами, приобретают также право на вознаграждение от своего работодателя за использование им соответствующего служебного объекта (абз. 3 п. 2 ст. 1295, п. 4 ст. 1296 ГК РФ). Такой автор не является стороной договора заказа, однако в силу закона у него есть право на получение указанного вознаграждения от своего работодателя, а не от лица, к которому исключительное право перешло по договору. Подобные договорные конструкции применимы к созданию изобретений, полезных моделей или промышленных образцов, созданных при выполнении научно-исследовательских работ (п. 1 ст. 1371 ГК РФ).

Право на получение патента и исключительное право на промышленный образец, созданный по заказу, принадлежат заказчику, если договором между подрядчиком (исполнителем) и заказчиком не предусмотрено иное (ст. 1372 ГК РФ).

Конструкция договора заказа, согласно ст. 1297 ГК РФ, распространяется также на произведения, созданные при выполнении работ по иным договорам. Например, исключительные права на произведения, созданные при выполнении договора подряда либо договора на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских или технологических работ, которые прямо не предусматривали создание такого произведения, принадлежат подрядчику (исполнителю), если договором между ним и заказчиком не предусмотрено иное (п. 1 ст. 1297 ГК РФ).

По общему правилу исключительное право на созданное произведение принадлежит подрядчику (исполнителю), но при этом заказчик вправе использовать созданное произведение

в целях, для достижения которых был заключен соответствующий договор, на условиях простой (неисключительной) лицензии в течение всего срока действия исключительного права без выплаты за такое использование произведения дополнительного вознаграждения. При передаче подрядчиком (исполнителем) исключительного права на произведение другому лицу заказчик сохраняет право использования произведения.

Если в договоре прямо предусмотрено, что исключительное право принадлежит заказчику или указанному им третьему лицу, то уже подрядчик (исполнитель) вправе использовать такое произведение для собственных нужд на условиях безвозмездной простой (неисключительной) лицензии в течение всего срока действия исключительного права (абз. 2 п. 1, п. 2 ст. 1297 ГК РФ).

Схожие правовые механизмы применимы к договорам заказа на создание селекционных достижений (ст. 1431 ГК РФ) и топологий интегральных микросхем (ст. 1463 ГК РФ).

К рассматриваемой группе договоров, на наш взгляд, можно отнести также *государственные или муниципальные контракты* на создание соответствующих результатов интеллектуальной деятельности для государственных или муниципальных нужд. Такие контракты могут заключаться с исполнителем (например, научной организацией или высшим учебным заведением), в частности, в целях создания произведений науки и иных результатов научной деятельности.

Рассматриваемая правовая конструкция отличается как от договора авторского заказа, так и от договора заказа своим особым субъектным составом. В качестве заказчиков, финансирующих деятельность по созданию произведений науки, литературы и искусства, выступают органы публичной власти, через которые участниками обязательственных отношений становятся публично-правовые образования.

Применительно к данным сделкам изменена общая презумпция принадлежности исключительного права на созданный результат творческой деятельности, характерная для договоров заказа, по которым такое право принадлежит заказчику, если иное не предусмотрено договором (п. 1 ст. 1296 ГК РФ). В рассматриваемых отношениях по общему правилу исключительное право принадлежит *исполни-*

телю, в роли которого выступает автор или иное лицо, исполняющее контракт. В этом случае государственный или муниципальный заказчик (далее — заказчик) вправе потребовать от исполнителя предоставления ему безвозмездной простой неисключительной лицензии на использование соответствующего объекта для государственных или муниципальных нужд (п. 3 ст. 1298 ГК РФ). Однако в договоре государственного или муниципального заказа может быть предусмотрено, что исключительное право на произведение принадлежит заказчику (п. 1 ст. 1298 ГК РФ). При этом исполнитель обязан приобрести или обеспечить приобретение для заказчика всех прав, необходимых для последующего использования созданного объекта, путем заключения соответствующих договоров со своими работниками или с третьими лицами. Например, если при создании произведения науки автор использовал произведения, исключительные права на которые принадлежат иным лицам, он обязан надлежащим образом заключить указанные сделки и передать заказчику права на использование этих произведений. При этом у исполнителя есть право на возмещение затрат, понесенных им в связи с приобретением соответствующих прав у третьих лиц (п. 2 ст. 1298 ГК РФ).

Помимо этого, исключительное право на произведение может принадлежать исполнителю и заказчику совместно. В этом случае заказчик вправе предоставить безвозмездную простую (неисключительную) лицензию на использование созданного произведения для государственных или муниципальных нужд, уведомив об этом исполнителя (п. 4 ст. 1298 ГК РФ). При этом за автором, который является работником исполнителя, признано право на вознаграждение, аналогичное тому, которое установлено в рамках договора заказа (п. 5 ст. 1298 ГК РФ).

Схожие нормы применимы к созданию изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, селекционных достижений и топологий интегральных микросхем при выполнении работ по государственному или муниципальному контракту (ст. 1373, 1432, 1464 ГК РФ).

Помимо рассмотренной группы договоров для коммерциализации результатов научной деятельности могут использоваться договоры по распоряжению исключительными правами на созданные охраноспособные объекты интеллектуальных прав. Существует два основных

способа такого распоряжения: путем *отчуждения* исключительного права и предоставления *права использования* произведения. В связи с этим в науке и законодательстве выделяются две основные конструкции, оформляющие это распоряжение: договоры об отчуждении исключительного права (ст. 1234 ГК РФ) и лицензионные договоры (ст. 1235 ГК РФ).

Заключение таких договоров, прежде всего, возможно между правообладателем и приобретателем по поводу приобретения последним прав на уже созданный объект.

По договору об *отчуждении исключительного права* правообладатель передает или обязуется передать принадлежащее ему исключительное право на результат интеллектуальной деятельности *в полном объеме* приобретателю (п. 1 ст. 1234 ГК РФ). Переход исключительного права по договору подлежит государственной регистрации в случаях, предусмотренных в Кодексе (ст. 1232 ГК РФ).

По общему правилу исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации переходит к приобретателю в момент заключения договора. Если переход исключительного права на результат интеллектуальной деятельности подлежит государственной регистрации, то исключительное право на такой результат переходит от правообладателя к приобретателю в момент государственной регистрации права (п. 4 ст. 1234 ГК РФ). Например, как указывалось выше, исключительное право на изобретение, полезную модель или промышленный образец признается и охраняется при условии государственной регистрации этих объектов (ст. 1353, 1232 ГК РФ).

Заключение *лицензионного договора* предоставляет заказчику право использования результата интеллектуальной деятельности в предусмотренных договором пределах. В законе различается лицензия исключительная и неисключительная. В силу п. 1 ст. 1236 ГК РФ по исключительной лицензии заказчику переходят исключительные права на объект без сохранения за правообладателем права заключения лицензионных договоров с другими лицами. По неисключительной — такое право за правообладателем сохраняется.

По общему правилу договор, оформляющий распоряжение исключительными правами, следует считать лицензионным (п. 3 ст. 1233 ГК РФ).

Предоставление права использования результата интеллектуальной деятельности подлежит государственной регистрации в случаях и порядке, предусмотренных ст. 1232 ГК РФ.

Лицензионным договором может предусматриваться предоставление лицензиату права использования результата интеллектуальной деятельности как с сохранением за ним права выдачи лицензий другим лицам (простая (неисключительная) лицензия), так и без сохранения такого права (исключительная лицензия). В интересах правообладателей законом презюмируется установление простой (неисключительной) лицензии (п. 2 ст. 1236 ГК РФ).

Помимо этого, в рамках одного договора некоторые способы использования произведения могут быть оформлены по принципу простой (неисключительной) лицензии, а другие — по модели исключительной лицензии. В этом случае речь идет о так называемой смешанной лицензии.

Помимо рассмотренных выше правовых конструкций для коммерциализации результатов научной деятельности используются договоры на *выполнение научно-исследовательских работ* (НИР) (гл. 38 ГК РФ). Указанный договор является основной правовой формой отношений между научной организацией, заказчиком и иными потребителями научной и (или) научно-технической продукции, в том числе федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации (ст. 8 Закона о науке и государственной научно-технической политике). Применяются также договоры о совместной научной и (или) научно-технической деятельности и распределении прибыли.

Научно-исследовательская деятельность направлена на получение и применение новых знаний, включает в себя в том числе фундаментальные научные исследования, прикладные научные исследования и поисковые научные исследования. Данные исследования проводятся путем выполнения научно-исследовательских работ (ст. 2 Закона о науке и государственной научно-технической политике).

На основе указанных договоров (контрактов) выполняются научные исследования также для государственных нужд. Правительство РФ вправе устанавливать для федеральных государственных научных организаций обязательный государственный заказ на выполнение научных исследований.

По договору на выполнение научно-исследовательских работ исполнитель обязуется провести обусловленные техническим заданием заказчика научные исследования, а заказчик обязуется принять работу и оплатить ее (ст. 769 ГК РФ).

Согласно требованиям закона, исполнитель обязан провести научные исследования лично, однако вправе привлекать к исполнению договора на выполнение научно-исследовательских работ третьих лиц, но только с согласия заказчика (п. 1 ст. 770 ГК РФ).

Законодатель установил специальное правило, согласно которому если в ходе НИР обнаруживается невозможность достижения результатов вследствие обстоятельств, не зависящих от исполнителя (смерть исполнителя, творческая неудача и т.д.), заказчик обязан оплатить стоимость работ, проведенных до выявления невозможности получить предусмотренные договором на выполнение научно-исследовательских работ результаты, но не свыше соответствующей части цены работ, указанной в договоре (ст. 775 ГК РФ). Таким образом, по общему правилу заказчик несет риски, связанные с невозможностью достижения результата по договору. Вместе с тем исполнитель обязан незамедлительно информировать заказчика об обнаруженной невозможности получить ожидаемые результаты или о нецелесообразности продолжения работы (абз. 5 ст. 773 ГК РФ).

Исполнитель отвечает за нарушение этого договора только при наличии его вины. При этом упущенная выгода как составная часть убытков подлежит возмещению лишь в случаях, предусмотренных договором (ст. 777 ГК РФ).

Одной из договорных форм коммерциализации следует признать *залог исключительных прав* на результаты научной деятельности (ст. 358.18 ГК РФ)¹⁵. Возможность залога таких

¹⁵ См. об этом также: Гринь О. С. Залог исключительных прав // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : сб. материалов III Междунар. IP-форума. М. : Проспект, РГ-Пресс, 2015. С. 105—113.

прав в полной мере отвечает концепции результатов научного творчества как экономического актива. В рамках этой конструкции права на результаты научного творчества выступают в качестве обеспечения исполнения обязательств, как правило, связанных с привлечением финансовых средств для научной деятельности.

При залоге исключительного права на результат научной деятельности кредитор по обеспеченному залогом обязательству имеет право в случае нарушения должником этого обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного исключительного права преимущественно перед другими кредиторами залогодателя.

В соответствии с п. 1 ст. 358.18 ГК РФ исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности могут быть предметом залога в той мере, в какой правила ГК РФ допускают их отчуждение. Часть IV ГК РФ в ряде статей запрещает распоряжение исключительными правами или обращение взыскания на них. Применительно к рассматриваемым результатам научной деятельности в силу прямого указания закона не допускается залог прав на секретное изобретение (п. 6 ст. 1405 ГК РФ).

В отличие от ранее действовавшего законодательства, в силу п. 1 ст. 1284 ГК РФ на принадлежащее автору исключительное право на произведение обращение взыскания не допускается, за исключением случая обра-

щения взыскания по договору залога, который заключен автором и предметом которого является указанное в договоре и принадлежащее автору исключительное право на конкретное произведение. Таким образом, авторам произведений науки в настоящее время предоставлена возможность отдавать свои исключительные права в залог.

Помимо этого, залог исключительных прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения и топологии интегральных микросхем (если топология была зарегистрирована) подлежит государственной регистрации в порядке, установленном в ст. 1232 ГК РФ (п. 2 ст. 1232, п. 2 ст. 1369, п. 2 ст. 1460 ГК РФ).

Вопросам коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности, в частности результатов научной деятельности, уделяется большое внимание со стороны государства. Активное вовлечение исключительных прав на указанные объекты в хозяйственный оборот является важнейшим условием инновационного развития экономики государства. Поэтому одной из приоритетных задач, которая должна быть решена в рамках реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 г., является создание таких условий, при которых коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности происходила бы максимально эффективно.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гражданское право : учебник / отв. ред. А. П. Сергеев. — М. : РГ-Пресс, 2012. — Т. 3.
2. Гринь Е. С. К вопросу об основных категориях стандартизации процедур распределения интеллектуальных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2014. — № 5.
3. Гринь Е. С. Модернизация положений о договорах в сфере интеллектуальных прав // Законодательство. — 2015. — № 2. — С. 10—18.
4. Гринь О. С. Залог исключительных прав // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : сборник материалов III Международного IP-форума. — М. : Проспект, РГ-Пресс, 2015. — С. 105—113.
5. Новоселова Л. А. Об особенностях некоторых правопорождающих фактов в патентном праве // Журнал Суда по интеллектуальным правам. URL <http://ipcsmagazine.ru/patent-law/on-peculiarities-of-certain-facts-pravoporozhdayuschih-in-patent-law>.
6. Липцик Д. Авторское право и смежные права. — М. : Ладомир, Издательство ЮНЕСКО, 2002. — С. 76.

Материал поступил в редакцию 3 марта 2016 г.

CONTRACTUAL FORMS OF COMMERCIALIZATION OF THE RESULTS OF SCIENTIFIC ACTIVITIES¹⁶

GRIN Elena Sergeevna — PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Intellectual Property for Scientific work at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
esgrin@msal.ru
123995, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Street, 9

GRIN Oleg Sergeevich — PhD in Law, Associate Professor at the Department Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
osgrin@msal.ru
123995, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Street, 9

Review. *This article analyzes the contractual forms of commercialization of scientific results. It examines the legal mechanisms of disposition of rights in the results of scientific activity and analyzes provisions of the existing legislation in the field of study. The paper presents the basic legal forms of use of intellectual property rights in the light of the development of innovative economy and the implementation of the Innovation Development Strategy of the Russian Federation by 2020 and the draft Strategy of the Russian Federation scientific and technological development by 2035.*

The article deals with such contractual structures as an agreement on alienation of the exclusive rights, license agreement, contract for scientific research work, exclusive rights lien, commissioning agreement and others. These forms of disposal of the rights in the results of research activities can be used by authors and copyright holders to commercialize their scientific work results. The author concludes that there is a need for more active involvement of exclusive rights in such results into the economy as the most important condition for innovative development of the state economy.

Keywords: *scientific results, commercialization of research activities, innovative development, inventions, utility models, industrial design, exclusive rights lien.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Grazhdanskoe pravo : uchebnik / otv. red. A. P. Sergeev. — M. : RG-Press, 2012. — T. 3.
2. Grin' E. S. K voprosu ob osnovnykh kategoriyah standartizatsii procedur raspredeleniya intellektual'nykh prav // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. — 2014. — № 5.
3. Grin' E. S. Modernizatsiya polozhenij o dogovorah v sfere intellektual'nykh prav // Zakonodatel'stvo. — 2015. — № 2. — S. 10—18.
4. Grin' O. S. Zalog iskljuchitel'nykh prav // Pravovaja zashhita intellektual'noj sobstvennosti: problemy teorii i praktiki : sbornik materialov III Mezhdunarodnogo IP-foruma. — M. : Prospekt, RG-Press, 2015. — S. 105—113.
5. Novoselova L. A. Ob osobennostyah nekotorykh pravoporozhdajushhih faktov v patentnom prave // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. URL <http://ipcmagazine.ru/patent-law/on-peculiarities-of-certain-facts-pravoporozhdayuschih-in-patent-law>.
6. Lipcik D. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. — M. : Lodomir, Izdatel'stvo JuNESKO, 2002. — S. 76.

¹⁶ This article is prepared within the framework of R&D Project № 29.199.2016/HM "Development of science-based and formal proposals in order to bring the draft federal law "On scientific, technical and innovative activities in the Russian Federation" in line with the strategy developed by the scientific and technological development of the Russian Federation for the long term."

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

М. А. Агаларова*

Правовые коммуникации в науке гражданского процесса (на примере дел с участием иностранных лиц)

Аннотация. Автор рассматривает коммуникативную теорию права в науке гражданского процесса: актуальность данного вопроса, сущность понятия коммуникаций. Особое внимание уделяется правовым коммуникациям и применению их в гражданском судопроизводстве. Определяется ряд правовых проблем применения правовых коммуникаций по гражданским делам с участием иностранных лиц, в первую очередь это касается интерпретации иностранных документов. Отмечается необходимость исследования межкультурной коммуникации в гражданском судопроизводстве. Автор анализирует проблемные ситуации, которые могут возникнуть в гражданском судопроизводстве при нарушении правовых коммуникаций, и выявляет пути их решения.

Ключевые слова: коммуникация, правовая коммуникация, судоговорение, гражданское судопроизводство, иностранные лица, интерпретация.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.150-156

Общение играет важную роль в жизни каждого человека, имеет огромное влияние на формирование личности. Общенье нередко называют коммуникацией, под которой понимается сообщение или передача какой-либо информации между людьми. Более того, существует целая наука, посвященная коммуникациям, — коммуникология. Основные положения этой науки были разработаны Ф. И. Шарковым¹. Сама возможность коммуникации связана в первую очередь с ее формальными характеристиками, к которым можно отнести ясность, четкость, выполнимость, стабильность, авторитетность, перспективность правовых текстов, формализованность устанавливаемых правил, их общезначимость

и социальную поддержку. Главной ценностью следует выделить человека как основного субъекта права (правовой коммуникации).

На сегодняшний день активно развивается такое актуальное направление, как правовые коммуникации, в том числе по гражданскому процессу.

Правовая коммуникация представляет собой проходящий в правовой сфере общественной жизни процесс передачи правовой информации от правотворческого органа к правоприменителю. Несомненно, главным свойством правовой коммуникации является упорядоченность. Такое свойство должно быть выражено в одинаковом понимании правовой информации всеми участниками правовой

¹ См.: Шарков Ф. И. Коммуникология. Энциклопедический словарь-справочник : учебное пособие для подготовки бакалавров и магистров рекламы и связей с общественностью. М. : Дашков и К, 2010. С. 766.

© Агаларова М. А., 2016

* Агаларова Мария Андреевна, аспирантка кафедры гражданского процесса, Саратовской государственной юридической академии

m_makunina92@mail.ru

410056, Россия, Саратов, ул. Чернышевского, 104

коммуникации. Именно идентичность в понимании правовой информации является главной функцией правовой коммуникации. Стоит отметить, что не любая коммуникация является правовой, а только такая, в которой имеется взаимность прав и обязанностей, кроме того, обеспечивается удовлетворение потребностей социума. Суть правовой коммуникации и коммуникативной теории в том, что в отличие от всех других видов взаимодействия, правовое взаимодействие представляет собой институциональное и легитимное взаимодействие субъектов на основе их прав и обязанностей².

Коммуникативная теория является сравнительно молодой наукой, поэтому у многих ученых нет единой точки зрения относительно ее научного статуса, объекта и предмета, места в системе современного знания. Коммуникация — это явление универсальное, а ее содержание и формы попадают в сферу многих социально-гуманитарных наук.

Отсюда возникает необходимость более глубокого исследования правовых коммуникаций в юриспруденции, особенно это касается гражданского судопроизводства, так как именно здесь очень важно правильно понимать и применять правовую информацию, тем более если участниками процесса являются иностранные лица.

Значительный вклад в развитие правовых коммуникаций внес А. В. Поляков³. Перспектива обновления теории права с позиции коммуникативной парадигмы, разработанной А. В. Поляковым, состоит в рассмотрении права под новым углом зрения⁴. Содержание правовой коммуникации выступает как согласование совместных усилий людей для удовлетворения индивидуальных потребностей, причем не только сейчас, но и в будущем, для нормального функционирования общества⁵.

Гражданскому процессу близки основные идеи коммуникативной теории права А. В. Полякова, согласно которой право представляет собой коммуникацию, т.е. взаимодействие, опосредуемое текстом. В ходе такого взаимодействия коммуницирующие субъекты извлекают из правового текста соответствующие права и обязанности, которые будут осуществляться в рамках гражданского судопроизводства. Интерпретация здесь рассматривается как процесс преобразования смысла закона, а не просто поиск смысла, вложенного законодателем.

Судебная коммуникация является важной составляющей правовой коммуникации. Она представляет собой общение, которое протекает в ходе судебного разбирательства по гражданским делам. Такая коммуникация есть разделение ролей, где преобладает официальное общение, то есть строго регламентированное в законе правило поведения в суде.

Правосудие представляет собой определенный способ разрешения конфликтной ситуации между субъектами посредством применения права, а активность сторон обусловлена бременем доказывания. Здесь важны все составляющие судебного разбирательства. По мнению О. В. Красовской, неполное рассмотрение судом основной темы или игнорирование значимой для дела побочной темы — основания для отмены судебных решений⁶.

Обращение лица в суд означает неразрешенность конфликта в обыденной жизни. Ю. П. Боруленков определяет суд как сферу, где реализуется конфликтная коммуникация⁷. По объему прав, установленных правовым текстом, различают властные и невластные субъекты коммуникации. Властный субъект обладает возможностями оформить свое волеизъявление в виде обязательного предписания, а невластный участник коммуникации такими инструментами

² См.: Поляков А. В. Коммуникативно-феноменологическая концепция права // Неклассическая философия права: вопросы и ответы. Харьков, 2013. С. 94—100.

³ См.: Поляков А. В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование) : дис. ... д-ра юрид. наук в виде науч. доклада. СПб., 2002.

⁴ См.: Поляков А. В. Право: между прошлым и будущим // Правоведение. 2013. № 3. С. 8—9.

⁵ См.: Смирнова Н. М. Коммуникативный смысл интересубъективности: феноменология и когнитивные науки. М., 2014. С. 289.

⁶ Красовская О. В. Судебная коммуникация: прагматический и социокультурный аспекты : автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. Волгоград, 2012. С. 20.

⁷ Боруленков Ю. П. Судебная коммуникация // Мировой судья. 2014. № 8. С. 13—14.

не располагает и оказывает влияние на других участников опосредованно, то есть через властного, каковым является суд.

Круг субъектов гражданского процесса четко установлен в Гражданском процессуальном кодексе РФ, которым также предусмотрены специальные нормы, направленные на определение соответствующей процессуальной роли. Процессуальный регламент включает строго последовательные действия, которые служат гарантией разрешения спора, обеспечивают активное участие в судебном заседании заинтересованных лиц, придают судебному процессу наглядность и устанавливают единообразие рассмотрения дел в суде.

И. Л. Чеснов определяет интересубъективность как объективность и субъективность права⁸. Эти два момента права не существуют раздельно друг от друга, они дополняют друг друга.

Объективность — это оценка права как независимого явления или процесса от воли, желания, знаний и поведения отдельных людей. Такая оценка дается как самими участниками правоотношений, так и внешним наблюдателем, который абстрагирован от взаимоотношений с субъектами. Лицо воспринимает правило поведения, зафиксированное в знаковой форме, при этом важно, чтобы такое правило поведения многократно использовалось широкими слоями населения и положительно оценивалось. Если норма не используется на практике, то она не считается социальной.

Субъективная составляющая права определяется как оценка права субъектами по внутреннему своему убеждению, но с нормативным содержанием.

Данное положение о субъективном и объективном содержании права можно перенести на гражданский процесс. Здесь объективную сторону выражает суд как властный участник

процесса, который разрешает конфликт сторон, опираясь на закон, а субъективную сторону выражают другие участники гражданского процесса, в частности истец и ответчик выражают свое мнение относительно спора, который возник между ними.

Не стоит забывать о том, что соответствующие нормы, используемые в судопроизводстве, должны основываться на единстве понимания ее внутренней составляющей. Любое взаимодействие предполагает одинаковое понимание поведения участников процесса. При этом любой правовой текст существует не сам по себе, как и права, а в определенном социальном контексте.

В ходе доказывания в гражданском процессе важна интерпретация смысла закона, то есть как действует «право тут»⁹: речь идет о норме, которая возникает в процессуальной борьбе и признается судом правильной и наиболее подходящей для разрешения конфликта.

Судоговорение дает праву его время и бытие. В ходе процесса, а именно в условиях столкновения позиций состязующихся сторон, происходит становление ряда направлений интерпретации закона, сравнение смыслов и выбор правильного, наиболее применимого к конкретной ситуации.

Важную роль в судопроизводстве играет лингвистическая коммуникация, которая представляет собой кратковременное социально ориентировочное речевое взаимодействие, обслуживающее судебную процессуальную деятельность, подчиняющееся задачам и условиям ее осуществления¹⁰. В лингвистике немаловажным является конвенция общения, которая присутствует и в суде. Конвенции — это принципы и нормы речевого поведения, соблюдение которых является необходимым условием для успешного протекания коммуникации¹¹.

⁸ Чеснов И. Л. Перспективы постклассической коммуникативной теории права // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: к 60-летию Андрея Васильевича Полякова: коллективная монография / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Чеснова. СПб.: Альфа-Пресс, 2014. Т. 1. Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых. С. 23—26.

⁹ См.: Александров А. С., Терехин В. В. Уголовно-процессуальное доказывание как коммуникация // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: к 60-летию Андрея Васильевича Полякова. С. 23—26.

¹⁰ См.: Красовская О. В. О речевой коммуникации в судебной практике. М.: Наука, Флинта, 2008. С. 8.

¹¹ См.: Колтунова М. В. Конвенция как прагматический фактор диалогического общения // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 22.

В суде соблюдение таких конвенций является неотъемлемой частью судопроизводства. Требуется максимально четкое их исполнение, в противном случае за их несоблюдение могут быть применены соответствующие санкции — предупреждение, удаление из зала судебного заседания и штрафы.

Язык — это общественное и цифровое средство передачи информации¹². Проблема языкового выражения есть проблема самого познания текста закона и его применения на практике. Более того, язык является источником потенциальной информации по делу.

Фразы и обороты речи, используемые сторонами при описании и обсуждении проблем, могут указывать на уровень конфликта, следовательно, на готовность или неготовность к диалогу и урегулированию спора. Для суда важно уметь распознавать подобные знаки для того, чтобы сделать процесс принятия решения более конструктивным¹³.

В последнее время в гражданском судопроизводстве все чаще рассматриваются дела с участием иностранных лиц. Отсюда возникает необходимость в изучении правовых коммуникаций, так как здесь очень важно правильно понимать и применять правовую информацию в ходе судебного разбирательства.

В юридической литературе правовая коммуникация рассматривается как основанный на юридических нормах порядок взаимодействия субъектов, связанный с обменом информацией, направленный на удовлетворение их законных интересов и потребностей¹⁴.

При осуществлении коммуникации учитываются индивидуальные характеристики субъектов, это особенно проявляется при рассмотрении гражданских дел с участием иностранных лиц. К таким характеристикам относится определение статуса субъекта и язык судебного разбирательства. Участники гражданского процесса, а именно иностранные лица, должны предоставлять в суд

документы, которые подтверждают их правовой статус, а суд общей юрисдикции должен исследовать документы и дать таким лицам возможность реализовать свои права по защите их интересов и осуществлять контроль за соблюдением возложенных на них обязанностей.

В судебной речи язык выступает главным источником необходимой информации для рассмотрения и разрешения гражданского дела. В зале суда источниками и передатчиками информации о фактах являются участники процесса, однако если субъект процесса не владеет русским языком, то точная передача информации практически невозможна, даже если в процессе участвует переводчик. Отсюда возникает ряд проблем в применении правовой коммуникации, так как судебный процесс зачастую протекает в устной форме.

Также проблемы возникают в интерпретации документов иностранного происхождения, которые суд принимает в качестве письменных доказательств. В данном случае необходимо легализовать (в установленном законом случае) и надлежащим образом перевести данный документ и только потом истолковать текст таким образом, чтобы не было искажения смысловой составляющей. Иначе судебный акт, разрешающий спор, будет отменен.

Коммуникативное взаимодействие реализуется как спор равных сторон, то есть по схеме «субъект — субъект», который разрешается независимым лицом по заранее установленным правилам. Однако в силу особого статуса иностранцев, хотя им предоставляются те же права и обязанности, что и российским гражданам, данная схема не может реализоваться. Это отражается в рассмотрении такого вопроса, как соглашения о международной подсудности. В теории и практике международного гражданского процесса вопрос о праве, которое будет применяться к соглашению, является сложным и дискуссионным¹⁵. К данному

¹² См.: Пинкер С. Субстанция мышления: язык как окно в человеческую природу : пер. с англ. М., 2013. С. 504.

¹³ См.: Никулина И. А. Речевое взаимодействие адвоката-посредника и сторон конфликта в процедуре медиации // Адвокатская практика. 2014. № 1. С. 56.

¹⁴ См.: Романова Е. А. Правовая коммуникация: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 15.

¹⁵ См.: Елисеев Н. Г., Вершинина Е. В., Костин А. А. Коллизионное регулирование соглашений о международной подсудности // Вестник гражданского процесса. 2013. № 2. С. 127.

процессуальному договору применяется как иностранное материальное право, так и процессуальное право. Применение таких норм необходимо, если процессуальное право соответствующей страны не допускает заключения соглашения, которое изменяет исключительную подсудность спора. Таким же образом должен проверяться вопрос действительности соглашения о международной подсудности на этапе признания и приведения в исполнение иностранного судебного решения. Кроме того, в соглашении об определении международной подсудности часто используются термины и понятия иностранного права, возникает вопрос о правильном их толковании. Отсюда также вытекают проблемы, связанные с нарушением правовой коммуникации, а именно идентичное понимание правил поведения соответствующих субъектов.

В вопросе правовых коммуникаций по делам с участием иностранных лиц в гражданском судопроизводстве необходимо отметить такой вид коммуникаций, как межкультурная коммуникация. Так как именно здесь рассматривается общение лиц из разных правовых культур.

Межкультурная коммуникация представляет собой связь и общение между представителями различных культур. В современных условиях развитие культурных связей происходит в самых разных сферах человеческой жизни, в том числе судебной. Применительно к гражданскому процессу суд и иные участники судебного разбирательства должны освоить хотя бы косвенную межкультурную коммуникацию, которая носит преимущественно односторонний характер, где информационными источниками являются правовые нормы.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что правовая коммуникация направлена на достижение определенной цели, конечного результата. В гражданском процессе — это своевременное рассмотрение и правильное разрешение гражданского дела. Для того чтобы эту цель достичь, судам и субъектам процесса спора, где участвуют иностранные лица, необходимо уделять должное внимание правовым коммуникациям, так как именно они способствуют получению значимой для дела информации и должному взаимодействию соответствующих субъектов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Александров А. С., Терехин В. В. Уголовно-процессуальное доказывание как коммуникация // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: к 60-летию Андрея Васильевича Полякова : коллективная монография / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова. СПб. : Альфа-Пресс, 2014. — Т. 1. Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых.
2. Боруленков Ю. П. Судебная коммуникация // Мировой судья. — 2014. — № 8.
3. Елисеев Н. Г., Вершинина Е. В., Костин А. А. Коллизионное регулирование соглашений о международной подсудности // Вестник гражданского процесса. — 2013. — № 2.
4. Колтунова М. В. Конвенция как прагматический фактор диалогического общения // Вопросы языкознания. — 2004. — № 6.
5. Красовская О. В. О речевой коммуникации в судебной практике. — М. : Наука, Флинта, 2008.
6. Красовская О. В. Судебная коммуникация: прагматический и социокультурный аспекты : автореф. дис. ... д-ра филологич. наук. — Волгоград, 2012.
7. Никулина И. А. Речевое взаимодействие адвоката-посредника и сторон конфликта в процедуре медиации // Адвокатская практика. — 2014. — № 1.
8. Пинкер С. Субстанция мышления: язык как окно в человеческую природу : пер. с англ. — М., 2013.
9. Поляков А. В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование) : дис. ... д-ра юрид. наук в виде науч. доклада. — СПб., 2002.
10. Поляков А. В. Коммуникативно-феноменологическая концепция права // Неклассическая философия права: вопросы и ответы. — Харьков, 2013.
11. Поляков А. В. Право: между прошлым и будущим // Правоведение. — 2013. — № 3.
12. Романова Е. А. Правовая коммуникация: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2011.

13. Смирнова Н. М. Коммуникативный смысл intersubjectивности: феноменология и когнитивные науки. — М., 2014.
14. Чеснов И. Л. Перспективы постклассической коммуникативной теории права // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: к 60-летию Андрея Васильевича Полякова : коллективная монография / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова. — СПб. : Альф-Пресс, 2014. — Т. 1. Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых.
15. Шарков Ф. И. Коммуникология. Энциклопедический словарь-справочник : учебное пособие для подготовки бакалавров и магистров рекламы и связей с общественностью. — М. : Дашков и К, 2010.

Материал поступил в редакцию 8 декабря 2015 г.

LEGAL COMMUNICATION IN THE CIVIL PROCEEDINGS DOCTRINE (BASED ON THE CASES INVOLVING FOREIGN PERSONS)

AGALAROVA Maria Andreevna — post-graduate at the Department of Civil proceedings, Saratov State Law University
m_makunina92@mail.ru
410056, Russia, Saratov, Chernyshevskogo street, 104.

Review. *In this article the author examines the communicative theory of law in the science of civil proceedings, namely: the urgency of the matter, the essence of the concept of communication. Particular attention is given to the legal communication and its application in civil procedure. The author determine a number of legal problems on application of legal communication in civil cases involving foreign parties; primarily, it concerns the interpretation of foreign documents. The necessity of the study of inter-cultural communication in the civil procedure is noted. The author analyzes the problematic situations that may arise in civil procedure due to the violation of legal communications, and identifies some ways to solve them.*

Keywords: *communication, legal communication, pleadings, civil procedure, foreign persons, interpretation.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Ieksandrov A. S., Terehin V. V. Ugolovno-processual'noe dokazyvanie kak kommunikacija // Kommunikativnaja teorija prava i sovremennye problemy jurisprudencii: k 60-letiju Andreja Vasil'evicha Poljakova : kollektivnaja monografija / pod red. M. V. Antonova, I. L. Chestnova. SPb. : Al'f-Press, 2014. — Т. 1. Kommunikativnaja teorija prava v issledovanijah otechestvennyh i zarubezhnyh uchenyh.
2. Borulenkov Ju. P. Sudebnaja kommunikacija // Mirovoj sud'ja. — 2014. — № 8.
3. Eliseev N. G., Vershinina E. V., Kostin A. A. Kollizionnoe regulirovanie soglashenij o mezhdunarodnoj podsudnosti // Vestnik grazhdanskogo processa. — 2013. — № 2.
4. Koltunova M. V. Konvencija kak pragmaticheskij faktor dialogicheskogo obshhenija // Voprosy jazykoznanija. — 2004. — № 6.
5. Krasovskaja O. V. O rechevoj kommunikacii v sudebnoj praktike. — М. : Nauka, Flinta, 2008.
6. Krasovskaja O. V. Sudebnaja kommunikacija: pragmaticheskij i sociokul'turnyj aspekty : avtoref. dis. ... d-ra filologich. nauk. — Volgograd. 2012.
7. Nikulina I. A. Rechevoe vzaimodejstvie advokata-posrednika i storon konflikta v procedure mediacii // Advokatskaja praktika. — 2014. — № 1.
8. Pinker S. Substancija myshlenija: jazyk kak okno v chelovecheskuju prirodu : per. s angl. — М., 2013.
9. Poljakov A. V. Kommunikativnaja koncepcija prava (genenezis i teoretiko-pravovoe obosnovanie) : dis. ... d-ra jurid. nauk v vide nauch. doklada. — SPb., 2002.
10. Poljakov A. V. Kommunikativno-fenomenologicheskaja koncepcija prava // Neklassicheskaja filosofija prava: voprosy i otvety. — Har'kov, 2013.
11. Poljakov A. V. Pravo: mezhdum proshlym i budushhim // Pravovedenie. — 2013. — № 3.

12. *Romanova E. A.* Pravovaja komunikacija: obshheteoreticheskij analiz : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — Saratov, 2011.
13. *Smirnova N. M.* Kommunikativnyj smysl intersub#ektivnosti: fenomenologija i kognitivnye nauki. — M., 2014.
14. *Chesnov I. L.* Perspektivy postklassicheskoj komunikativnoj teorii prava // Kommunikativnaja teorija prava i sovremennye problemy jurisprudencii: k 60-letiju Andreja Vasil'evicha Poljakova : kollektivnaja monografija / pod red. M. V. Antonova, I. L. Chestnova. — SPb. : Al'f-Press, 2014. — T. 1. Kommunikativnaja teorija prava v issledovanijah otechestvennyh i zarubezhnyh uchenyh.
15. *Sharkov F. I.* Kommunikologija. Jenciklopedicheskij slovar'-spravochnik : uchebnoe posobie dlja podgotovki bakalavrov i magistrov reklamy i svjazej s obshhestvennost'ju. — M. : Dashkov i K, 2010

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

С. Р. Бекишиева*,

А. М. Курбанова**

Проблемы совершенствования законодательства РФ о социальном обеспечении семей с детьми

Аннотация. Статья посвящена исследованию законодательства РФ в области социального обеспечения семей с детьми. Анализируются институт социального обеспечения семей с детьми; действующее законодательство РФ и ее субъектов в данной сфере; причины, которые вызывают необходимость совершенствования законодательства РФ в области социальной защиты семьи, материнства и детства. Проведенное авторами статьи исследование позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время в России нет достаточно проработанной нормативной базы социального обеспечения семей с детьми; одной из важнейших проблем в сфере детства в современной России является неисполнение международных стандартов в области прав ребенка; снижены гарантии социальной защищенности детей по причине передачи ответственности за социальное обеспечение детей с федерального на региональный уровень; установлен неравный объем и качество доступных услуг для детей и их семей в разных субъектах РФ. Авторы статьи приходят к выводу о необходимости установления на федеральном уровне минимального размера ежемесячного пособия на ребенка.

Ключевые слова: социальное обеспечение семей с детьми, ежемесячное пособие на ребенка, международные стандарты в области прав детей, прожиточный минимум.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.157-164

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современной социально-демографической ситуации в России институты семьи, материнства и детства приобретают повышенную публичную значимость. При этом организация системы социальной защиты

© Бекишиева С. Р., Курбанова А. М., 2016

* *Бекишиева Солтанат Рафаэльевна*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Дагестанского государственного университета
bekishieva@mail.ru

367012, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Коргмасова, д. 8, каб. 89, 90

** *Курбанова Ашаханум Мурадовна*, студентка 3-го курса юридического факультета Дагестанского государственного университета

asha_kurbanova@mail.ru

367012, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Коргмасова, д. 8, каб. 89, 90

семьи, материнства и детства в нашей стране оставляет желать лучшего. Одним из слабых звеньев в данной сфере представляется недостаточно проработанная нормативно-правовая база социального обеспечения семей с детьми. Этим обусловлена необходимость создания прежде всего федеральным законодателем адекватной системы социальной защиты.

Социальная политика России в отношении семей с детьми определяется Конституцией РФ, которая в ст. 38 указывает, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства. В Федеральном законе от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»¹ закрепляется приоритетный характер государственной политики в интересах детей, а одним из ее принципов провозглашается поддержка семьи в целях обеспечения полноценного воспитания детей, защиты их прав, подготовки их к полноценной жизни в обществе.

Согласно ч. 2 ст. 39 Конституции РФ социальные пособия устанавливаются законом. Предоставление социальных пособий семьям с детьми предусмотрено несколькими федеральными законами:

- Федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»²;
- Федеральным законом от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи»³;
- Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 225-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством»⁴.

В Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761⁵, отмечается, что интересы будущего страны требуют принятия неотложных мер для улучшения положения детей и их защиты. Это относится и к социальному обеспечению де-

тей. В частности, в Стратегии, как и в Конституции РФ, делается акцент на необходимости решений и действий в отношении каждого ребенка, нуждающегося в конкретном благе. Следует подчеркнуть, что данное требование не допускает установления очередности получения социальных благ, возможности их предоставления в избирательном порядке, в зависимости от финансовых возможностей страны или региона. Однако в развитии федерального законодательства о социальном обеспечении прослеживаются не только положительные изменения, но и тенденция снижения гарантий социальной защищенности детей, поскольку ответственность за социальное обеспечение детей передана с федерального на региональный уровень.

Конституция РФ правовое регулирование отношений в сфере социального обеспечения относит к совместной компетенции Российской Федерации и ее субъектов. Субъекты РФ, реализуя право на регулирование указанных отношений, принимают собственные законы и другие нормативные правовые акты, которые не могут снижать федеральный уровень стандарта в социальном обеспечении.

В современный период социальное обеспечение семей с детьми значительно изменилось. В первую очередь это касается системы управления и финансирования⁶. Здесь изменения вызваны принципиально новым подходом законодателя к вопросам разделения полномочий в сфере социальной защиты между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ. Российская Федерация в настоящее время является гарантом денежных выплат семьям с детьми в отношении пенсий, пособий по обязательному социальному страхованию, отдельных видов пособий на воспитание детей, ряда выплат семьям военнослужащих с детьми. Предоставление же социального обслуживания семьям с детьми, его виды, формы

¹ СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.

² СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1929.

³ СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3699.

⁴ СЗ РФ. 2007. № 1 (ч. I). Ст. 18.

⁵ СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: *Сивакова И. В.* Административные изменения в системе социального обеспечения: повторение исторического опыта // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3. С. 403.

и размеры оплаты социальных услуг практически полностью регулируются законодательством субъектов РФ, при этом на федеральном уровне отсутствует законодательное закрепление каких-либо стандартов или гарантий. Сложившаяся ситуация привела к снижению в отдельных субъектах РФ уровня социального обеспечения населения, в первую очередь семей с детьми, за счет ограничения видов социальных услуг и мер социальной поддержки, имевших место по ранее действовавшему законодательству.

По мнению Л. В. Сотниковой, система пособий семьям с детьми соответствует общепринятым нормам международного права, включая конвенции Международной организации труда № 102 и № 103, Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенцию о правах ребенка, Европейскую социальную хартию⁷. С данной точкой зрения мы не можем согласиться.

Раздел VII «Семейные пособия» Конвенции МОТ № 102 о минимальных нормах социального обеспечения содержит очень важные положения, касающиеся семей с детьми: каждый член Организации, в отношении которого данный раздел Конвенции находится в силе, обеспечивает подлежащим обеспечению лицам предоставление семейного пособия в соответствии со статьями этого раздела; охватываемым случаем является ответственность лиц за содержание детей, как это установлено.

В статье 42 Конвенции устанавливается, что это семейное пособие предоставляется в виде либо периодических выплат подлежащим обеспечению лицам; либо предоставления детям (или для них) пищи, одежды, крова, условий

для отдыха или ухода на дому; либо сочетания указанных видов пособия. При этом общая сумма пособий, предоставляемых подлежащим обеспечению лицам в соответствии со статьей 42, должна составлять: либо 3 % заработной платы обычного взрослого неквалифицированного рабочего мужского пола, помноженные на общее число детей, принадлежащих подлежащим обеспечению лицам; либо 1,5 % от указанной заработной платы, помноженные на общее число детей всех жителей (ст. 44)⁸.

Даже если предоставлять пособия в виде указанных процентов не от заработной платы рабочего мужского пола, а от установленного в субъекте РФ размера прожиточного минимума, эта сумма в любом случае составит более 112 руб. — суммы ежемесячного пособия на ребенка в Республике Дагестан.

В разных субъектах РФ по-разному подходят к вопросу о размерах социальных пособий семьям с детьми до 16 лет.

В дотационных регионах выплачиваются детские пособия минимальных размеров, например в Республике Дагестан — 112 руб.⁹, в Чеченской Республике — 130 руб.¹⁰, в Республике Ингушетия на каждого ребенка семьям с одним—четырьмя детьми — 100 руб., семьям с пятью и более детьми — 150 руб. на каждого ребенка¹¹.

В регионах-донорах, не получающих дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности, размеры выплат зависят от демографических особенностей и величины прожиточного минимума в регионе. К таким регионам России относятся, в частности, Республика Татарстан, города федерального значения Москва и Санкт-Петербург.

⁷ Сотникова Л. В. Социальное обеспечение семей с детьми в Российской Федерации: правовые вопросы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 8.

⁸ Конвенция Международной организации труда № 102 о минимальных нормах социального обеспечения (Женева, 28 июня 1952 г.) // МОТ. Конвенции и Рекомендации. Женева, 1991. Т. 1. С. 1055.

⁹ Закон Республики Дагестан от 29 декабря 2004 г. № 61 «О ежемесячном пособии на ребенка» (в ред. Закона от 02.07.2013 № 50) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/802037526> (дата обращения: 20 апреля 2015 г.).

¹⁰ Постановление Правительства Чеченской Республики от 30.06.2014 № 111 «Об индексации размера ежемесячного пособия на ребенка» // URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/chechnya/556150/> (дата обращения: 20 апреля 2015 г.).

¹¹ Закон Республики Ингушетия от 31 декабря 2004 г. № 37-ПЗ «О размере, порядке назначения и выплаты ежемесячного пособия на ребенка» (в ред. Закона Республики Ингушетия от 2.09.2013 г. № 22-ПЗ) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/802031595> (дата обращения: 20 апреля 2015 г.).

В Республике Татарстан ежемесячное пособие на ребенка в возрасте до 16 лет (для учащихся — до 18 лет) составляет 237 руб., на ребенка одинокой матери — 630 руб.¹²

В Москве ежемесячное пособие малоимущим семьям, имеющим доход ниже величины прожиточного минимума, составляет на детей одиноких матерей (отцов) в возрасте от 3 до 18 лет — 2 500 руб., на детей в остальных семьях в возрасте от 3 до 18 лет — 1 500 руб.¹³

В Санкт-Петербурге ежемесячное пособие на ребенка от 1,5 до 7 лет: 779 руб. — из обычной семьи, 1 125 руб. — из неполной семьи, семьи военнослужащего (по призыву); ежемесячное пособие на ребенка от 7 до 16 лет (для учащихся — до 18 лет): 723 руб. — на ребенка из обычной семьи, 1 045 руб. — из неполной семьи, семьи военнослужащего (по призыву)¹⁴.

Таким образом, средний по России размер ежемесячного пособия на ребенка в возрасте до 16 лет составляет примерно 800 руб. Хотелось бы ко всему изложенному добавить, что о цивилизованности общества можно судить по тому, как в нем заботятся о матерях и детях. Размеры детских пособий в России представляют собой одну из самых острых проблем, требующих обязательного и скорейшего разрешения совместными усилиями государства и общества.

В последние годы институт государственных пособий семьям с детьми практически утратил социально-экономическую значимость из-за незначительного размера этих пособий. Государство возлагает основные материальные заботы о ребенке на родителей или главным образом на них. Представляется недопустимым в современных условиях отказ от понимания фактов рождения и воспитания ребенка как выполнения семьей ее социальной, а не только индивидуальной функции, особо значимой для российского государства и общества в условиях демографического кризиса.

Для решения указанных проблем законодательство РФ о социальном обеспечении детей должно развиваться в направлении его улучшения, увеличения его объема и повышения качества предоставляемых благ.

Однако ежемесячное пособие на ребенка, предусмотренное ст. 16 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», которое выплачивается в Российской Федерации значительному числу семей, с 2005 года не имеет никакого норматива, при наличии в настоящее время субсидий из федерального бюджета. Размер пособия субъекты РФ устанавливают самостоятельно и в настоящее время он составляет от 100 до 2500 руб. в месяц на одного ребенка.

Ежемесячное пособие на ребенка является наиболее массовым видом социального пособия для семей с детьми и чаще всего единственным пособием, известным родителям. Поэтому самоустранение федерального законодателя от установления минимального стандарта ежемесячного пособия на детей в возрасте до 16 лет (учащегося — до 18 лет) нарушает права детей в сфере социального обеспечения. Ежемесячное пособие на ребенка имеет общегосударственное значение, поскольку поддержка семей с детьми является одним из важнейших направлений социальной политики РФ. Следовательно, выплата ежемесячного пособия на ребенка должна гарантироваться федеральным законодательством. На наш взгляд, следует установить на федеральном уровне минимальный размер ежемесячного пособия на ребенка, что должно быть гарантией единства правового и экономического пространства государства.

Российские ученые настаивают, что пособия на ребенка должны устанавливаться не в символическом размере, а в сумме, способствующей достижению цели введения пособия, то есть обеспечивать ему установленный государством прожиточный минимум, иначе просто невоз-

¹² Детские пособия в Республике Татарстан и Казани // URL: <http://posobie-expert.ru/regiony/v-respublike-tatarstan-i-kazani/> (дата обращения: 3 мая 2015 г.).

¹³ Постановление Правительства г. Москвы от 9 декабря 2014 г. № 735-ПП «Об установлении размеров отдельных социальных выплат на 2015 год» // URL: http://mosopen.ru/document/735_pp_2014-12-09 (дата обращения: 3 мая 2015 г.).

¹⁴ Размер пособий в Санкт-Петербурге на 2015 год // URL: <http://www.detipravo.ru/2015/01/razmer-posobij-v-sankt-peterburge-na-2015-god/> (дата обращения: 3 мая 2015 г.).

можно его физическое выживание¹⁵. При этом признается, что в целом действующая сегодня система социального обеспечения в Российской Федерации не справляется с задачей поддержания приемлемого уровня жизни населения¹⁶. Однако следует признать, что не все субъекты РФ смогут обеспечить выплату пособий размеров прожиточного минимума ввиду ограниченности финансовых средств¹⁷. Для определения минимального размера ежемесячного пособия на ребенка мы предлагаем обратиться к международному праву¹⁸. В пункте 4 ст. 15 Конституции РФ Россия практически признала примат международного права над внутригосударственным законодательством. Поэтому установить минимальный размер ежемесячного пособия на ребенка можно почти так же, как это сформулировано в ст. 42 Конвенции МОТ № 102, а именно: минимальный размер ежемесячного пособия на ребенка должен составлять не менее 3 % прожиточного минимума на душу населения, установленного в субъектах РФ.

Согласно постановлению Правительства Республики Дагестан от 24 августа 2015 г. № 249 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Республике Дагестан за II квартал 2015 года» величина прожиточного минимума в Дагестане в расчете на душу населения составляет 8 871 руб. Следовательно, минимальный размер ежемесячного пособия на ребенка в Дагестане в настоящее время должен составлять 266 руб., то есть более чем в два раза больше выплачиваемой суммы.

В связи с тем что в современной социально-демографической ситуации в Российской Федерации институты семьи, материнства и детства приобретают повышенную публичную значи-

мость, Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации»¹⁹ был предусмотрен новый вид денежной помощи многодетным семьям в случае рождения третьего ребенка или последующих детей после 31 декабря 2012 г. Субъектам РФ было рекомендовано установить нуждающимся в поддержке семьям ежемесячную денежную выплату до достижения ребенком возраста трех лет в размере, соответствующем региональному прожиточному минимуму ребенка. Но рекомендательный характер данной выплаты позволил регионам с высокой рождаемостью ее не вводить, тем более что данный Указ не предусматривает федерального софинансирования таких выплат. В настоящее время такие пособия выплачиваются в 53 субъектах РФ. Следовательно, семьи из разных регионов страны оказались в неравных условиях в зависимости от демографической обстановки в регионе. Но проблема поддержки семей с детьми и стимулирование рождаемости носят общегосударственный характер. Поэтому, на наш взгляд, выплата такого пособия ввиду его социальной важности должна быть предусмотрена Федеральным законом «О государственных пособиях гражданам, имеющих детей», должна производиться всем многодетным семьям, имеющим детей указанного возраста, независимо от даты рождения и места проживания ребенка, в заявительном порядке. Установление неравных условий социальной защиты для семей из разных регионов единой страны представляется неправомерным.

В 2014 году были внесены изменения и дополнения в Закон РД «О земле», согласно которым установлены особенности отбора и предоставления земельных участков, находящихся в государственной и муниципаль-

¹⁵ См.: Гусева Т. С. Структура и основные тенденции развития российского законодательства о пособиях // Российский юридический журнал. 2010. № 6. С. 148—149.

¹⁶ См.: Бачмага О. П. Особенности социального обеспечения личности на современном этапе // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2011. № 5. С. 24.

¹⁷ См.: Бекишиева С. Р. Проблемы правового регулирования социально-экономического развития субъектов Северо-Кавказского федерального округа // Закон и право. 2011. № 10. С. 7.

¹⁸ См.: Егоров С. А. К вопросу о значении и возможностях применения рекомендательных актов МОТ в процессе совершенствования норм международного и внутригосударственного трудового права // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 4. С. 448.

¹⁹ Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ной собственности, в безвозмездное срочное пользование граждан, имеющих трех и более детей. Однако Парламент РД признает, что реализация этой нормы не решит проблем в сфере социального обеспечения семей с детьми, а только «будет способствовать снижению напряженности в этой сфере»²⁰. Причиной такой невысокой оценки предпринимаемых мер является то, что для обеспечения многодетных семей земельными участками в Дагестане придется большое количество земель на равнине переводить из категории земель сельскохозяйственного назначения (чего нельзя делать в аграрной республике), а установить денежные выплаты взамен недостающей всем семьям земли Республика не может из-за ограниченности средств дотационного бюджета.

Как уже было отмечено, в Дагестане уже несколько лет с учетом индексации размер пособия составляет 112 руб. на одного ребенка. РИА «Дагестан» сообщает, что в текущем году изменение размера этого ежемесячного пособия, выплачиваемого семьям со среднедушевым доходом ниже величины прожиточного минимума, не ожидается. Министерством труда и социального развития РД в 2013 г. был внесен на рассмотрение Правительства РД проект закона РД «Об утверждении республиканской целевой программы “Улучшение демографической ситуации в Республике Дагестан на период до 2018 года”», в котором предусматривалось увеличение размера ежемесячного пособия на ребенка с 2014 г. — до 150 руб., с 2016 г. — до 200 руб. и с 2018 г. — до 250 руб. Минфин РД уточняет, что в случае принятия положительного решения дополнительные расходы бюджета составили бы в 2014 г. порядка 310,4 млн руб., с 2016 г. — 721,9 млн руб., с 2018 г. — 1 136,5 млн руб. Поэтому по просьбе Правительства РД от этих планов пришлось отказаться²¹. Приведенные Минфином РД цифры вызывают сомнение, поскольку по официальным данным в 2014 г. на выплату ежемесячных пособий на детей в возрасте до 16 лет в Даге-

стане было израсходовано 111,630 млн руб. Возникает вопрос, как увеличение пособия на 38 руб. (с 112 до 150 руб.) в 2014 г. может увеличить расходы на 310,4 млн руб.? Чиновники в данном случае явно лукавят.

Отказ от увеличения размера ежемесячного пособия на ребенка обосновывается тем, что в региональном бюджете не хватает денежных средств. При этом Минфин РД регулярно размещает заявки на приобретение дорогостоящих автомобилей для чиновников с высшей степенью бронирования. Тяга чиновников «нищих» республик к красивой жизни провоцирует естественное возмущение населения. Машинами дело не ограничивается: каждый месяц появляются новые сомнительные тендеры. Изучение сайтов госзакупок дотационных регионов вызывает очень много вопросов у возмущенного народа. Таким образом, даже в дотационных регионах при внимательном изучении расходов региональных бюджетов можно изыскать средства для увеличения детских пособий при условии сокращения подобных — немалых необдуманных — расходов.

Рассмотрев проблемы правового регулирования социального обеспечения семей с детьми в Российской Федерации, можно сделать вывод, что факторами, ограничивающими ее действенность, являются:

- в настоящее время в России нет достаточно проработанной нормативной базы социального обеспечения семей с детьми;
- одной из важнейших проблем в сфере детства в России является неисполнение международных стандартов в области прав ребенка;
- снижены гарантии социальной защищенности детей по причине передачи ответственности за социальное обеспечение детей с федерального на региональный уровень;
- установлен неравный объем и качество услуг для семей с детьми в разных субъектах РФ, что нарушает единство правового и экономического пространства государства.

²⁰ Доклад об итогах деятельности Народного собрания Республики Дагестан за 2014 год // URL: http://www.nsr.ru/pub/novosti/doklad_ob_itogah_deyatelnosti_narodnogo_sobra_27_02_2015 (дата обращения: 21 августа 2015 г.).

²¹ Пособие на ребенка в текущем году в Дагестане не увеличится // URL: http://www.riadagestan.ru/news/economy/posobie_na_rebenka_v_tekushchem_godu_v_dagestane_ne_ovelichitsya/ (дата обращения: 14 апреля 2015 г.).

Ежемесячное пособие на ребенка имеет общегосударственное значение, поскольку поддержка семей с детьми — одно из важнейших направлений социальной политики РФ. Следовательно, выплата ежемесячного пособия на ребенка должна гарантироваться федеральным законодательством. На наш взгляд, следует установить на федеральном уровне минимальный размер ежемесячного пособия на ребенка, что должно быть гарантией единства правового и экономического пространства.

Таким образом, перед государством на современном этапе должны быть поставлены следующие задачи: выполнение обязательств по социальной поддержке семей с детьми; обеспечение потребностей семей и детей в социальном обслуживании; создание благоприятных условий для жизнедеятельности семьи, функционирования института семьи, рождения детей на всей территории государства независимо от места проживания семьи с детьми.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бачмага О. П. Особенности социального обеспечения личности на современном этапе // «Черные дыры» в российском законодательстве. — 2011. — № 5. — С. 23—25.
2. Бекишиева С. Р. Проблемы правового регулирования социально-экономического развития субъектов Северо-Кавказского федерального округа // Закон и право. — 2011. — № 10. — С. 7—9.
3. Гусева Т. С. Структура и основные тенденции развития российского законодательства о пособиях // Российский юридический журнал. — 2010. — № 6. — С. 146—151.
4. Егоров С. А. К вопросу о значении и возможностях применения рекомендательных актов МОТ в процессе совершенствования норм международного и внутригосударственного трудового права // Актуальные проблемы российского права. — 2013. — № 4. — С. 445—450.
5. Сивакова И. В. Административные изменения в системе социального обеспечения: повторение исторического опыта // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 3. — С. 396—403.
6. Сотникова Л. В. Социальное обеспечение семей с детьми в Российской Федерации: правовые вопросы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2007. — 25 с.

Материал поступил в редакцию 20 октября 2015 г.

PROBLEMS OF IMPROVEMENT OF THE RUSSIAN LEGISLATION ON SOCIAL SECURITY FOR FAMILIES WITH CHILDREN

BEKISHIEVA Soltanat Rafael'evna — Associate Professor at the Department of State and Law, Dagestan State University, PhD in Law, Associate Professor.
bekishieva@mail.ru

KURBANOVA Ashakhanum Muradovna — 3rd year student at the Faculty of Law, Dagestan State University
asha_kurbanova@mail.ru
367012, Republic of Dagestan, Makhachkala, Korkmasova street, 8, office 80, 90.

Review. *The article is devoted to the research of the Russian legislation on social security for families with children. The authors analyze the institute of social security for families with children, the current Russian legislation in the field and reasons that cause the need to improve Russian legislation in the field of social protection of the family, motherhood and childhood. The conducted research allows the authors to conclude that at the present time in Russia there is no enough-developed regulatory framework of social security for families with children. One of the most important problems in the field of childhood in modern Russia is the failure to apply international standards on children's rights. The guarantees of social protection of children are limited due to the transfer of responsibility for child care from the federal to the regional level. The authors also note unequal volume and quality of services available to children and their families in different regions of Russia. Considering the issues of improv-*

ing the legislation of the Russian Federation on social security for families with children the authors come to a conclusion about the need to establish the minimum amount of monthly child allowance at the federal level.

Keywords: *social security for families with children, monthly child allowance, international standards in the field of children's rights, living wage.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Bachmaga O. P. Osobennosti social'nogo obespechenija lichnosti na sovremennom jetape // «Chernye дыры» v rossijskom zakonodatel'stve. — 2011. — № 5. — S. 23—25.*
2. *Bekishieva S. R. Problemy pravovogo regulirovanija social'no-jekonomicheskogo razvitija sub#ektov Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga // Zakon i pravo. — 2011. — № 10. — S. 7—9.*
3. *Guseva T. S. Struktura i osnovnye tendencii razvitija rossijskogo zakonodatel'stva o posobijah // Rossijskij juridicheskij zhurnal. — 2010. — № 6. — С. 146—151.*
4. *Egorov S. A. K voprosu o znachenii i vozmozhnostjah primenenija rekomendatel'nyh aktov MOT v processe sovershenstvovanija norm mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo trudovogo prava // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2013. — № 4. — S. 445—450.*
5. *Sivakova I. V. Administrativnye izmenenija v sisteme social'nogo obespechenija: povtorenie istoricheskogo opyta // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2014. — № 3. — S. 396—403.*
6. *Sotnikova L. V. Social'noe obespechenie semej s det'mi v Rossijskoj Federacii: pravovye voprosy : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — Ekaterinburg, 2007. — 25 с.*

О правомерности регламентирования посредственного причинения в рамках главы 7 «Соучастие в преступлении» Уголовного кодекса Российской Федерации

Аннотация. Расположение нормы о посредственном причинении в структуре института соучастия в преступлении подвергалось критике учеными-криминалистами с момента принятия действующего уголовного закона и по настоящее время. Автор обосновывает необходимость самостоятельного уголовно-правового закрепления случаев совершения преступления путем посредственного причинения. На основании собранного эмпирического материала вносятся предложения по совершенствованию института посредственного причинения: сделать перечень посредственно используемых лиц закрытым (использование малолетних, невменяемых, лиц, находящихся под воздействием физического или психического принуждения, действовавших во исполнение приказа или распоряжения, а также невиновного причинения вреда); сохранить в УК РФ понятие «посредственный исполнитель», изменив редакцию ч. 2 ст. 33 УК РФ; предусмотреть категорию «посредственный причинитель», дополнив Общую часть УК РФ статьей 36.1 «Посредственное причинение» в главе 71 «Специальные виды причинения».

Ключевые слова: посредственное причинение, соучастие в преступлении, ответственность посредственных причинителей, виды посредственного причинения.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.165-172

В уголовном законе содержится единственная норма, имеющая отношение к посредственному причинению, которая звучит следующим образом: «Исполнителем признается... лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных настоящим Кодексом» (ч. 2 ст. 33 УК РФ).

Как видим, положение о посредственном причинении регламентировано в одной из статей, посвященных соучастию в преступлении. Данное обстоятельство существенным образом затрудняет правильную квалификацию преступлений, совершенных путем посредственного причинения, а также назначение справедливого наказания посредственному причинителю, соответствующего характеру и степени общественной опасности.

© Янина И. Ю., 2016

* Янина Ирина Юрьевна, преподаватель кафедры публичного права Саранского кооперативного института (филиала) автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза РФ «Российский университет кооперации»; аспирантка кафедры уголовного права криминалистики и криминологии Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева yanina_i@bk.ru

430027, Россия, г. Саранск, ул. Транспортная, д. 17, каб. 211

Еще в советский период А. Н. Трайнин подверг сомнению и критике правильность правового регулирования ответственности посредственных причинителей в пределах норм о соучастии в преступлении, указав следующее: «...исполнитель мыслим лишь в составе соучастников... быть исполнителем одному так же невозможно, как одному быть пособником или подстрекателем»¹.

В уголовно-правовой теории распространено мнение о том, что в условиях роста групповой и организованной преступности существует практическая необходимость более узкого урегулирования со стороны законодателя специального вида уголовно-правового причинения — посредственного причинения, в случаях совершения преступления путем использования причинителем в преступных целях малолетних, невменяемых и иных лиц, не подлежащих уголовной ответственности. По мнению Р. Р. Галиакбарова, для разрешения данного вопроса следует внести соответствующие дополнения и уточнения в нормы, регламентирующие институт соучастия в преступлении². Другие выход из сложившейся ситуации видят в исключении из ч. 2 ст. 33 УК РФ нормы о посредственном исполнителе³.

По мнению Н. В. Баранкова, понятие посредственного исполнения преступления следует сохранить в главе 7 «Соучастие в преступлении» УК РФ, при условии ее дополнения ст. 36.1 «Посредственное исполнение преступления»⁴.

Д. А. Луньков предлагает включить посредственное причинение в институт лиц, подлежащих уголовной ответственности, и дополнить соответственно главу 4 «Лица, подлежащие уголовной ответственности» статьей 23.1 УК РФ.

Автор заключает: «Именно на нормы этого института, содержащиеся в ст. 19 “Общие условия уголовной ответственности”, ст. 20 “Возраст, с которого наступает уголовная ответственность” и ст. 21 “Невменяемость” УК РФ, в первую очередь опирается институт посредственного причинения для решения вопросов освобождения от уголовной ответственности невиновного причинителя и привлечения к ней исполнителя преступления»⁵.

На наш взгляд, существование в уголовном законодательстве специальных норм о посредственном причинении позволит в каждом конкретном случае определить степень вины и ответственности за содеянное посредственным причинителем. С решением проблемы, представленным в трудах Д. А. Лунькова, следует согласиться в части неправомерности включения посредственного причинения в главу 7 УК РФ. Однако глава 4 УК РФ, на наш взгляд, также не подходит для положений о посредственном причинении. Правовое регулирование посредственного причинения должно быть отражено в специальной главе Общей части УК РФ. Например, представляется возможным дополнить уголовный закон новой главой, закрепляющей положения о специальных видах причинения в уголовном праве — посредственном причинении и неосторожном причинении, в одной из статей которой следует закрепить понятие посредственного причинителя.

В научной среде посредственному причинению даются разные названия. Так, П. Ф. Тельнов употреблял дефиницию «посредственное исполнение»⁶, М. И. Ковалев и О. Н. Агеева — «посредственное причинение»⁷, А. Н. Трайнин — «мнимое соучастие»⁸, О. К. Гамкрелид-

¹ Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М., 1941. С. 104.

² Галиакбаров Р. Р. Квалификация групповых преступлений / отв. ред. В. И. Артемов. М., 1980. С. 43.

³ См., напр.: Луньков Д. А. Посредственное причинение вреда: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С. 182.

⁴ Баранков Н. В. Посредственное исполнение преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 7.

⁵ Луньков Д. А. Место и название института посредственного причинения вреда требуют уточнения // Российский юридический журнал. 2011. № 5. С. 114.

⁶ Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. С. 75—79.

⁷ Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Свердловск, 1960. С. 97—108 ; Вопросы Общей части уголовного права в теории и правоприменительной деятельности Республики Мордовия : монография / под ред. Н. А. Лопашенко. Саранск, 2014. С. 76 (автор главы «Соучастие в преступлении» — О. Н. Агеева).

⁸ Трайнин А. Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951. С. 121—123.

зе — «посредственное исполнительство»⁹, Н. В. Баранков — «посредственное исполнение преступления»¹⁰, С. А. Шатов — «опосредованное исполнение»¹¹, в московском курсе советского уголовного права 1970 г. содержится понятие «посредственное виновничество»¹². Во всяком случае, абсолютным большинством специалистов употребляется термин «посредственный».

Очевидно, что в основу формулирования категории «посредственный причинитель» необходимо положить законодательное определение посредственного исполнителя, предварительно определив отличие в их смысловом содержании для преодоления путаницы в понятиях.

Отождествление терминов «посредственное исполнение» и «посредственное причинение» недопустимо, потому как они имеют отношения к различным уголовно-правовым институтам. При этом к соучастнику преступления, независимо от выполняемой им преступной роли, совершенно справедливо применять общее понятие «причинитель», поскольку вследствие совершения преступных действий (бездействия) исполнителя, организатора, подстрекателя или пособника причиняется вред одному либо нескольким объектам уголовно-правовой охраны. Однако категорию «посредственный причинитель» неверно использовать по отношению к исполнителю вследствие того, что он не может быть им по двум основным причинам.

Во-первых, исполнитель мыслим только в преступлениях, совершенных в соучастии. И хотя в уголовно-правовой доктрине далеко не все специалисты разделяют подобную точку зрения, все же она является весьма распространенной.

Например, Р. С. Данелян утверждает, что «из содержания ч. 2 ст. 33 УК РФ видно, что законодатель определил исполнителя двусмысленно, смешав исполнителя — индивидуально действующее лицо, и исполнителя-соучастника. Тем не менее, если преступление совершено одним лицом без участия организатора, подстрекателя, пособника или других исполнителей, речь следует вести о субъекте преступления. Об исполнительстве же принято говорить только в том случае, когда в совершении преступления участвуют и другие участники»¹³. В «Лучшем учебнике уголовного права (Общая часть)»¹⁴, в подготовке которого принимали участие около ста ведущих ученых России, отражена схожая позиция: а в части 2 ст. 33 УК РФ говорится об исполнителях-соучастниках, а не об исполнителях — индивидуально действующих лицах.

Во-вторых, посредственный причинитель — лицо, совершившее преступление единолично. Так считают ученые, указывающие на несостоятельность тенденции отнесения законодателем посредственного причинения к форме исполнительства¹⁵. Юридически посредственный причинитель — единственный субъект преступления, способный нести уголовную от-

⁹ Гамкрелидзе О. К. Соисполнительство и посредственное исполнительство по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тбилиси, 1973. С. 14 (на груз. яз.).

¹⁰ Баранков Н. В. Указ. соч. С. 3.

¹¹ Шатов С. А. Соучастие в преступлении : учебное пособие. СПб., 2012. С. 35.

¹² Курс советского уголовного права: в 6 т. / редкол.: А. А. Пионтковский, П. С. Ромашкин, В. М. Чхивадзе. М., 1970. Часть Общая. Т. 2 : Преступление. С. 471.

¹³ Данелян Р. С. Квалификация преступлений, совершенных в соучастии : учеб. пособие. М., 2012. С. 17.

¹⁴ См.: Лучший учебник уголовного права (Общая часть). СПб., 2011. С. 279.

¹⁵ См., напр.: Общая часть уголовного права: состояние законодательства и научной мысли / под ред. Н. А. Лопашенко. СПб., 2009. С. 402—403 (автор главы «Соучастие в преступлении» — П. В. Агапов); Тарасова Е. В. Освещение института соучастия в новом уголовном законодательстве // Актуальные проблемы правоприменительной практики в связи с принятием нового УК РФ : сб. материалов науч.-практ. конф. Красноярск, 1997. С. 68—73; Уголовное право России. Общая часть : учебник. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. В. П. Ревина. М., 2010. С. 402—403 (автор главы «Соучастие в преступлении» — Л. Д. Гаухман); Курс уголовного права. Общая часть : учебник для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М., 2002. Т. 1 : Учение о преступлении. С. 406—407 (автор главы «Соучастие в преступлении» — В. С. Комиссаров).

ветственность, несмотря на то, что фактически совершается преступление, лишь внешне схожее с формулой соучастия: подстрекатель — исполнитель либо организатор — исполнитель по признаку участия двух или более лиц. И поскольку в основе действующего российского уголовного закона лежит акцессорная теория соучастия, согласно которой исполнитель преступления существует при одновременном участии других соисполнителей либо иных соучастников: организаторов, подстрекателей, пособников, а также признается ключевой фигурой преступления, предопределяющей ответственность иных соучастников, исполнитель исключается в преступлениях, совершаемых при посредственном причинении, ответственность за совершение которого лицо, использующее в качестве орудия совершения преступления другое лицо, несет индивидуально.

Думается, что в уголовном законе употребляется понятие «посредственный исполнитель» лишь по той простой причине, что соответствующая норма конкретизирует преступную деятельность соучастника, заключающуюся в выполнении объективной стороны преступления. То есть именно термин «посредственный *причинитель*» наиболее уместно применять в отношении лиц, совершивших преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности, поскольку по смысловому содержанию «причинитель» включает в себя как соучастников преступления, так и лиц, совершивших преступление единолично.

Вместе с тем при формулировании категории «посредственный причинитель» недостаточно определиться только с названием лица, совершившего преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности. Необходимо также разрешить вопрос о видах посредственного причинения.

Конкретизировать виды посредственного причинения следует исходя из буквального содержания ч. 2 ст. 33 УК РФ. В уголовном законе прямое указание дается лишь на два вида посредственного причинения — использование посредственным причинителем при совершении преступления малолетних и невменяемых лиц.

Остальные виды посредственного причинения УК РФ не называет. В понятии «посредственный исполнитель» — «лицо, совершившее пре-

ступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных настоящим Кодексом» (ч. 2 ст. 33 УК РФ), — содержится оценочный признак «другие обстоятельства, предусмотренные настоящим Кодексом», который представляется возможным заменить, обратившись к обстоятельствам, при которых уголовная ответственность не наступает.

Обстоятельства, при наступлении которых лицо не подлежит уголовной ответственности, закреплены в разных главах Общей части УК РФ. Так, нормы, в соответствии с которыми ответственность не наступает, предусмотрены:

- главой 3 «Понятие преступлений и виды преступлений» — малозначительность деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ);
- главой 4 «Лица, подлежащие уголовной ответственности» — недостижение установленного законом возраста (ст. 20 УК РФ), невменяемость (ст. 21 УК РФ);
- главой 5 «Вина» — невиновное причинение вреда (ст. 28 УК РФ);
- главой 6 «Неоконченное преступление» — добровольный отказ от совершения преступления (ст. 31 УК РФ);

Глава же 8 УК РФ целиком посвящена видам обстоятельств, исключаящим преступность деяния. Их шесть: необходимая оборона (ст. 37 УК РФ), причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ), крайняя необходимость (ст. 39 УК РФ), физическое или психическое принуждение (ст. 40 УК РФ), обоснованный риск (ст. 41 УК РФ), исполнение приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ).

Впрочем, далеко не все виды обстоятельств, при которых уголовная ответственность исключается, составляют содержание оценочного признака в ч. 2 ст. 33 УК РФ. На протяжении долгого времени и по сегодняшний день в уголовно-правовой доктрине консенсуса по данному вопросу между учеными не достигнуто.

Так, Н. В. Баранков полагает, что посредственный причинитель может использовать при совершении преступления малолетнего, невменяемого, лицо, причиняющее вред в результате физического или психического принуждения, лицо, исполняющее приказ или распоряжение, а также лицо, причиняющее вред

невиновно в силу ошибки относительно фактических обстоятельств содеянного¹⁶. Д. А. Луньков определяет следующие виды посредственного причинения: использование в качестве орудия преступления лица, неспособного осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими в силу возраста или невменяемости; вменяемого лица, действовавшего под влиянием обмана (заблуждения); лица, действовавшего под влиянием физического или психического принуждения; лица, действовавшего во исполнение приказа или распоряжения¹⁷.

С. Ф. Милюков считает: «...законодатель упустил из поля зрения ситуации, когда посредственное причинение выражается в использовании (без их ведома) лиц, способных нести ответственность. Речь идет о неосторожной форме вины. Скажем, убийца подменяет ампулы в коробке с лекарствами на средства, противопоказанные больному, а медсестра, не обратив внимания на другую маркировку, делает пациенту смертельную инъекцию»¹⁸. Некоторые специалисты не согласны с данной позицией, и мы в том числе, исключая посредственное причинение в результате преступления, совершенного лицом по неосторожности¹⁹.

Думается, к посредственному причинению имеют отношение только физическое или психическое принуждение, исполнение приказа или распоряжения и невиновное причинение вреда, поскольку они, равно как недостижение возраста и невменяемость, характеризуются отсутствием волевого и (или) интеллектуального моментов вины.

Посредственное причинение, совершенное путем использования лица, действовавшего под воздействием *физического или психического принуждения*, построено на отсутствии у такого лица волевого момента вины. Посредственные причинители, как правило, осознают общественную опасность

своего деяния, понимают, что выступают орудием воли другого лица, однако в силу физического или психического воздействия со стороны посредственного причинителя не могут руководить своими действиями по собственному усмотрению.

Под принуждением в уголовно-правовой литературе принято понимать незаконное физическое или психическое воздействие, направленное на подавление воли потерпевшего с целью склонить к совершению определенных действий либо воздержаться от их совершения. Е. Г. Веселов принуждение определяет как предъявление лицу требования, подкрепленного насилием или угрозой его применения, и деятельность по выполнению этого требования²⁰. Случаи совершения преступления лицом, использующим для совершения преступления другое лицо, не подлежащее уголовной ответственности в силу физического или психического принуждения, автор рассматривает в качестве одного из видов посредственного причинения, поскольку такие лица, совершая преступление, действуют не по собственному желанию, а по требованию посредственного причинителя.

Посредственное причинение, совершенное путем использования лица, действовавшего во исполнение *приказа или распоряжения*, характеризуется отсутствием у него интеллектуального момента вины.

Для исключения уголовной ответственности по основанию, предусмотренному в рамках ст. 42 УК РФ, необходимо наличие законного приказа, отданного соответствующим должностным лицом.

Вопрос об уголовной ответственности лица, причинившего вред в результате исполнения обязательного для него приказа или распоряжения, решается в зависимости от вида исполняемого приказа или распоряжения: законного, незаконного либо преступного.

¹⁶ Баранков Н. В. Указ. соч. С. 15.

¹⁷ Луньков Д. А. Посредственное причинение вреда. С. 100—101.

¹⁸ Милюков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 79.

¹⁹ См., напр.: Шеслер А. В. Уголовно-правовые средства борьбы с групповой преступностью. Красноярск, 1999. С. 60; Козлов А. П. Новое уголовное законодательство по УК РФ 1996 года. Понятие преступления. Соучастие. Назначение наказания. Красноярск, 1997. С. 47.

²⁰ Веселов Е. Г. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 78.

Законный приказ отдается подчиненному в рамках компетенции с соблюдением установленной формы. В незаконном приказе происходит нарушение одного из условий обязательного приказа и в результате — нарушение закона. Преступный приказ — разновидность незаконного приказа, предполагающая совершение общественно опасного деяния, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Посредственно используемые лица, действующие во исполнение приказа или распоряжения, не осознают и по обстоятельствам дела не могут осознавать общественной опасности содеянного ввиду выполнения профессионального поручения по долгу службы. Посредственный причинитель понимает, что подчиненный на момент совершения преступления не имеет представления относительно общественной опасности исполняемого приказа или распоряжения.

При посредственном причинении отсутствии интеллектуального момента вины в содеянном лицом, действовавшим во исполнение приказа или распоряжения, соответственно, означает исключение и волевого компонента вины, поскольку лицо, выполнившее объективную сторону преступления, находится в состоянии неведения об истинных намерениях посредственного причинителя и, как следствие, не осознает и по обстоятельствам дела не может осознавать факт совершения преступления в результате своих действий (бездействия).

Посредственное причинение может быть совершено путем *использования лица, невиновно причинившего вред*. Такое лицо пребывает в состоянии заблуждения, которое вызвано у него отсутствием осознания характера и степени общественной опасности своего деяния и предвидения наступления преступного результата.

Особенность состояния заблуждения лица, невиновно причинившего вред, в контексте посредственного причинения проявляется в том, что именно посредственный причинитель умышленно вводит в состояние заблуждения лицо, невиновно причинившее вред, используя обман либо злоупотребление доверием.

Под обманом в самом общем смысле принято понимать сознательное искажение истины либо умолчание об истине, состоящее в сокрытии фактов или обстоятельств. Н. А. Лопашенко, характеризуя обман как способ совершения преступления, верно заключает: «Заведомо ложная оценка чего-либо из уст взрослого вполне может повлиять на принятие неверного решения подростком и передачу им преступнику своего или чужого имущества. Точно так же ложная оценка, прозвучавшая от человека, авторитетного для потерпевшего по каким-либо основаниям, может стать основой для передачи имущества преступнику»²¹. Под злоупотреблением доверием как способом совершения преступления Н. А. Лопашенко понимает «использование виновным... особых, доверительных отношений, сложившихся между ним и потерпевшим в силу каких-либо обстоятельств»²².

Итак, использование лиц, действовавших под воздействием физического или психического принуждения, во исполнение приказа или распоряжения, невиновно причинивших вред, для совершения преступления общественно опасно ровно настолько, насколько общественно опасно и совершение преступления посредством использования малолетнего или невменяемого, ведь посредственный причинитель понимает, что сознательно посредственно используемое лицо не обладает одновременно интеллектуальным и волевыми моментами вины. В этой связи находим справедливым признать использование при совершении преступления вышеобозначенных лиц самостоятельными видами посредственного причинения.

Исчерпывающий перечень видов посредственного причинения позволяет рассматривать посредственных причинителей как лиц, совершивших преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости, физического или психического принуждения, исполнения приказа или распоряжения, невиновного причинения вреда.

Таким образом, на основании изложенного пришли к выводу о нецелесообразности полного исключения нормы о посредственном

²¹ Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность : монография. М., 2012.

²² Там же.

исполнителе, поскольку посредственное причинение имеет место как в индивидуально совершаемых преступлениях, так и в преступлениях, совершаемых в соучастии. Соучастие при посредственном причинении — явление хотя и редкое, но все же возможное. Например, двое подстрекают к совершению преступления лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности; в таких нетипичных ситуациях квалификация содеянного виновными лицами разрешается по правилам соучастия в преступлении — подстрекатели понесут ответственность как соисполнители за преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору.

Поэтому настаиваем на сохранении понятия «посредственный исполнитель», имеющего отношение к соучастию в преступлении, в действующей норме (ч. 2 ст. 33 УК РФ), а также на закреплении в уголовном законе в самостоятельной норме понятия «посредственный причинитель», отражающего совершение преступления путем посредственного причинения лицом индивидуально.

Для того чтобы разграничивать категории «посредственный исполнитель» и «посредственный причинитель», соответственно следует, изменить действующую редакцию ч. 2 ст. 33 УК РФ: заменить оценочный признак

«другие обстоятельства, предусмотренные настоящим Кодексом» на виды посредственного причинения:

«2. Исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), а также лицо, совершившее преступление совместно с другими лицами, не подлежащими уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости, физического или психического принуждения, исполнения приказа или распоряжения, невиновного причинения вреда».

В целях совершенствования специального вида уголовно-правового причинения — посредственного — предлагаем ввести в Уголовный кодекс Российской Федерации главу 7.1 «Специальные виды причинения», статья 36.1 «Посредственное причинение» которой может быть изложена в следующей редакции:

«1. Посредственным причинителем признается лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости, физического или психического принуждения, исполнения приказа или распоряжения, невиновного причинения вреда».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баранков Н. В. Посредственное исполнение преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2001. — 20 с.
2. Веселов Е. Г. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния : дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2002. — 198 с.
3. Вопросы Общей части уголовного права в теории и правоприменительной деятельности Республики Мордовия : монография / под ред. Н. А. Лопашенко. — Саранск, 2014. — 256 с.
4. Галиакбаров Р. Р. Квалификация групповых преступлений / отв. ред. В. И. Артемов. — М., 1980. — 80 с.
5. Гамкрелидзе О. К. Соисполнительство и посредственное исполнительство по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Тбилиси, 1973. — 19 с. (на груз. языке).
6. Данелян Р. С. Квалификация преступлений, совершенных в соучастии : учебное пособие. — М., 2012. — 108 с.
7. Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. — Свердловск, 1960. — 288 с.
8. Козлов А. П. Новое уголовное законодательство по УК РФ 1996 года. Понятие преступления. Соучастие. Назначение наказания. — Красноярск, 1997. — 112 с.
9. Курс советского уголовного права : в 6 т. / редкол.: А. А. Пионтковский, П. С. Ромашкин, В. М. Чхивадзе. — М., 1970. — Часть Общая. Т. 2 : Преступление. — 516 с.
10. Курс уголовного права. Общая часть : учебник для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. — М., 2002. — Т. 1 : Учение о преступлении. — 624 с.
11. Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность : монография. — М., 2012.

12. *Луньков Д. А.* Место и название института посредственного причинения вреда требуют уточнения // Российский юридический журнал. — 2011. — № 5. — С. 111—119.
13. *Луньков Д. А.* Посредственное причинение вреда: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2013. — 207 с.
14. Лучший учебник уголовного права (Общая часть). — СПб., 2011. — 824 с.
15. *Милюков С. Ф.* Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. — СПб., 2000. — 279 с.
16. Общая часть уголовного права: состояние законодательства и научной мысли / под ред. Н. А. Лопашенко. — СПб., 2009. — 785 с.
17. *Тарасова Е. В.* Освещение института соучастия в новом уголовном законодательстве // Актуальные проблемы правоприменительной практики в связи с принятием нового УК РФ : сб. материалов науч.-практ. конф. — Красноярск, 1997. — С. 68—73.
18. *Тельнов П. Ф.* Ответственность за соучастие в преступлении. — М., 1974. — 208 с.
19. *Трайнин А. Н.* Учение о соучастии. — М., 1941. — 158 с.
20. *Трайнин А. Н.* Состав преступления по советскому уголовному праву. — М., 1951. — 386 с.
21. Уголовное право России. Общая часть : учебник. — 2-е изд., испр. и доп. / под ред. В. П. Ревина. — М., 2010. — 496 с.
22. *Шатов С. А.* Соучастие в преступлении : учебное пособие. — СПб., 2012. — 215 с.
23. *Шеслер А. В.* Уголовно-правовые средства борьбы с групповой преступностью. — Красноярск, 1999. — 76 с.

Материал поступил в редакцию 2 ноября 2015 г.

ON THE LEGALITY OF REGULATION OF THE DIRECT HARM UNDER CHAPTER 7 "COMPLICITY IN CRIME" OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

YANINA Irina Yur'evna — Lecturer at the Department of Public Law, Saransk University of Cooperation (branch) of the Independent Non-profit Educational Organization of Higher Education of Central Council of the RF "Russian University of Cooperation" 23; postgraduate at the Department of Criminal Law, Ogarov Mordovia State University
yanina_i@bk.ru
430027, Russia, Saransk, Transportnaya Str., 17, office 211.

Review. *The position of direct harm regulation in the structure of the concept of complicity in crime has been criticized by scientists and criminologists since the adoption of the existing criminal law. In the article the author proves the necessity of separate legislative consolidation of criminal cases when the crime was committed by causing direct harm. Based on empirical data the author makes suggestions for improving the concept of direct harm. The author suggests making a complete list of directly used people (the use of minors, insane, persons under physical or mental duress, acting pursuant to orders or instructions, and innocent injuring). The author also suggest keeping the term "direct performer" in the Criminal Code, revising Art. 33, Part 2, and providing the category of "direct wrongdoer", adding to the general part of the Criminal Code Art. 361 "Direct causing" in Section 71 of the Criminal Code, "Special forms of infliction."*

Keywords: *direct infliction, complicity in crime, liability of direct wrongdoers, types of direct harm infliction, Art. 33 Part 2 of the Criminal Code, amendments to the Art. 361 "Direct infliction of harm" of the Criminal Code.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Barankov N. V.* Posredstvennoe ispolnenie prestupleniya : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — SPb., 2001. — 20 s.
2. *Veselov E. G.* Fizicheskoe ili psicheskoe prinuzhdenie kak obstojatel'stvo, iskljuchajushhee prestupnost' dejaniya : dis. ... kand. jurid. nauk. — Krasnodar, 2002. — 198 s.

3. Voprosy Obshhej chasti ugolovnogo prava v teorii i pravoprimeritel'noj dejatel'nosti Respublike Mordovija : monografija / pod red. N. A. Lopashenko. — Saransk, 2014. — 256 s.
4. *Galiakbarov R. R.* Kvalifikacija gruppovyh prestuplenij / otv. red. V. I. Artemov. — M., 1980. — 80 s.
5. *Gamkrelidze O. K.* Soispolnitel'stvo i posredstvennoe ispolnitel'stvo po sovetскому ugolovnomu pravu : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — Tbilisi, 1973. — 19 s. (na gruz. jazyke).
6. *Daneljan R. S.* Kvalifikacija prestuplenij, sovershennyh v souchastii : uchebnoe posobie. — M., 2012. — 108 s.
7. *Kovalev M. I.* Souchastie v prestuplenii. — Sverdlovsk, 1960. — 288 s.
8. *Kozlov A. P.* Novoe ugolovnoe zakonodatel'stvo po UK RF 1996 goda. Ponjatie prestuplenija. Souchastie. Naznachenie nakazaniya. — Krasnojarsk, 1997. — 112 s.
9. Kurs sovetского ugolovnogo prava : v 6 t. / redkol.: A. A. Piontkovskij, P. S. Romashkin, V. M. Chhivadze. — M., 1970. — Chast' Obshhaja. T. 2 : Prestuplenie. — 516 s.
10. Kurs ugolovnogo prava. Obshhaja chast' : uchebnik dlja vuzov / pod red. N. F. Kuznecovoj i I. M. Tjzhkovoij. — M., 2002. — T. 1 : Uchenie o prestuplenii. — 624 s.
11. *Lopashenko N. A.* Posjagatel'stva na sobstvennost' : monografija. — M., 2012.
12. *Lun'kov D. A.* Mesto i nazvanie instituta posredstvennogo prichinenija vreda trebujut utocnjenja // Rossijskij juridicheskij zhurnal. — 2011. — № 5. — S. 111—119.
13. *Lun'kov D. A.* Posredstvennoe prichinenie vreda: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty : dis. ... kand. jurid. nauk. — Ekaterinburg, 2013. — 207 s.
14. Luchshij uchebnik ugolovnogo prava (Obshhaja chast'). — SPb., 2011. — 824 s.
15. *Miljukov S. F.* Rossijskoe ugolovnoe zakonodatel'stvo: opyt kriticheskogo analiza. — SPb., 2000. — 279 s.
16. Obshhaja chast' ugolovnogo prava: sostojanie zakonodatel'stva i nauchnoj mysli / pod red. N. A. Lopashenko. — SPb., 2009. — 785 s.
17. *Tarasova E. V.* Osveshhenie instituta souchastija v novom ugolovnom zakonodatel'stve // Aktual'nye problemy pravoprimeritel'noj praktiki v svjazi s prinjatiem novogo UK RF : sb. materialov nauch.-prakt. konf. — Krasnojarsk, 1997. — S. 68—73.
18. *Tel'nov P. F.* Otvetstvennost' za souchastie v prestuplenii. — M., 1974. — 208 s.
19. *Trajnin A. N.* Uchenie o souchastii. — M., 1941. — 158 s.
20. *Trajnin A. N.* Sostav prestuplenija po sovetскому ugolovnomu pravu. — M., 1951. — 386 s.
21. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshhaja chast' : uchebnik. — 2-e izd., ispr. i dop. / pod red. V. P. Revina. — M., 2010. — 496 s.
22. *Shatov S. A.* Souchastie v prestuplenii : uchebnoe posobie.— SPb., 2012. — 215 s.
23. *Shesler A. V.* Ugolovno-pravovye sredstva bor'by s gruppovoj prestupnost'ju. — Krasnojarsk, 1999. — 76 s.

К вопросу о формировании когнитивной базы адвокатской корпорации

Аннотация. Статья посвящена формированию когнитивной базы адвокатской корпорации, выработке единых профессионально-этических установок и созданию стандартов адвокатской профессии в контексте реализации задач адвокатуры по обеспечению права каждого на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ). Автор основывается на необходимости системного и междисциплинарного подхода к решению данных вопросов.

Формирование когнитивной базы адвокатской корпорации как ядра корпоративной культуры предполагает наличие соответствующих средств и механизмов. Указанными средствами являются корпоративный язык (как основа корпоративной культуры), стандарты адвокатской профессии (как форма закрепления правил профессии) и этический (дисциплинарный) прецедент (как один из возможных механизмов выработки правил профессии).

В статье на основе заключения о недостаточной системности подходов к корпоративному языку делается вывод о необходимости стандартизации на корпоративном уровне лексического аппарата, а также процессов его формирования и применения; определяются основные требования к терминологическому аппарату; обосновывается необходимость разработки стандартов адвокатской профессии, внедрения прецедентного подхода, и в частности дисциплинарного прецедента; определяются преимущества внедрения дисциплинарного прецедента как одного из возможных механизмов формирования правил адвокатской профессии и когнитивной базы адвокатской корпорации.

Ключевые слова: адвокатура, когнитивная база адвокатуры, корпоративный язык, стандарты адвокатской профессии, этический (дисциплинарный) прецедент.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.174-183

1 К постановке проблемы. Реализация адвокатурой задач, стоящих перед ней в контексте конституционного положения о праве каждого на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ), невозможна, в частности, без зрелого корпоративного языка (как основы корпоративной культуры), выработки и действия

стандартов профессии (как формы закрепления правил профессии) и механизмов формирования правил профессии (как средства), в числе которых — этический (в том числе дисциплинарный) прецедент.

Существование и взаимодействие указанных элементов (язык — стандарты — прецедент) как системы предполагает наличие

© Гаврилов С. Н., 2016

* Гаврилов Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, юрист ООО «ДДК»

gavr65@mail.ru

188661, Россия, Ленинградская обл., Всеволожский муниципальный район, пос. Мурино, шоссе в Лаврики, д. 34, корп. 2, кв. 66

целостной и управляемо развивающейся когнитивной базы адвокатуры как корпорации.

1.1. Когнитивная база¹ рассматривается нами как структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и представлений, которыми должны обладать все личности, входящие в определенное сообщество (корпорацию). Применительно к адвокатуре таковыми личностями являются адвокаты, стажеры адвокатов, помощники адвокатов, работники адвокатских образований и органов адвокатского самоуправления.

Когнитивную базу должны составлять все те знания и представления, которые обеспечат соответствие должной квалифицированности и компетентности всех субъектов, входящих в адвокатскую корпорацию.

1.2. При создании методологической основы формирования когнитивной базы адвокатуры невозможно обойтись без учета и использования результатов исследований в области этики, социологии, психологии, языка, в частности когнитивной лингвистики, а также ряда других отраслей знаний и науки².

Именно такой — междисциплинарный — подход, по нашему мнению, должен быть положен в основу формирования когнитивной базы адвокатской корпорации.

2. Корпоративный язык как основа формирования когнитивной базы адвокатской корпорации. Проблемы системности формирования,

корректности и эффективности использования языковых средств актуальны не только для законотворческой и правоприменительной деятельности, но и для юриспруденции в целом. В этом отношении справедливо замечание П. Д. Баренбойма: «Богатство русского языка пока не применено в полной мере к созданию русского юридического языка. Филологи не знакомы с сутью и содержанием юридических терминов, а сами юристы не уделяют должного внимания проблемам юридических дефиниций»³.

2.1. Традиционный корпоративный язык адвокатуры сформировался на фундаменте профессиональных и этических традиций присяжной (в основе), советской (в значительной степени) и постсоветской (отчасти) адвокатуры, под влиянием нравственных принципов и установок общественной и профессиональной морали. Отдельным источником формирования корпоративного языка является законодательство⁴.

2.2. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г., с измен. и доп. от 08.04.2005, 05.04.2007, 22.04.2013, 22.04.2015; далее — КПЭА), нарабатанная за время действия Кодекса практика применения содержащихся в нем норм⁵, публикации материалов дисциплинарной практики адвокатских палат, в том числе и в виде сборников⁶, научные⁷ и научно-практические разработки⁸, учебная литература⁹, периодические печатные и элек-

¹ Когнитивный (англ. cognitive) — познавательный, (лат. cognitio) — знание, познание.

² Перспективной в этом отношении нам представляется такое, не получившее, на наш взгляд, должного развития направление, как юрисометрика. См., например: *Дядькин Д. С.* Юрисометрика: теоретические основы. М., 2006. 137 с.

³ *Баренбойм П. Д.* 3 000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера. М., 2003. С. 146.

⁴ В частности, это правовые нормы, регулировавшие и регулирующие адвокатскую деятельность и адвокатуру, нормы процессуального законодательства и др.

⁵ В частности, дисциплинарная практика адвокатских палат.

⁶ См., например: *Профессиональная этика адвокатов : сборник материалов / сост. Н. М. Кипнис.* М., 2008. 576 с.

⁷ Научные работы по различным направлениям адвокатской деятельности и адвокатуры, включающие в том числе вопросы практического применения языковых средств. См., например: *Володина С. И.* Юридическая риторика в деятельности адвоката по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 199 с.

⁸ См., например: *Пилипенко Ю. С.* Кодекс профессиональной этики адвоката : науч.-практ. комментарий. М., 2012. 528 с.

⁹ В частности, учебная литература по риторике. См., например: *Володина С. И.* Риторика : учеб. пособие для бакалавров. М., 2014. 280 с. ; *Ивакина Н. Н.* Профессиональная речь юриста : учеб. пособие. М., 2015. 448 с.

тронные издания Федеральной палаты адвокатов РФ в значительной степени обеспечивают формирование корпоративного языка и когнитивной базы адвокатской корпорации.

2.3. Общий анализ актуального корпоративного языка адвокатуры показывает, что этот развивающийся как по формам, так и по содержанию профессиональный язык имеет умеренный уровень зрелости.

Утверждение о степени зрелости данного языка строится на основе ряда признаков: дефицит методологически-системного (организованного) подхода к вопросам формирования корпоративного языка; множественность (неоднозначность) либо отсутствие толкований отдельных, закрепленных в корпоративных актах и применяемых на практике терминов (формулировок); декларативность отдельных терминов (формулировок) и др.

Достаточно упомянуть об отсутствии единого не только законодательного и научного, но и корпоративного толкования самого конституционного понятия «квалифицированная юридическая помощь»¹⁰.

Нормативные правовые акты, регулирующие адвокатскую деятельность и организацию адвокатуры, а также акты корпорации содержат множество терминов (формулировок), требующих конкретного, единого смыслового наполнения, толкования и применения. К ним относятся, например, содержащиеся в КПЭА конструкции «сложная этическая ситуация» (п. 4 ст. 4); «действия, направленные к подрыву доверия» (п. 2 ст. 5); «злоупотребление доверием» (п. 3 ст. 5); «сомнения юридического характера, не исключающие возможности разумно и добросовестно его поддерживать и отстаивать» (п. 1 ст. 7) и некоторые другие.

Неизбежность существования такого рода неконкретных формулировок в акте, регулирующем профессионально-этическую сферу деятельности корпорации, отчасти предопределе-

но самой спецификой данной сферы. Однако такая неконкретность не должна снижать регулирующий потенциал этических и иных корпоративных норм.

2.4. Таким образом, встает вопрос о необходимости стандартизации¹¹ корпоративного лексического аппарата, а также процедур его формирования и применения. Стандартизация в предлагаемом контексте содержит безусловное требование: формирование единого терминологического (понятийного) аппарата, содержащего ясные, согласованные между собой, конкретные и операциональные определения, с целью его (терминологического аппарата) единообразного понимания и применения. Повторимся, особую значимость указанное требование приобретает в сфере профессиональной этики, учитывая специфику и сложность (абстрактность) используемых в данной области категорий (терминов, определений, понятий).

2.5. Наряду с общими требованиями, предъявляемыми к юридическим терминам, таким как однозначность, точность значения, стилистическая нейтральность, номинативность, контекстуальная независимость, общепризнанность, устойчивость (стабильность), системность, «отсутствие словесного украшения», ограниченное значение терминов, отсутствие синонимов, краткость, благозвучность и ряд других¹², следует особо выделить требования, которые должны, по нашему мнению, предъявляться к терминам (определениям) как основным единицам, образующим корпоративный лексический аппарат. В числе таких требований следующие:

1) адекватность термина (определения) определяемому явлению в контексте законодательных (правовых), корпоративных, в том числе этических, требований, а также с учетом традиций его применения и ментальных установок;

¹⁰ По данному вопросу см., например: *Гаврилов С. Н.* К вопросу о толковании отдельных терминов в контексте построения корпоративной системы менеджмента качества юридической помощи (услуг) в адвокатуре // *Адвокатская практика.* 2010. № 5. С. 4—19.

¹¹ Термин «стандартизация» употребляется нами не в значении законодательного закрепления определенных требований, но на уровне корпоративном.

¹² По данной тематике см. работы С. Е. Быковой, С. И. Володиной, Н. Д. Голева, Б. Н. Головина, Ю. А. Гришениковой, Т. В. Губаевой, Т. Б. Земляной, Н. Н. Ивакиной, Р. Ю. Кобрина, К. М. Левитана, С. К. Магомедова, О. Н. Павлычевой, А. С. Пиголкина, Т. В. Рыженковой, Ю. А. Тихомирова, Г. Х. Шамсеевой и др.

- 2) операциональность термина (определения) — способность термина (определения) содержать критерии для оценки явления, обозначенного термином (определением). Измеримость того или иного проявления корпоративной жизни имеет большое значение, в частности, для оценки качества юридической помощи, а также для дисциплинарной практики как в части обоснованности применения дисциплинарных взысканий, так и в смысле ее (практики) единства;
- 3) единство толкования термина (определения) в рамках корпорации. Единообразие в понимании терминов (определений) является важным условием для его эффективного применения. Проблема отсутствия единообразного толкования не только влечет терминологическую путаницу, но и является разрушающим фактором для процесса формирования единой когнитивной базы корпорации;
- 4) единство применения термина (определения) в рамках корпорации. Использование того или иного термина должно осуществляться в едином контексте всей корпорацией.

2.6. Полагаем, что в перспективе требуется создание терминологического словаря адвокатской корпорации как одного из инструментов построения когнитивной базы адвокатской корпорации.

При выработке подходов к формированию корпоративного словаря возможно учитывать, в частности, методику и подходы терминологической работы, заложенные в Государственном стандарте от 1 сентября 2011 года ГОСТ Р ИСО 704-2010 «Терминологическая работа. Принципы и методы»¹³. Как указано в данном документе, «формирование понятий играет центральную роль в организации человеческого знания, поскольку они являются средством описания предметов и их объединения в значимые единицы конкретной области»¹⁴.

2.7. Вместе с тем создание научно и практически обоснованного корпоративного терминологического словаря лишь отчасти решит

проблему формирования когнитивной базы корпорации, и в частности единообразного понимания и применения входящих в него терминов (определений).

Термины и определения должны получить практическое наполнение, основанное на профессиональных реалиях, и должны быть закреплены, наряду с КПЭА, в соответствующих корпоративных актах — стандартах (правилах) адвокатской профессии. Таким образом, терминологическая основа корпорации должна вырабатываться в общем контексте формирования стандартов (правил) адвокатской профессии.

3. Стандарты адвокатской профессии как средство формирования когнитивной базы адвокатской корпорации и форма закрепления правил профессии. Одним из обсуждаемых и порождающих различные точки зрения является вопрос о необходимости, возможности и целесообразности создания стандартов адвокатской профессии. Весьма характерна ассоциация профессиональных стандартов с ГОСТами, техническими регламентами и др. В числе аргументов противников введения стандартов адвокатской профессии — творческий характер адвокатской деятельности и, как следствие, невозможность (ненужность) ее регламентации стандартами. Не последнюю роль играют и опасения снижения независимости адвокатов от корпоративных органов в сугубо профессиональных вопросах.

По нашему мнению, при реализации взвешенного и системного подхода к определению сферы (предмета) регулирования и к процедуре разработки (корректировки) и мониторинга применения стандарты профессии являются необходимым средством формирования профессиональной среды адвокатуры как корпорации.

3.1. Значительным шагом в корпоративном строительстве адвокатуры является создание Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов РФ (ст. 18.2 КПЭА). Имеющая одной из своих целей «разработку стандартов оказания квалифицированной юридической помощи и других стандартов адвокатской про-

¹³ Стандарт принят Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии 21 декабря 2010 года и идентичен международному стандарту ИСО 704:2009 «Терминологическая работа. Принципы и методы» (ISO 704:2009 Terminology work — Principles and methods).

¹⁴ ГОСТ Р ИСО 704-2010 «Терминологическая работа. Принципы и методы». П. 5.4.1. Природа признаков.

фессии», эта Комиссия может создать системную основу для формирования правил адвокатской профессии и, как следствие, целостной когнитивной базы адвокатской корпорации.

3.2. Полагаем, что в контексте реализуемых Комиссией задач, наряду с разработкой отдельных стандартов, важными направлениями ее работы должны стать следующие:

1) создание научно-методологической основы разработки, применения (соблюдения), мониторинга применения стандартов адвокатской профессии.

Очевидно, что разработка стандартов, а также анализ их применения должны осуществляться не на основе интуитивно-ситуативного, выборочного подхода, а на системной, научной основе;

2) создание нормативной (организационно-правовой) основы разработки, применения (соблюдения), мониторинга применения стандартов адвокатской профессии. В частности, речь идет о создании корпоративных стандартов по формированию терминологической (понятийной) основы адвокатской корпорации, а также по разработке, принятию, утверждению, мониторингу стандартов (правил) адвокатской профессии;

3) создание технологической основы для сбора, анализа (обобщения и систематизации) дисциплинарной практики, а также для мониторинга применения (соблюдения) стандартов адвокатской профессии. В частности, имеется в виду создание единого информационного ресурса (электронной базы данных) для сбора, систематизации, анализа дисциплинарной практики и практики применения (исполнения) стандартов адвокатской профессии. Создание такого ресурса

обосновывается, на наш взгляд, значительным объемом информационного материала и необходимостью системной работы с ним (включая сбор, систематизацию, обобщение, создание поисково-справочного аппарата).

3.3. Действие стандартов адвокатской профессии как адекватного профессиональным реалиям и эффективного регулятора корпоративной жизни адвокатуры ставит вопрос о механизмах формирования этих стандартов.

4. Этический (дисциплинарный) прецедент как механизм формирования правил адвокатской профессии и когнитивной базы адвокатской корпорации. Работы периода деятельности присяжных адвокатов — К. К. Арсеньева¹⁵, Е. В. Васьковского¹⁶, П. В. Макалинского¹⁷ — и современные издания, содержащие дисциплинарную практику адвокатских палат, свидетельствуют о том, что одной из серьезных проблем для российской адвокатуры всегда было и во многом есть то, что практика эта далеко не единообразна и порой непоследовательна.

Возможно говорить о том, что это естественный процесс развития корпоративной этики. Но так или иначе для превращения норм профессиональной этики в действующий и эффективный инструмент необходимо создавать механизмы, обеспечивающие единство формирования, понимания и применения этических норм, а процесс изменений таких норм сделать осознанным и управляемым.

В качестве одного из таких механизмов можно использовать прецедентный феномен.

4.1. Применение правового прецедента в России как стране, входящей в романо-германскую правовую семью, воспринимается в литературе весьма неоднозначно¹⁸. Однако,

¹⁵ Арсеньев К. К. Заметки о русской адвокатуре. Обзор деятельности С.-Петербургского совета присяжных поверенных за 1866—1874 гг. СПб., 1875. 512 с.

¹⁶ Васьковский Е. В. Будущее русской адвокатуры. К вопросу о предстоящей реформе. СПб., 1893. 32 с.; Он же. Организация адвокатуры: Историко-догматическое исследование: в 2 ч. СПб., 1893. 621 с.

¹⁷ С.-Петербургская присяжная адвокатура: деятельность С.-Петербургских совета и общих собраний присяжных поверенных за 22 года (1866—1888 гг.) / сост. присяж. поверенный П. В. Макалинский. СПб., 1889. 570 с.

¹⁸ См., например: Жуйков В. М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 78—90; Загайнова С. К. Судебный прецедент: проблемы правоприменения. М., 2002. 176 с.; Мартынич Е., Колоколова Э. Прецедентное право: от советской идеологии к международной практике // Российская юстиция. 1994. № 12. С. 20—23; Марченко М. Н. Является ли судебная практика источником российского права // Журнал российского права. 2000. № 12. С. 11—21.

не входя в споры по данному вопросу, мы полагаем, что в контексте построения единого этического континуума адвокатской корпорации прецедентный феномен, в том числе и в форме дисциплинарного прецедента, может и должен быть успешно использован.

4.2. Как уже отмечалось, формирование когнитивной базы адвокатской корпорации требует междисциплинарного подхода.

В этой связи мы предлагаем изначально рассматривать прецедент не в сугубо юридическом (как решение суда или иного государственного органа, вынесенное по конкретному делу и обязательное при решении аналогичных дел в последующем) и даже не в этико-корпоративном (этический, в том числе дисциплинарный, прецедент) значении, а как социумно-прецедентный феномен¹⁹.

К социумно-прецедентным феноменам можно отнести: прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентную ситуацию, прецедентное имя. Дадим их краткую характеристику.

А. Прецедентный текст возможно рассматривать как законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативную единицу.

В качестве прецедентного текста может выступать текст нормативного акта (например, КПЭА, стандартов адвокатской профессии) или, например, текст заключения квалификационной комиссии или решения совета адвокатской палаты по конкретному дисциплинарному производству и др.

Как прецедентный текст могут рассматриваться отдельные классические работы в области адвокатской этики, признанные в качестве авторитетных источников (например, статья А. Ф. Кони «Нравственные начала в уголовном процессе»).

Б. Прецедентные высказывания являются репродуцируемым продуктом речемыслитель-

ной деятельности, законченной и самодостаточной единицей, которая может быть или не быть предикативной.

В качестве прецедентного высказывания могут использоваться, например, цитаты из сборника «Правила адвокатской профессии в России»²⁰; цитаты из заключений квалификационных комиссий или решений советов адвокатских палат по конкретному дисциплинарному производству и др.

В. Прецедентная ситуация.

В качестве прецедентной ситуации возможно рассматривать «эталонную», «идеальную» ситуацию с определенными коннотациями. Например, ситуации, которые возможно выразить как «коллизию в позиции адвоката и подзащитного», «альтернативу при осуществлении защиты по уголовному делу», «нарушение адвокатской тайны» и др.

Г. Прецедентное имя — индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом или ситуацией.

Применение прецедентного имени в части использования материалов дисциплинарной практики ограничено тем, что информация о дисциплинарных делах традиционно публикуется без указания фамилии адвоката. Однако это не исключает использования данной категории прецедентных феноменов. Отдельные дисциплинарные дела (по причине значимости рассматриваемого дела, общественного резонанса дела, имени фигурантов) не являются обезличенными. Пример из практики присяжной адвокатуры — «дело Лохвицкого»²¹, которое вызвало вопрос: «Подлежит ли ответственности адвокат за ведение такого дела, безнравственность и бесчестность которого были ему известны?» Данное дело ассоциировалось в сознании присяжных поверенных с определенными проявлениями в сфере адвокатской этики.

В современной практике это «дело Артюховой», осуществлявшей защиту М. Б. Ходорков-

¹⁹ По вопросам прецедентных феноменов см., например: *Гудков Д. Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999. 152 с.; *Красных В. В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? М., 1998. 352 с.

²⁰ *Марков А.* Правила адвокатской профессии в России: Опыт систем. пост. советов присяж. поверенных по вопросам профессиональной этики. Б. м., 1913. 440 с.

²¹ Это дело с комментариями описано в литературе. См., например: *Джаншиев Гр.* Ведение неправых дел (этюды по адвокатской этике). М., 1886. С.10—15; *Невядомский Д.* Вечные вопросы адвокатуры. По поводу «Этюда по адвокатской этике» Гр. Джаншиева. М., 1886. С. 30—38.

ского²² (обвинявшейся в «разглашении в пользу Ходорковского материалов уголовного дела по обвинению П. Л. Лебедева»), или «правило Маслова»²³ (определяющее момент, с которого у лица возникает право на защитника)²⁴.

Отдельные виды прецедентных феноменов могут пересекаться. Так, «дело Лохвицкого» как прецедентное имя есть в то же время обозначение прецедентной ситуации («принятие и ведение заведомо неправого дела»), и прецедентное высказывание («адвокат не должен принимать заведомо неправого дела»), и прецедентный текст (решение Сената, от 11 января 1880 г.).

С точки зрения когнитивистики задача состоит в необходимости определения векторов валентности, направленных от одной когнитивной единицы к другой; в выработке и закреплении прочных ассоциативных связей между различными когнитивными единицами (например, «дело Лохвицкого» → принятие и ведение заведомо неправого дела; нарушение «правила Маслова» → нарушение права на защиту и т.п.).

4.3. Таким образом, основываясь на подходе к прецеденту как социумно-прецедентному феномену, возможно сформировать прецедентную базу корпорации, в которой особое место может занять дисциплинарный прецедент (ДП) как решение уполномоченного корпоративного органа по конкретному дисциплинарному производству.

Использование ДП обосновано юридически, поскольку в соответствии с ч. 3 ст. 4 КПЭА в качестве источника этических норм рассматривается не только «законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре» и КПЭА, но и «сложившиеся в адвокатуре обычаи и традиции».

Обоснованно применение ДП и с точки зрения природы возникновения и развития правил профессии. В Англии говорят: «Закон живет в прецеденте»; правила адвокатской профессии, по нашему мнению, должны жить в дисциплинарных делах.

4.4. Значение дисциплинарного прецедента (ДП) для формирования корпоративного языка, разработки правил адвокатской профессии и в конечном итоге — для построения когнитивной базы адвокатской корпорации состоит, в частности, в следующем:

- 1) использование дисциплинарного прецедента придаст большую «авторитетность» заключениям квалификационных комиссий и решениям совета адвокатской палаты в смысле того, что в конкретном решении (заключении) реализуются единые корпоративные подходы;
- 2) дисциплинарный прецедент будет стимулировать советы адвокатских палат (квалификационные комиссии) более развернуто обосновывать, мотивированно принимать решения, поскольку любое из них может стать прецедентом;
- 3) дисциплинарный прецедент будет стимулировать советы адвокатских палат (квалификационные комиссии) обращаться к дисциплинарной практике других палат, что будет создавать и усиливать горизонтальные связи между адвокатскими палатами и развивать своего рода диалог в решении сложных этических корпоративных задач;
- 4) дисциплинарный прецедент будет содействовать конкретному наполнению того или иного корпоративного понятия (термина, формулировки) через мотивировки по конкретным дисциплинарным делам;
- 5) применение дисциплинарного прецедента послужит унификации (в определенной степени) корпоративных подходов к дисциплинарным взысканиям;
- 6) если рассматривать дисциплинарный прецедент как один из источников формирования профессионально-этических правил и создания стандартов адвокатской профессии, расширится возможность участия в указанных процессах всего адвокатского сообщества. Правила будут формироваться

²² Вестник адвокатской палаты г. Москвы. М., 2004. Выпуск № 2 (4). С. 12—37.

²³ См., например: Грузд Б. Правило Маслова. Право на защитника — с момента угрозы свободам гражданина // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 7—8.

²⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» // Российская газета. 2000. 4 июля.

- не сверху, а исходя из профессиональных реалий, основываясь на решениях с мест;
- 7) применение дисциплинарного прецедента позволит создать механизм, обеспечивающий формирование прозрачной процедуры изменения общекорпоративной позиции по тем или иным этическим вопросам.

4.5. Внедрение ДП в практику потребует проработки комплекса вопросов, включающих, в частности, следующие: создание правил признания заключений (решений) по дисциплинарным делам в качестве прецедентных; сила прецедентных решений; создание правил отбора прецедентов и порядок их применения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Арсеньев К. К.* Заметки о русской адвокатуре. Обзор деятельности С.-Петербургского совета присяжных поверенных за 1866—1874 гг. — СПб., 1875. — 512 с.
2. *Баренбойм П. Д.* 3 000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера. — М., 2003. — 288 с.
3. *Васьковский Е. В.* Будущее русской адвокатуры. К вопросу о предстоящей реформе. — СПб., 1893. — 32 с.
4. *Васьковский Е. В.* Организация адвокатуры : Историко-догматическое исследование : в 2 ч. — СПб., 1893. — 621 с.
4. Вестник адвокатской палаты г. Москвы. — М., 2004. — Выпуск № 2 (4). — С. 12—37.
5. *Володина С. И.* Риторика : учебное пособие для бакалавров. — М., 2014. — 280 с.
6. *Володина С. И.* Юридическая риторика в деятельности адвоката по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2002. — 199 с.
7. *Гаврилов С. Н.* К вопросу о толковании отдельных терминов в контексте построения корпоративной системы менеджмента качества юридической помощи (услуг) в адвокатуре // Адвокатская практика. — 2010. — № 5. — С. 4—19.
8. *Грузд Б.* Правило Маслова. Право на защитника — с момента угрозы свободам гражданина // Российская юстиция. — 2000. — № 10. — С. 7—8.
9. *Гудков Д. Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. — М., 1999. — 152 с.
10. *Джаншиев Гр.* Ведение неправых дел (эюд по адвокатской этике). — М., 1886. — 61 с.
11. *Дядькин Д. С.* Юрисометрика: теоретические основы. — М., 2006. — 137 с.
12. *Жуйков В. М.* К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. — М., 1997. — С. 78—90.
13. *Загайнова С. К.* Судебный прецедент: проблемы правоприменения. — М., 2002. — 176 с.
14. *Ивакина Н. Н.* Профессиональная речь юриста : учебное пособие. — М., 2015. — 448 с.
15. *Красных В. В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? — М., 1998. — 352.
16. *Марков А.* Правила адвокатской профессии в России : Опыт систем. пост. советов присяж. поверенных по вопросам профессиональной этики. — Б. м., 1913. — 440 с.
17. *Мартыничук Е., Колоколова Э.* Прецедентное право: от советской идеологии к международной практике // Российская юстиция. — 1994. — № 12. — С. 20—23.
18. *Марченко М. Н.* Является ли судебная практика источником российского права // Журнал российского права. — 2000. — № 12. — С. 11—21.
19. *Невядомский Д.* Вечные вопросы адвокатуры. По поводу «Этюда по адвокатской этике» Гр. Джаншиева. — М., 1886. — 61 с.
20. *Пилипенко Ю. С.* Кодекс профессиональной этики адвоката : научно-практический комментарий. — М., 2012. — 528 с.
21. Профессиональная этика адвокатов : сборник материалов / сост. Н. М. Кипнис. — М., 2008. — 576 с.
22. С.-Петербургская присяжная адвокатура: деятельность С.-Петербургского совета и общих собраний присяжных поверенных за 22 года (1866—1888 гг.) / сост. присяж. поверенный П. В. Макалинский. — СПб., 1889. — 570 с.

Материал поступил в редакцию 2 марта 2016 г.

ON THE FORMATION OF THE COGNITIVE FRAMEWORK OF A LEGAL CORPORATION

GAVRILOV Sergei Nikolaevich — PhD in Law, PhD in History, Associate Professor, lawyer at OOO "DDK" gavr65@mail.ru
188661, Leningrad Region, Vsevolzhsk Municipal District, Murino, Highway Lavriki, 34, build. 2, apt. 66.

Review. *The article is devoted to the formation of a cognitive framework of a legal corporation, to the development of common professional ethical guidelines and creation of standards the legal profession in the context of achieving the objectives of the legal profession to ensure the person's right to qualified legal assistance (art. 48 of the RF Constitution). The author ground his opinion on the need for a systematic and interdisciplinary approach to solving these issues.*

Formation of cognitive framework of a legal corporation as the core of corporate culture, presupposes the existence of appropriate tools and mechanisms. The above mentioned means are corporate language (as the basis of corporate culture), the standards of the legal profession (as a form of fixing the rules of the profession) and ethical (disciplinary) precedent (as one of the possible mechanisms of development of trade rules).

Based on conclusions about the lack of a systematic approach to corporate language, the author concludes that there is a need to standardize lexical unit at a corporate level, as well as the process of its formation and implementation. The article defines the basic requirements for the terminological system and proves the necessity of developing standards of the legal profession, the introduction of case approach and, in particular, disciplinary precedent. The author also determines benefits of the implementation of a disciplinary precedent as one of the possible mechanisms for the formation of the rules of the legal profession and cognitive bases of a legal corporation.

Keywords: *legal profession, cognitive framework of a legal profession, corporate language standards of a legal profession, ethical (disciplinary) precedent.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Arsen'ev K. K. Zametki o russkoj advokature. Obzor dejatel'nosti S.-Peterburgskogo soveta prisjazhnyh poverennyh za 1866—1874 gg. — SPb., 1875. — 512 s.*
2. *Barenbojm P. D. 3 000 let doktriny razdelenija vlastej. Sud S'jutera. — M., 2003. — 288 s.*
3. *Vas'kovskij E. V. Budushhee russkoj advokatury. K voprosu o predstojashhej reforme. — SPb., 1893. — 32 s.*
4. *Vas'kovskij E. V. Organizacija advokatury : Istoriko-dogmaticheskoe issledovanie : v 2 ch. — SPb., 1893. — 621 s.*
4. *Vestnik advokatskoj palaty g. Moskvy. — M., 2004. — Vypusk № 2 (4). — S. 12—37.*
5. *Volodina S. I. Ritorika : uchebnoe posobie dlja bakalavrov. — M., 2014. — 280 s.*
6. *Volodina S. I. Juridicheskaja ritorika v dejatel'nosti advokata po ugolovnym delam : dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2002. — 199 s.*
7. *Gavrilov S. N. K voprosu o tolkovanii otdel'nyh terminov v kontekste postroenija korporativnoj sistemy menedzhmenta kachestva juridicheskoy pomoshhi (uslug) v advokature // Advokatskaja praktika. — 2010. — № 5. — S. 4—19.*
8. *Gruzd B. Pravilo Maslova. Pravo na zashhitnika — s momenta ugrozy svobodam grazhdanina // Rossijskaja justicija. — 2000. — № 10. — S. 7—8.*
9. *Gudkov D. B. Precedentnoe imja i problemy precedentnosti. — M., 1999. — 152 s.*
10. *Dzhanshiev Gr. Vedenie nepravyh del (jetjud po advokatskoj jetike). — M., 1886. — 61 s.*
11. *Djad'kin D. S. Jurisometrika: teoreticheskie osnovy. — M., 2006. — 137 s.*
12. *Zhujkov V. M. K voprosu o sudebnoj praktike kak istochnike prava // Sudebnaja praktika kak istochnik prava. — M., 1997. — S. 78—90.*
13. *Zagajnova S. K. Sudebnyj precedent: problemy pravoprimenenija. — M., 2002. — 176 s.*
14. *Ivakina N. N. Professional'naja rech' jurista : uchebnoe posobie. — M., 2015. — 448 s.*
15. *Krasnyh V. V. Virtual'naja real'nost' ili real'naja virtual'nost'? — M., 1998. — 352.*
16. *Markov A. Pravila advokatskoj professii v Rossii : Opyt sistem. post. sovetov prisjazh. poverennyh po voprosam professional'noj jetiki. — B. m., 1913. — 440 s.*

17. *Martynchik E., Kolokolova Je.* Precedentnoe pravo: ot sovetskoj ideologii k mezhdunarodnoj praktike // Rossijskaja justicija. — 1994. — № 12. — S. 20—23.
18. *Marchenko M. N.* Javljaetsja li sudebnaja praktika istochnikom rossijskogo prava // Zhurnal rossijskogo prava. — 2000. — № 12. — S. 11—21.
19. *Nevjadomskij D.* Vechnye voprosy advokatury. Po povodu «Jetjuda po advokatskoj jetike» Gr. Dzhanshieva. — M., 1886. — 61 s.
20. *Pilipenko Ju. S.* Kodeks professional'noj jetiki advokata : nauchno-prakticheskij kommentarij. — M., 2012. — 528 s.
21. Professional'naja jetika advokatov : sbornik materialov / sost. N. M. Kipnis. — M., 2008. — 576 s.
22. S.-Peterburgskaja prisjazhnaja advokatura: dejatel'nost' S.-Peterburgskih soveta i obshnih sobranij prisjazhnyh poverennyh za 22 goda (1866—1888 gg.) / sost. prisjazh. poverennyj P. V. Makalinskij. — SPb., 1889. — 570 s.

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

А. М. Зинин*

Некоторые особенности исследования внешнего облика человека в судопроизводстве

Аннотация. В статье рассматриваются виды ситуаций в судопроизводстве, в которых возникает необходимость исследования внешнего облика человека, и особенности такого исследования.

Ключевые слова: внешний облик человека, судопроизводство, исследование внешнего облика человека.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.184-188

Внешний облик человека как объект исследования в судопроизводстве является носителем информации, позволяющей устанавливать личность человека.

Установление личности — это многоаспектная деятельность субъектов правоприменения, осуществляемая в целях достоверного выявления и доказывания, что именно данный человек причастен к тем или иным ситуациям, изучаемым этими субъектами. Среди таких ситуаций — раскрытие и расследование преступлений, разрешение гражданско-правовых споров, рассмотрение административных правонарушений.

Личность включает в себя совокупность находящихся в интегральном единстве свойств человека: биологических, психологических, социальных. При этом в зависимости от предмета исследования той или иной группе свойств личности придается первостепенное значение.

Задача установления личности на первоначальном этапе решается путем исследования биологических свойств человека, определяющих его физическую индивидуальность. Поэтому при установлении личности изучение биологических свойств, как правило, начинается с выявления тех признаков, которые отображают строение человеческого организма. Среди них самое существенное значение имеют признаки, характеризующие внешний облик человека, поскольку именно их совокупность индивидуализирует его, позволяет убедиться, что в следственном действии или судебном разбирательстве принимает участие данный индивидуум с присущей ему совокупностью всей группы свойств. Только после того, как субъект применения убедится в данном факте, возможно исследование психологических и социальных свойств человека.

Современная наука позволяет устанавливать индивидуальность человека и по другим

© Зинин А. М., 2016

* Зинин Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования

ksudex@msal.ru

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

его характеристикам, имеющим биологическую природу. Это прежде всего ДНК. Но ДНК-идентификация применяется путем назначения экспертизы. Внешний облик человека также может быть объектом экспертного исследования, но изучение признаков внешнего облика на первоначальном этапе установления личности обычно не требует специальных знаний в области габитоскопии. Следовательно, судье как субъекту, например, административного производства достаточно криминалистических знаний о признаках внешности, которыми они владеют, чтобы убедиться, что предъявитель документа, удостоверяющего личность, является именно тем, чьи персональные данные обозначены в этом документе и кто изображен на фотоснимке.

Вместе с тем на этом первоначальном этапе установления личности может возникать сомнение, что лицо, изображенное на фотоснимке, является тем, чьи персональные данные указаны в документе. Причиной этого могут быть:

- существенная разница в возрасте предъявителя документа, например паспорт владельца документа выдается последний раз по правилам, установленным для данного документа, в 45 лет, а его предъявителю, например, около 70 лет;
- изменения внешнего облика в результате болезней, пластических операций, косметической хирургии;
- изменения условий жизни человека по сравнению с теми, когда ему выдавали документ (паспорт), удостоверяющий личность, например тяжелые условия труда, быта и т.п.

Вышеупомянутые причины могут существенно изменить признаки внешнего облика человека, и тогда сомнения могут быть разрешены путем назначения судебной экспертизы, т.к. требуются специальные знания, которые должны быть использованы для идентификации человека.

Обычно назначается судебная портретная экспертиза, которую проводит эксперт-криминалист. Однако вышеуказанные изменения внешнего облика человека требуют более углубленных знаний, чем сведения, которыми располагает такой специалист.

В методической литературе по судебной портретной экспертизе даны сведения о возрастных изменениях признаков внешности человека при обычных условиях жизни. Однако

существенное изменение признаков внешности по типу возрастных может произойти достаточно быстро при резкой смене привычных условий жизни, в результате болезней. В этом случае для изучения влияния таких причин на внешний облик человека требуются специальные сведения из области медицины и должна назначаться медико-криминалистическая экспертиза в соответствующем судебно-медицинском учреждении.

Изменения условий жизни человека по сравнению с теми, когда ему выдавали документ, удостоверяющий личность (паспорт), могут наступать достаточно быстро и существенно изменять внешний облик человека. Так, по делу, возбужденному по факту попытки пересечения государственной границы Российской Федерации, был задержан гражданин Киргизии, который находился в г. Москве в течение года, работая на стройке. За этот, казалось бы, небольшой период времени его внешний облик существенно изменился: он сильно похудел. На фотоснимке в паспорте, который он предъявил в аэропорту, был запечатлен полнолицый молодой человек. Сотрудники пограничной службы усомнились, что на фотографии в паспорте изображен его предъявитель. По их представлению, базирующемуся на бытовом знании признаков внешности человека, это были разные лица. Было возбуждено уголовное дело, проведены две судебно-портретные экспертизы в экспертном учреждении Федеральной службы безопасности, обслуживающем данную пограничную структуру. Оба эксперта подтвердили сомнения, возникшие у сотрудников пограничной службы. И только назначение экспертизы в судебно-медицинском учреждении позволило разрешить сомнения: в заключении экспертов были проанализированы изменения внешнего облика с учетом изменений условий жизни данного человека, пусть и за короткий период, и сделан вывод о тождестве лица, предъявившего паспорт, с тем, которое было изображено на фотоснимке в паспорте.

Изменения внешнего облика человека в результате болезней, косметической хирургии также требуют назначения судебно-медицинской экспертизы.

В медицинской практике имеются данные о влиянии тех или иных болезней на внешний облик человека. Более того, ряд заболеваний

влекут за собой эти изменения закономерно. И хотя такое различие признаков внешности, казалось бы, очевидно, тем не менее специальные медицинские знания здесь необходимы, чтобы в заключении эксперта не просто констатировался такой факт, но различия каждой группы признаков внешности были объяснены влиянием определенных болезней, с пояснением конкретных их проявлений во внешнем облике человека.

Применение методов косметической, пластической хирургии с целью коррекции внешнего облика человека, чаще всего для устранения явных признаков возрастных изменений или для придания отдельным элементам лица иных характеристик с учетом представления об их значимости во внешнем облике человека, осуществляется таким образом, чтобы следы данных операций были скрыты и незаметны. В случае предположения об использовании методов пластической хирургии для изменения элементов внешнего облика человека необходимо назначение не судебно-портретной, а судебно-медицинской экспертизы, с поручением ее производства специалистам в данной области.

Может возникнуть ситуация, когда похожие друг на друга люди используют это сходство в противоправных целях, например для получения кредита в банке по чужому документу. Здесь достаточно назначить судебную портретную экспертизу. Однако проведение ее может осложняться тем, что в финансовой организации образец паспорта хранится в виде ксерокопии или лицо, получившее кредит, может быть запечатлено с помощью камеры наружного наблюдения. Такие носители информации о внешнем облике человека требуют от лица, назначающего экспертизу, получения из паспортного подразделения, где выдавался этот документ, изъятия формы № 1, на которой имеется копия фотоснимка лица, который получал паспорт. Если лицо было запечатлено с помощью камеры наружного наблюдения, необходимо использовать программные средства для улучшения качества изображения.

Исследование внешнего облика человека должно осуществляться и при предъявлении лица для опознания. Данное следственное действие является традиционным, когда требуется решить вопрос о наличии или об отсутствии тождества либо родовой (групповой)

принадлежности с человеком, бывшим ранее предметом наблюдения, и о котором опознающий сообщил на допросе.

Опознающий сообщает на допросе, что наблюдал определенное лицо и может его опознать. Следователь фиксирует данное обстоятельство в протоколе допроса и указывает те признаки, которыми характеризуется внешний облик человека — будущий объект опознания. Обычно на допросе опознающий сообщает, что он может узнать определенного человека по чертам его лица, строению элементов лица, без какой-либо детализации признаков внешности, за исключением ситуации, если у опознаваемого имеются особые приметы. Однако последнее бывает крайне редко, поэтому совокупность признаков опознаваемого по существу скрывается за формулировкой «черты лица».

Использование для конкретизации «черт лица» методики словесного портрета нецелесообразно, поскольку, во-первых, она изначально была предназначена для регистрации лица в натуре, во-вторых, описание по методу словесного портрета чаще всего ограничивается перечислением «средних» признаков внешности. Такая информация о внешнем облике опознаваемого, «обобщенная» с точки зрения действительных его характеристик, в ряде случаев приводит к ошибочному опознанию. В протоколе предъявления для опознания, в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом, должны быть конкретизированы признаки, по которым опознается человек. Однако такой конкретизации не наблюдается: фиксируются снова, как в протоколе предварительного допроса, черты лица, с добавлением строения тех или иных элементов лица. Убедиться, что эти черты лица индивидуализируют опознаваемого, практически невозможно в силу неопределенности такой формулировки.

В итоге, как было отмечено, возможно ошибочное опознание, что может быть обнаружено в ходе дальнейшего расследования. Однако судебная практика отмечает весьма мало случаев признания результатов опознания в ходе расследования ошибочными.

Представляется, что ошибочного опознания можно было бы избежать, если бы следователь на стадии подготовки к опознанию провел бы исследование признаков внешнего облика лица, сообщаемых опознающим. Содержание

такого исследования не описано в достаточной мере в криминалистической и процессуальной литературе.

Известно, что основу представления о внешнем облике опознаваемого составляет его мысленный образ, сформированный в памяти опознающего. Формирование этого образа происходит под воздействием определенных факторов¹, которые условно делятся на две группы: субъективные и объективные.

Субъективные факторы — свойства личности субъекта восприятия, особенности его познавательных процессов; роль в событии, результатом которого явилось формирование мысленного образа; состояние человека в ситуации восприятия; отношение к объекту восприятия.

Объективные факторы не зависят от личности очевидца. Это условия формирования, сохранения и воспроизведения мысленного образа, а также свойства личности, характеризующие объект восприятия.

Следователь собирает информацию об этих факторах в ходе допроса. Очевидец рассказывает о событии, в результате которого сформировался мысленный образ человека, которого ему предстоит опознать. Следователю целесообразно выяснить, к какой группе лиц, имеющих характерные особенности восприятия, относится очевидец — преобладают в процессе его восприятия зрительные образы или словесно-логические конструкции. Такие особенности индивидуального восприятия важны при воспроизведении мысленного образа даже спустя длительное время после его формирования.

Выяснение условий формирования и сохранения мысленного образа должно продолжаться его актуализацией, т.е. созданием модели ранее воспринимавшегося человека. Модель может быть, как известно, вербальной, т.е. словесной, или материальной, т.е. в виде изображения.

Создание вербальной модели — это содержание показаний очевидца о внешнем облике опознаваемого. Как уже было обращено внимание, данная модель не отличается выраженностью признаков внешности, поскольку они варьируют вокруг среднего, нормального значения признаков внешности. Такая модель

включает групповые признаки внешности и средние значения тех, которые должны индивидуализировать человека.

Практика создания и использования субъективных портретов или фотороботов, а это материальная модель, показала, что даже при недостаточности сведений об особенностях целого ряда элементов внешности в силу их малой наглядности такая модель помогает оценить содержание информации, сообщаемой очевидцем.

Опыт использования субъективных портретов в установлении личности разыскиваемых показал, что они позволяют составить представление о человеке, который затем будет являться объектом опознания.

Представляется, что на этапе предварительного допроса следователю целесообразно пригласить к участию в нем специалиста-криминалиста для изготовления субъективного портрета. Тем более что согласно ст. 202 УПК РФ следователь вправе приглашать специалиста для участия в следственном действии.

Помощь специалиста будет полезна и при подборе так называемых статистов — участников процессуального действия наряду с опознаваемым. Специалист сможет оценить, насколько эти статисты внешне сходны с опознаваемым лицом, а это требование ч. 4 ст. 193 УПК РФ.

Традиционным видом исследования внешнего облика человека в судопроизводстве является производство судебной портретной экспертизы.

Говоря об этом виде исследования внешнего облика человека, необходимо отметить расширение и изменение круга объектов — носителей информации о признаках внешности. Речь идет, во-первых, о фотоснимках, полученных в результате использования электронных средств фиксации — цифровых фотоаппаратов. Во-вторых, о кадрах видеозаписей, которые требуют иных подходов к работе с ними, оценки достоверности отображаемых с помощью видеозаписи признаков внешности. В-третьих, об изображениях, полученных в результате изменения первоначального изображения, его трансформации с помощью программных средств, например, об изображениях, создаваемых в коммерческих целях с использованием

¹ Бодалев А. А. Восприятие человека человеком. Л., 1965.

фотоснимков конкретных лиц. В-четвертых, о создании типажей конкретных лиц в видеофильмах путем изменения внешнего облика исполнителей ролей, но с сохранением узнаваемости конкретного человека — прототипа. Такое изменение и расширение круга объектов — носителей портретной информации требует модернизации методики судебной портретной экспертизы. Нуждается в корректировке вопрос, который ставится перед экспертом: требуется не идентификация человека как результат сравнения изображений, а узнавание исходного лица по трансформированному изображению.

Данная ситуация обуславливает необходимость назначения комплексных судебно-портретных экспертиз. Электронно-цифровая природа портрета, использование программных средств для его создания требуют подключения к производству экспертизы, наряду с экспертом — специалистом в области портретной идентификации личности, также специалиста в области современных технологий получения изображения и его изменения.

Таким образом, исследование внешнего облика человека в судопроизводстве требует пересмотра традиционных подходов к данному процессу анализа информации.

Материал поступил в редакцию 2 марта 2016 г.

SOME FEATURES OF A PERSONS' APPEARANCE EXAMINATION IN COURT PROCEDURE

ZININ Aleksandr Mikailovich — Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of Legal Expertise, Kutafin Moscow State University (MSAL), Honored Lawyer of the RF, Honored Worker of the Professional Education.

ksudex@msal.ru

123995, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Street, 9

Review. *The article discusses the types of situations in the court procedure in which it is necessary to examine human appearance and features of such an examination.*

Keywords: *the appearance of a person, court procedure, the person's appearance examination.*

Диагностика и устранение ошибок как элемент программы раскрытия и расследования убийств

Аннотация. Статья посвящена диагностике и устранению ошибок при управлении следственными ситуациями по делам об убийствах. Автор раскрывает значение постоянного контроля ошибок следственной деятельности как системы обратной связи в криминалистической программе расследования и раскрытия убийств. По мнению автора, ошибочная в целом деятельность, но своевременно выполненная в правильном направлении является залогом раскрытия убийств, в то время как правильная деятельность, но выполненная несвоевременно, будет, как правило, безрезультатной. С учетом этого на ряде примеров работы автора старшим следователем-криминалистом раскрывается значение ошибочной деятельности как инструмента управления следственными ситуациями по делам об убийствах.

Ключевые слова: ошибка, ошибочная деятельность, управление следственной ситуацией, убийства.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.189-194

Множество факторов, характеризующих следственные ситуации по делам об убийствах, обуславливают неизбежность возникновения ошибок. Своевременное выявление и устранение ошибок является обязательным элементом деятельности по управлению следственной ситуацией, недооценка которого ведет к фатальным последствиям.

Ошибка, или, правильнее, ошибочная деятельность, — это любая деятельность следствия, не соответствующая следственной ситуации из-за искаженного представления о ее виде и сложности, тенденциях и динамике развития.

Основной ошибкой являются действия по управлению следственной ситуацией без ее полного анализа, без постановки и выяснения всех необходимых вопросов, на основе искаженной информации. При этом необходимо понимать, что искаженная информация будет поступать следствию с самого начала расследования, прежде всего от иных служб, которые участвуют в раскрытии и расследовании

убийств и прибывают на место происшествия раньше следователя. Как правило, они дезинформируют его об отсутствии очевидцев преступления, обследовании путей подхода и отхода преступника и отсутствии на них предметов, имеющих значение для следствия (орудие убийства, камеры видеонаблюдения и др.). Обычно это связано с элементарным нежеланием проделывать большой объем работы по поиску информации и с непониманием ее значения для раскрытия преступления.

Действия следствия исходя из первоначальной непроверенной информации о состоянии сложившейся ситуации, как правило, являются ошибочными. Для устранения таких ошибок необходима личная проверка следователем поступившей информации, самостоятельное обследование путей подхода и отхода преступника, расширение границ места происшествия в случае отсутствия орудия преступления, организация поиска орудия преступления и иных важных для следствия предметов в местах их

© Нелюбин К. А., 2016

* Нелюбин Константин Александрович, аспирант кафедры криминалистики УрГЮУ

nelyubin.82@mail.ru

620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

выброса преступниками, контроль за изъятием данных видеонаблюдения в радиусе 600 м от места убийства, а в зависимости от обстоятельств убийства и далее, максимально полная фото- и видеофиксация самого места убийства, окружающих объектов, лиц, которые находятся на месте убийства и вокруг него.

Эти мероприятия должны выполняться в обязательном порядке, при необходимости повторно, чтобы избежать утраты орудия преступления, данных видеонаблюдения, сведений о лицах, которые находились неподалеку от места убийства. Как правило, для этого необходимо производство повторного осмотра места происшествия, что должно быть отражено в криминалистической программе расследования и раскрытия убийств. Хотя на первоначальном этапе будет невозможно достоверно определить относимость собранной информации к событию убийства, в дальнейшем, после поступления дополнительных сведений, они могут оказать решающее значение в раскрытии преступления.

Например, в ряде случаев преступники посещают место происшествия после убийства, чтобы получить информацию о работе следствия, забрать вещи, оставленные во время преступления и т.п. Обычно следствие не использует эту возможность для раскрытия преступления, что является ошибкой. Тщательная видео-, фотофиксация лиц, которые оказываются вблизи места происшествия, и предъявление данных фотографий очевидцам может сразу же раскрыть преступление.

Так, 31 июля 2014 г. в кустах возле строящегося дома по ул. Союзная г. Екатеринбурга обнаружен труп подсобного рабочего узбекской национальности М., с двумя колото-резаными ранами в области плеча и шеи¹. Предварительно было установлено, что непосредственно перед убийством М. распивал спиртное с двумя земляками в кустах, неподалеку от стройки, где они работали.

Старший следователь-криминалист (автор данной статьи) и следователь территориального следственного отдела выехали для производства повторного осмотра места происшествия,

в ходе которого выяснилось, что в тех же кустах имеются следы обжига металла — традиционного занятия лиц без определенного места жительства (далее БОМЖ). Непосредственно в ходе осмотра один из них прошел в кусты и стал собирать пустые бутылки и банки. Указанный мужчина с использованием видеосъемки был опрошен на месте, с выяснением его личных данных, связей среди лиц БОМЖ, мест времяпрепровождения, когда последний раз появлялся на месте происшествия.

Собутыльники потерпевшего были установлены только через сутки. Они показали, что убийство совершено одним из лиц БОМЖ, которые присоединились к ним для совместного распития спиртного. После просмотра видео они опознали мужчину, который находился на месте происшествия во время его осмотра. Вскоре он был обнаружен и дал показания о своем знакомом К., совершившем убийство. Через некоторое время задержали и К., который был опознан очевидцами, сознался в преступлении, указал на место сокрытия орудия преступления. Убийство было раскрыто в течение 3 суток только на основе тех данных, которые следствие получило в ходе осмотра места происшествия.

Фактически тот же механизм используется при раскрытии преступлений с использованием данных видеонаблюдения различных организаций (магазинов, кафе, АЗС и т.п.), расположенных возле места убийства, на путях подхода и отхода (подъезда, отъезда) от него. Здесь также невозможно заранее определить относимость этой информации к событию убийства. Например, если убийство совершено на улице, то значение для следствия могут иметь не только видеозаписи на улице, но и данные видеонаблюдения внутри объектов, расположенных вокруг места убийства.

Так, 7 сентября 2008 г., около 8.20, в Чкаловское РУВД г. Екатеринбурга поступило сообщение от бригады скорой медицинской помощи о том, что в указанное время с участка местности, расположенного в 30 м от остановочного комплекса «Новинская», в больницу доставлена неизвестная женщина, на вид 17—18 лет,

¹ Уголовное дело № 141191012 по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ // Архив отдела криминалистики Следственного управления Следственного комитета РФ по Свердловской области.

с телесными повреждениями в виде открытой черепно-мозговой травмы, ушибами мягких тканей лица, которая в тот же день от полученных повреждений скончалась².

Было установлено, что погибшую (студентку физкультурного колледжа) около 3.30 7 сентября 2008 г. ее однокурсники довели и высадили возле остановочного комплекса «Новинская», откуда она намеревалась пешком дойти до своего общежития, расположенного в 5 минутах ходьбы от остановки. Утром того же дня, в 7.15, она была обнаружена в кустах за остановкой, с указанными выше телесными повреждениями. В первые же сутки расследования было установлено, что у потерпевшей похищены сотовый телефон, аудиоплеер, серьги и цепочка. Кроме того, с ней были совершены насильственные половые акты. Анализ этих обстоятельств свидетельствовал о том, что имела место сложная ситуация без связи между преступником и жертвой, возможности по управлению которой ограничены. Тем не менее следствие лишь констатировало отсутствие камер наружного видеонаблюдения на близлежащих к месту обнаружения потерпевшей объектах.

Убийство было раскрыто с использованием алгоритма установления преступника по использованию им похищенного имущества. Ранее судимый преступник работал в автосервисе, расположенном в 550 м от места убийства. Спустя неделю после совершения преступления он дал сделать несколько звонков с похищенного сотового телефона своей работодателю, у которой под рукой телефона не оказалось. На требование сотрудников милиции объяснить факт пользования телефоном, она указала на своего бывшего работника С., у которого впоследствии был обнаружен и похищенный аудиоплеер убитой.

Видеозапись в автосервисе, запечатлевшая приход и уход преступника в ночь убийства, на момент установления его личности уже была уничтожена — цикл ее перезаписи составлял неделю. Если бы не оплошность преступника, убийство осталось бы нераскрытым. Перво-

начально преступник находился от следствия на расстоянии 550 м, но «увидеть» его, то есть увидеть возможность по управлению следственной ситуацией и использовать ее, следствие не сумело, ошибочно предпочтя ограничительную стратегию.

Данная ошибка была учтена при анализе данного дела, и ее устранение сыграло свою роль при раскрытии других преступлений.

Так, 29 сентября 2014 г., около 17—18 часов, на садовом участке 17 в п. Верх-Нейвинский Свердловской области был обнаружен труп 8-летней З.³ Осмотр места происшествия и последующее судебно-медицинское исследование трупа показали, что девочка была изнасилована и задушена. Было установлено, что преступник напал на нее, когда потерпевшая возвращалась домой после школы. Как и в вышеприведенном примере, имела место сложная ситуация без связи между преступником и его жертвой.

В ходе первоначальных мероприятий были изъяты данные видеонаблюдения всех объектов в п. Верх-Нейвинский, включая магазины, АЗС, железнодорожную станцию. По этим данным был установлен не только маршрут движения потерпевшей, которая по дороге из школы посетила 2 магазина, но и факт посещения магазина преступником, где он приобрел бритву и нижнее белье на следующий день после преступления. С помощью бритвы убийца сбрил бороду, чтобы изменить внешность, а нижнее белье приобрел взамен того, которое выбросил после изнасилования жертвы. Убийца намеревался скрыться из поселка на электричке (видео со станции следствие также изъяло, предвидя данный вариант развития ситуации), но был задержан полицией.

Этот пример наглядно демонстрирует механизм работы генетического алгоритма, который предусматривает не только копирование удачных решений, но и операцию мутации ошибок в последующих популяциях, то есть ошибка, допущенная при расследовании одного уголовного дела, при ее учете и замене

² Уголовное дело № 3726 по обвинению С. в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 4 ст. 162, ч. 1 ст. 131, ч. 1 ст. 132, ч. 4 ст. 111 УК РФ // Архив отдела криминалистики Следственного управления Следственного комитета РФ по Свердловской области.

³ Уголовное дело № 140610135 по факту убийства З. // Архив отдела криминалистики Следственного управления Следственного комитета РФ по Свердловской области.

в сходной ситуации по другому делу начинает оказывать управляющее воздействие на следственную ситуацию, что в дальнейшем копируется на все сходные ситуации. Данный механизм запускается только при специальном учете ошибок с использованием реляционной базы данных на основе криминалистической характеристики убийств⁴. Перефразируя название фундаментального труда в области когнитивных ошибок Д. Дитриха «Логика неудач»⁵, данный процесс можно назвать логикой ошибок. В этом смысле действие парадокса материальной импликации происходит непосредственно, поскольку истина следует из всего, в том числе из ложных утверждений⁶.

В связи с этим основным приемом устранения ошибок на первоначальном этапе является умышленное создание максимально возможного, в зависимости от ресурсов следствия, переизбытка информации, который неизбежно будет содержать ненужную, лишнюю информацию и в этом смысле являться результатом чрезмерной, неадекватной, то есть во многом ошибочной, деятельности. Этот переизбыток является своеобразной подушкой безопасности, обеспечивающей дальнейшую вариативность деятельности следствия в зависимости от полученной информации, путем генерации пула возможных решений, каждое из которых может быть как истинным, так и ложным (ошибочным), как единицей, так и нулем. Впоследствии каждое решение возможно переоценить, превратив все 0 в 1, все 1 в 0, мгновенно изменив следственную ситуацию. Если не использовать эту возможность на первоначальном этапе, впоследствии возможности для изменения сложной ситуации будут крайне ограничены.

Ошибка в таком случае является не только помехой, требующей своего устранения, но и инструментом управления следственной ситуацией, который эффективен только при своевременном использовании.

Так, мы упоминали, что преступник тоже стремится управлять следственной ситуацией — ходом расследования, что чаще всего происходит в силу наличия связи с жертвой. Для этого ему необходимо быть на месте убийства, чтобы иметь возможность наблюдать за действиями следователя, дать, а чаще утаить информацию, касающуюся события убийства. Таким образом, мы согласны с Е. В. Морозовой, что ошибки могут являться результатом деятельности преступника по противодействию следствию⁷.

Обнаружить такое воздействие на первоначальном этапе довольно тяжело ввиду большого количества задач, которые решает следствие на месте происшествия, в то же время упустить возможность воздействовать на преступника уже на этом этапе будет ошибкой, которая значительно увеличит время раскрытия преступления.

Поэтому уже на месте убийства необходимо составить схему связей жертвы, которые присутствуют на месте происшествия, с их фото или видеофиксацией, поручить полиции опросить их с использованием полиграфа, провести обыск в жилище данных лиц, а впоследствии изучить их связи, например по телефонным соединениям абонентских номеров.

Например, для убийства директора ресторана «СССР» в г. Екатеринбурге преступники 6 раз ежедневно устраивали засаду на него. При этом каждый раз они созванивались с заказчиком убийства, чтобы она забирала их на личной автомашине. Последняя засада была устроена непосредственно в кабинете директора, ключи от которого имелись у него и у бухгалтера ресторана. Она же присутствовала и общалась с сотрудниками уголовного розыска на месте происшествия. Проанализировав ситуацию, спустя 3 суток после убийства следствие провело обыск в ее жилище, в ходе которого в квартиру приехали два непосредственных исполнителя убийства. Неожидан-

⁴ Нелюбин К. А. Некоторые вопросы создания и использования электронной базы данных на основе криминалистической характеристики убийств // Российский следователь. 2014. № 13. С. 3—5.

⁵ Дитрих Д. Логика неудачи. М.: Смысл, 2002.

⁶ Сметанин Ю. М. Анализ парадоксов материальной импликации в отроgonальном базисе силлогистики // Вестн. Удмуртск. ун-та. Матем., мех., компьют. науки. 2011. Вып. 4. С. 158.

⁷ Морозова Е. В. Криминалистические проблемы следственных ошибок: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 27.

ность задержания ошеломила преступников, из-за чего они дали подробные показания об обстоятельствах совершенного убийства⁸.

Таким образом, совершение ошибок — неизбежный результат работы в условиях информационной неопределенности, контроль которого необходимо производить на каждом этапе реализации программы.

В своей основе ошибки носят когнитивный (познавательный) характер, что связано с рядом причин психологического характера, которые наиболее полно описаны Д. Дитрихом в уже упомянутой работе «Логика неудач»: действия без предшествующего анализа ситуации; неучет отдаленных и побочных последствий; неучет структуры протекания процессов; методизм: испытуемые уверены в правильности своих действий потому, что не видят отрицательных эффектов; уход в беспочвенное прожектерство; развитие циничных реакций⁹.

Он также отмечает, что «неспособность справиться приводит к делегированию и переадресовке возникающих проблем. Абсолютно закономерный и ежедневно наблюдаемый процесс! Он лишь имеет (или может иметь) естественные последствия. Неудача приводит к тому, что человек в этот момент перестает ощущать ответственность и перекладывает ее на других. Это позволяет с гарантией не замечать внутренние причины плохих решений — ошибочные планы, неучтенные побочные и отдаленные последствия и т.д. В более широком контексте такого рода делегирование может иметь и иные последствия. Не только не будут найдены истинные причины неудачи и про-

валов в планировании и принятии решений, но отыщется необходимый козел отпущения. При этом человек не только освобождается от ответственности, переложив ее на другого, но одновременно и находит потенциального виновника»¹⁰.

Таково деструктивное влияние ошибки, которое также необходимо учитывать, поскольку следователь не только руководит расследованием, но и является подчиненным, которого в случае неуспеха сделают козлом отпущения. Специфика деятельности следователя состоит в том, что часто ему противостоит не только преступник, но и искаженное представление его руководства о сложившейся следственной ситуации. В этом смысле борьба с преступностью часто подменяется борьбой внутри самой системы следствия.

При этом ошибка, как и алгоритм в программе расследования и раскрытия убийства, также действует по принципу «всё или ничего», что означает, что совершение одной ошибки может исказить результаты всего расследования в целом.

В связи с этим сам по себе контроль ошибок в ходе реализации следственной деятельности, или, правильнее, система обратной связи, является инструментом управления следственной ситуацией, обязательным элементом программы расследования и раскрытия убийства. Именно в этом элементе проявляется суть действия механизма мутации генетических алгоритмов, который позволяет неожиданно, внезапно для преступника диаметрально поменять направление расследования (изменить 0 на 1 или 1 на 0).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дитрих Д. Логика неудачи. — М. : Смысл, 2002.
2. Морозова Е. В. Криминалистические проблемы следственных ошибок : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2004. — С. 27.
3. Нелюбин К. А. Некоторые вопросы создания и использования электронной базы данных на основе криминалистической характеристики убийств // Российский следователь. — 2014. — № 13. — С. 3—5.
4. Сметанин Ю. М. Анализ парадоксов материальной импликации в отроgonальном базисе силлогистики // Вестн. Удмуртск. ун-та. Матем., мех., компьют. науки. — 2011. — Вып. 4. — С. 158.

Материал поступил в редакцию 13 августа 2015 г.

⁸ Уголовное дело 140917001 по обвинению Г., Г., Д., Е. в совершении преступления, предусмотренного п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ // Архив отдела криминалистики Следственного управления Следственного комитета РФ по Свердловской области.

⁹ Дитрих Д. Указ. соч. С. 30.

¹⁰ Дитрих Д. Указ. соч. С. 38.

DIAGNOSTICS AND ELIMINATION OF ERRORS AS PART OF MURDERS DETECTION AND INVESTIGATION

NELYUBIN Konstantin Aleksandrovich — post-graduate at the Chair of Criminalistics, The Urals State Law University
nelyubin.82@mail.ru
620137, Russia, Ekaterinburg, Komsomolskaya street, 21

Review. *The paper deals with the diagnostics and elimination of errors in the management of investigative situations in cases of a murder. The author reveals the importance of continuous monitoring of investigative errors as a feedback system in the forensic investigation of the murders and disclosure program. According to the author, the erroneous operation as a whole, but made in the right direction and in due time is the key to the disclosure of murders, while the right action, but made out of time, will tend to be ineffective. With this in mind, based on a number of cases occurred during the author's work as a senior investigator and criminalist, the author discloses the value of erroneous activities as a management tool for investigating situations of murder cases.*

Keywords: *error, erroneous activities, management investigative situation murder.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Ditrih D. Logika neudachi. — M. : Smysl, 2002.*
2. *Morozova E. V. Kriminalisticheskie problemy sledstvennyh oshibok : dis. ... kand. jurid. nauk. — Ekaterinburg, 2004. — S. 27.*
3. *Neljubin K. A. Nekotorye voprosy sozdaniya i ispol'zovanija jelektronnoj bazy dannyh na osnove kriminalisticheskoy harakteristiki ubijstv // Rossijskij sledovatel'. — 2014. — № 13. — S. 3—5.*
4. *Smetanin Ju. M. Analiz paradoksov material'noj implikacii v otrogonal'nom bazise sillogistiki // Vestn. Udmurtsk. un-ta. Matem., meh., komp'jut. nauki. — 2011. — Vyp. 4. — S. 158.*

Отдельные терминологические вопросы международно-правового регулирования средств индивидуализации

***Аннотация.** Статья посвящена проблемам международно-правовой охраны средств индивидуализации, к которым автор относит товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования, указания происхождения, наименования места происхождения, географические указания, коммерческие обозначения как объекты, индивидуализирующие товары, услуги, юридические лица или предприятия. Автор отмечает, что лишь Стокгольмская конвенция 1967 г., учредившая Всемирную организацию интеллектуальной собственности, в ст. 2 относит некоторые из перечисленных выше объектов (а именно товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования и коммерческие обозначения) к интеллектуальной собственности, обращая внимание на терминологическое несоответствие ряда международных договоров, действующих в рассматриваемой сфере правоотношений. Отдельное внимание в статье уделяется проблемам соотношения наименований места происхождения и географических указаний как объектов международно-правовой охраны. Автор приходит к выводу о том, что разработчики Женевского акта (2015 г.) Лиссабонского соглашения, по всей видимости, пошли по пути наименьшего сопротивления, разделив эти понятия и предусмотрев географические указания отдельно в качестве объекта охраны наряду с наименованиями мест происхождения с тем, чтобы объединить существующие международные режимы охраны как наименований мест происхождения, так и географических указаний.*

***Ключевые слова:** средства индивидуализации, торговые объекты промышленной собственности, производственно-торговые объекты, товарные знаки, знаки обслуживания, наименования мест происхождения, географические указания, унификация, Парижская конвенция, Стокгольмская конвенция, ТРИПС, Лиссабонское соглашение, Женевский акт.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.195-200

В современном мире вопросы унификации правового регулирования средств индивидуализации имеют первостепенное значение в контексте стабильного эффективного развития производственно-торгового потенциала как отдельных государств, так и их объединений

в рамках универсальных и региональных международных организаций. Проблемы охраны результатов интеллектуальной деятельности, выражающихся в тех или иных объектах промышленной собственности и приравненных к ним в контексте терминологии российского

© Шахназаров Б. А., 2016

* Шахназаров Бениамин Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), адвокат Адвокатской палаты г. Москвы
ben_raf@mail.ru
123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

законодательства средств индивидуализации, являются предметом обсуждения государств с давних времен. Ни один международный договор не называет напрямую средства индивидуализации товаров, услуг, юридических лиц, предприятий, а именно известные в контексте международно-правовой охраны следующие объекты охраны: товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования, указания происхождения, наименования места происхождения, географические указания, коммерческие обозначения результатами интеллектуальной деятельности. Лишь Стокгольмская конвенция 1967 года, учредившая Всемирную организацию интеллектуальной собственности, в ст. 2 относит некоторые из перечисленных выше объектов (а именно товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования и коммерческие обозначения) к интеллектуальной собственности, а также указывает на включение в понятие интеллектуальной собственности и всех других прав, относящихся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях. На основе анализа обозначенной формулировки можно сделать вывод о том, что права на средства индивидуализации являются правами, относящимися к интеллектуальной деятельности в производственной области. Если говорить точнее, то в производственно-торговой области. В то же время при создании средств индивидуализации не всегда происходит непосредственная целенаправленная интеллектуальная (в частности, творческая) деятельность, а процесс создания средства индивидуализации носит административно-организационный характер и имеет целью не использование для производства материальных благ, а индивидуализацию товаров, услуг, юридических лиц или предприятий. Судя по всему, именно исходя из этой логики российский законодатель и использовал термин «результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации» в части IV ГК РФ. Такое приравнивание осуществлено в контексте режимов охраны, однако некоторые концептуальные механизмы охраны результатов интеллектуальной деятельности неприменимы к средствам индивидуализации. Например, исключены личные неимущественные права на средства индивидуализации, что подчеркивает их «неинтеллектуальный» характер.

Основным и самым важным направлением международной работы было все же сотрудничество в сфере унификации права промышленной собственности, которое привело к принятию в 1883 г. Парижской конвенции по охране промышленной собственности (далее — Парижская конвенция).

Именно принятие международного договора позволяет преодолеть территориальный характер прав на объекты промышленной собственности, и в частности средства индивидуализации, и их охраны. Парижская конвенция является основополагающим международным договором в сфере охраны средств индивидуализации, она определила объекты охраны, относящиеся к промышленной собственности в целом, и установила международные принципы и механизмы охраны и сотрудничества государств в сфере промышленной собственности. В то же время Парижской конвенции не удалось преодолеть территориальный характер охраны промышленной собственности полностью, не был согласован и единый охраняемый документ в отношении средств индивидуализации, который признавался бы на территории всех государств — участников Конвенции. Все средства индивидуализации (товаров, услуг, юридических лиц, предприятий) представляются торговыми или производственно-торговыми объектами промышленной собственности, составляющими крупную группу объектов промышленной собственности. В обозначенном контексте использование в российском законодательстве формулировки «средства индивидуализации» представляется корректным и допустимым ввиду того, что это не создает терминологических противоречий с текстами международных договоров в сфере охраны промышленной собственности. Действительно, анализируя положения Парижской и Стокгольмской конвенций, возможно выделить группу объектов интеллектуальной собственности, в частности промышленной собственности, — «средства индивидуализации», к которым относятся, как было отмечено выше, товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования, указания происхождения, наименования места происхождения, коммерческие обозначения. В данной группе определяющим критерием является критерий идентификации юридических лиц, товаров, услуг или предприятий для целей организации

эффективной торговли и защиты прав потребителей, а также хозяйствующих субъектов и производителей товаров и услуг. Защита против недобросовестной конкуренции является не самостоятельным объектом охраны, но правом, относящимся к интеллектуальной, в частности к промышленной, собственности, и служит механизмом защиты прав на все средства индивидуализации.

В то же время в рамках ВОИС осуществляется и деятельность по разработке режимов охраны географических указаний, получивших широкое распространение как самостоятельный объект охраны с принятием Соглашения ТРИПС в рамках ВТО в 1994 г. Так, ВОИС администрирует Лиссабонское соглашение об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации 1958 г. (с поправками, внесенными 28 сентября 1979 г.). В рамках ВОИС был принят Женевский акт Лиссабонского соглашения о наименованиях мест происхождения и географических указаниях (20 мая 2015 г.), который, как следует из названия, предоставляет возможность осуществлять международную регистрацию не только наименований мест происхождения, но и географических указаний, о чем будет сказано ниже.

В Соглашении ТРИПС товарные знаки получили четкое расширительное толкование и определение, тогда как Парижская конвенция не содержала такового. В этом контексте ТРИПС обобщил и положения Мадридского соглашения о международной регистрации знаков 1891 г. и Протокола к нему 1989 г., которые вместе с Общей инструкцией к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков и Протоколу к нему (последняя редакция действует с 1 января 2015 г.) указывают на отдельные виды знаков и критерии охраны, но также не содержат единого определения знаков.

Товарным знаком в ТРИПС признается любое обозначение или любое сочетание обозначений, способное отличить товары или услуги одного предприятия от товаров или услуг других предприятий, и такие обозначения, в частности слова, включая имена лиц, буквы, цифры, изобразительные элементы и сочетание цветов, а также любое сочетание таких

обозначений могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков. Если знаки не обладают способностью к различению соответствующих товаров или услуг, государства — члены ВТО могут поставить возможность регистрации знака в зависимости от различительной способности, приобретенной в процессе использования (п. 1 ст. 15). Таким образом, обозначенные положения ТРИПС, в частности критерии определения товарных знаков, прежде всего через обозначение, обладающее различительной способностью, придают ТРИПС значение универсального акта унификации национального законодательства в сфере охраны товарных знаков (знаков обслуживания) большого числа государств. Но ТРИПС не выделяет знак обслуживания как отдельный объект охраны, в отличие от Парижской конвенции, указывая на то, что товарный знак может служить и для индивидуализации услуг. Справедливо будет отметить, что этот нюанс не имеет серьезного прагматического смысла, поскольку режимы и способы охраны товарных знаков и знаков обслуживания по своей сути отождествляются (различен лишь объект идентификации — товар или услуга).

Географические указания определяются в ТРИПС через обозначения, которые идентифицируют товар как происходящий с территории либо региона или местности на этой территории, где определенное качество, репутация или другие характеристики товара в значительной степени связываются с его географическим происхождением (ст. 22). Отметим, что Парижская конвенция тоже не содержит определения географических указаний, кроме того, в ней содержится два иных термина: указание происхождения и наименование места происхождения товаров (наследший закрепление в современном российском законодательстве ввиду того, что на момент принятия части IV ГК РФ Россия не являлась членом ВТО).

В российской доктрине понятие «наименование места происхождения товаров» рассматривается как один из видов общего понятия «указание происхождения», характеризуемого связью между качеством, особыми свойствами товара и местом его происхождения¹.

¹ См. об этом: Проблемы унификации международного частного права : монография / отв. ред. А. Л. Маковский, И. О. Хлестова. М. : ИЗИСП при Правительстве РФ, 2013.

В науке справедливо отмечается, что в сфере такого объекта охраны промышленной собственности, как наименования мест происхождения товаров, употребляется усложненная терминология, до сих пор не унифицированная на международном уровне, что вызывает нечеткое разграничение понятий: указания происхождения, географические указания, наименования мест происхождения товаров².

Особенно наглядно такое нечеткое разграничение прослеживается в размышлениях А. Л. Маковского, согласно которым правовая охрана наименований мест происхождения товаров в международном гражданском обороте, помимо Парижской конвенции, регламентирована двумя универсальными международными договорами: Мадридским соглашением о пресечении ложных или вводящих в заблуждение указаний происхождения на товарах 1891 г. и Лиссабонским соглашением об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации 1958 г.³ В то же время в Мадридском соглашении речь идет не о наименовании места происхождения товаров, а о ложных указаниях на товарах (наряду с иными средствами индивидуализации) в отношении места производства, что лишает потребителей права на достоверную информацию о товаре (институт ложных указаний известен и Парижской конвенции в развитии указания происхождения как объекта охраны — ст. 10). Этот объект охраны в контексте терминологии Парижской конвенции назван указаниями происхождения товаров, которые отличаются от наименования места происхождения товара и могут определять не только географическое происхождение, но и иное происхождение, например способ изготовления товара, материал, используемый при изготовлении товара, личность производителя и т.д. Таким образом, наименование места

происхождения товара, которое связывает природные особенности места (территории) со свойствами товаров, представляется одним из видов указаний происхождения товаров.

На основе упомянутого выше определения географического указания по Соглашению ТРИПС в науке делается вывод о том, что оно занимает промежуточное место между указанием происхождения, которое не гарантирует качества товара, являясь простым обозначением местопребывания производителя или торговца, и наименованием места происхождения товара, качество которого уникально благодаря природным и (или) человеческим факторам, присущими тому или иному географическому объекту⁴. Для предоставления правовой охраны географическим указаниям требуются определенные качественные характеристики товара, но не доходящие до пределов уникальности, как в случае с наименованиями мест происхождения товаров⁵. С обозначенной позицией сложно согласиться, поскольку при определении географических указаний в Соглашении ТРИПС также делается акцент на связи качества, репутации и иных характеристик товара в значительной степени с местом его географического происхождения. В то же время и Парижская конвенция, и конкретизирующее позднее ее положения Лиссабонское соглашение тоже исходят из связи места происхождения товара с качеством и особенностями товара, которые объясняются исключительно или главным образом географической средой, включая природные и человеческие факторы. В то же время термины «репутация» и «иные характеристики товара», используемые в положениях ТРИПС, по сути дополняя критерий качества, совпадают с широким, открытым объемом понятия «природные и человеческие факторы», используемого в ст. 2 Лиссабонского соглашения. Однако в ВОИС посчитали, что

² См.: *Еременко В. И.* О правовой охране наименований мест происхождения товаров в России // Законодательство и экономика. 2012. № 5.

³ Привод. по: *Еременко В. И.* Указ. соч.

⁴ Согласно ст. 2 Лиссабонского соглашения об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации 1958 г. термин «наименование места происхождения» означает географическое наименование страны, района или местности, служащее для обозначения изделия, которое происходит из данной страны, района или местности и качество и особенности которого объясняются исключительно или главным образом географической средой, включая природные и человеческие факторы.

⁵ *Еременко В. И.* Указ. соч.

такая формулировка не снимает всех проблем по разным вариантам возможной имплементации положений Лиссабонского соглашения в национальное законодательство различных государств.

В рассматриваемой проблематике особую актуальность придает тот факт, что Лиссабонское соглашение после многочисленных дискуссий о неточностях в объектах охраны в различных международных договорах в результате плотной работы ВОИС получило новую редакцию — редакцию Женевского акта от 20 мая 2015 г. Отметим, что Лиссабонское соглашение и его текст в редакции Женевского акта были подписаны небольшим количеством государств. Российская Федерация не является участником Лиссабонского соглашения, однако руководством страны модернизация Лиссабонской системы охраны наименований мест происхождения оценивалась весьма положительно в контексте развития российского законодательства в рассматриваемой сфере и приведения его в соответствие с нормами международных договоров, что, в свою очередь, выразилось в участии российской делегации, сформированной на правительственном уровне, в качестве наблюдателей в Дипломатической конференции по принятию нового акта Лиссабонского соглашения об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации в г. Женева, Швейцария, 11—21 мая 2015 г. (распоряжение Правительства РФ от 28 апреля 2015 г. № 748-р).

Действительно, именно Женевский акт рассматриваемого документа предложил, на наш взгляд, комплексный, объединяющий положения различных международных договоров подход, предусмотрев охрану как собственно наименований мест происхождения товаров, так и географических указаний. В частности, ст. 2 Лиссабонского соглашения уже в названии была дополнена новым объектом: «Наименования мест происхождения и географические указания». В тексте же ст. 2 под географическим указанием, по сути, понимается любое указание, которое охраняется в государстве — участнике Соглашения, являющемся страной происхождения, и ко-

торое представляет собой название географического района или иного указания, известного как указание на такой район, либо содержащего такое название или такое иное указание, которое идентифицирует товар как происходящий из этого географического района, когда определенное качество, репутация или иное свойство товара обусловлены главным образом его географическим происхождением. Таким образом, влияние именно географического происхождения на качество, репутацию или иное свойство товара было признано Женевским актом Лиссабонского соглашения фактором, отличающим географическое указание от наименования места происхождения.

Сопоставляя понятия «географическое происхождение» (используемое при определении географического указания) и «географическая среда» (используемое при определении наименования места происхождения товара) в Женевском акте Лиссабонского соглашения — при их практически тождественной связи с качеством, свойством и репутацией товара, — можно сделать вывод о том, что географическое указание, по сути, является разновидностью наименования места происхождения товара, т.к. географическое происхождение собственно территориальное, является частью географической среды как комплекса территориальных, природных и человеческих факторов. В то же время, как отмечают эксперты ВОИС, географическое указание, напротив, представляется более широким объектом охраны (наименование места происхождения товаров — лишь вид географического указания), т.к. предполагает более широкую связь особых свойств товара с той или иной территорией, а именно с географическим происхождением в широком смысле слова (место производства, место продажи), а в отношении наименования места происхождения товара устанавливаются конкретные, более узкие и строгие требования о связи особых свойств товара, его репутации с географической средой⁶. Таким образом, можно сделать вывод о том, что разработчики Женевского акта Лиссабонского соглашения, по всей видимости, пошли по пути наименьшего

⁶ Официальный сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности. URL: http://www.wipo.int/sme/ru/ip_business/collective_marks/geographical_indications.htm (дата обращения: 26 ноября 2015 г.).

сопротивления, разделив эти понятия и рассмотрев географические указания отдельно в качестве объекта охраны, чтобы объединить существующие международные режимы охраны как наименований мест происхождения, так и географических указаний.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Еременко В. И. О правовой охране наименований мест происхождения товаров в России // Законодательство и экономика. — 2012. — № 5.
2. Проблемы унификации международного частного права : монография / отв. ред. А. Л. Маковский, И. О. Хлестова. — М. : ИЗиСП при Правительстве РФ, 2013.

Материал поступил в редакцию 27 ноября 2015 г.

SOME TERMINOLOGICAL ISSUES ON INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF THE MEANS OF INDIVIDUALIZATION

SHAKHNAZAROV Beneamin Aleksandrovich — PhD in Law, Associate Professor at the Department of Private International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Advocate at Law Society of the City of Moscow
ben_raf@mail.ru
123995, Russia, Sadovaya-Kudrinskaya Street, 9

Review. *The article deals with the problems of international legal protection of means of individualization, among which are the trademarks, service marks, trade names, indications of origin, name of origin, geographical indications, business names, as objects of individualizing goods, services, legal persons or companies. The author notes that only Stockholm Convention establishing the World Intellectual Property Organization, 1967, Art. 2 classifies some of the abovementioned items (namely, trademarks, service marks, trade names and business names) as intellectual property, drawing attention to the terminological discrepancy of several international treaties applicable to this sphere of legal relations. Special attention is given to the problems of the relation of names of origin and geographical indications as objects of international legal protection. The author concludes that the developers of the Geneva Act (2015) of the Lisbon Treaty are likely to choose the path of least resistance, dividing these concepts and separating geographical indications as an object of protection in addition to names of origin in order to consolidate the existing international protection regimes of both names of origin and geographical indications.*

Keywords: *means of individualization, mercantile establishments of industrial property, manufacturing and retail facilities, trademark, service mark, name of origin, geographical indication, unification, Paris Convention, Stockholm Convention, TRIPs, Lisbon Treaty, Geneva Act.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Eremenko V. I. O pravovoj ohrane naimenovanij mest proishozhdenija tovarov v Rossii // Zakonodatel'stvo i jekonomika. — 2012. — № 5.
2. Problemy unifikacii mezhdunarodnogo chastnogo prava : monografija / отв. ред. А. Л. Маковский, И. О. Хлестова. — М. : ИЗиСП при Правител'stve RF, 2013.

Международно-правовые стандарты правового статуса научных работников

Аннотация. В статье осуществлен системный анализ современных международно-правовых стандартов правового статуса научных работников и сделан вывод о том, что данные стандарты являются основой для сближения национально-правового регулирования научной сферы, что является существенным условием глобализации науки и технологий на благо человечества. В ходе исследования универсальных и региональных стандартов установлено, что они закреплены главным образом в источниках «мягкого» международного права. Автором обосновано, что ключевыми элементами правового статуса научных работников является свобода исследований и обязанность нацеливать исследования — как научные, так и научно-технические — на общественное развитие в координатах соблюдения и уважения прав и свобод человека. Результатом статьи является положение о взаимосвязанности модернизации правового статуса научных работников на международном и национальном уровне.

Ключевые слова: глобализация науки, международное право, ученые, международное сотрудничество, свобода научных исследований, этическая ответственность.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.201-210

К показателям гуманного и справедливого научно-технического прогресса относится обеспечение высокого социального статуса науки и научно-исследовательских работников, а также неуклонное повышение престижности науки и научной деятельности в целом. Как справедливо отмечает Т. И. Волкова, «под экономическим и социальным статусом науки подразумевается признаваемая обществом приоритетность финансирования науки и доля расходов, выделяемая и используемая на ее развитие из бюджетов всех уровней, престижность занятия наукой в сравнении с другими видами трудовой деятельности...»¹. Одновременно следует учитывать, что наращивание

научно-технологического потенциала той или иной отрасли национальной экономики, того или иного государства как такового теснейшим образом связано с повышением социального статуса научно-исследовательских работников. В частности, можно свидетельствовать о том, что в государствах, являющихся лидерами «инновационной гонки», деятельность в сфере исследований и разработок является социально престижной, что находит свое выражение в высоком социальном статусе научно-исследовательских кадров².

В условиях глобализации научно-технологического и инновационного развития обеспечение высокого социального статуса творцов

¹ Волкова Т. И. Статус исследователя: управленческий аспект // Вестник Челябинского университета. 2004. Т. 8. № 1. С. 150.

² Гордеева Н. А. Статус научного работника // Вестник Российской академии наук. 1998. Т. 68. № 7. С. 615—616.

© М. В. Шугуров, 2016

* Шугуров Марк Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры философии Саратовской государственной юридической академии
shugurovs@mail.ru
4100056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1, каб. 621

научного и технологического знания осуществляется на основании модернизации их правового статуса. Это обусловлено процессами интернационализации и глобализации развития науки, техники, технологий, а также формированием глобального пространства исследований и разработок (S & D), имеющего сетевой характер, не говоря уже о функционировании глобальных рынков технологий и высокотехнологичной продукции. Вместе с тем далеко не во всех государствах статус научных работников является высоким или устойчиво высоким, что затрудняет вовлечение этих государств и находящихся под их юрисдикцией научных работников в глобальное научно-технологическое пространство — со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для перспектив национального развития. Поэтому данные проблемы исследуются как на национальном уровне, так и на уровне международного научно-технологического и инновационного сотрудничества.

В настоящее время политика государств в сфере науки и техники, в том числе затрагивающая правовой и социальный статус научных работников, осуществляется с учетом выработанных на международном уровне международно-правовых стандартов, отражающих наилучшую мировую практику. В наиболее общем плане данные стандарты представляют собой направляющие ориентиры не только для научно-технической политики государств, но и для деятельности международных организаций и функционирования научного сообщества. В основании данных стандартов находится принцип баланса между развитием науки и использованием ее достижений на благо человечества, с одной стороны, и обеспечением необходимого правового и социального статуса научных работников — с другой. Иными словами, сформировалось четкое понимание того, что надлежащее правовое регулирование статуса научных работников является необходимым условием дальнейшего научно-технологического прогресса на благо мира и интересов человечества и предпосылкой решения целого ряда экологических, экономических и социокультурных проблем на международном, региональном и национальном уровнях.

Внимание к правовому статусу научно-исследовательских работников со стороны государств и международных организаций связано с динамичным развитием международного научно-технологического и инновационного сотрудничества, регулируемого нормами и принципами международного права. Залогом результативности данного сотрудничества, осуществляемого, например, в форме совместных международных проектов, выступает *гармонизация* правового статуса научно-исследовательских работников. Как представляется, это во многом предопределило выработку международно-правовых стандартов и их последующую имплементацию не только на международном, но и на национальном уровне. Несмотря на то что само понятие «международно-правовые стандарты» является многоаспектным и достаточно дискуссионным, под ним применительно к теме нашей статьи следует понимать разработанную на международном уровне системную модель прав, обязанностей и ответственности научных работников, реализация которой представляет собой необходимое условие обеспечения научно-технологического прогресса и повышения престижа науки и научно-технической деятельности.

Базовым элементом модельного стандарта правового статуса научных работников выступает свобода научных исследований, коррелирующая *принципу свободы научных исследований*, являющемуся принципом международного права научно-технологического и инновационного сотрудничества, нормы которого предусмотрены в международном экологическом, космическом и морском праве³. Свобода научных исследований (или свобода науки) четко закреплена в п. 3 ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и предполагает обязанность государств уважать ее в качестве условия для осуществления научных исследований. Данная свобода нашла свое подтверждение в источниках «мягкого» международного права. В частности, в п. 2 Заключения № 251 (2004) «О проекте Дополнительного протокола о биомедицинских исследованиях к Конвенции по правам человека и биомедицине» Парламент-

³ Шугуров М. В. Международно-правовой принцип свободы научных исследований и глобализация научно-технологического прогресса // Российская юстиция. 2012. № 7. С. 19—20.

ская ассамблея Совета Европы указала, что «свобода исследовательской деятельности необходима для прогресса науки. Она является частью свободы мысли и свободы слова и вследствие этого должна быть отнесена к категории прав человека»⁴. В пункте 8 Рекомендации ЮНЕСКО о статусе научно-исследовательских работников 1974 г. подчеркивается, что государствам-членам в процессе выработки национальной политики в сфере развития науки и техники следует полностью учитывать, что «творческая деятельность научно-исследовательских работников должна поощряться национальной политикой в области науки на основе строгого соблюдения автономии и свободы исследований, необходимых для научного прогресса». В пункте 8 Венецианского заявления ЮНЕСКО 2009 г. относительно права человека участвовать в научном прогрессе и использовать его результаты на практике подчеркивается, что свобода исследований является жизненно необходимым элементом процесса развития науки в его самом широком смысле⁵.

Упоминание свободы научных исследований содержится также в ст. 12b Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека 1997 г.⁶ При этом подчеркивается, что данная свобода важна для развития знаний и является составной частью свободы мысли. Из свободы науки и научных исследований исходит также Всеобщая декларация ЮНЕСКО о биоэтике и правах человека 2005 г. (преамбула, ст. 2d)⁷.

Обратим внимание на одно обстоятельство методологического характера: правовой статус научно-исследовательских работников во многом зависит от природы свободы исследова-

ний. В целом свобода научных исследований не является чем-то простым и односложным. В своих основаниях она многоаспектна, т.е. сочетает в себе моменты естественности и предоставленности. В первом случае свобода — неотъемлемый признак научных исследований, их предварительное условие, во втором — это то, что предоставляется и признается в обмен на их качество и ответственность. Поэтому свобода и независимость не суть некие абсолютные величины. Это означает также, что зачастую свободное целеполагание в рамках научной деятельности детерминировано не только свободным усмотрением научного работника, но еще и социальным заказом, особенно если учитывать коммерциализацию сферы исследований и разработок. Как бы то ни было, продуктивная научно-исследовательская и научно-техническая деятельность немислимы без определенной меры свободы в выборе предмета и методов.

Свобода науки, которую также можно проинтерпретировать как право на свободу научных исследований, бенефициаром которого выступают научные работники, привлекает наибольшее внимание международно-правовой доктрины. Однако нельзя забывать, что научные работники являются и бенефициарами прав, которые относятся к различным поколениям международнопризнанных прав и свобод человека, например гражданским, экономическим, трудовыми, социальным и т.д.

Стандартная модель правового статуса научных работников, включающая их права, обязанности и ответственность, конкретизирована на уровне рекомендательных международных документов, т.е. в международном «мягком»

⁴ Заключение ПАСЕ № 251 (2004) «О проекте Дополнительного протокола о биомедицинских исследованиях к Конвенции по правам человека и биомедицине» // URL: http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5Russian_documents (дата обращения: 4 сентября 2015 г.).

⁵ Venice Statement on the Right to Enjoy the Benefits of Scientific Progress and its Applications. Experts/Meeting of UNESCO (Venice, Italy, 16—17 July 2009) // URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001855/185558e.pdf> (дата обращения: 10 сентября 2015 г.).

⁶ Всеобщая декларация о геноме и правах человека. Принята 11 ноября 1997 года Генеральной конференцией ООН по вопросам образования и культуры // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml (дата обращения: 31 августа 2015 г.).

⁷ Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека. Принята резолюцией Res. 33 C/ Res.36 на 33-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 18-м пленарном заседании 19 октября 2005 года // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml (дата обращения: 14 августа 2015 г.).

праве. Следует добавить, что в условиях повышения роли программного регулирования международных отношений, в том числе в сфере науки технологий и инноваций, элементы правового статуса научных работников закреплены в различных двухсторонних и многосторонних научно-технологических программах. В контексте тесного взаимодействия международного и национального права элементы правового статуса научно-исследовательских работников, сформулированные в международных документах рекомендательного характера (рекомендациях, резолюциях, модельных законах), не говоря уже об элементах правового статуса, содержащихся в международном «твердом» праве, находят свою детализацию в национальном законодательстве. Это во многом связано не только с повышением роли международного права в урегулировании отношений, возникающих на национальном уровне и связанных с вопросом определения прав и обязанностей физических лиц, но и с повышением роли международных рекомендательных актов универсального и регионального характера.

Если говорить об универсальном международно-правовом уровне регулирования статуса научных работников, то непреходящую ценность имеет Рекомендация ЮНЕСКО о статусе научно-исследовательских работников 1974 г., которая содержит стандарты как правового, так и социального статуса рассматриваемой профессиональной группы⁸. Рекомендация вобрала в себя подходы ранее принятых документов Всемирной федерации научных работников — Хартии научных работников 1948 г., Декларации прав научных работников 1969 г. и Декларации прав и обязанностей ученых 1990 г.

В настоящее время ЮНЕСКО инициировала пересмотр Рекомендации о статусе научных работников. Это вполне естественно, т.к. за 40 лет с момента ее принятия произошли серьез-

ные изменения в научно-исследовательском секторе и в государственной научно-технологической политике. Решение о пересмотре, принятое на 37-й сессии Генеральной ассамблеи ЮНЕСКО, определяется потребностью учета этих изменений и лучшего отражения современных проблем науки, связанных с развитием общества, причем проблем не только экономических и правовых, но и этических⁹.

Пересмотренная Рекомендация должна будет учитывать и развивать Декларацию 1999 г. о науке и использовании научных знаний, а также Всеобщую декларацию 2005 г. о биоэтике и правах человека. Таким образом, в планах ЮНЕСКО — наполнить статус научных работников еще большим этическим содержанием. На это указывает тот факт, что активными участниками обсуждения являются Международный комитет по биоэтике (МКБ) и Всемирная комиссия по этике научных знаний и технологий (КОМЕСТ). Ориентировочно новая версия Рекомендации будет принята в 2017 году. Несмотря на процедуру пересмотра, на сегодня Рекомендация, признаваемая 195 государствами — членами ЮНЕСКО, остается единственным международным документом универсального характера, содержащим систематизированные международные стандарты правового статуса научных работников, оказывающих несомненное воздействие на научно-техническую политику государств.

Обратим внимание на особенность Рекомендации, а именно на стремление детализировать понятие «статус». Если обратиться к п. (d)(i) раздела I «Сфера применения» Рекомендации 1974 г., то «слово “статус”, когда оно применяется в отношении научных работников, означает предоставляемое им место в обществе и проявляемую о них заботу, о чем свидетельствует, во-первых, уровень оценки как обязанностей, так и ответственности, присущих их работе и их компетентности в связи с выполнением этих обязанностей и

⁸ Рекомендация ЮНЕСКО о статусе научно-исследовательских работников (20 ноября 1974 года) // URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_33160.html (дата обращения: 4 сентября 2015 г.).

⁹ Обращение за советом: пересмотр Рекомендации ЮНЕСКО о статусе научно-исследовательских работников // URL: <http://www.unesco.org/new/ru/social-and-human-sciences/themes/bioethics/call-for-advice-revision-of-unesco-recommendation-on-the-status-of-scientific-researchers> (дата обращения: 18 августа 2015 г.).

ответственности, и, во-вторых, права, условия работы, материальная помощь и моральная поддержка, которыми они пользуются при выполнении своих задач». При этом в правовой статус — в соответствии с логикой Рекомендации — входят как права и свободы, так и обязанности и ответственность (главным образом этическая). Интересно отметить, что Рекомендация в указанном пункте говорит вначале об обязанностях и ответственности, присущих работе научно-исследовательских работников, об их компетенции, связанной с выполнением обязанностей и ответственности, и только потом о правах, об условиях работы, о материальной помощи и моральной поддержке, которыми те пользуются.

Другая особенность Рекомендации заключается в указании в п. (с) преамбулы на то, что одним из главных условий превращения научных достижений в эффективный фактор решения мировых и национальных проблем, а также условием развития национального и международного научно-технологического потенциала выступает обеспечение *справедливого статуса* для тех, кто действительно осуществляет исследования и опытные разработки в области науки и техники, с должным учетом ответственности, присущей выполнению данной работы, и необходимых для этого прав. Из этих достаточно лаконичных положений можно сделать вывод о тесной связи между обеспечением надлежащего (справедливого и достойного) статуса научно-технических работников и результативностью научно-технологического прогресса.

Заботливое отношение к научно-исследовательским кадрам, на котором настаивает Рекомендация, — яркий показатель озабоченности государств не только развитием науки, но и тем, чтобы наука служила на благо людям. Ибо как может наука служить на благо людям, если сами субъекты, ее творящие, не имеют разумной выгоды от того, чем они занимаются? Сказанное не означает, что научные работники из-за признания науки в качестве главной силы общественного развития должны быть наделе-

ны всеми возможными привилегиями. Напротив, их статус *должен отвечать критериям разумности*. В этом свете можно сказать о том, что современное социальное и демократическое государство призвано во имя реализации принципа справедливости гармонизировать интересы научно-технического прогресса, свои собственные интересы, интересы научных кадров и интересы общественности. Как гласит ст. 2 «Верховенство человеческого существа» Конвенции Совета Европы о правах человека и биомедицине 1997 г., интересы и благо человеческого существа должны иметь преимущество перед интересами исключительно общества или науки.

Если говорить о рекомендательных актах регионального характера, то следует указать на Модельный закон СНГ «О статусе ученого и научного работника», принятого на 31-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ¹⁰. В пункте 2 ст. 3 указывается, что статус ученого (а равным образом других категорий научно-исследовательских работников. — *М. Ш.*), а именно права и условия осуществления профессиональной деятельности ученых и научных работников в выбранной области знаний, определяются настоящим Законом, действующими законодательными актами государств, а также условиями устава профессионального научного сообщества, членом которого является ученый. Вполне очевидно, что, несмотря на то что Модельный закон упомянут на первом месте в списке актов, регулирующих статус ученых, это еще не означает, что он обладает наивысшей юридической силой. Данный документ представляет собой правовой акт интеграционного объединения государств и по своей сути выступает инструментом интеграции именно по вопросу о правовом статусе научно-исследовательских работников, при этом выступая субсидиарным источником рассматриваемого статуса. Тем не менее Модельный закон стал реальной основой для проекта Закона РФ «О статусе ученого и научного работника», предложенного РАН¹¹.

¹⁰ Модельный закон СНГ «О статусе ученого и научного работника», принятый на 31-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ (постановление № 31-14 от 25 ноября 2008 г.) // Информационный бюллетень МА СНГ. 2009. № 14. С. 337.

¹¹ Законопроект РАН «О статусе научного работника» (2012 год) // URL: <http://forest.akadem.ru/Status.doc>.

И наконец, одним из влиятельных рекомендательных документов в сфере правового регулирования является Европейская хартия исследователей 2005 г., тесно связанная с Кодексом поведения при приеме на работу¹². Принятие Европейской хартии было обусловлено реализацией задачи формирования единого Европейского научного пространства (ЕНП), рассматриваемого как основа объединения и структуризации европейской научной политики. Как следствие, в поле внимания Европейского Совета оказались вопросы, связанные с профессией и карьерой исследователей в рамках ЕНП. Поэтому еще в 2003 г. Совет предложил Европейской комиссии начать работу по разработке Европейской хартии исследователей и Кодекса поведения при приеме исследователей на работу.

Сразу же отметим, что Хартия содержит ряд принципов и требований, касающихся роли, обязанностей и прав не только исследователей, но и работодателей и/или субсидирующих организаций. В этом смысле ее роль значительно шире, чем просто закрепление основ правового положения исследователей (научных работников) на уровне ЕС. Этот вывод вытекает из первоначальных положений, говорящих о том, что цель Хартии — гарантировать, чтобы отношения между исследователями и работодателями и субсидирующими организациями способствовали успешной работе по генерированию, передаче, распределению и распространению знаний и технологических разработок, равно как и развитию карьеры исследователей. Более того, круг адресатов Хартии чрезвычайно широк, т.е. она предназначена для всех исследователей в ЕС, независимо от стадии их научной карьеры в государственном или частном исследовательском секторе, а также независимо от должности и вида контракта, правового статуса работодателя, типа организации или учреждения, где проводятся исследования.

Свидетельством того, что Хартия представляет собой закрепление принципиальных, т.е. наиболее важных и общих, элементов правового статуса исследователя ЕС, служит ремарка во введении к Хартии: если исследователи об-

ладают статусом и правами, которые в определенном отношении являются более благоприятными, чем предусмотренные Хартией, положения последней не могут быть использованы для снижения статуса и ограничения уже имеющихся прав.

Интересно, что Хартия далека от того, чтобы быть декларацией прав исследователей. Напротив, создается впечатление, что она является сводом требований, которые к ним предъявляются. Это заметно из названия основополагающего раздела — «Общие принципы и требования, предъявляемые к исследователям». Здесь даже признание свободы научных исследований плотно окутано обязывающей риторикой, показывающей, для чего необходима данная свобода — для проведения исследований для блага человечества и расширения границ научного знания. (Отсюда следует сделать вывод о том, что наука, несмотря на ее служебные функции, безусловно, является самостоятельной ценностью.)

На наш взгляд, смысловая ось Хартии — это философия социально ответственной науки, означающей в формальном смысле слова строгое подчинение свободной исследовательской деятельности требованиям законодательства. Это следует из введения, где подчеркивается, что важнейшим обязательством исследователей, как и работодателей или субсидирующих организаций, является гарантированное соответствие национальным, региональным или отраслевым правовым требованиям национального или регионального законодательства. Иными словами, свобода научных исследований (свобода мысли и слова, свобода выбирать методы решения проблем) изначально рассматривается как интегрированная в правовое пространство и мыслится только в его рамках. Именно из философии ответственной свободы науки проистекают обязанности, которые предусмотрены Хартией.

Их перечень достаточно широк: следование этическим нормам и принципам, нацеленность исследований на пользу общества, уважение норм и принципов интеллектуальной собственности, осведомленность о механизмах

¹² Commission of the European Communities Recommendation C(2005) 576 final on the European Charter for Researchers and on a Code of Conduct for the Recruitment of Researchers // URL: <http://www.eie.gr/mobility-portal/recommendation-code-charter-en.pdf> (дата обращения: 10 сентября 2015 г.).

финансирования, четкое следование условиям контракта, эффективное использование бюджетных средств, распространение и использование полученных результатов, доведение полученных результатов до общественности и т.д. В целом статус, закрепленный в Хартии, стоит рассматривать в качестве образца наилучшей практики для регулирования правового статуса научных работников в Российской Федерации¹³.

В свете сказанного правовой статус научных работников включает не только права, но и обязанности, проистекающие из объективной ответственности науки перед обществом, государством, личностью. Осознание ответственности науки, в свою очередь, является условием и результатом осознания и выполнения научными работниками своих обязанностей. Это ответственность не только перед наукой и ее интересами, но и перед обществом. Так, в п. 41 Рекомендации ЮНЕСКО декларируется, что социальная ответственность научных работников требует, чтобы они придерживались высоких стандартов научной честности и качественного контроля. Следовательно, исходную роль в фактической направленности НТП на благо человечества играют научные работники, которые в принципе являются свободными, но и ответственными субъектами.

Важным документом, непосредственно обращенным к научному сообществу, выступает Конвенция о правах инвалидов¹⁴. Согласно данной Конвенции, как и в соответствии с другими документами, государствам принадлежит основная ответственность в том, чтобы гарантировать соблюдение прав инвалидов. Конвенция уникальна в том плане, что в ней зафиксировано ожидание того, что эта ответственность также распространяется на каждого индивида, частный сектор, специалистов и служебный персонал, которые работают с технологиями и развивают их или оказывают услуги, обслуживают оборудование и средства обслуживания инвалидов, особенно включая новые технологии, устройства и доступные ИКТ

(преамбула, ст. 4, 9, 20, 21, 32). Более того, данная Конвенция требует, чтобы специалисты, вовлеченные в обслуживание инвалидов, разбирались в правах человека, принадлежащих инвалидам (ст. 4.1(e), 15, 25, 26).

Далее хотелось бы указать на биогенетические декларации, которые исходят из интегрированности свободы науки в «человеческое измерение». В Декларации о биоэтике и правах человека содержится ст. 5 «Самостоятельность и индивидуальная ответственность», которая адресована в том числе представителям исследовательского сообщества. Декларация о геноме и правах человека в ст. 13 раздела D «Условия осуществления научной деятельности» пристальное внимание уделяет ответственности. При толковании содержания данного раздела можно констатировать, что ответственность выступает в качестве неотъемлемой части деятельности научных работников, раскрывающейся в таких компонентах, как требовательность, осторожность, интеллектуальная честность и непредвзятость. Ответственность также должна характеризовать и сам процесс проведения научных исследований, и представление и использование полученных результатов. Данное измерение научной деятельности, будучи предметом особого внимания самих ученых, государств и общественности, одновременно является аспектом исследований, касающихся генома человека, который означает учет их этических и социальных последствий. Налицо достаточно емкая развертка содержания социальной ответственности научных исследований.

Наличие нескольких источников международных стандартов в рассматриваемой сфере может создать впечатление об их фрагментированном характере, затрудняющем модернизацию правового статуса научных работников. Вместе с тем, несмотря на различия в юридико-технической форме закрепления и выражения элементов соответствующего правового статуса в международных документах разной юридической силы, представляется возмож-

¹³ Вдовин В. ОС ОНР : Права и свобода научных работников в свете реформы академического сектора науки // URL: <http://www.saveras.ru/archives/8096> (дата обращения: 2 сентября 2015 г.).

¹⁴ Конвенция ООН о правах инвалидов. Принята Резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 года // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 13 сентября 2015 г.).

ным говорить о реальности выстраивания доктринальной модели прав, обязанностей и ответственности научных работников.

Итак, центральным элементом правового статуса научных работников является свобода научных исследований, которая включает в себя право на самостоятельное определение направлений и методов научных и научно-технических исследований, свободный выбор предмета исследований, право проводить изыскания без вмешательства со стороны государства и третьих лиц, право на риск. Немаловажен выбор организационно-правовой формы проведения исследований. Между тем полная и эффективная реализация свободы науки возможна только при реализации иных прав и свобод, которые входят в состав правового статуса научных работников и являются конкретизацией международно признанных прав и свобод человека.

Среди гражданско-политических прав исследователей следует выделить право на уважение достоинства и личную неприкосновенность; право на свободу ассоциаций и объединений, включая право создавать профсоюзы и вступать в них для защиты своих интересов; право на мирные собрания, к формам которых следует отнести симпозиумы, коллоквиумы, участие в которых, в свою очередь, предполагает реализацию права на свободу мысли и свободу слова, предусмотренного в п. 1 ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах. В условиях развития науки в информационном обществе актуализируется право исследователей на информацию, ее поиск, получение и распространение. Сюда следует отнести не только право на доступ к информационным базам и научным работам, но и опубликование результатов интеллектуальной деятельности в открытой печати, невзирая на границы, если, конечно, эти результаты не содержат сведений, относящихся к государственной, служебной или коммерческой тайне. В условиях глобализации, стимулирующей академическую мобильность, усиливается роль свободы покидать свою страну и возвращаться в нее обратно, не говоря уже о праве на сотрудничество с исследователями не только в собственной стране, но и на международном уровне.

Важное место в рамках правового статуса научных исследователей занимают социально-экономические права, в частности трудовые

права, право на свободу предпринимательской деятельности, право на финансирование из разных источников и право на достойное социальное обеспечение, а также право на получение льгот и поощрений, соответствующих творческому вкладу.

К безусловному элементу международно-правового стандарта правового статуса научных работников относятся принадлежащие им личные неимущественные и исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности. В этом отношении значимы не только нормы и принципы защиты прав интеллектуальной собственности, закрепленные в соответствующих международных соглашениях, но и положения о распределении прав на интеллектуальную собственность, содержащиеся в большом количестве международных двухсторонних соглашений о научно-техническом сотрудничестве.

Если говорить о правах научных работников в сфере образования, то сюда следует отнести и право на приобретение научной квалификации и ее повышение, и академическую свободу, предполагающую тесную связь свободы исследований, свободы преподавания и институциональной автономии.

Указанная система прав и свобод научных работников одновременно предполагает соответствующие обязанности государств, включая обеспечение проведения научно-исследовательской и научно-технической деятельности на недискриминационной основе.

Одновременно со сказанным реализация другого базового блока правового статуса научных работников — обязанностей и ответственности — выступает полем совместной деятельности государства и научно-исследовательского сообщества. Речь идет, например, о формировании и развитии режима этической ответственности научной деятельности, об обеспечении высоких стандартов в профессиональной работе, что в конечном счете предполагает усилия по развитию у представителей исследовательского сообщества сознания социальной ответственности науки и необходимости достижения баланса между интересами науки и интересами общества и человека. Здесь можно говорить о том, что современный правовой статус научных работников базируется на принципе баланса свободы науки и прав человека.

Реализация международных стандартов правового статуса научных работников является специальным направлением деятельности каждого государства, проводящего активную научно-техническую политику. Если говорить о России, то вполне можно согласиться с мнением о том, что нормативно-правовое регулирование науки в нашей стране пока еще не представляет собой полноценной системы из-за несогласованности, декларативности и т.д.¹⁵ Все это самым непосредственным образом отражается на состоянии регулирования правового статуса научных работников, характеризующегося отсутствием комплексности.

Однако в этом направлении уже многое сделано. Мы имеем в виду детализацию практически всех аспектов международных стандартов правового статуса научных работников в ст. 4 и других статьях Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике». Некоторые аспекты правового статуса научных работников нашли свое закрепление в Федеральном законе от 18 сентября 2013 г. № 253-ФЗ «О Российской академии наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ст. 10), а также в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании» (ст. 50). Дополнительные права и обязанности научных работников предусматриваются в уставах научно-исследовательских организаций, например в Уставе РАН.

Дальнейшим шагом в модернизации правового статуса научных работников в нашей стране может выступить последовательное использование в перспективе подходов, зафиксированных не только в Европейской хартии исследователей, но и в пересмотренной Рекомендации ЮНЕСКО, которая станет итогом обобщения наилучшей практики. Помимо этого, ключевое значение здесь может сыграть системное законодательное закрепление правового статуса научных работников, как это имеет место в упоминавшемся законопроекте РАН «О статусе научного работника», который не только основан на указанных документах, но и принимает во внимание Закон Республики Туркменистан от 15 августа 2009 года № 52-IV «О статусе научного работника». С нашей точки зрения, принятие подобного закона могло бы стать существенным вкладом в развитие российского законодательства в сфере науки и инноваций.

В заключение необходимо отметить, что содержание правового статуса научных работников как на международном, так и на национальном уровне не является застывшей правовой конструкцией. Ее эволюция обусловлена не только возрастающей ролью научного знания в обществе, но и необходимостью обеспечения адекватного социального статуса научных работников, что может рассматриваться в качестве ответа на вызовы глобализации научно-технической сферы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Волкова Т. И. Статус исследователя: управленческий аспект // Вестник Челябинского университета. — 2004. — Т. 8. — № 1. — С. 149—155.
2. Гордеева Н. А., Филь М. М. Право и реформирование науки. Проблемы и решения. — М.: Новая правовая культура, 2005. — 272 с.
3. Гордеева Н. А. Статус научного работника // Вестник Российской академии наук. — 1998. — Т. 68. — № 7. — С. 615—620.
4. Шугуров М. В. Международно-правовой принцип свободы научных исследований и глобализация научно-технологического прогресса // Российская юстиция. — 2012. — № 7. — С. 17—21.
5. Усанов В. Е. Модернизация системы науки в Российской Федерации: тенденции и перспективы // Образование и право. — 2011. — № 11. — С. 63—77.

Материал поступил в редакцию 2 декабря 2015 г.

¹⁵ Усанов В. Е. Модернизация системы науки в Российской Федерации: тенденции и перспективы // Образование и право. 2011. № 11. С. 65.

INTERNATIONAL LEGAL STANDARDS FOR LEGAL STATUS OF ACADEMIC STAFF

SHUGUROV Mark Vladimirovich — Doctor of Philosophy, professor of the Department of Philosophy, Saratov State Law Academy
shugurovs@mail.ru
4100056, Russia, Saratov, Volskaya Street, 1 SSLA, office 621

Review. *The article presents a systematic analysis of contemporary international legal standards of the legal status of academic staff and concludes that these standards are the basis for the convergence of national legal regulation of the scientific sphere, which is an essential condition of the globalization of science and technology for the benefit of mankind. The study of universal and regional standards establishes that they are secured mainly in the sources of «soft» international law. The author proves that the key elements of the legal status of researchers is the freedom of research and the obligation to target research, both scientific and technological, for the purposes of social development in the coordinates compliance with and respect for human rights and freedoms. The result of the article is the position of the interconnectedness of the modernization of the legal status of research workers at the international and national level.*

Keywords: *globalization of science, international law, scientists, international cooperation, freedom of scientific research, ethical responsibility*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Volkova T. I.* Status issledovatelja: upravlencheskij aspekt // Vestnik Cheljabinskogo universiteta. — 2004. — T. 8. — № 1. — S. 149—155.
2. *Gordeeva N. A., Fil' M. M.* Pravo i reformirovanie nauki. Problemy i reshenija. — M. : Novaja pravovaja kul'tura, 2005. — 272 s.
3. *Gordeeva N. A.* Status nauchnogo rabotnika // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. — 1998. — T. 68. — № 7. — S. 615—620.
4. *Shugurov M. V.* Mezhdunarodno-pravovoj princip svobody nauchnyh issledovanij i globalizacija nauchno-tehnologicheskogo progressa // Rossijskaja justicija. — 2012. — № 7. — S. 17—21.
5. *Usanov V. E.* Modernizacija sistemy nauki v Rossijskoj Federacii: tendencii i perspektivy // Obrazovanie i pravo. — 2011. — № 11. — S. 63—77.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. Н. Исаенко*

О некоторых вопросах использования материалов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы, связанные с неоднозначной оценкой возможностей и пределов использования в уголовном судопроизводстве материалов оперативно-розыскной деятельности. Автор обращает внимание на допускаемые при этом нарушения положений Конституции РФ и уголовно-процессуального закона. Высказывается мнение о целесообразности внесения изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ и в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности». Это позволит более взвешенно использовать в доказывании материалы оперативно-розыскной деятельности.*

***Ключевые слова:** доказывание, материалы оперативно-розыскной деятельности, образцы для сравнительного исследования, фоноскопическая экспертиза, заключение эксперта.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.211-217

В следственной и судебной практике достаточно часто возникают вопросы, связанные с использованием в формировании доказательств материалов, полученных в результате производства оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ). По этому поводу высказываются противоположные точки зрения, несмотря на то что ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса РФ однозначно запрещает использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД), если они не отвечают требованиям, установленным уголовно-процессуальным законом. В свою очередь, результаты системного анализа положений законодательства, регулирующего порядок уголовного судопроизводства, позволя-

ют прийти к выводу, что при оценке сведений, полученных при проведении ОРД, по целому ряду причин недопустимо использование критериев оценки доказательств в уголовном судопроизводстве.

Эти сведения могут быть получены по основаниям и в порядке, которые предусмотрены Федеральным законом от 12.08.1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД). Однако процедура уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации установлена не данным Законом, а УПК РФ, основанным на Конституции РФ (ч. 1 ст. 1 УПК РФ). В соответствии с Конституцией при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств,

© Исаенко В. Н., 2016

* *Исаенко Вячеслав Николаевич*, доктор юридических наук, профессор кафедры организации правоохранительной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

viach.isaencko2010@yandex.ru

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

полученных с нарушением федерального закона (ч. 2 ст. 50), каковым и является УПК РФ. Это означает, что в решении задач установления обстоятельств преступлений, изобличения совершивших их лиц недопустимо использование сведений, полученных вне уголовно-процессуальной процедуры. При этом следует учитывать разъяснения, содержащиеся в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»¹, где сказано, что доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если при их собирании и закреплении был нарушен установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их собирания и закрепления, а также если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальным законом.

Несоблюдение названных конституционных требований исключает процессуальный статус сведений, собранных в результате ОРМ, поскольку они получены иным субъектом, из не предусмотренных УПК РФ источников, с соблюдением иных процедурных требований (в том числе исключая осведомленность лица, в отношении которого проводится ОРД), другого порядка фиксации. Тем не менее признание правомерности использования в доказывании сведений, сформированных с использованием материалов, полученных в результате ОРМ, — распространенное явление.

Это относится, в частности, к оценке заключений экспертов, проводивших идентификационные исследования. Их проведение сопряжено с предварительным получением образцов для сравнительного исследования, имеющих процессуальное подтверждение происхождения от объекта (в том числе физического лица), имеющего отношение к расследуемому преступлению. Эта идея заложена законодателем в содержание ст. 202 УПК РФ, устанавливающей процессуальный порядок получения таких образцов. Они не являются доказательствами, а представляют собой материалы, исследование которых обеспечивает получение доказательств. В криминалистическом значении они

являются идентифицирующими объектами. Допустимость заключения эксперта может быть обеспечена только при условии соблюдения процессуального порядка получения идентифицируемого и идентифицирующего объектов. Достоверность и соответственно доказательственное значение информации, носителем которой является идентифицируемый объект (например, фонограмма, на которой зафиксированы результаты прослушивания телефонных переговоров на основании п. 10 ст. 6 Закона об ОРД), могут быть установлены только процессуальным путем (посредством судебно-фоноскопической экспертизы). Это никто не подвергает сомнению. Однако не подлежит сомнению и то, что идентифицирующий объект (в данном случае — образец устной речи идентифицируемого лица) также должен иметь изначальное процессуальное происхождение и удостоверение.

При получении образцов для сравнительного исследования оперативным работником они не могут иметь процессуального значения, поскольку отсутствует процессуальное удостоверение принадлежности образцов голоса данному лицу. Используя их в судебно-фоноскопическом исследовании, эксперт в лучшем случае придет к выводу, что на проверяемой фонограмме и фонограмме с образцами устной речи, полученной оперативным путем, зафиксирован голос одного и того же лица. Вопрос о его принадлежности проверяемому лицу по-прежнему останется нерешенным.

Поэтому крайне сложно утверждать о процессуальном (т.е. доказательственном) значении результатов такого исследования, облеченного в форму заключения эксперта. Вряд ли можно согласиться с тем, что для следователя, прокурора, суда может иметь процессуальное значение удостоверение оперативным работником происхождения образца устной речи от подозреваемого, обвиняемого даже на основании поручения следователя, действующего со ссылкой на п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ.

Во-первых, следователь давать такое поручение не вправе. Поступая подобным образом, он уходит от выполнения возложенной на него процессуальной обязанности получения образцов для сравнительного исследования.

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. № 10.

Во-вторых, поручение дается лицу, результаты действий которого не могут иметь процессуального значения по обстоятельствам, изложенным в начале статьи. Мы солидарны с В. И. Зажицким, не согласным с мнением о том, что оперативный работник вправе получать образцы для сравнительного исследования, которые могут использоваться для производства судебной экспертизы. Процессуальные правила получения таких образцов являются важным элементом ее производства. Важнейшее из них состоит в том, что образцы для сравнительного исследования вправе получить только следователь, а также эксперт, если их получение является частью судебной экспертизы (ст. 202 УПК РФ)². А. В. Хмелева, формулируя общие требования к материалам, направляемым на экспертизу, также отмечает: «Материалы должны быть допустимыми, что означает их получение в порядке, предусмотренном УПК РФ»³.

Относительно назначения ОРМ «сбор образцов для сравнительного исследования» вполне определенно высказались А. А. Ларинков и Е. Л. Никитин, указав, что его содержанием и целью является «обнаружение, изъятие и консервация материальных носителей информации, сохранивших следы преступления либо следы лица, совершившего преступление, а также предметов, служивших объектами преступного посягательства или могущих служить средством обнаружения общественно опасного деяния и причастных к нему лиц, с целью их сравнения с материалами и тождественными предметами у изучаемых лиц для решения задач ОРД (выделено нами. — В. И.)»⁴. В. С. Овчинский и А. Е. Чечетин, характеризуя цели и правовое значение проведения ОРМ, также

констатируют, что они представляют собой «действия, основанные на применении преимущественно негласных средств и методов и направленные на непосредственное выявление фактических данных, необходимых для решения задач ОРД»⁵.

В пункте 1 ч. 1 ст. 15 Закона об ОРД установлено, что в случае изъятия документов, предметов, материалов при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий должностное лицо, осуществившее изъятие, составляет протокол в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Не останавливаясь на крайней спорности включения в Закон об ОРД такого положения (как и содержания ст. 89 УПК РФ), все же отметим, что в подобном случае происходит удостоверение факта, хода и результатов производства ОРМ, но не следственного действия. Закон об ОРД не регулирует уголовно-процессуальные правоотношения, в том числе связанные с получением, проверкой и оценкой доказательств. Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований, могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона⁶.

При получении необходимых образцов оперативным работником по поручению следователя именно оперативный работник является субъектом их получения, а следователь фактически придает процессуальную видимость их получению, т.е. происходит подмена процессу-

² Зажицкий В. И. Встречи оперативного сотрудника с подозреваемым: какими они должны быть? // Рос. юстиция. 2015. № 1. С. 37.

³ Хмелева А. В. Отдельные вопросы назначения судебных экспертиз и оценки заключения экспертов // Эксперт-криминалист. 2015. № 3. С. 25.

⁴ Ларинков А. А., Никитин Е. Л. Получение результатов оперативно-розыскной деятельности и использование их в доказывании : учеб. пособие. СПб. : Юрид. ин-т Ген. прокуратуры РФ, 2006. С. 19.

⁵ Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) / под ред. А. И. Алексеева, В. С. Овчинского. М. : Проспект, 2011.

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 20.11.2014 № 2557-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мязиной Марии Юрьевны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 6 и 15 Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности” и статей 170, 176, 177 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ального действия оперативно-розыскным мероприятием. В связи с этим уместно привести мнение Ю. Л. Астафьева и Т. В. Винокуровой, обоснованно, по нашему мнению, констатирующих: «Движение по этому пути — движение в направлении разрушения уголовного процесса как системы»⁷.

Однако материалы судебной практики последних лет свидетельствуют о том, что отношение судов к проведению экспертиз с использованием образцов для сравнительного исследования, полученных в результате ОРМ, стало изменяться в сторону признания возможности использования их выводов в доказывании. Так, в 2011 г., рассматривая кассационную жалобу Б., Р., К., П., осужденных Санкт-Петербургским городским судом, и их защитников, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала в определении, что суд первой инстанции обоснованно признал недопустимыми доказательствами фоноскопические экспертизы в отношении осужденных и исключил их из перечня доказательств в связи с недопустимостью по следующим причинам:

- а) образцы голосов обвиняемых были получены в условиях следственного изолятора, скрытно от них, в отсутствие их защитников, без разъяснения им их процессуальных прав, беседы между обвиняемыми и оперуполномоченным не протоколировались;
- б) получение в ходе производства предварительного расследования образцов голоса для сравнительного исследования путем проведения оперативно-розыскных мероприятий недопустимо, нарушает права обвиняемых на защиту, противоречит нормам уголовно-процессуального законодательства, предусматривающим специальную процедуру получения образцов в данной стадии процесса⁸.

Напротив, в 2015 году при рассмотрении уголовного дела по обвинению О. Ленинский районный суд Приморского края признал до-

пустимым доказательством заключение судебно-фоноскопической экспертизы, выполненной с использованием в качестве образцов для сравнительного исследования образцов голоса подсудимого, полученных оперативными работниками на основании поручения следователя. Судебная коллегия по уголовным делам Приморского краевого суда признала данное решение суда первой инстанции обоснованным. На наш взгляд, эти решения являются примерами весьма своеобразного толкования закона не только судами, но в первую очередь следователем и оперативными работниками, а также прокурорами, осуществлявшими надзор в досудебном производстве по данному делу и участвовавшими в его рассмотрении судами первой и апелляционной инстанций. В частности, в апелляционном определении записано: «...Образцы голоса О. были изъяты и получены в результате негласного оперативно-розыскного мероприятия, результаты представлены на компакт-диске. Получение оперативным путем образцов голоса О. после установления его места нахождения поручено оперативным сотрудникам 3 отдела ОС Управления ФСКН... на основании соответствующего поручения следователя ОС Управления ФСКН... Из постановления о проведении ОРМ “Сбор образцов для сравнительного исследования”... следует, что ОРМ “Прослушка телефонных переговоров” (название ОРМ приведено по тексту определения. — В. И.) проведено на основании судебного решения...»⁹.

В первую очередь возникает вопрос о правомерности направления следователем поручения о производстве ОРМ «Сбор образцов для сравнительного исследования» в период нахождения уголовного дела в его производстве. И тем более уместен вопрос о необходимости ОРМ «Прослушивание телефонных переговоров» для выполнения поручения следователя. Третий же вопрос сводится к тому, следовало ли вообще следователю и оперативными работниками заниматься этой за-

⁷ Астафьев Ю. В., Винокурова Т. В. Особенности соотношения уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела // Рос. юстиция. 2015. № 5. С. 33.

⁸ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.07.2011 № 78-О11-68 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Апелляционное определение Приморского краевого суда от 27.04.2017 по делу № 22-2107/15 // СПС «КонсультантПлюс».

конообразной эквилибристикой, поскольку следователь был вправе принять решение о производстве следственного действия «Контроль и запись переговоров» (ст. 186 УПК РФ), а затем использовать полученную фонограмму в качестве образца голоса О. для сравнительного исследования.

В следственной и судебной практике имеют место факты использования в этом качестве фонограмм или видеозаписей, полученных при производстве следственных действий. Верховный суд Республики Башкортостан, рассматривая уголовное дело по обвинению Т. в преступлении, предусмотренном ч. 6 ст. 290 УК РФ, признал допустимым доказательством заключение эксперта, использовавшего для идентификации подсудимого по голосу представленную следователем видеозапись очной ставки с участием Т. Это явилось одним из оснований обращения Т. и его защитника с кассационной жалобой, рассмотрев которую Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в данной части пришла к следующему выводу: «Предоставление для производства экспертизы видеозаписи следственного действия — очной ставки с участием Т... как образца для идентификации его голоса не противоречит требованиям закона... <...> Видеозапись при проведении очной ставки была получена в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона — о ее применении участники следственного действия были предупреждены до его начала...»¹⁰

Представляется, что со временем подходы к оценке возможностей использования материалов ОРД при производстве идентификационных экспертиз могут изменяться. В апелляционных и кассационных определениях Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, вынесенных в 2014—2015 гг., эта тенденция просматривается вполне определенно. Однако это свидетельствует о фактическом формировании следственной и судебной практики в данной части вопреки требованиям уголовно-процессуального закона.

В связи с этим полагаем, что требуется изменение редакции ст. 89 УПК РФ. Ранее она была предложена нами в следующем варианте: «Результаты оперативно-розыскной деятельности используются в доказывании при условии их получения в соответствии с федеральным законом, проверки достоверности содержащихся в них сведений и их оценки в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, представления следователю, дознавателю, прокурору, суду (судье) в соответствии с действующим федеральным законодательством и последующего уголовно-процессуального исследования в установленном Кодексом порядке»¹¹.

В свою очередь, из ч. 1 ст. 15 Закона об ОРД целесообразно исключить положение, предписывающее сотрудникам подразделений, выполняющих данную деятельность, ссылаться на нормы УПК РФ при изъятии документов, предметов, материалов. Это положение дезориентирует правоприменителей, полагающих, что выполнение данного требования априори обеспечивает доказательственное значение результатов названных действий без их процессуальной проверки. Так, приговором Черемушкинского районного суда г. Москвы от 07.05.2015 К. А. И. признан виновным в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 228 УК РФ, и осужден к лишению свободы. При рассмотрении дела суд признал допустимыми доказательствами документы по производству ОРМ «Наблюдение», «Прослушивание телефонных переговоров», «Сбор образцов для сравнительного исследования», указав, что они составлены в соответствии с требованиями УПК РФ, и сослался на них в приговоре. Рассмотрев апелляционную жалобу осужденного и его защитника, Московский городской суд пришел к выводу, что судом первой инстанции правильно установлено соответствие этих документов требованиям УПК РФ, поскольку ОРМ проведены в рамках требований закона, а потому «доводы жалоб о недопустимых доказательствах материалов ОРМ» суд апелляционной инстанции признал несостоятельными¹².

¹⁰ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 11.09.2012 № 74-О12-14СП // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Исаенко В. Об образцах для судебно-экспертного фоноскопического исследования // Уголовное право. 2013. № 6.

¹² Апелляционное определение Московского городского суда от 19.08.2015 по делу № 10-10382/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

По нашему мнению, вывод в отношении материалов ОРД противоречит закону. В части 1 ст. 15 Закона об ОРД указано на документирование в соответствии с требованиями УПК РФ только гласных ОРМ. Наблюдение, прослушивание телефонных переговоров назвать таковыми сложно. Тем более сложно документировать их в соответствии с нормами УПК РФ. Соответственно, сложно высказаться и о том, по каким критериям суды первой и апелляционной инстанций сочли возможным признать материалы об их проведении допустимыми доказательствами, учитывая, что сами по себе результаты ОРМ (тем более проведенных с отступлением от закона) не могут являться доказательствами.

Возможно, это звучит резко, но, оставляя без должного реагирования очевидные факты нарушения федерального законодательства при формировании доказательств с использованием материалов ОРД, суды тем самым поощряют дальнейшие их нарушения органами расследования, да и прокурорами, своевременно не

выявляющими эти нарушения в досудебном производстве. В одном из постановлений президиума Свердловского областного суда обоснованно подчеркнуто: «В специфическом контексте методов расследования, применяемых для борьбы с коррупцией, учитывая скрытый характер взяточничества как преступной деятельности, судебная коллегия приходит к убеждению, что способ получения доказательств путем проведения оперативных мероприятий был оправданным, а материалы ОРД и доказательства, полученные с их использованием, обоснованно признаны судом первой инстанции достоверными и положены в основу обвинительного приговора»¹³. Безусловно, ОРД крайне важна в противодействии преступности. Однако ее результаты могут являться только информационной основой для доказывания, но не подменять доказательства и используемые для их формирования материалы, которые изначально должны быть получены процессуальным путем.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Астафьев Ю. В., Винокурова Т. В. Особенности соотношения уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела // Рос. юстиция. — 2015. — № 5.
2. Зажицкий В. И. Встречи оперативного сотрудника с подозреваемым: какими они должны быть? // Рос. юстиция. — 2015. — № 1.
3. Исаенко В. Об образцах для судебно-экспертного фоноскопического исследования // Уголовное право. — 2013. — № 6.
4. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) / под ред. А. И. Алексеева, В. С. Овчинского. — М.: Проспект, 2011.
5. Ларинков А. А., Никитин Е. Л. Получение результатов оперативно-розыскной деятельности и использование их в доказывании: учеб. пособие. — СПб.: СПб. юрид. ин-т Ген. прокуратуры РФ, 2006.
6. Хмелева А. В. Отдельные вопросы назначения судебных экспертиз и оценки заключения экспертов // Эксперт-криминалист. — 2015. — № 3.

Материал поступил в редакцию 25 декабря 2015 г.

¹³ Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 19.11.2014 № 22-9643/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

ON SOME ISSUES OF THE USAGE OF INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN CRIMINAL PROCEDURE ESTABLISHMENT OF EVIDENCE

ISAENKO Vyacheslav Nikolaevich — Doctor of Law, professor at the Department of Law Enforcement Activities, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
viach.isaencko2010@yandex.ru
123995, Russia, Sadovaya-Kudrinskaya Street, 9

Review. *The article deals with the issues related to the controversial assessment of possibilities and limits of the use of the investigative activities records in criminal proceedings. The author draws attention to the violations of the provisions of the Constitution and the law of criminal procedure. The author points out the advisability of amending the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Law «On investigative activities.» This will allow a more balanced use of investigative activities records in establishing the evidence.*

Keywords: *establishment of evidence, investigative activities records, sample materials for comparative study, phonoscopic examination, expert's opinion.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Astaf'ev Ju. V., Vinokurova T. V. Osobennosti sootnosheniya uголовно-processual'noj i operativno-rozysknoj dejatel'nosti na stadii vozbuzhdeniya uголовного дела // Ros. justiciya. — 2015. — № 5.
2. Zazhickij V. I. Vstrechi operativnogo sotrudnika s podozrevaemym: kakimi oni dolzhny byt'? // Ros. justiciya. — 2015. — № 1.
3. Isaenko V. Ob obrazcah dlja sudebno-jekspertnogo fonoskopicheskogo issledovanija // Uголовное право. — 2013. — № 6.
4. Kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoj dejatel'nosti» (postatejnyj) / pod red. A. I. Alekseeva, V. S. Ovchinskogo. — M. : Prospekt, 2011.
5. Larinkov A. A., Nikitin E. L. Poluchenie rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti i ispol'zovanie ih v dokazyvanii: ucheb. posobie. — SPb. : SPb. jurid. in-t Gen. prokuratury RF, 2006.
6. Hmeleva A. V. Otdel'nye voprosy naznachenija sudebnyh jekspertiz i ocenki zakljuchenija jekspertov // Jekspert-kriminalist. — 2015. — № 3.

Технология юридического проектирования как вид интерактивного обучения студентов иностранному языку

Аннотация. Одной из основных задач высшего юридического образования является обучение будущих юристов эффективному функциональному владению иностранным языком и развитие у них иноязычной коммуникативной компетенции. Инновационные технологии позволяют достигать максимальной творческой активности, серьезных успехов в усвоении максимального объема знаний, получении практических навыков и умений. Проектирование рассматривается как дидактический прием, который помогает развитию когнитивных юридических навыков на основе индивидуального и коллективного смыслов творчества, а также способствует совершенствованию социальных и творческих навыков, необходимых для процесса социализации. В статье дано разъяснение такого дидактического понятия, как смысловое творчество, а также проведен анализ различных видов проектных технологий, используемых при интерактивном обучении студентов юридического вуза иностранному языку. Автор определяет цели и задачи, стоящие перед каждым видом проектирования, описывает особенности исследовательского, поискового, креативного, прогностического и аналитического проектирования. В статье приведены требования и определен порядок защиты проектов, подготовленных студентами Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); указаны отличия проектной технологии от других видов интерактивного обучения, таких как дискуссия и мозговой штурм. На основе анализа проектных работ студентов автором сделан вывод о том, что данная технология способствует формированию иноязычной компетенции в процессе обучения профессионально ориентированному курсу иностранного языка.

Ключевые слова: технологические инновации, интерактивное обучение, когнитивные юридические навыки, дидактические принципы обучения, проектная технология, функционально-ролевые позиции, иноязычная компетентность, коллективное смысловое творчество.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.67.6.218-225

Использование современных педагогических технологий в образовании создает совершенно новые возможности для реализации дидактических принципов индивидуализации и дифференциации обучения, способ-

ствует развитию познавательной деятельности студентов, их социальной активности и сознательности. В профессиональной подготовке высшая школа юриспруденции стремится не только обучить студентов функциональному

© Владимирова Е. В., 2016

* Владимирова Елена Валентиновна, старший преподаватель кафедры английского языка № 2 Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

keng2@msal.ru

109117, Россия, Москва, ул. Окская, 22/2 — 100

владению иностранным языком, но и развить у них иноязычную коммуникативную компетенцию, т.е. способность пользоваться иностранным языком как средством решения профессиональных задач, возможность осуществлять иноязычное межличностное и межкультурное общение с носителями языка. Современные технологии в образовании рассматриваются как средство, с помощью которого может быть реализована новая образовательная парадигма. Именно данные дидактические методы позволяют решить задачи подготовки специалистов, отвечающих требованиям времени.

Инновационная педагогическая технология — это проект определенной педагогической деятельности, последовательно реализуемой на практике, главным показателем которой является прогрессивное начало по сравнению со сложившимися традициями старой парадигмы образования. Данная технология реализует условия перехода от обучения к самообразованию, положительно влияет на творческий процесс взаимодействия преподавателя и студента. Одной из главных особенностей инновационной технологии является то, что ее разработка и применение требуют высокой активности преподавателя и студента — обучающего и обучающегося.

Активность первого проявляется в том, что он хорошо знает психологические и личностные особенности своих студентов и на этом основании вносит индивидуальные коррективы в технологический процесс. Активность же студентов проявляется в возрастающей самостоятельности. Таким образом, новые инновационные образовательные технологии интегрируют такие важные аспекты новой парадигмы высшего образования, как фундаментальность образования, творческое начало и профессионализм.

Проектирование введено в процесс обучения в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта. «Учебный творческий проект — это самостоятельно разработанный и изготовленный продукт (материальный или интеллектуальный) от идеи до ее воплощения, обладающий субъективной или объективной новизной,

выполненный под контролем и при консультации преподавателя»¹.

Основной целью данного вида педагогического взаимодействия является процесс создания или совершенствования юридически значимых проектов на основе коллективного смысловторчества и согласования различных профессиональных юридических интересов студентов. В этом отличие игрового проектирования от других видов интерактивного обучения, например от дискуссии или мозгового штурма, основой которых в большей степени является индивидуальное смысловторчество, отсутствие тщательного планирования и большой подготовительной поисковой деятельности.

Смысловторчество — относительно новое понятие в дидактической науке, которое характеризует личностно ориентированный педагогический процесс. Как явствует из названия, данный психологический и педагогический феномен можно представить в качестве синтеза двух компонентов: творчества и смысла. Под смысловторчеством понимается «процесс осознанного творения обучающимися и обучаемым (педагогом) новых смыслов по изучаемой проблеме; восприятие участниками педагогического процесса окружающей действительности через призму своей индивидуальности и выражение своего отношения к происходящему; рефлексия смысла с позиции личности, а также умение объяснить другим смысл рассматриваемого явления или процесса»². При определении сущности смысловторчества как дидактического феномена мы должны понимать, что оно является процессом создания личностью индивидуального смысла о самой личности и об окружающей действительности, в нашем случае это юридическая действительность.

Я. А. Пономарев полагает, что творчество выступает как механизм продуктивного развития в самом широком смысле, при этом основным признаком творческого мышления является эффект новизны. Таким образом, смысловторчество можно рассматривать как процесс человеческой деятельности, который осуществляется не по какой-то заданной модели или шаблону,

¹ *Виневская А. В.* Педагогические технологии: вопросы теории и практики внедрения. Ростов н/Д : Феникс, 2014. С. 152.

² *Кашлев С. С.* Интерактивные методы обучения. Минск, 2013. С. 8.

а по индивидуальному замыслу; результатом такой деятельности является создание качественно новых материальных и духовных ценностей. При этом ведущими признаками творчества, что очень важно для проектирования, являются не только процессуальность и новообразование, но и целенаправленность.

В качестве целенаправленности выступает другой компонент смыслотворчества, а именно создание смысла. Характерным для умений смыслотворчества является их обобщенность, то, что они могут переноситься из одной области творчества в другую. Именно на их основе формируются профессиональные умения и навыки юриста. Важными слагаемыми игрового проектирования выступают способности к смыслотворчеству, а именно прогнозирование и перенос знаний в новую правовую ситуацию.

В процессе проектирования происходит осознание правил рационального смыслотворчества, проявляются гибкость ума и совершенствование умений решать юридические задачи по творчески усвоенным правилам. То есть в данном случае наиболее ярко проявляется мотивация студентов юридического вуза к обучению иностранному языку. Она включает следующие аспекты:

- необходимость будущего юриста успешно адаптироваться к постоянно меняющейся социокультурной ситуации и участвовать в ее преобразовании в качестве сотрудников правоохранительных органов;
- ответственность за создание условий своего развития как личности и как профессионала в сфере юриспруденции;
- потребность в активном и творческом отношении к обучению, к проявлению самостоятельности в образовательной, а в дальнейшем и в профессиональной деятельности;
- потребность превращать собственную образовательную деятельность в предмет практического совершенствования, стремление к личностной и профессиональной самореализации.

Потребность в саморазвитии и творческом совершенствовании в ходе обучения реализуется в самостоятельной работе студентов, что является приоритетным направлением

современного высшего образования стран — участников Болонской конвенции. Она также способствует эффективному формированию иноязычной компетентности студентов в процессе обучения профессионально ориентированному курсу иностранного языка. Игровое проектирование, как еще иногда называют специалисты данную технологию, осуществляется с функционально-ролевых позиций, воспроизводимых в игровом взаимодействии. Оно «повышает эмоциональную мотивацию изучения языка, способствует укреплению межличностных отношений, стимулирует... к достижению цели»³. Это способствует смысловосприятию юридического события или объекта с непривычной для обучающегося точки зрения и ведет к более глубокому познанию изучаемого объекта.

В соответствии с программой курса «Иностранный язык в сфере юриспруденции» самостоятельная учебная деятельность студентов рассматривается как неотъемлемая часть учебного процесса. При выполнении проектной работы реализуются следующие цели юридического образования:

- научить студентов самостоятельному поиску нужной информации юридического характера;
- развить у студентов умения самоподготовки в процессе смыслотворчества;
- развить у студентов навыки презентации юридической информации;
- развить умение самостоятельно совершенствовать владение юридическим английским языком;
- развить коллективное смыслотворчество и чувство коллективной ответственности студентов группы за результаты своего труда.

Формы проведения занятий по игровому проектированию могут быть различными, но в них должны присутствовать виды деятельности, направленные на активизацию познавательного и поискового смыслотворчества:

- четкий механизм определения функционально-ролевых юридических интересов участников будущего проекта;
- алгоритм разработки юридического проекта, предложенный студентами;

³ Аганина Т. А., Балашова Г. В., Шабайкина Л. Р. Иностранный язык в правоведеии. М. : Издат. центр Ун-та имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2015. С. 21—22.

— механизм экспертной правовой оценки или испытания проекта (публичная презентация или реализация проекта по месту юридической практики студента очной формы обучения или по месту работы студента очно-заочной формы обучения в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА)).

К юридическим проектам предъявляются специальные требования, среди которых связь со стратегическими целями обучения юридическому английскому языку, грамотное обоснование проекта, определение ресурсов (технических, педагогических, психологических) для реализации юридического проекта, определение прогнозируемых правовых достижений и установление возможных негативных последствий, а также способов их предотвращения.

Для осуществления данной технологии участников юридического проекта разбивают на группы, каждая из которых на основе индивидуального и коллективного смысловорчества занимается разработкой своего проекта. Обучающиеся сами выбирают темы проекта, хотя, следуя принципу активного взаимного смысловорчества, преподаватель может предложить актуальные темы проектов для тех, кто не смог решить этот вопрос самостоятельно. Сейчас такими темами могут быть проблемы миграции в страны Евросоюза и вызванная этим социальная нестабильность и рост преступности. Особого внимания заслуживает тема терроризма в связи с последними событиями: гибель российских граждан, находившихся на борту авиалайнера, следовавшего из Египта в Россию, и многочисленные жертвы терактов в Париже в ночь с 16 на 17 ноября 2015 года.

Все проекты разрабатываются в рамках группового игрового взаимодействия и коллективного смысловорчества. Выполнение юридического проекта заканчивается его защитой, в течение которой участники проекта сообщают об актуальности проблемы, основных этапах работы, о выводах. Они отвечают на вопросы, оценивают, насколько успешным был проект и насколько успешными были они сами. В процессе защиты проекта определяется наиболее проработанный, обоснованный и творчески представленный проект.

Обязательно определяются проблемы и цели проекта, проводится анализ полученных результатов. Как правило, студенты-юристы

выбирают индивидуальный или один групповой проект с участием от двух до пяти человек. В процессе выполнения проектов определяются группы студентов от 1 до 5 человек; студенты совместно с преподавателями английского языка, специальных дисциплин определяют проблему проекта; составляется план работы, в котором обращается внимание на сроки выполнения работы, распределение обязанностей внутри групп, определяются источники юридической информации и виды работы с ними.

Для поиска материалов может быть рекомендована работа в Государственной библиотеке иностранной литературы (как в общем фонде библиотеки, так и в отделе юридической литературы), в Американском центре, Британском совете. Чрезвычайно полезен интернет-ресурс «КонсультантПлюс», где постоянно обновляется информация юридического характера.

Можно выделить следующие критерии оценки результатов выполнения проекта, которые одновременно можно считать и требованиями к качеству дидактического сопровождения процесса игрового проектирования: информационное обеспечение, использование интернет-ресурсов общей и юридической направленности, англоязычную и правовую компетентность, интеллектуальную подготовленность и общую эрудицию студентов, волевою подготовленность, умение презентовать материал на юридическом английском языке.

Ведущим видом деятельности в игровых проектах является игра, имитация социальных и деловых отношений в профессионально ориентированных ситуациях. Игровое юридическое проектирование может включать различные виды проектов, для каждого из которых должен быть подобран соответствующий дидактический материал.

Исследовательские проекты включают в себя определение актуальности темы, объекта, целей и методов исследования. Для осуществления исследовательской юридической деятельности студенты могут взять реальную юридическую ситуацию или событие правового характера, например коррупцию в правоохранительных органах и правовой нигилизм.

Поисковый проект предполагает наличие юридической ситуации и нескольких вариантов ее решения. Для этого необходимо решить следующие задачи:

- внимательно изучить и определить достоинства каждого варианта (на основе прогнозирования установить, какие положительные результаты можно было бы получить при выборе данного юридического варианта);
- внимательно изучить и определить недостатки каждого варианта решения юридической ситуации (на основе прогнозирования определить, с какими потенциальными правовыми проблемами придется столкнуться при выборе данного варианта);
- на основе коллективного смыслотворчества оценить достоинства и недостатки каждого варианта и выбрать наиболее эффективный для решения юридической проблемы;
- подготовить проект юридического использования и обосновать возможности выбранного варианта решения юридической проблемы, указав, какими силами и при каких условиях данный юридический проект может быть реализован, а также кто будет отвечать за его реализацию; дополнительно можно получить баллы, если будут указаны материальная база и финансовые источники реализации данного проекта.

Для исследовательского проекта обучающиеся должны решить следующие задачи:

- провести исследование каких-либо проблемных ситуаций, возникающих, например, в процессе заключения того или иного соглашения в рамках договорного права, сбор информации о поведении подозреваемого и свидетельских показаниях в рамках проектирования уголовного процесса и т.д.;
- провести опрос свидетелей или интервью с адвокатом, выступающим на судебном процессе;
- выявить возможные причины возникновения сложностей в ходе проведения следствия или в ходе юридического сопровождения сделки.

Ответы на эти вопросы могут прояснить проблемную юридическую ситуацию, побудить к творческому поиску способов ее изменения.

Прогностический проект подразумевает выполнение задания по разработке идеального проекта определенного юридического события или феномена (судебное заседание, расследование правонарушения, процесс разработки и подписания договора, в том числе и международного и др.). Данный юридический проект должен представлять не абстрактное и оторван-

ное от действительности смыслотворчество, а вполне конкретную юридическую ситуацию или явление. Процесс конструирования перспективы юридического события несет в себе все элементы творческого отношения к настоящей юридической реальности, позволяет глубже понять юридические явления сегодняшнего дня, увидеть пути развития и совершенствования различных отраслей права, что является первоочередной задачей современного юридического образования.

Аналитический проект подразумевает выполнение работы по анализу деятельности юридического характера специалиста определенного профиля. Для этого в качестве дидактического материала используются конкретные документы юридического характера (по соображениям общественной и государственной безопасности допускаются изменения фамилий, воинских званий, названия фирм и организаций, точных дат и других цифровых показателей, не имеющих принципиального значения), используемые в ходе профессиональной деятельности данного специалиста. Для выполнения данного вида проектирования необходимо:

- описать сферу труда и содержание юридической деятельности специалиста определенного профиля;
- дать четкое определение его полномочий, прав и юридической ответственности;
- описать функциональные юридические обязанности по должностной инструкции (как следователя, адвоката, прокурора, юрисконсульта и т.д.) и реально выполняемые данным лицом в ходе его профессиональной юридической деятельности;
- выявить наличие трудностей и проблем в юридической деятельности данного лица;
- установить причины, мешающие эффективному выполнению данной юридической деятельности;
- проанализировать, насколько грамотно данное лицо распределяет свое время, использует технические и информационные средства;
- выявить положительные моменты в ходе профессиональной юридической деятельности и методы повышения профессиональной юридической компетентности данным лицом. Особо интересными могут быть данные проекты для студентов очно-заочной и заочной формы обучения, которые работают в различных правовых структурах.

Информационные проекты также могут стать частью исследовательских проектов. При их выполнении студенты учатся применять различные методы получения информации (современная юридическая литература, библиотечные фонды, средства массовой информации, электронные базы данных и др.), а также рекомендованные ранее источники. Студенты должны научиться обрабатывать и эффективно представлять информацию, совершенствуя владение всеми видами речевой деятельности: через чтение и письмо (осмысление прочитанного — рефлексия) выходить на презентацию, то есть на изложение подготовленного материала и ответы на вопросы по проекту (говорение и аудирование).

При выполнении практико-ориентированных проектов должен быть получен определенный социальный результат. Он, в свою очередь, должен быть связан с профессиональными интересами студентов, реализуемыми в различных коммуникативных ситуациях. Здесь происходит интеграция игрового проектирования с другой технологией — технологией развития критического мышления.

Творческий (креативный) проект подразумевает ситуацию, когда обучающиеся должны описать ситуационные задачи (или конкретные юридические ситуации), которые происходили в коллективе (в студенческой группе, во время работы в юридической клинике и т.д.) При этом ситуации могут быть как положительные, так и отрицательные. Цель данного вида проектирования состоит в том, чтобы:

- на основе коллективного смысло творчества проанализировать проблемы как юридического, так и психологического плана и систематизировать их по степени важности решений;
- определить причины, вызвавшие данные проблемы;
- на основе синтеза и анализа юридически значимых фактов найти варианты решений вышеуказанных проблем и сделать прогнозы их последствий (положительных и отрицательных);
- разработать конкретный проект выхода из проблемной ситуации или обосновать положительный эффект от использования положительной ситуации, учитывая юридический, материально-технический и психологический аспекты.

Как и в любом виде деятельности, проектирование имеет определенные сложности и недостатки:

- во время коллективного смысло творчества возникают коллизии между индивидуальными юридическими смыслами, что неминуемо сказывается на творческой работе коллектива;
- некоторые участники юридического проекта стремятся занять доминирующие позиции и предпочитают индивидуальное смысло творчество коллективному;
- работа над юридическим проектом требует много времени, и высока вероятность того, что проект не будет завершён в том виде, в котором он изначально планировался студентами;
- в случае незавершённости проекта велика вероятность того, что обучающиеся испытают чувство неудовлетворённости, что приведёт к снижению мотивации при изучении юридического английского языка.

Однако намного больше положительных аспектов в проектной работе, что позволяет широко использовать этот интерактивный метод в процессе обучения студентов, в том числе и студентов юридического профиля. К положительным аспектам проектной технологии можно отнести:

- развитие навыков коллективного смысло творчества, обучение сотрудничеству;
- развитие чувства как индивидуальной, так и коллективной ответственности;
- развитие аналитических навыков смысло творчества;
- развитие креативного потенциала;
- совершенствование коммуникативной и интерактивной компетентности студентов юридического профиля;
- развитие навыков и умений презентации юридического материала;
- развитие исследовательских и прогностических навыков.

Студенты Института правоведения выбрали очень интересные и актуальные темы для своих проектов: «Вопросы правового регулирования в сфере космических исследований», «Интеллектуальная собственность», «Проблемы современной молодежи и ювенальная преступность». Нас порадовало, что молодежь помнит о подвиге наших солдат во время Второй мировой войны и не забывает о преступлениях,

совершенных фашизмом: для одного из своих проектов студенты выбрали тему «Судебные процессы над военными преступниками Второй мировой войны». Весьма актуальной была защита проекта на тему «Проблема коррупции в современном обществе».

Очень интересные исследовательские проекты были подготовлены магистрантами Института прокуратуры в октябре 2015 года. В ходе презентации проектов использовались различные аудио- и видеоматериалы (например, отрывок из художественного фильма «Отцы и дети» по повести И. С. Тургенева), материалы из видеоархива прокуратуры.

Разумеется, роль преподавателя в данной технологии также весьма важна, поскольку в ней применяются такие дидактические методы, как поиск и подбор профессионально ориентированных текстов, упражнений, аудио- и видеоматериалов, комментариев, реферирование и аннотирование. Именно по рекомендации преподавателя формируется состав жюри для оценки результатов проектирования.

Для оценки проектов выбирается жюри, в которое могут входить студенты и преподаватели кафедр той или иной юридической направленности (кафедры уголовного права, гражданского права, международного частного права, конституционного права и другие, для которых тот или иной проект может представлять профессиональный интерес, а также те преподаватели, кто участвовал в работе над студенческим проектом в качестве консультанта).

Эффективным педагогическим воспитательным средством является выражение одобрения и похвалы создателям наиболее интересного юридического творческого проекта. В данном случае студенты получили высокие баллы за презентацию, что позволит им сдать зачет в режиме наибольшего благоприятствования. Живой, неподдельный интерес со стороны коллег-магистрантов, проявлявшийся на протяжении всей презентации проекта, также стал действенным педагогическим средством воспитания и самовоспитания.

Юридическое проектирование, несомненно, является весьма популярным и эффективным дидактическим приемом, который помогает развитию таких когнитивных навыков, как юридическая догадка, дедукция, сравнение, умение находить соответствие и выстраивать последовательность на основе профессионального коллективного творчества. Данная технология повышает эффективность восприятия новой информации, уровень использования знаний, интерес к учению, развивает навыки самостоятельного поиска и обработки информации. Данный вид интерактивного обучения также способствует совершенствованию социальных и творческих навыков, которые чрезвычайно важны для успешной карьеры представителей любой профессии, особенно в законотворчестве и правоприменении. Использование таких методов позволяет эффективно решать задачи подготовки специалистов, отвечающих требованиям времени.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аганина Т. А., Балашова Г. В., Шабайкина Л. Р. Иностраный язык в правоведении : рабочая программа дисциплины. — М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2015. — 52 с.
2. Вербицкий А. А., Ларионова О. Г. Метод проектов как компонент контекстного обучения // Школьные технологии. — 2006. — № 5. — С. 77—80.
3. Винеvская А. В. Педагогические технологии: вопросы теории и практики внедрения. — Ростов н/Д : Феникс, 2014. — 256 с.
4. Деревянко И. От проекта к проекту — путем самостоятельного поиска знаний // Директор школы. — 2007. — № 5. — С. 69—75.
5. Иванов Д. И. Метод проектно-проблемного обучения // Директор школы. — 2007. — № 6. — С. 97—103.
6. Кашлев С. С. Интерактивные методы обучения. — Минск : ТетраСистемс, 2013. — 224 с.
7. Пономарев Я. А. Психология творческого мышления. — М., 1960.
7. Сластенин В. А. Проектирование содержания педагогического образования: гуманистическая парадигма. — М., 2000. — С. 229—247.

Материал поступил в редакцию 2 декабря 2015 г.

A LEGAL PROJECT TECHNOLOGY AS AN INTERACTIVE FORM OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE

VLADIMIROVA Elena Valentinovna — Senior Lecturer at the Department of the English Language
No 2, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
keng2@msal.ru
109117, Russia, Moscow, Okskaya Str., 22/2 - 100

Review. *One of the main tasks of higher legal education is to provide future lawyers with effective functional knowledge of foreign languages and develop their foreign language communicative competence. Innovative technologies allow us to achieve considerable success in mastering the maximum amount of knowledge, maximum creativity, practical skills and abilities. Project activities are seen as a didactic method which helps to develop cognitive legal skills based on individual and collective creative mind, and also contributes to the improvement of social and creative skills necessary for the process of socialization. The article gives an explanation of the didactic concept as a creative mind, as well as an analysis of various types of project technologies used in interactive learning process in law schools when teaching a foreign language. The author defines the goals and challenges facing every kind of project method, describes the features of the research, search, creative, predictive and analytical project activities. The article describes the requirements and the procedure for the protection of the projects prepared by students of the Kutafin Moscow State Law University and indicated differences between the project technology from other types of interactive educational process such as discussion and brainstorming. Based on the analysis of project works of the students of Moscow State Law Academy the authors conclude that this technology contributes to the formation of foreign language competence in the course of professionally focused foreign language courses.*

Keywords: *technological innovations, interactive learning, cognitive legal skills, didactic principles of teaching, project technology, functional role positions, foreign language competence, collective creative mind.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Aganina T. A., Balashova G. V., Shabajkina L. R. Inostrannyj jazyk v pravovedenii : rabochaja programma discipliny. — M. : Izdatel'skij centr Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGJuA), 2015. — 52 s.*
2. *Verbickij A. A., Larionova O. G. Metod proektov kak komponent kontekstnogo obuchenija // Shkol'nye tehnologii. — 2006. — № 5. — S. 77—80.*
3. *Vinevskaja A. V. Pedagogicheskie tehnologii: voprosy teorii i praktiki vnedrenija. — Rostov n/D : Feniks, 2014. — 256 s.*
4. *Derevjanko I. Ot proekta k proektu — putem samostojatel'nogo poiska znaniy // Direktor shkoly. — 2007. — № 5. — S. 69—75.*
5. *Ivanov D. I. Metod proektno-problemnogo obuchenija // Direktor shkoly. — 2007. — № 6. — S. 97—103.*
6. *Kashlev S. S. Interaktivnye metody obuchenija. — Minsk : TetraSistems, 2013. — 224 s.*
7. *Ponomarev Ja. A. Psihologija tvorcheskogo myshlenija. — M., 1960.*
7. *Slastenin V. A. Proektirovanie soderzhaniya pedagogicheskogo obrazovanija: gumanisticheskaja paradigma. — M., 2000. — S. 229—247.*

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ И ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ МАТЕРИАЛАМ И ИХ ОФОРМЛЕНИЮ

Более подробная информация содержится на сайте журнала: arpr-msal.ru

1. В журнале публикуются результаты научных исследований и научные сообщения авторов, изложенные в форме научных статей или рецензий в соответствии с тематикой журнала (далее — статья).
2. К сотрудничеству приглашаются авторы — ведущие специалисты, ученые и практики. При прочих равных условиях преимущественное право на опубликование имеют:
 - профессорско-преподавательский состав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) — перед сотрудниками иных вузов и научных учреждений;
 - лица, имеющие ученые степени, — перед аспирантами и соискателями.
3. Один автор может опубликовать в течение года не более трех своих статей. Все исключения необходимо заранее согласовывать с редакцией.
4. Направление автором статьи для опубликования в Журнале считается акцептом, т.е. согласием автора на заключение Лицензионного договора о передаче права использования статьи в журнале «Актуальные проблемы российского права». Содержание договора опубликовано на сайте журнала, в разделе «Авторам».
5. Автор направляет в редакцию журнала статью согласно условиям и порядку предоставления и опубликования статей, а также требованиям к оформлению статей, размещенным на сайте Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). При несоблюдении указанных требований редакция оставляет за собой право вернуть статью автору без рассмотрения.
6. Требования к содержанию и объему статьи:
 - объем статьи должен составлять от 15 до 25 тыс. знаков (с пробелами, с учетом сносок) или 10–15 страниц А4 (шрифт — Times New Roman, высота шрифта — 14 пунктов; межстрочный интервал — полуторный, абзацный отступ — 1,25 см, поля: левое — 3 см, правое — 1,5 см, верхнее и нижнее — 2 см). Опубликование материалов меньшего или большего объема должно согласовываться с редакцией журнала;
 - статья должна быть написана на актуальную тему, отвечать критерию новизны, содержать определенное новаторство в подходе к изучаемой теме/проблеме;
 - в статье должны быть отражены результаты научного исследования, основанного на анализе теоретических конструкций, нормативных актов, материалов правоприменительной практики;
 - материал, содержащийся в статье, не должен быть только описательным, констатировать существующее положение вещей (статьи, значительная часть которых содержит воспроизведение нормативного материала, будут отклоняться);
 - в материале должна быть соблюдена фактологическая и историческая точность;
 - необходимо обращать внимание на аккуратное использование заимствованного материала, точность цитирования.
7. Следует точно указывать источник приводимых в рукописи цитат, цифровых и фактических данных.
8. При оформлении ссылок необходимо руководствоваться библиографическим ГОСТом 7.0.5-2008. Ссылки оформляются в виде постраничных сносок (размещаются в тексте как подстрочные библиографические ссылки), нумерация сплошная (например, с 1-й по 32-ю). Сноски набираются шрифтом Times New Roman. Высота шрифта — 12 пунктов; межстрочный интервал — одинарный. Знак сноски в тексте ставится перед знаком препинания (точкой, запятой, двоеточием, точкой с запятой). Пример оформления смотрите на сайте журнала.

Ссылки на иностранные источники следует указывать на языке оригинала, избегая аббревиатур и по возможности максимально следуя таким же требованиям, как и при оформлении библиографии на русском языке.

Ссылки на электронные ресурсы следует оформлять в соответствии с библиографическим ГОСТом 7.82–2001. Необходимо указывать заголовок титульной страницы ресурса, полный адрес местонахождения ресурса и в круглых скобках дату последнего посещения веб-страницы.
9. При оформлении списка литературы (библиографии) необходимо руководствоваться библиографическим ГОСТом 7.1-2003. В библиографическом списке не указываются правовые источники (нормативные акты, судебные решения и иная правоприменительная практика). Пример оформления смотрите на сайте журнала.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

ПИ № ФС77-125128 от 28 июля 2006 г.

ISSN 1994-1471

Подписка на журнал возможна с любого месяца. Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» — 11178

Вниманию авторов!

Отдельные материалы журнала размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

*При использовании опубликованных материалов журнала ссылка
на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.*

*Полная или частичная перепечатка материалов допускается только
по письменному разрешению авторов статей или редакции.*

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Научное редактирование: *М. В. Баукина*

Корректурa: *А. Б. Рыбакова*

Компьютерная верстка: *Т. В. Серёгина*

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Адрес редакции: 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Тел.: (499) 244-85-56. E-mail: actprob@msal.ru

Сайт: <http://aprp-msal.ru>

Подписано в печать 30.06.2016 г. Объем: 26,50 усл.печ.л., формат 60x84/8.

Тираж 250 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная.

Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)